Яков Брюс

Филимон Александр Николаевич

Имя одного из ближайших сподвижников Петра Великого Якова Вилимовича Брюса, первого российского ученого, дипломата, крупного военного и государственного деятеля, несмотря на огромную роль, которую он сыграл в петровских преобразованиях, мало известно широкому кругу читателей. Первый президент Берг- и Мануфактур-коллегии, заложивший основы российской промышленности, основатель российской артиллерии, один из создателей Санкт-Петербургской академии наук, Яков Брюс был самым просвещенным из окружения Петра.
Между тем этот ученый муж стал излюбленным героем народных преданий, мифов и легенд, рисующих его как чернокнижника, мага и астролога.
Так кем же был Яков Брюс на самом деле? Почему его имя оказалось забытым историками? На эти и другие не менее интересные вопросы отвечает настоящая книга.
знак информационной продукции 16+

Александр Филимон
Яков Брюс

ВСТУПЛЕНИЕ

Его жизнь мало известна широкому кругу читателей. К сожалению, он надолго оказался вычеркнутым из российской истории. Хотя нельзя сказать, что о Брюсе ничего не было известно совсем.

В первых изданиях о Петре Великом, вышедших в России в 1770–1780-е годы, Брюс постоянно присутствует в качестве одного из сподвижников царя-преобразователя. Это касается и книги историка М. М. Щербатова «Журнал или поденная записка, Блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира», и «Разсказов Нартова о Петре Великом».

В рассказах Нартова есть интересная история, особо характеризующая Якова Брюса как ученого-скептика: «Генералъ-Фельдцейгмейстеръ графъ Брюсъ мужъ былъ ученый, упражнялся въ высокихъ наукахъ и чрезъестественному не верилъ. Его величество, любопытствуя о разныхъ въ природе вещахъ, часто говаривалъ съ нимъ о физическихъ и метафизическихъ явленияхъ. Между прочимъ былъ разговоръ о святыхъ мощахъ, которыя онъ отвергалъ. Государь, желая доказать ему нетление чрезъ Божескую благодать, взялъ съ собою Брюса въ Москву и въ проездъ чрезъ Новгородъ зашелъ съ нимъ въ соборную Софийскую церковь, въ которой находятся разныя мощи, и показывая оныя Брюсу, спрашивалъ о причине нетления ихъ. Но какъ Брюсъ относилъ сіе къ климату, къ свойству земли, въ которой прежде погребены были, къ бальзамированию телесъ и къ воздержной жизни и сухоядению или пощению, то Петръ Великий, приступи наконецъ къ мощамъ святаго Никиты, архіепископа Новгородскаго, открылъ ихъ, поднялъ ихъ изъ раки, посадилъ, развелъ руки и, паки сложивъ ихъ, положилъ потомъ спросилъ: „Что скажешь теперь, Яковъ Даниловичъ? Отъ чего сіе происходить, что сгибы костей такъ движутся, яко бы у живого, и не разрушаются, и что видь лица его, аки бы недавно скончавшагося?“

Графъ Брюсъ, увидя чудо сіе, весьма дивился и въ изумлении отвечалъ: „Не знаю сего, а ведаю то, что Богъ всемогущъ и премудръ“. На сіе государь сказалъ ему: „Сему-то верю и я и вижу, что свесткия науки далеко еще отстаютъ отъ таинственнаго познания величества Творца, котораго молю, да вразумить меня по духу. Телесное, Яковъ Давиловичъ, такъ привязано къ плотскому, что трудно изъ сего выдраться“».
Из цитаты просматривается Брюс — ученый, скептик, недоверчиво относящийся к чудесам.
А вот в известном четырехтомном издании Я. Штелина «Анекдоты о Петре Великом», вышедшем в те же 1780-е годы, о Брюсе не упоминается вовсе.
В начале XIX века в России начинают издаваться труды историков и исследователей в разных научных дисциплинах.
В 1821 году выходит первая часть исследования Д. Н. Бантыш-Каменского «Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование Государя Императора Петра Великого». Здесь впервые была представлена статья о Брюсе, правда, не столько о полководце, сколько о государственном деятеле, принимавшем активное участие в петровских преобразованиях.
В 1820-е годы Я. В. Брюс попадает в число литературных героев. В своих произведениях великий русский поэт А. С. Пушкин характеризует его по-разному: в «Полтаве» (1828) Брюс — один из активных участников Полтавской битвы, а в повести «Арап Петра Великого» (1827) Яков Вилимович представлен как ученый и как человек, «которого в народе называли русским Фаустом».
В 1840 году выходит в свет новая работа Д. Н. Бантыш-Каменского «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов», где вновь в первом томе представлена статья о генерал-фельдмаршале Я. В. Брюсе.
В 1840 году И. И. Лажечников пишет роман «Колдун на Сухаревой башне», где Яков Вилимович предстает как человек, который звезды на небе переставлять умеет, вершит судьбами людей на земле и постоянно использует тайные знания.
В 1849 году в Санкт-Петербургской типографии Карла Крайя издаются сочинения драматурга Н. И. Хмельницкого (1788–1845), где во втором томе публикуется не издававшаяся при жизни автора пьеса-комедия «Русский Фауст, или Брюсов кабинет». В пьесе через народные предания, фольклор и забавные ситуации, в которых участвуют главные герои, высмеиваются суеверные представления о загадочности личности графа Брюса и нелепости всех мистических рассказов о нем.
В 1854 году, побывав в усадьбе Я. В. Брюса в Глинках, известный историк И. Е. Забелин публикует статью «О судьбах Брюсовского дома», где высказывает обеспокоенность тем; что незаслуженно забыто имя одного из ближайших сподвижников Петра Великого и в запустении находится его усадьба. А еще через пять лет выходит большой труд Забелина «Летописи русской литературы и древности». В первом томе он представляет статью «Библиотека и кабинет графа Я. В. Брюса». Статья сопровождается небольшим представлением Якова Вилимовича в качестве сподвижника Петра I с обязательным добавлением народных легенд и преданий, которые «до сих пор еще ходят… и в самой Москве, а особенно в околотке его подмосковном». В статье приведена часть реестра с перечнем библиотеки из кабинета Я. В. Брюса. Полный список научного кабинета Я. В. Брюса появился только в 1889 году в пятом томе «Материалов для истории Императорской Академии наук».
В те же 1850-е годы выходит ряд статей о Петре и его сподвижниках, а затем и многотомное издание «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова, где приводится большое количество документов, связанных с Петром и Я. В. Брюсом. На

тот период времени это была наиболее полная история Петровской эпохи, где Брюсу уделялось немаловажное место как одному из ближайших сподвижников Петра.
В 1862 году печатается труд П. П. Пекарского «Наука и литература в России при Петре Великом». Рассказывая о календарях, издававшихся в России в начале XVIII века, автор представляет Брюса, добавляя при этом, что, живя в детстве в отдаленной провинции, слышал много рассказов о нем мистического характера (Пекарский родился в 1827 году). Однако, приводя документы и письма Брюса Петру, Пекарский дает ему характеристику как человеку ученому, занимавшемуся переводческой и издательской деятельностью, непосредственно участвовавшему в петровских преобразованиях и военных событиях. Особенно впечатляют автора астрономические опыты Брюса. В том же 1862 году появляется статья преподавателя Московского университета профессора И. М. Снегирева «Сухарева башня», где он, приводя народные предания, рассказывает о черных отреченных книгах, которые были положены в Сухареву башню чернокнижником. Под этим чернокнижником понимается Я. В. Брюс. Вспоминаются легенды о том, как Брюс занимался предсказаниями в оборудованной им обсерватории на Сухаревой башне.
В 1866 году в типографии Главного артиллерийского управления Артиллерийским комитетом начинает издаваться «Артиллерийский журнал». В трех номерах этого журнала выходит очень подробное исследование жизни и деятельности второго генерал-фельдцейхмейстера в русской армии Якова Вилимовича Брюса. Автор публикации М. Д. Хмыров всесторонне подходит к представлению Брюса, рассказывая о его военных заслугах, прежде всего как создателя российской артиллерии, как активного участника петровских преобразований, ученого и дипломата, занимавшегося переводческой, издательской и организаторской деятельностью.
В конце XIX века в журнале Министерства народного просвещения появляется обширная статья исследователя Ф. Керенского «Древнерусские отреченные верования и календарь Брюса». В этой статье всесторонне рассматривается влияние, которое оказали самые различные еретические и мифологические идеи русского общества на издание, получившее название «Первобытный Брюсов календарь», вышедший в 1875 году.
В XX веке необходимо отметить «золотой век краеведения» — так называют период 1920-х годов, время, когда проводились исследования по изучению местного фольклора, были созданы краеведческие организации: Общество изучения русской усадьбы (1921) и комиссия «Старая Москва» (1922). На волне борьбы за сохранение исторического наследия в первые годы советской власти появлялись интересные публикации, связанные с Брюсом. Среди них повесть А. В. Чаянова «Невероятные приключения графа Бутурлина...», в которой Брюс предстает как некое мистическое существо, живущее в доме на Разгуляе спустя более полувека после смерти. В этой фантасмагории автор представляет Брюса предсказателем, играющим судьбами людей, колдуном, пользующимся тайными знаниями и услугами покойников с Ваганьковского кладбища.
В 1928 году впервые издаются «Легенды о графе Брюсе, собранные и записанные Е. З. Барановым». Издателем этих легенд выступила краеведческая комиссия «Старая Москва». Собиратель легенд использовал народные устные рассказы, которые были популярны в то время в Москве.
В конце 1940-х — начале 1950-х годов выходят исследования из истории развития российской астрономии. Это прежде всего работа академика В. Г. Фесенкова «Очерк истории астрономии в России в XVII–XVIII столетиях» и фундаментальный труд

В. Л. Ченакала «Очерки по истории русской астрономии. Наблюдательная астрономия в России XVII и начала XVIII в.». Ведущее место в этих исследованиях отводится Я. В. Брюсу как создателю первых астрономических обсерваторий в России в начале XVIII века, изготовителю приборов и инструментов для астрономических наблюдений, исследователю, который выступает в качестве наставника Петра Великого в наблюдательной астрономии. При этом подчеркивается, что, несмотря на издание входящих в моду в то время астрологических календарей, «обвинения Брюса в астрологии ни на чем не основаны. Брюс был совершенно свободен от астрологических предрассудков и не относился серьезно к календарным предсказаниям». Однако «астрологический» след в биографии Я. В. Брюса оказался очень жизнестойким. Так, в 1989 году А. Вронский назвал Я. В. Брюса основателем всей астрологической школы в России, основываясь на ставшем легендарным «Брюсовом календаре».

Вторая половина XX века обозначилась большей частью исследованиями наследия ученого, особенно его библиотеки, работа по изучению которой продолжается и по сей день.

Основной акцент на исследовании библиотеки сделал Л. М. Хлебников в статье «Русский Фауст», опубликованной в журнале «Вопросы истории» в 1965 году. Но, пожалуй, наиболее фундаментально библиотека Я. В. Брюса была исследована С. П. Лупповым в работе «Книга в России в первой четверти XVIII века» (1973). При этом исследователь большое внимание уделил первым петровским школам, в создании которых Брюс принимал активное участие.

Наконец, в 1989 году вышла книга под редакцией Е. А. Савельевой «Библиотека Я. В. Брюса», в которой приводится перечень книг, принадлежавших Брюсу и хранящихся в настоящее время в Библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге.

Только в конце 1960-х — начале 1970-х годов начались исследования жизни и деятельности Я. В. Брюса. Эту работу возглавили краевед А. Ф. Ерофеева (1916–2008), архивист В. В. Синдеев (1933–2006), художник и переводчик В. И. Зотов (1924–2006), которым удалось с помощью большого количества помощников — историков и москвоведов, практически «открыть» Брюса для широкого круга любителей отечественной истории, составить его биографию. Усилиями этих людей фактически и был создан Дом-музей Я. В. Брюса, проработавший в Глинках 15 лет, с 1991 по 2006 год. Автор этой книги был директором этого музея.

Нельзя не отметить огромную роль, которую сыграли в определении роли Я. В. Брюса в становлении российской артиллерии исследования, проведенные сотрудниками Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Санкт-Петербурге. Прежде всего это заместитель директора музея С. В. Ефимов и руководитель архива Л. К. Маковская. Их труд воплотился в жизнь изданием личных писем Я. В. Брюса. К настоящему времени изданы четыре тома писем за 1704–1708 годы. Работа эта продолжается, и, уверен, дальнейшие издания писем Брюса не заставят себя долго ждать.

Письма Брюса — это документы бурной эпохи преобразований и расширения научных значений в обществе, где роль Якова Вилимовича как ученого вырисовывается достаточно выпукло и значимо. Однако за последние годы на головы читателей, радиослушателей и телезрителей обрушился целый вал информации о Брюсе — колдуне и чернокнижнике, маге и чародее, астрологе и масоне.

В 1997-м в журнале «Наука и религия» в статье «Тайная миссия Якова Брюса» К. А. Диланян причислила Якова Вилимовича к ордену тамплиеров, а Л. А. Мацих в

своих выступлениях на радио и телевидении в 2009–2011 годах с уверенностью утверждал, что Брюс был первым русским масоном.
Кем же был Я. В. Брюс на самом деле? Почему существует разная и диаметрально противоположная информация о нем? Отчего в учебниках по отечественной истории ему не нашлось места? Почему Я. В. Брюс оказался практически вычеркнутым из российской истории?
Постараемся ответить на эти вопросы и воссоздать, опираясь на документы и исследования историков, биографию этого необыкновенного человека, государственного и военного деятеля, дипломата и ученого, который через несколько десятилетий после смерти превратился в глазах россиян в колдуна и чернокнижника. А поскольку герой наш действительно уникален, необычен будет и рассказ о нем, где факты биографии перемежаются мифами и легендами.

Глава 1
КОРНИ И КРОНА

Истоки

Происхождение рода, представителем которого был Яков Вилимович Брюс, всегда интересовало российских историков. Однако невозможность проведения исследований в архивах Западной Европы ограничивала расширение фундаментальной работы в этом направлении. Только в наше время такая возможность появилась благодаря одному из российских потомков рода Ирине Алексеевне Блайс (Blyth) (урожденной Либерман).
Ее многолетние изыскания раскрывают древность и знатность этого рода. Собранный из архивов Шотландии и других европейских стран объемный материал в скором времени будет опубликован полностью. Здесь же очень коротко представим результаты исследований, касающихся происхождения рода Брюс и их истории до приезда в Россию отца героя книги Вильяма Брюса в 1647 году.
Ранняя генеалогия рода Брюс прослеживается в архивных документах вплоть до IX века нашей эры, мифологическая же часть, отраженная в исландских сагах, уходит в глубокие VI и VII века. Согласно сагам и основательным поискам известного исландского историка Снорри Стурлусона (1179–1241), также выходца из рода Брюс, его основателем был Оркнейский Ярл (граф) Бруси (ум. 1031), один из сыновей Оркнейского Ярла Сигурда Стойкого.
Предки Бруси были выходцами из Кневланда — страны, описанной Тацитом и лежащей между Лапландией и Швецией.
Вожди одного из кневландских племен осваивали в VI веке территорию Скандинавии и балтийские острова, а в VII–VIII веках участвовали в открытии и заселении неосвоенной территории современной Норвегии.
Пращур Бруси, граф Рогнвальд Могущественный, советник и родич первого короля Норвегии Харальда Прекрасноволосого (872 — ок. 933), в начале X века получил от него в подарок Оркнейские острова, расположенные между материковой Шотландией и архипелагом Шетландских островов. С тех пор в течение двух веков представители рода жили на этих островах.
Сыновьями Рогнвальда были Ролф (Ролло) и Эйнар-Торф. Первый, именуемый в христианстве Робертом, в 912 году завоевал Нормандию и стал основателем династии нормандских герцогов — предков Нормандской династии английских королей. Второй — сын рабыни из Курземе (современной Латвии) — стал пращуром рода Брюс.

Это близкое родство и содействовало перемещению в XI веке представителей рода во Французскую Нормандию, ко двору нормандских герцогов.
Наиболее выдающимся из Оркнейских Ярлов называют сына Бруси Рогнвальда Брусисона (1012–1046), который совершил первый в истории рода «бросок в Россию», сопровождая в 1028 году норвежского короля Олава (Олафа) Святого, искавшего защиты от врагов у киевского князя Ярослава Мудрого. Рогнвальд остался в России, женился на сводной сестре Ярослава Мудрого Ольге (Ологии) и, возглавив варяжское войско Ярослава Мудрого, одержал «9 побед над печенегами» в 1030–1036 годах, надолго отогнав их от границ Киевской Руси. Был назначен губернатором крепости Альде(гор)бург (Старая Ладога). Спас от гибели и раненого доставил в Россию будущего короля Норвегии Харальда Сурового.
По линии матери Рогнвальд Брусисон являлся племянником жены Ярослава Мудрого — Ирины и пользовался особым доверием его семьи.
Когда норвежским послам нужно было вывезти в Скандинавию сына Олафа Святого, Магнуса, оставленного отцом на Руси, Ярослав поручил это Рогнвальду. Оркнейский Ярл встретил послов в Ладоге, посадил их на русские телеги и сопроводил гостей ко двору Ярослава. Затем он доставил в Ладогу Магнуса, а оттуда пошел вместе с послами и сыном Олафа на корабле в Норвегию. Киевский двор помог Магнусу Доброму (1035–1047), так же как ранее обоим Олафам, а затем и Харальду Суровому, занять норвежский престол. В 1046 году Рогнвальд Брусисон был убит своим дядей, Торфином, претендовавшим на его владения.
Сыновья Рогнвальда Волдемар и Бруси (в крещении Роберт де Бруси) после гибели отца уже не вернулись на Оркнеи. Первый остался на родине матери, в России, став в дальнейшем основателем русских родов князей Щербатовых и князей Моложских. (Среди немногих генеалогических документов из архива Я. В. Брюса есть хранящаяся в Библиотеке Академии наук развернутая Генеалогическая таблица князей Моложских, нарисованная его рукой.)
Роберт де Бруси был назначен советником своего родственника Роберта, герцога Нормандии, потомка Ролло. Он был женат на Эмме, дочери Алана, графа соседней с Нормандией французской провинции Бретань. Выстроил крепость, носящую его имя, в окрестностях Шербурга и Валогны.
Его сын, также Роберт де Бруси, и внук Адам де Бруси начали новую, британскую историю рода. Адам (Адельм), стал первым, кто освоил новую, британскую, а затем и шотландскую землю как свою новую родину.
В 1066 году Адам со своим отцом и братом Вильямом был в войске Вильяма Завоевателя, состоящем из двухсот рыцарей. После покорения Англии и утверждения новой, Нормандской королевской династии семейству Брюс достались обширные наделы земли в округе Йорка, в Суссексе, Эссексе и др.
Вражда с местными, английскими лордами заставила Адама и его потомков искать поддержки у шотландского королевского двора, представители которого, включая шотландских королей, выбирали в жены в основном нормандских принцесс. Так Брюсы оказались с ними в родстве, войдя в число шотландских лордов, земельных магнатов, владеющих землей не только в Англии, но и в Шотландии, включая большое имение и земли Эннандейл, у юго-западной границы страны.
В XIII веке в Шотландии представители рода стали претендовать на королевский престол, ибо король Шотландии Александр II (1214–1249), не имея в начале своего правления наследника, объявил Роберта Брюса (1210–1295) Соискателем — наследником короны, в связи с тем что Брюс был родственником графа Хантингдона,

брата короля Вильяма I Льва Шотландского (1143–1214). Однако рождение у короля сына Александра III (1249–1286) не позволило Соискателю взойти на престол.
Претензии семейства Брюс на корону возобновились после внезапной гибели Александра III и смерти в 1290 году его наследницы, юной принцессы Маргарет.
Из одиннадцати претендентов, имевших по родству преимущественное право на престол, королем Шотландии стал Джон Балиоль (1249–1314), который отказался от вассального подчинения английскому королю Эдварду I, что привело Шотландию к войне с Англией.
Позиция сына Соискателя, Роберта Брюса, при шотландском дворе упрочилась после его женитьбы на Марджори, графине Кэррик, последней представительнице древнего кельтского рода, весьма почитаемого в Шотландии. Но в условиях наступившего противоборства двух стран и одновременного владения землей в Англии и Шотландии Брюсу необходимо было выбирать, кому принести присягу и оказывать военную поддержку — королю-победителю Эдварду I или слабому королю-сопернику Джону Балиолю. Он выбрал Англию и лишился, таким образом, своих шотландских владений. В отместку за помощь англичанам король Джон Балиоль передал владения Эннандайл в руки своего родича и наследника Джона Комина.
В 1296 году шотландское войско Балиоля было разгромлено, сам он бежал во Францию и отказался от борьбы. Шотландия перешла в вассальное подчинение английскому королю. Была уничтожена королевская печать, увезены в Лондон национальные архивы, Камень Судьбы из Скона доставлен в Вестминстерский собор, шотландские бароны обязывались воевать в английской армии.
Однако на борьбу с англичанами поднялся весь шотландский народ во главе с Вильямом Уоллесом (ок. 1270–1305). Партизанская война Уоллеса, ставшего по воле народа протектором Шотландии, продолжалась около восьми лет, пока из-за предательства одного из нормандских баронов, Ментейта, он не был захвачен англичанами и жестоко казнен.
Роберт Брюс (1274–1329), будущий король Шотландии, сначала выступил, как и его отец, на стороне англичан, поскольку Уоллес, не претендуя на корону, действовал под стягом Балиоля — соперника Брюса. Отсюда и полное равнодушие и даже последующее долгое недоверие к кандидатуре Роберта при его самопровозглашении королем в 1306 году.
Дальнейшие события приняли иной оборот.
Отказавшись от своих английских владений — земель, замков и крепостей и даже разорвав связи со своим отцом, губернатором крепости Карлайл в Англии, Брюс решительно перешел на сторону восставших шотландцев. Он начал противостоять англичанам с малым отрядом сопротивления. Потребовались долгие годы испытаний, скитаний по стране в качестве непризнанного «короля без королевства», потери друзей и родных, партизанской войны, противостояния соперникам, чтобы он, англо-нормандский лорд Роберт Брюс, заслужил Доверие и стал новым лидером шотландцев, возглавил шотландскую армию, сумевшую в народном сопротивлении и в большой битве европейского масштаба дать отпор первоклассной английской армии, доказав Европе и своей стране, что он «Good King Robert» (избранный народом король).
«Героическая легенда короля Роберта I Брюса», дошедшая до наших дней, появилась лишь на завершающем этапе его борьбы, после битвы при Баннокборне в июне 1314 года. Страна признала Брюса своим лидером и королем шотландцев. Он показал не только свой военный и организаторский талант, но и полное понимание интересов

нации, свою способность управлять страной, вновь ставшей свободной и независимой.
После смерти Роберта I Брюса, а затем в 1371 году и его сына, короля Давида II, мужское потомство рода Брюс продолжилось лишь в ветви рода Брюс оф Клакманнан, основателем которой был брат короля Роберта I Томас, казненный Эдвардом I в 1307 году. Его сын Томас (ок. 1305–1358) владел земельным наделом в округе Клакманнан по праву члена королевской семьи.
В 1359 году король Давид II, нуждаясь в военной и особенно финансовой поддержке со стороны своих баронов (чтобы выплатить громадную сумму выкупа Англии за свое освобождение), отдал свой замок, крепость и королевские земли округа Клакманнан своему юному племяннику, Роберту Брюсу (ок. 1353–1403), присвоив ему титул барона оф Клакманнан. Опекуном юного барона он назначил его дядю по матери, Джона Эрскина, выделив ему землю в Аллоа, находящемся по соседству с Клакманнан.
Семь поколений предков российских Брюсов были выходцами из семейства Брюс оф Клакманнан. Женами представителей рода становились, как правило, дочери соседних лайрдов (владельцев земель) или близких к королевскому двору — Стюартов, Моррей, Ливингстонов.
От Брюса оф Клакманнан произошли другие, побочные линии — Брюс оф-Айрт, Эрлсхолл, Киннайрдо и др. Многие из них пресеклись с отсутствием мужских потомков. Чтобы не лишиться титулов или наследства, дальние родственники с иной фамилией меняли свою фамилию на почетную «Брюс», или родные передавали свое право наследования в другую семью, отдаленную, не имеющую званий и собственности, как поступил, например, в начале XVIII века граф Элгин и Эйлсбери, не желавший возвращать свой титул и владения короне, передав их своему племяннику, сменившему ради наследства фамилию.
Линия Клакманнан прервалась в 1772 году со смертью последнего шотландского Брюса оф Клакманнан — Генри Брюса (1700–1772), служившего с 1720 по 1724 год в России под покровительством Я. В. Брюса. Род был разорен, имение и земли Клакманнан проданы. Эта линия, Брюс оф Клакманнан, не оставила заметного следа в истории. Хроники фиксировали, как в семействе Клакманнан за столетия, прошедшие с XIV века, былые «королевские корни» заметно теряли силу. В последующих поколениях жизнь и дела их представителей, за немногими исключениями, остались лишь на страницах архивов, но не на страницах истории. Однако представителей этого семейства чтили, как чтят национальные реликвии в память о поворотном моменте национальной истории. По традиции, в семье мужских потомков рода хранились шотландские национальные реликвии: двуручный меч короля Роберта I и его шлем с поля битвы при Баннокборне.
Я. В. Брюс, с его талантом исследователя, знал историю предков, в частности описание героической борьбы Вильяма Уоллеса. В его библиотеке была книга Джона Блейера, рассказывающая о борьбе шотландцев в конце XIII — начале XIV века (Blair, John. The life and Acts of the most famous and valiant Champion, Sir William Wallace. Pr. by J. Bryson at Edinburgh. 1640).
Яков Вилимович изучал историю Британии и ее правителей, о чем свидетельствует еще одна книга из его библиотеки английского историка Ричарда Бейкера (Baker, Richard. A chronickle of the Kings of England from the time of the Romans Government into the Deathof King James. L. 1665).
Для Брюса исторические документы шотландских предков представляли богатый материал, который он использовал в своей деятельности на благо России.

Яков Брюс и его старший брат Роман были достаточно хорошо осведомлены о шотландских родственных связях. Однако не «наследственное» баронское или «королевское происхождение» способно было формировать их как личности, а другие, реальные и сильные факторы, такие как суровый опыт жизни деда и прадеда, мужество и стойкость отца и матери, с честью выдержавших испытания на прочность в чужой стране и передавших детям большой жизненный потенциал.
Шотландские архивы дают представление о трех поколениях предшественников российских братьев Брюс: отце — Вильяме, деде — Роберте и прадеде — Джеймсе, ставших участниками бурных событий, связанных с Реформацией.
Большую роль в их судьбах сыграл полковник сэр Хенри Брюс (ок. 1578 — после 1648). Прадед Джеймс Брюс (род. 1583) упоминается в дипломе на графское достоинство Я. В. Брюса, выданном в 1721 году. Джеймс Брюс оказался младшим, четвертым незаконнорожденным сыном седьмого барона Клакманнан. Сэр Хенри Брюс был его сводным братом. Вместе они участвовали в кровопролитной и долгой освободительной войне Нидерландов против испанского владычества.
Дед Якова Вилимовича, Роберт Брюс (ок. 1602–1651), — участник войны в Нидерландах и Тридцатилетней войны (1618–1648), неудачной «Экспедиции в Кадии», где он воевал прапорщиком в полку родного дяди, сэра Хенри Брюса, а затем в войне с Францией. Роберт Брюс умер в Кингхорне (округ Файф), оставив небольшую сумму денег своей дочери Маргарите, сестре Вильяма Брюса и своему младшему сыну Александру.
О Вильяме Брюсе, отце Якова Вилимовича, сведений сохранилось немного. Он родился в начале 1620-х годов, не получил образования. В ранней молодости, с 1638 года, участвовал в военном движении Конвента, а затем в роялистской армии Монтроза. Владел участком земли вместе со своим отцом Робертом на севере страны, под Фрезербургом. Затем арендовал участок земли в Файфе, где жили его близкие, в том числе его ближайший родственник, дед Питера Хенри Брюса (1692–1758), «любимого племянника» Якова Вилимовича, который по его приглашению прибыл в Россию в 1711 году и 13 лет служил под его покровительством, а затем стал автором известных «Мемуаров...», рассказывающих о его службе в России, Пруссии, Великобритании, путешествиях по Германии, России, Татарии, Турции и Вест-Индии.
Заслуги упомянутого выше полковника сэра Хенри Брюса, последние годы бывшего важной фигурой в секретной службе короля Чарлза I, сделали его хорошо известным в Гааге (Нидерланды), где базировался двор голландского штатгальтера Вильяма Оранского.
По протекции сэра Хенри, находящегося в Гааге в то время, когда там формировался отряд наемных офицеров на русскую службу, и попал Вильям, судя по документам, в последний момент перед отправкой отряда в Россию.
Этому предшествовала эпопея участия Вильяма в походах и битвах роялистской армии великого шотландского патриота Джеймса Монтроза.
В сентябре 1645 года после серии блестящих побед над армией Аргайла армия Монтроза потерпела сокрушительный разгром под Филипхохом. Гражданская война в Шотландии была исключительной по жестокости с обеих сторон — пленных убивали на месте, не щадя даже работавших в лагере женщин. За этим поражением последовало и поражение роялистов под Насеби (Нейсби), на территории Англии. Король предпочел сдаться шотландцам, чем солдатам Кромвеля. Однако все попытки шотландцев заключить соглашение с королем о признании пресвитерианства на всей территории Британии, о запрещении епископата и ослаблении абсолютной монархии

ни к чему не привели. И короля передали в руки Круглоголовых — тем был подписан его смертный приговор.
Впереди была жестокая военная оккупация Шотландии войсками Кромвеля, ненавистная шотландцам англиканская церковь и религиозный абсолютизм столь же ненавистных епископов.

Прибытие Вилима Брюса в Москву и его служба в России
В грамоте, данной руководителю русской делегации сотнику И. Д. Милославскому и следовавшему с ним дьяку И. П. Байбакову, говорилось о найме мастеровых, способных строить водяные мельницы и изготавливать мушкеты, о военных офицерах («капитанов добрых»), которые могли бы управлять солдатским строем, «о солдатах добрых же самых ученых людей дватцети человек».
В Европе, охваченной Тридцатилетней войной, спрос на военных специалистов был высок. Особенно ценились шотландские военные за храбрость и доблесть.
В августе 1647 года иностранцы, среди которых был Вилим Брюс, прибыли в Архангельск. При подходе к Архангельску корабль, на котором они плыли, затонул и документы нанятых офицеров пропали. В связи с этим дьяк И. П. Байбаков сообщает в «Сказке» (объяснительной записке), что Брюс выехал «порутчиком из Галанской земли».
14 октября 1647 года военные специалисты были доставлены в Москву.
Надо отметить, что отношение к иностранным специалистам в то время в России было особое. И их прибытие в страну, и даже заключенный договор на военную службу совсем не означали, что правительство будет исполнять свои обязательства перед иностранцами, о чем красноречиво свидетельствуют письма Франца Лефорта, который прибыл в Архангельск в составе группы офицеров, нанятых на русскую службу, в августе 1675 года. Четыре месяца (в зимнее время!) группу иностранцев без содержания продержали в Архангельске до решения вопроса об их дальнейшей судьбе, и только в декабре после челобитной, поданной на имя царя, им было разрешено выехать в Москву «на своих проторях и подводах». В феврале офицеры прибыли в Москву, а 4 апреля им было отказано в службе. Только к лету офицеров стали зачислять на должности инженеров и военных специалистов.
После прибытия в Москву мытарства путешественников не закончились. Несмотря на то что 1 ноября был издан указ, в котором говорилось «…бытии им ныне у Государя на дворе и видеть ево царские очи… маеору и капитаном… порутчиком… прапорщиком да солдатом, да стволовому мастеру… Государь велел спросить о здоровье и пожаловал к руке», условия для несения службы в Москве для многих иностранцев были неприемлемыми. Дело в том, что многие из них отправились в Россию с семьями.
С января по май 1648 года иностранные офицеры, прибывшие вместе с В. Брюсом, обращались к царю с «Челобитными», в которых сообщали о невзгодах, приключившихся с ними на Русской земле, о том, что они с женами и детьми вынуждены «болтаться меж двор, просить подаяния и нищенствовать». Они просили царя увеличить им содержание. Возможно, ввиду того что Вилим Брюс прибыл в Россию без семьи, он одним из первых согласился на те условия содержания, которые предложило новое отечество.
В качестве иллюстрации об отношении к иностранцам в Москве приведем отрывок из «Дневника» Патрика Гордона, прибывшего в Москву в 1661 году: «Здесь… я убедился, что на иноземцев смотрят как на сборище наемников и в лучшем случае (как говорят о женщинах) — necessaria mala (неизбежное зло (лат.). — А. Ф.); что не стоит ожидать

никаких почестей или повышений в чине, кроме военных, да и то в ограниченной мере, а в достижении оных более пригодны добрые посредники и посредницы, либо деньги и взятки, нежели личные заслуги и достоинства; что низкая душа под нарядной одеждой или кукушка в пестром оперении здесь так же обыкновенны, как притворная или раскрашенная личина; что с туземцами нет супружества; что вельможи взирают на иностранцев едва ли как на христиан, а плебеи — как на сущих язычников; что нет индигената без отречения от былой веры и принятия здешней; что люди угрюмы, алчны, скаредны, вероломны, лживы, высокомерны и деспотичны — когда имеют власть, под властью же смиренны и даже раболепны, неряшливы и подлы, однако при этом кичливы и мнят себя выше всех прочих народов».
Патрик Гордон был обескуражен требованием от него взятки только за то, что дьяк должен был выполнить распоряжение боярина о выдаче жалованья ему и его подчиненным, также прибывшим служить в Москву.
В течение семи лет службы в полку Александра Лесли с жалованьем пять алтын в день В. Брюс выше чина прапорщика не поднялся. Лишь в 1654 году задалась его военная карьера. Во время войны против Речи Посполитой он участвует в походе на Смоленск и быстро продвигается по службе. Об осаде Смоленска он писал: «...под Смоленском на многих выласках и на приступех был...», причем оказался в самой горячей точке сражения. «И за тое Смоленскую службу Великого Государя по имянному указу из капитанов пожалован в маеоры».
В следующем, 1655 году Вилим Брюс был пожалован в подполковники и под командованием Лесли участвовал в походе под Вильну, где поляки были разбиты, а в конце июля 1655 года Вильна была взята.
В 1656 году начались военные действия против Швеции, напавшей с севера на Речь Посполитую. Брюс сообщает, что «во 164 (1656) году из Москвы послан на службу Великого Государя под Ригу и з дороги изс под Полоцка з боярином Семеном Лукьяновичем Стрешним (Стрешневым) послан... под Динаборк... А из под Динаборка пришли под Куконаус и Куконаус приступом взяли. И после того был под Ригою». Здесь при осаде Риги Брюс получил ранение «и на выласке в трех местах ранен: в левую ногу да правый бок». П. Гордон утверждает, что осада Риги осуществлялась самолично царем, который вернулся в Москву с частью войск только после снятия осады, продолжавшейся шесть недель.
В 1658 году В. Брюс после двухлетнего пребывания в Смоленске «по имянному указу за тое военную службу и за раны на Москве пожалован он изс подполковников в полковники в салдацкой же строй...».
Так, через четыре года после начала военных действий Вилим Брюс дослужился от прапорщика до полковника русской армии. «И послан на службу Великого Государя в Курск с полком. И после того был в Болхове и во Белеве. И по указу Великого Государя тот ево полк в Белеве роздал по разным приказом в стрельцы, а ему по указу Великого Государя и по грамоте велено быть к Москве с начальными людьми. И с Москвы послан в Смоленск с полком».
Полк Брюса принимает участие в военных действиях под Могилевом в 1660 году, где входил в подчинение князя Ю. А. Долгорукого.
В 1664 году полковника Брюса «пулькою ранили тяжелою увечною раною» под селом Сигновичи, в Смоленском уезде.
После этого полковник Брюс в военных действиях не участвует.
По всей вероятности, в 1666 году Вилим Брюс женился. Письма Я. В. Брюса и его старшего брата Романа «братцу» Андрею Инглису, написанные в 1705–1706 годах после взятия Нарвы, дают повод считать, что мать Якова Брюса первым браком была

замужем за Юрием Инглисом, умершим в 1665 году. Брюс тогда получил земли в пригороде Нарвы, а Андрей Инглис был назначен комендантом Нарвы. Кстати, в письме указывается, что Брюс подарил сестре Инглиса Елене, бывшей замужем за Н. Н. Балком, дом.

До 1672 года Вилим Брюс жил в Смоленске, владея пожалованными ему двором и землями в Смоленском уезде. При переформировании смоленских полков он был переведен в Москву. Все его поместья и вотчины в Смоленском уезде были отписаны на государя в 1673 году.

Живя в Немецкой слободе в Москве, В. Брюс до 1679 года участвует в ежегодных весенних смотрах. Здесь в Москве выросли его дети, получили образование, которое позволило им впоследствии стать крупными военными и государственными деятелями. Вопрос о возможности получения образования в Москве подробно освещается в исследованиях В. А. Ковригиной, которая пишет, что еще до Петра I в царствование Алексея Михайловича жители Немецкой слободы создавали школы при культовых учреждениях (кирхах, костелах), были подобные школы и в отдельных кварталах слободы, нанимались домашние учителя, гувернеры. Следовательно, получившее впоследствии распространение в России домашнее образование в Немецкой слободе существовало еще до Петра I. Здесь, пожалуй, важен не сам термин «домашнее образование», которое предполагает обучение ребенка на дому нанятым для этого учителем, а само содержание процесса обучения, в ходе которого учитель практически передает не только свои знания, а жизненный опыт, «работая» в непосредственном контакте с учеником. Так обучали своих детей иностранные специалисты, селившиеся в Немецкой слободе. В. А. Ковригина называет Романа и Якова Брюсов жителями слободы, родившимися и выросшими здесь. Более того, она утверждает, что оба брата не только учились в Немецкой слободе, но впоследствии там и преподавали.

Немецкая слобода была островком Европы на территории Москвы, причем разноплеменные насельники ее во всем поддерживали друг друга. Не исключено, что после смерти Вилима Брюса в 1680 году его дети оказались на воспитании кого-то из иностранцев, живших по соседству.

Старший брат Якова Брюса

У Вилима Брюса было трое детей. Его старшая дочь Елизавета, вероятно 1667 года рождения, впоследствии вышла замуж за полковника Джона Трейдона. Умерла она в 1694 году.

Старший сын — Роман (1668–1720) был женат на Сарре-Элеоноре, которая родила ему пятерых детей, двое из которых умерли во младенчестве. Именно сын Романа — Александр (1704–1760) стал наследником Я. В. Брюса. Дочь Романа Наталья вышла замуж за полковника Р. Р. Боура, сына участника Полтавской баталии, а другая дочь, Елизавета (Доротея Елизавета), — за генерала В. В. Фермора, ставшего главнокомандующим русской армией во время Семилетней войны (1756–1763). Именно по этой линии Ферморов исследователям удалось проследить родословную до современности.

О Романе Вилимовиче сохранилось немного информации, хотя с 1704 по 1720 год он занимал пост обер-коменданта Санкт-Петербурга. К тому же во многих исследованиях, путая братьев Романа с Яковом, как правило, приписывают сделанное старшим братом Якову Вилимовичу. Это вполне объяснимо, поскольку Яков Брюс добился гораздо большего, нежели его старший брат Роман.

Приведем несколько эпизодов из военной биографии Романа Брюса.

В 1704 году, когда главные силы русской армии были сосредоточены в районе Дерпт — Нарва, шведское командование, желая отвлечь часть русских сил от этого района, планировало нанести по Петербургу комбинированный удар с суши и с моря. Командующий войсками в Петербурге обер-комендант крепости генерал-майор Р. В. Брюс, получив сведения, что на реке Сестре обнаружен восьмитысячный отряд шведов под командованием генерала И. Майделя, принял срочные меры по защите города. У берега Невы, на Березовом острове, были возведены укрепления. На Большой Неве сосредоточили весь имевшийся флот.

2(13) июля войска генерала Майделя подошли к Неве и остановились против того места, где были возведены укрепления. Линия обороны на Городском острове с батареями была построена за одну ночь. Созданием этой линии обороны и ее командованием руководил Р. В. Брюс. Шведы открыли сильный артиллерийский огонь, продолжавшийся четыре часа. Русские мужественно отражали нападения врага. Майдель отступил и занял позицию за рекой. Одновременно в направлении Петербурга двинулся и шведский флот. 12 (23) июля к Котлину подошла эскадра де Труа с десантом в одну тысячу человек. Неприятель попытался высадиться на Котлине. Отряд Р. В. Брюса хотя и был небольшим, но оказал шведам упорное сопротивление, после чего они повернули обратно, не достигнув поставленной цели.

В первых числах августа Майдель предпринял новое наступление. Его войска расположились недалеко от развалин Ниеншанца и оттуда стали угрожать Петербургу. Майдель отправил Брюсу ультиматум с требованием сдать город, угрожая в противном случае взять его силой. Роман Брюс с достоинством ответил: «Мне очень странно предложение господина генерал-поручика уступить вверенную мне всемилостивейшим моим государем и царем крепость: не угодно ли господину генерал-поручику удалиться в свою землю, а меня таким писанием пощадить?»

Брюс с частью петербургского гарнизона и пушками выступил навстречу противнику. Русские войска расположились на левом берегу Невы, против устья Охты. Шведы по наведенному мосту сумели переправиться через Охту, но закрепиться здесь им не удалось. Майдель был вынужден отступить.

Летом 1705 года шведское командование предприняло новую попытку овладеть Петербургом комбинированной атакой с моря и суши. Но и на этот раз замысел противника не осуществился. Сильная неприятельская эскадра в составе двадцати двух вымпелов под командованием адмирала Анкерштерна безуспешно пыталась овладеть Кроншлотом, уничтожить русский флот и прорваться к Петербургу. Историк XIX века А. С. Чистяков писал: «…чтобы затруднить плавание и частью с целью обмануть шведов, поперек всего фарватера, перед русским флотом были устроены плавучие рогатки, которые держались на якорях и издали, с моря походили на мачты, вбитые в землю, или мачты затопленных кораблей, так что казалось, будто никакого проезду нет».

Правда, А. С. Чистяков допустил неточность, приписав фокус с рогатками, имитировавшими мачты затопленных кораблей, Якову Вилимовичу Брюсу. (Кто как не легендарный Яков Брюс мог такое придумать!) Но это сделал его старший брат Роман.

Неудачными были действия и десятитысячного отряда шведов во главе с И. Майделем. Его намерение захватить Шлиссельбург и атаковать Петербург с суши было сорвано активной обороной русских войск во главе с генералом Р. В. Брюсом. Шведы понесли большие потери и были отброшены к Выборгу. Так, обер-комендант Санкт-Петербурга Роман Вилимович Брюс смог отстоять важный форпост России в устье Невы.

Шведский генерал-лейтенант Майдель писал 24 июля 1704 года: «Петербург очень хорошо основан и укреплен, его положение таково, что он может стать одновременно и сильной крепостью, и процветающим торговым городом…» Эта справедливая оценка будущей столицы России была подтверждена деятельностью таких военных и государственных деятелей, каковым был обер-комендант Санкт-Петербурга Роман Вилимович Брюс.

Роман Вилимович прикладывает максимум усилий при строительстве крепости и города. Он собирает каменщиков и плотников со всей Новгородской области. Санкт-Петербург строили солдаты и осужденные преступники. На Брюса это возлагало особую ответственность.

Недалеко от крепости, на правом берегу Невы, был построен Домик Петра, кроме этого были выстроены Зимний и Летний дворцы. (Эти сооружения были деревянные и большой роскошью не отличались.) Во многом это соответствовало вкусу Петра I, который особо не терпел просторных комнат и высоких потолков. Саженях в двадцати пяти от Домика Петра был построен обширный дом для губернатора Санкт-Петербурга, светлейшего князя А. Д. Меншикова, он назывался посольским, потому что Петр принимал здесь иностранных послов.

За домом Меншикова стояли дома Г. И. Головкина, Я. В. Брюса, П. П. Шафирова, заложенные в 1704–1705 годах.

Романа Брюса связывали с А. Д. Меншиковым не только служебные отношения: начальник — подчиненный. Совершенно очевидно, что отношения были и дружескими. Не случайно, когда у Романа Брюса в 1704 году родился сын, его крестным отцом стал светлейший князь.

Обер-комендант Санкт-Петербурга не только строил и защищал город. Он командовал воинскими частями, воевавшими в Прибалтике и Финляндии.

В 1710 году Роман Брюс в звании генерал-майора командует частями при осаде Выборга. Ему было поручено самое сложное в инженерном отношении место осады. В 12 верстах от Выборга, в самом узком месте пролива Тронгзунд, необходимо было построить два шанца — выдвинутые укрепления, на которых разместится батальон солдат, — а затем соорудить береговые батареи, которые должны были воспрепятствовать подходу шведского флота на помощь осажденной крепости.

Работы проводились в условиях сильных морозов на каменистом грунте. Для возведения брустверов приходилось использовать даже мешки с шерстью.

Блокировка Выборга с западной стороны Р. В. Брюсом и с восточной — войсками генерала Беркгольца обеспечила полную изоляцию Выборга от Финляндии.

Осада Выборга завершилась капитуляцией крепости без Штурма 13 июня 1710 года. После этого генерал-майор Р. В. Брюс с войсками был переброшен под Кексгольм (Корелу). Овладение этой крепостью на противоположной стороне Карельского перешейка должно было закрепить победу под Выборгом. После более чем двухмесячной осады 8 сентября 1710 года гарнизон Кексгольма капитулировал.

За участие в этих походах Роман Брюс был награжден парсуной — портретом Петра, усыпанным алмазами.

В 1713 году Р. В. Брюс, командуя пехотным полком численностью в четыре тысячи человек, принимает участие в высадке русского десанта на реке Пелкина. Эта операция особая. Командующий десантным отрядом генерал-лейтенант М. М. Голицын перед началом операции впервые в военной истории разрабатывает письменную диспозицию об атаке десанта в озерных условиях. Кроме того, в этом бою русские войска применили новые для того времени способы ведения боя: сочетание фронтального удара с обходом фланга противника путем высадки десанта,

решительный штыковой удар, атака колонной. Причем фронтальный удар в центр неприятельской армии нанесли после переправы на плотах пехотные полки Головина и Брюса.
После этого генерал Р. В. Брюс в составе десанта под командованием М. М. Голицына принимает участие в сражении при Лапполо 19 февраля 1714 года, где была одержана блестящая победа над шведами.
После смерти генерал-лейтенант Р. В. Брюс был похоронен на территории Петропавловской крепости у собора Святых Петра и Павла. Это была первая могила на Комендантском кладбище.

Племянник Брюса
Сын Романа Брюса принадлежал уже к третьему поколению российских Брюсов. В отличие от своих дяди и отца он был православным человеком.
Именно он унаследовал состояние, а в 1740 году и графский титул дяди. Это произошло потому, что у самого Якова Брюса дети умерли во младенчестве. Первая дочь Маргарита прожила всего месяц: родилась в феврале, а умерла в марте 1698 года, вторая — Наталья родилась в январе 1708-го, а умерла в июне 1709 года, о чем в своем письме после победы под Полтавой Яков Вилимович с прискорбием сообщил старшему брату. Жена Я. В. Брюса, Маргарита фон Мантейфель, умерла в 1728 году.
Александр Романович дослужился до звания генерал-лейтенанта и пользовался особым расположением А. Д. Меншикова. Служил в гренадерском полку. При этом во время опалы Меншикова нисколько не пострадал. В 1740–1741 годах занимал должность вице-губернатора Москвы. Был трижды женат, и все его жены — представительницы знатных боярских фамилий — Долгоруковых и Колычевых.
Первая жена — Анастасия Михайловна, дочь действительного тайного советника Михаила Владимировича Долгорукова, получила в качестве приданого дом на Большой Никитской улице. Об этом здании по Москве ходили легенды, что это дом Брюса, имея в виду главного героя нашей книги. На самом деле в этом доме Я. В. Брюс мог быть только на свадьбе своего племянника.
После смерти Анастасии Михайловны в 1745 году А. Р. Брюс делает предложение Екатерине Алексеевне Долгоруковой, известной «государыне-невесте». 30 ноября 1729 года, будучи семнадцати лет от роду, юная княжна была обручена с четырнадцатилетним Петром II, а свадьба назначена на 12 января 1730 года, на Святки. Однако император неожиданно в начале января простудился и заболел. Свадьба была отложена на 19 января. Но течение болезни осложнилось, а новый диагноз прозвучал как приговор — оспа. И в назначенный день свадьбы, в 3 часа 45 минут пополуночи, император скончался. Е. А. Долгорукова вместе с родственниками была отправлена в Сибирь, в Березов. Лишь в 1742 году, в царствование дочери Петра I императрицы Елизаветы, она вновь была приближена ко двору. А в 1745 году граф А. Р. Брюс вторым браком женился на Екатерине Алексеевне. Правда, этот брак оказался коротким. Графиня Брюс скончалась в возрасте тридцати пяти лет в 1747 году.
Третья жена графа Александра Брюса была намного его моложе. Представительница известной боярской фамилии Наталья Федоровна Колычева (1730–1777) пережила своего мужа на 17 лет и была похоронена в Глинках рядом с Александром Романовичем.
После А. Р. Брюса владения перешли к его сыну Якову Александровичу (1729–1791), человеку, имя которого требует также особого разговора.

Внучатый племянник Якова Вилимовича

Получив домашнее воспитание, Я. А. Брюс был записан солдатом в лейб-гвардии Семеновский полк в 1744 году, произведен в прапорщики в 1750 году, в подпоручики в 1751 году, через четыре года в поручики. Обладая большим состоянием, Брюс обратил на себя внимание Румянцевой, которая устроила 27 мая 1751 года его брак со своей дочерью Прасковьей Александровной. Затем Брюс участвовал волонтером в войне Франции с Пруссией в армии первой, но после битвы при Россбахе императрица Елизавета приказала отозвать всех русских, находя, что русским офицерам неприлично состоять на службе в армии, столь постыдно разбитой. Участвуя после этого с полком в Семилетней войне, Брюс отличился храбростью в сражении при Гросс-Егерсдорфе и был произведен в полковники 25 января 1758 года, а затем, в 1759 году, за блокаду крепости Кюстрина и битву при Цорндорфе — в бригадиры.

При вступлении на престол Петра III Брюс 28 декабря 1761 года стал секунд-майором лейб-гвардии Семеновского полка, через два дня — генерал-майором, а через несколько недель (в феврале 1762 года) награжден орденом Святой Анны.

Со вступлением на престол Екатерины II Брюс, благодаря особому расположению, которым пользовалась его супруга у императрицы, быстро продвигался по службе. Он был произведен в чин генерал-поручика и 14 мая 1769 года награжден орденом Святого благоверного князя Александра Невского. При начале первой турецкой войны Брюс находился в армии князя Голицына, командовал частями войск первой линии и участвовал в сражениях под Хотином в 1769 году, особенно жестоких 29 августа и 6 сентября, где Брюс с трудом удерживал натиск турок. После того как Голицын был отозван и на его место назначен граф П. А. Румянцев, брат его жены, Брюс получил в командование 3-ю дивизию и принимал участие в сражении при Ларге, находясь на левом фланге главного каре. В последовавшей затем битве при Кагуле 21 июня 1770 года он был направлен для атаки в тыл правого фланга турецкого ретраншемента. При этом турки окружили со всех сторон каре Брюса и Репнина, храбро и стойко державшихся, пока в результате действий Румянцева турки не потерпели полного поражения. Получив после битвы при Кагуле приказание Румянцева двинуться с отрядом к Фальчи, чтобы спешить к штурму Бендер, сообразуя свое движение с отрядом генерала Глебова, Брюс дошел 1 сентября до Фальчи и остановился ввиду сильного разлития реки Прут от дождей, причем мосты были снесены. Румянцев приказал ему двинуться немедленно далее. Хотя Брюс это и исполнил и дошел до Текуча, но, не имея должного сношения с отрядом Глебова, дал туркам возможность отступить к Фокшанам и, опасаясь один встретиться со значительными силами турок, не решился идти далее; этими действиями Брюс навлек на себя гнев Румянцева, который ему написал между прочим: «<…> мне остается жалеть только о невозвратном времени, когда я должен узнавать, сколько отсутственные мои распоряжения не производят своих действий; всякое мое повеление лежит на моем ответе; напротив, ваше сиятельство одну должность имеете — все то исполнять, что вам повелевается, а за другое, кроме неисполнения приказанного, не потребуется от вас ответа». Брюс обиделся на это письмо, сказался больным, сдал команду Глебову и скоро отправился в Киев, а затем в Петербург, где был пожалован в генерал-адъютанты.

В 1771 году Брюсу было поручено, по случаю свирепствовавшей в Москве чумы, принять меры для предотвращения появления этой болезни в Петербурге. Брюс принялся за дело энергично, учредил карантины между двумя столицами, строго следил за приезжающими, запретил всякий вывоз товаров из пунктов, зараженных

чумой, приказал осматривать и окуривать все привозимые товары и т. д.; благодаря таким мерам чума в Петербург не проникла.
Произведенный в 1773 году в генерал-аншефы, Брюс командовал войсками финляндской дивизии ввиду войны со шведским королем Густавом III. Хотя эта война и не ознаменована особыми успехами нашего оружия на сухом пути, тем не менее Брюс вскоре был награжден орденом Святого апостола Андрея Первозванного и после почти одновременной кончины генерал-губернаторов в обеих столицах (князя Александра Голицына в Петербурге и графа Захара Чернышева в Москве) был назначен на их место генерал-губернатором обеих столиц и главнокомандующим войсками в Москве.
Из дошедшей до нас переписки императрицы Екатерины с Брюсом, относящейся к этому периоду его деятельности, можно заключить, что градоначальник являлся только исполнителем предписаний императрицы, указывавшей ему постоянно на предметы, о которых он должен был бы озаботиться и сам по своей должности. Из тех же писем видно, что в бытность Брюса начальником Москвы производилась постройка различных казенных зданий, завершалось строительство Всесвятского каменного моста, благоустраивалась Красная площадь, очищался Охотный Ряд, в разломе стены, окружавшей Белый город, устраивались площади для торга и т. д. 7 октября 1785 года Брюс получил указ императрицы проинспектировать московские школы на предмет качества обучения Закону Божьему, насколько точно преподаются догматы православной веры, по каким книгам проводятся занятия, не допускаются ли суеверия, развращения и соблазны. Брюс составил особую комиссию из двух светских профессоров и двух лиц духовного звания и доносил Екатерине, что по осмотру комиссии ничего предосудительного не выявилось, хотя открылось, что во многих пансионах Закон Божий преподается небрежно.
Будучи человеком суровым, Брюс резко осуждал действия своего предшественника на посту градоначальника, графа Чернышева, и в особенности по отношению к масонам-мартинистам. Он прямо заявлял, что «будет делать зло мартинистам, ибо Императрица считает их подозрительными, и что вообще солидным людям неприлично принадлежать к их обществу».
В 1786 году Брюс представил императрице допросные пункты, данные руководителю этой группы Н. И. Новикову, и его на них ответы, а также доносил ей, что у Новикова все книги опечатаны и у него более не имеется других экземпляров.
Брюса в Москве не любили за его суровость, да и сам он был недоволен пребыванием в городе, где «застарелые обычаи и тьма предубеждений», и благодарил Безбородко в 1786 году за исходатайствованное у императрицы разрешение ему приехать в Петербург. После этого, 26 июня 1786 года, Екатерина II подписала, по его просьбе, указ об увольнении его от должности, занимаемой им в Москве, так что он остался только генерал-губернатором в Петербурге, продолжая пользоваться расположением императрицы.
В 1788 году Брюс был назначен главнокомандующим в столице и Петербургской губернии, однако должен был производить дела под собственным ведением ее величества. В этом звании Брюс особенной деятельности не проявил. «Яков Брюс да не тот», — писали о нем современники, сравнивая его со знаменитым дедом, героем нашей книги. Сохранились нелицеприятные воспоминания, характеризующие личность этого человека, о том, что он внес предложение о радикальном способе борьбы с ворами: на лбу у преступников выжигать слово «вор». Когда же в качестве возражения ему говорили о возможной ошибке в ходе следствия, Брюс хладнокровно

парировал: если подследственный окажется невиновным, то достаточно добавить на его лбу две буквы «не».
В 1784 году Я. А. Брюс выкупил у вдовы бывшего губернатора Чернышева здание на улице Тверской, дом 13, и перестроил его в резиденцию губернатора. С тех пор на этом месте находятся органы управления столицы: до революции — резиденция московских губернаторов, в советский период — Моссовет, а ныне — правительство Москвы. Именно здесь от здания Тверская, 13, до Большой Никитской улицы проходит Брюсов переулок, названный по фамилии владельцев здешних зданий Александра Романовича и Якова Александровича Брюсов.
В советское время этот переулок стал улицей, названной в честь певицы А. В. Неждановой. С возвращением исторических названий этой улице вернули ее прежнее наименование. В связи с чем неискушенные в краеведении москвичи спрашивали, «как можно было заменить великую актрису Нежданову на поэта Валерия Брюсова», не зная, что Брюсовым переулок стал еще в XVIII веке.
Как показали исследования, это совпадение фамилий великого русского поэта и героя нашей книги не случайно, поскольку дед Валерия Брюсова по имени Кузьма был крепостным крестьянином на оброке, жил в Костромской губернии и принадлежал Я. А. Брюсу. После указа Екатерины II от 10 сентября 1769 года, позволившего крестьянам заниматься коммерческой деятельностью и предпринимательством, он стал торговать и вскоре уже владел довольно крупной торговлей. Накопив приличное состояние, он выкупился у Якова Александровича. В его вольной указывалось, что он Брюсов крестьянин. Так, бывший крепостной стал основателем довольно известной в XIX — начале XX века династии московских купцов Брюсовых. Правда, унаследовал его торговлю старший сын Авива. Младший, Яков, отец поэта, не стал предпринимателем. Однако именно в конце XIX века, когда многие купцы и богатые предприниматели стали искать возможность породниться со знатными фамилиями, была сочинена семейная легенда с использованием созвучия фамилий о родстве купцов Брюсовых со знаменитым Я. В. Брюсом, сподвижником Петра I. В своих мемуарах поэт Валерий Яковлевич утверждал, что является его потомком.
О статс-даме Екатерины Великой Прасковье Александровне Румянцевой-Брюс написано немало. Ее портрет можно найти в историческом романе В. С. Пикуля «Фаворит», в книгах Г. М. Петрова «Румянцев-Задунайский» и О. Д. Форш «Радищев», в художественных произведениях и серьезных исторических исследованиях.
Отец Прасковьи Александровны, будучи капитаном гвардии Петра Великого, выполнял особые поручения русского Царя. Достаточно вспомнить, что П. А. Толстому и А. И. Румянцеву было поручено обнаружить за границей и доставить в Россию царевича Алексея.
Старший брат знаменитой статс-дамы Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725–1796) известен как выдающийся полководец, генерал-фельдмаршал, автор «Обряда службы». В его подчинении долгие годы служил и выдвинулся как гениальный полководец А. В. Суворов.
Прасковья Александровна умерла в 1786 году и похоронена в родовой усадьбе Брюсов — Глинки. Надгробие, установленное на ее могиле, выполнено скульптором И. П. Мартосом и относится к числу лучших работ великого мастера.
Яков Александрович Брюс умер в 1791 году, похоронен в Александро-Невской лавре. К сожалению, захоронение не сохранилось.
Это был представитель четвертого поколения Брюсов в России.
Пятое поколение оказалось последним.

Трагедия богатой наследницы

Сын Прасковьи Александровны и Якова Александровича Брюсов Иван умер в раннем возрасте.

Дочь Екатерина, родившаяся в конце 1775 года, осиротела в пятнадцатилетием возрасте и оказалась наследницей огромного состояния. Е. П. Карнович отмечает: «Екатерина II хотела женить Мамонова (своего фаворита. — А. Ф.) на графине Брюс и в 1789 году писала ему: „дочь графа Брюса составляет в России первейшую, богатейшую и знатнейшую партию, женись на ней“». Отношение москвичей к богатствам Е. Я. Брюс и Н. П. Шереметева выразил одной фразой Н. Н. Бантыш-Каменский в письме 1 декабря 1792 года князю А. Б. Куракину, имея в виду Шереметева: «Москва его женит на Брюсовой».

Однако судьба распорядилась иначе. Незадолго до смерти Я. А. Брюс обратился к другу генерал-фельдмаршалу Валентину Платоновичу Мусину-Пушкину с просьбой взять под опеку Екатерину. В 1793 году опекун выдает Екатерину замуж за своего сына Василия Валентиновича, ее троюродного брата, который добивается того, чтобы к его фамилии в 1796 году была добавлена приставка «Брюс». Видимо, знатность и богатство рода, которых удалось достичь к тому времени четырем поколениям Брюсов, очень прельщали мужа Екатерины. Брак с Мусиным-Пушкиным-Брюсом оказался несчастливым, так как мужа совершенно не интересовала молодая жена, а Екатерину тяготили родственные узы с мужем (к моменту свадьбы он являлся троюродным братом Екатерины). В письме императору Александру I в 1804 году она писала, что брак «...по степени родства крови был совершен против законов супружества... против правил святых отец». В 1796 году она уехала в Италию.

После смерти императрицы Екатерина Яковлевна обратилась с прошением к Павлу I, где сообщила: «<...> уведомилась я что муж мой вступил без ведома моего в наследственные мои права и принял фамилию отца моего». В начале 1800 года она подает прошение, «чтобы имения ея разделено было на три части, из которых одну назначала она для своего содержания, другую в пользу мужа, а остальную на уплату состоящих за ея долгов». Однако Павел I на это прошение повелел 19 мая 1800 года «имение привести в законное положение и уничтожив все сделки... с законными правами не согласныя возразить его в ея пользу, долги заплатить не касаясь частей имения праву последних в роде принадлежащаго... определить опекунами сенаторов Державина и Алябьева». Так известный поэт и отец будущего композитора становятся опекунами Екатерины Яковлевны и приводят в порядок ее имения.

В 1804 году Екатерина приезжает в Москву и подает на имя императора Александра I прошение о расторжении брака. В просьбе было отказано. Екатерина Яковлевна, вернувшись в Италию, через поверенного начинает продажу земель и имущества, принадлежавших ей в России. В этот период она занимается благотворительной деятельностью. Через Санкт-Петербургский банк в России с 1818 года ее пожизненными пенсионерами стали как минимум 55 человек, и кроме того, значительная сумма была ею положена в том же банке на счет Санкт-Петербургского Николаевского сиротского института. В Италии Екатерина Яковлевна вступила в гражданский брак, в котором у нее родились двое сыновей — графы Гритти, Камилл и Александр. Им она и завещала все свое состояние. Умерла Е. Я. Мусина-Пушкина-Брюс в Париже в 1829 году. С ее смертью пресеклась российская ветвь рода Брюсов.

Глава 2
ЯКОВ ВИЛИМОВИЧ БРЮС

Датой рождения Якова Вилимовича традиционно считают 1670 год. Эта информация, полученная на основании ошибочных предположений, переходит из издания в издание в энциклопедии и справочники в течение двух столетий. Однако смеем утверждать, что Яков Вилимович Брюс родился 1 (11) мая 1669 года.
Основой для уточнения даты при проведении исследований в наше время стал текст надгробной проповеди пастора Фрейнгольда, прозвучавшей при захоронении Я. В. Брюса 14 мая 1735 года, обнаруженной В. В. Синдеевым и А. Ф. Ерофеевой, которые по дням просчитали дату рождения Брюса, имея в качестве исходных данных день смерти — 19 (30) апреля 1735 года и продолжительность жизни — 65 лет 11 месяцев и 18 дней, указанных Фрейнгольдом. После сложных расчетов, учитывающих смену летоисчисления в 1700 году и прочие перемены, была получена дата рождения — 1 (11) мая 1669 года. Данные расчеты проводились в 1980-е годы. Подтверждений или опровержений их точности с тех пор опубликовано не было.
Вместе с тем 8 ноября 1998 года на выставке «Петр Великий и Москва», организованной ведущими музеями страны в Третьяковской галерее, впервые было представлено погребальное знамя Брюса, хранящееся в запасниках Государственного исторического музея. Это полотнище размером три на два метра имеет изображение герба графа Брюса и дату рождения — 1 мая 1669 года. Следовательно, расчеты исследователей оказались точными.
Правда, для самих сотрудников ГИМа наличие такого вещественного исторического источника не стало аргументом, поскольку рядом с полотнищем был выставлен портрет Я. В. Брюса с датой рождения — 1670 год. Такая же оплошность повторилась и на выставке 2009 года, устроенной по поводу трехсотлетия появления календарей в России. По утверждению создателей экспозиции, автор первого календаря в России родился в 1670 году. Велика сила стереотипов.
Еще одно заблуждение в биографии Якова Брюса касается места его рождения. Во многих публикациях пишут, что он появился на свет во Пскове, поскольку полк Вилима Брюса в то время находился в этом городе. Однако, как удалось выяснить архивисту В. В. Синдееву, полк под командованием Вилима Брюса с 1656 года был расквартирован в Смоленске и участвовал в 1660 году в военных действиях под Могилевом. В 1664 году полковника Брюса (он получил звание полковника в 1658 году) «пулькою ранили тяжелою увечною раною» под селом Сигновичи в Смоленском уезде. После этого полковник Брюс в военных действиях участия не принимал.
В Смоленске он жил до 1672 года, владея пожалованными ему в 1654 году двором и землями в Смоленском уезде. При переформировании смоленских полков он был переведен в Москву, где, собственно, и жила его семья. Все поместья Вилима Брюса в Смоленском уезде были отписаны на государя в 1673 году. Таким образом, местом рождения Якова Брюса могут быть как Москва, так и Смоленск.
Подтверждением того, что Вилим Брюс жил в последние годы в Москве, является его участие до 1679 года в ежегодных весенних смотрах. Здесь в Москве, в Немецкой слободе, выросли его дети и получили хорошее образование. В Москве Вилим Брюс и скончался в 1680 году.

Начало военной службы

О начале военной службы Якова Брюса также существует известный миф, по которому Яков и его старший брат Роман начали военную службу в потешных полках Петра 1 в 1683 году. Однако на поверку и этот миф не подтверждается документально.

Более того, он опровергается тем, что нигде не упоминаются звания Якова или Романа, которые они могли иметь в потешных. А ведь эти звания (например, сержант Семеновского полка или бомбардир Преображенского полка) сохранялись за офицером или генералом на протяжении всей его службы, подчеркивая, что тот или иной военный был в потешных Петра, а значит, еще в ранней юности монарха состоял в его команде.
Для того чтобы понять, что братья Брюсы никак не могли Участвовать в потешных полках в 1680-е годы, достаточно вспомнить, кто привлекался юным царем для участия в них. Об этом сообщает в статье «Потешные полки Петра Великого», опубликованной в 1882 году в журнале «Русский архив», исследователь П. Дирин. Он пишет, что конюхи, спальники, стольники, стряпчие, комнатные и постельные истопники могли служить в потешных только частным, так сказать, образом, в угождение молодому царю. Царский конюх мог быть одновременно потешным солдатом, мог быть пожалован в капралы без всякого отношения к приказным бумагам, по которым он продолжал значиться по-прежнему. Петру не на что было содержать потешных солдат из посторонних, чужих людей. Он мог набирать солдат сначала только из своих придворных служителей, которые, поступая к нему на потешную службу, продолжали числиться в прежних своих должностях придворных и получать прежние определенные им оклады.
Так, например, первые преображенцы Сергей Бухвостов и Яким Воронин назывались в тогдашних бумагах стряпчими конюхами, Лука Хабаров в 1687 году числился постельным истопником, а в 1691 году потешным конюхом, будучи между тем много лет уже, до 1689 года, «фатермистром Преображенского полка». Точно так же и семеновец Никита Селиванов называется в бумагах стольником.
По этим же причинам было затруднено привлечение военных специалистов из числа служивших в регулярной армии иностранных и русских военных специалистов. Заметим при этом, что молодой царь уже к 1689 году имел боеспособные части, готовые стать его защитой, что эти полки и продемонстрировали во время Стрелецкого бунта.
Кстати, с 1693 года название «потешные» по отношению к этим полкам более не применяется. Они называются Семеновским и Преображенским. Поэтому знаменитый Кожуховский поход 1694 года, который в народе принято называть потешным, на самом деле таковым не был. Это были настоящие маневры, учения, накануне серьезного испытания — первого Азовского похода.
А что же братья Брюсы?
Получив приличное по тем временам образование, оба брата в 1686 году начинают военную службу с низших офицерских чинов. Принимают участие в Крымских походах 1687 и 1689 годов.
За первый Крымский поход оба брата получили награды — «…по ползолотому в золотом», поместья в 120 четей земли и от 8 до 30 рублей деньгами.
За участие во втором Крымском походе Яков Брюс пожалован поместьем в 130 четей земли и 15 рублями.
Знакомство братьев Брюсов с Петром I произошло после второго Крымского похода, во время Стрелецкого бунта. Братья оказались в отряде иноземцев, прибывшем под командованием генерала Патрика (Петра Ивановича) Гордона (1635–1699) в Троицкий монастырь. Яков Брюс в этом отряде служил поручиком.
В связи с этим нельзя не вспомнить телепередачу на канале «Звезда», выпущенную в 2006 году. Авторы сюжета о Брюсе «Тайны времени» заметили между прочим:

«Поддержка Брюса обеспечила победу Петра в противостоянии с Софьей». Молодой поручик обеспечивает победу?! — Чушь!
В упомянутой передаче телезрителям сообщили множество различных выдумок. Чего стоит, например, приписываемая Брюсу и используемая в качестве эпиграфа к сюжету фраза: «Читаю в звездах тайну бытия, судьбу людей, прошедшее и будущее время…» Автор этой фразы С. Безбородный, сочинивший за Брюса уже в наше время «Астрологическую карту Москвы». Рассказывая о разрешении конфликта между Петром и Софьей, он пишет: «Брюсу было всего 19 лет, когда он астрологически точно рассчитал время для удачного штурма, лично поехал за Петром в Сергиев Посад, привез его в Москву. При поддержке полковника Лефорта они одержали победу и заточили Софью! Кто знает, как сложилась бы судьба Петра и России, не вмешайся в ход событий профессиональный астролог…» Нужно ли объяснять, что это опять-таки полнейшая чепуха. Петр Алексеевич познакомился с Францем Яковлевичем Лефортом лично, только когда тот с «горсткой солдат пришел в Троицкий монастырь». Именно после этих событий, в 1689–1690 годах, посещая в Немецкой слободе ставшего ему другом и старшим товарищем генерала Патрика Гордона, царь подружился с Францем Лефортом (1656–1699).
За поход к Троицкому монастырю, где участвовал и отряд иноземцев, которые и «государское здоровье оберегали и в людских харчах и в конских кормах великую нужду и убытки терпели», Брюс был пожалован поместьем от 160 до 270 четвертей земли и деньгами от 16 до 37 рублей.
Вполне возможно, что тогда Яков Вилимович мог заинтересовать Петра, привлечь его внимание незаурядными способностями. Судя по личным письмам Брюса более позднего времени, он уже тогда, в конце 1680-х годов, занимался астрономическими наблюдениями, о чем свидетельствует сообщение в письме Петру, датированном 1716 годом о том, что им (Брюсом) «усмотрены» пятна на Солнце, каких «уже с 30 лет не видно было» и он их «от роду своего впервые увидел». Пока факт проведения таких исследований Брюсом в 1680-е годы можно высказать только в качестве предположения.
Яков Брюс был на три года старше Петра I. Они были людьми одного поколения. Возможно, это и повлияло на их сближение в 1690-е годы. Во всяком случае, по духу, по стремлению всегда постигать что-то новое, чему-то постоянно учиться они были, безусловно, схожи.
Конечно, говорить о том, что поручик Брюс и молодой царь сразу стали близки друг другу излишне. Служба Якова Вилимовича проходила под непосредственным командованием Патрика Гордона, который, как следует из его дневника, 17 сентября 1689 года был вызван царем в Александровскую слободу, где показывал ему учение солдат. 18-го Гордон проводил перед государем конное учение и боевую стрельбу. Такие же учения проходили 19-го в десяти верстах от слободы в Лукьяновой пустыни, 20 и 21 сентября — в поле. В этих «марсовых потехах» поручик Брюс, безусловно, принимал участие.
В начале октября, после переселения Софьи в Новодевичий монастырь, Петр вместе со свитой и войсками возвращается в Москву. В этот период происходят новые назначения на государственные должности и учреждение полков, которым в будущем суждено будет вытеснить стрельцов. Всего было учреждено четыре полка, в каждом из которых было по восемь тысяч человек. Первый — Гордона, второй — Лефорта, третий — Преображенский, четвертый — Семеновский. Позже Преображенский полк был распределен по кораблям на морскую службу.

Жизнь в Москве сопровождалась смотрами и учениями. Так, 22 февраля 1690 года, по случаю рождения наследника престола Алексея, в Кремле прошел смотр полков, закончившийся стрельбой. На следующий день, в воскресенье, совершено было над царевичем таинство крещения в Чудовом монастыре, а в четыре часа пополудни приходили с поздравлением два солдатских и остальные шесть стрелецких полков с той же церемонией, что и накануне.
Следующий парад войск, о котором сообщает П. Гордон, проходил в селе Воскресенском на Пресне. Царь выехал туда 26 февраля. По случаю Масленицы в Воскресенском был устроен фейерверк. Празднество началось пальбой из пушек сначала из каждой в отдельности по два выстрела в цель, а потом залпами из всех пятидесяти холостыми зарядами. Затем происходил парад войск. Войска проходили перед государем маршем, а потом, разделившись на два отряда, произвели нечто вроде примерного сражения, сопровождавшегося пальбой залпами. Когда стемнело, зажгли фейерверк на переднем дворе Пресненского дворца, он горел в течение двух часов. На внутреннем дворе этого дворца был зажжен другой фейерверк, еще больших размеров, приготовленный самим царем и продолжавшийся три часа. По всей вероятности, техническую сторону обустройства обеспечивал зять Патрика Гордона Рудольф Страсбург (ум. 1692), который занимался фейерверками и «гранатным делом».
В мае того же 1690 года в Преображенском селе происходили особенно энергичные военные упражнения, о которых пишет в своем дневнике П. Гордон. 12 мая — учение конницы; 15 мая конница упражнялась с оружием; 22 мая конница маневрировала. Это была подготовка к очередному потешному сражению, которое состоялось 2 июня и едва не закончилось несчастьем. Брали штурмом двор в селе Семеновском. В дело были пущены ручные гранаты — глиняные горшки, начиненные порохом. Одна из таких гранат разорвалась около Петра и опалила ему лицо. Гордон и несколько стоявших поблизости генералов были легко ранены.
Это происшествие ненадолго прервало череду учений и военных потех, которые возобновились 4 сентября. В этот день устраивались маневры, в ходе которых Стремянной стрелецкий полк сражался против потешных, семеновской пехоты и конницы московского дворянства. Еще два стрелецких полка действовали один против другого. Через неделю, 11 сентября, потешные бились со стрельцами Сухарева полка. Бои чередовались веселыми пирами. Трудно сказать, был ли на этих пирах Яков Брюс, но в сражениях он, подчиненный генерала П. Гордона, наверняка участвовал.
В октябре следующего, 1691 года в окрестностях Семеновского и Преображенского состоялись большие маневры, более известные как второй Семеновский поход. 6, 7 и 9 октября армия под предводительством «генералиссимуса» Ф. Ю. Ромодановского противостояла нападениям грозной армии другого «генералиссимуса», И. И. Бутурлина. Это событие описывается в известном романе А. Н. Толстого «Петр Первый». При этом упоминается и имя Якова Вилимовича, который после взятия Пресбурга, как отмечает автор, стал полковником, наряду с Вейде, Менгденом, Граге, Левингстоном, Сальме и Шлиппенбахом. Это явная ошибка, поскольку звание полковника Я. В. Брюсу было присвоено только в 1696 году.
Кстати, в этом романе Алексей Николаевич приводит интересное описание братьев Брюсов: «Роман Брюс — рыжий шотландец, королевского рода, с костлявым лицом и тонкими губами, сложенными свирепо, — математик и читатель книг, так же как и брат его Яков. Братья родились в Москве, в Немецкой слободе, находились при Петре Алексеевиче еще от юных лет и его дело считали своим...» Трудно на веру принимать

эту информацию, тем более когда известно, что с юных лет ни Роман, ни Яков не были при Петре. Да и описание внешности Романа предполагает, что известный писатель использовал стереотип облика стандартного шотландца, как его воспринимали в России. Но художественное произведение живет по своим законам, часто не совпадающим со строгой документалистикой.
В 1692 году Яков Брюс переводится в Белгородский полк, командиром которого с 1688 года был Борис Петрович Шереметев. Так началась служба Якова Вилимовича под командой Шереметева, переросшая впоследствии в крепкую дружбу.
В следующем, 1693 году Брюс пожалован в ротмистры, то есть он становится капитаном кавалерии.
Именно об этом периоде в жизни Петра историк А. Г. Брикнер, ссылаясь на исследования Н. Г. Устрялова, сообщает: «Подобно отношениям с Гордоном, Лефортом и бароном Келлером, было существенно и влияние других иностранцев. От сына голландского купца, занимавшегося в царствование Михаила Федоровича горным промыслом в России, Андрея Виниуса, Петр также узнал очень много сведений о Западной Европе. Виниусу давались посольские поручения, он перевел несколько книг на русский язык, составил географическое исследование, был дипломатическим агентом в Малороссии, заведовал Аптекарским приказом и в царствование Петра управлял почтами. В этой должности он мог быть прекрасно осведомленным обо всех событиях. Петр часто бывал в его обществе и охотно пользовался его многосторонними техническими знаниями в горном деле и в кораблестроении, выписывал из-за границы через посредство Виниуса модели и инструменты, ремесленников и книги. Он поручал ему переводить голландские книги, приготовлять пушки и порох, устраивать оружейные заводы. Впоследствии Виниус основал Морскую школу.
Среди лиц, в обществе которых находился Петр, в первые годы после государственного переворота 1689 года встречаем мы еще Георга фон Менгдена, бывшего полковником того самого полка, в котором сам царь числился сержантом, потом майора того же Преображенского полка Адама Вейде, весьма опытного в инженерном деле, затем капитана Якова Брюса и переводчика Посольского приказа Андрея Кревета, которому Петр давал поручения, однородные с Виниусом».

Поездки Петра I в Архангельск

4 июля 1693 года Петр I отправляется в поездку в Архангельск, ставшую знаменательной и для нашего героя. Вот что сообщает о составе делегации М. М. Богословский: «4 июля на рассвете Петр выехал из Москвы. Его сопровождала большая свита, в состав которой входили бояре князь Б. А. Голицын, князь М. И. Лыков, Ю. И. Салтыков, В. Ф. Нарышкин, А. С. Шеин, князь К. О. Щербатов, князь М. Н. Львов, кравчий К. А. Нарышкин, генерал Лефорт, думный дворянин Ф. И. Чемоданов, постельничий Г. И. Головкин, ближние стольники князь Ф. Ю. Ромодановский и И. И. Бутурлин (оба генералиссимусы), князь Ф. И. Троекуров, Ф. М. Апраксин, ф. Л. Лопухин, С. А. Лопухин, 18 стольников, неизменный спутник Петра во всех походах думный дьяк Н. М. Зотов, дьяки Виниус и Воинов, доктор Захарий фон-дер-Гульст, крестовый священник Петр Васильев с восемью певчими, двое карлов — Ермолай и Тимофей, сорок стрельцов при трех капитанах во главе с полковником Сергеевым. <…> Кроме стрельцов, Петра сопровождали 10 человек потешных с трубачом. Всего свита доходила до 100 человек». Здесь был и капитан кавалерии Яков Брюс, отозванный из полка Шереметева Петром.

Архангельск был единственным морским портом, находившимся на территории Российского государства. Как порт он был открыт англичанами в 1553 году. В поисках северного пути в Индию английские корабли двигались тогда вдоль побережья Северного Ледовитого океана, обогнув Скандинавию, Кольский полуостров, они оказались в Белом море, где и была выбрана стоянка для судов — тихая бухта, названная в честь архангела Михаила — архистратига, который считается покровителем воинов, бьющихся за правое дело, кроме того, считается, что этот святой охраняет небесные врата рая. Именно так англичане воспринимали порт Архангельск. Обнаружили они здесь и «индийцев» — жителей побережья Белого моря — поморов, занимающихся рыбным и охотничьим промыслом. Пушнина оказалась не менее ценной, нежели драгоценные камни Индии. Так англичане, а затем и голландцы налаживают товарообмен с поморами, превратив Архангельск в настоящие врата рая — единственное для России окно в Европу. Именно через Архангельск поступали на территорию страны иностранные товары, выезжали торговать по России иностранные купцы. Правда, Новоторговый устав 1667 года запретил розничную торговлю иностранных купцов на территории страны, поэтому в Архангельске шла торговля оптовая. Русские купцы закупали товар у иностранцев и везли его для реализации по стране. В Архангельске было даже построено огромное каменное здание, более версты в окружности, обороняемое со стороны Двины шестью башнями с бойницами, валом и палисадом.
Период навигации на Севере был довольно коротким. Иностранным судам едва хватало времени добраться до Архангельска, отгрузить товары и вернуться домой. Поэтому Петр Алексеевич, отправляясь в Архангельск, должен был застать приход иностранных купеческих караванов.
Путь в Архангельск занял почти целый месяц. 30 июля царский карбас остановился у Моисеева острова. Там специально для Петра был построен дворец.
Через неделю, 4 августа, иностранные торговые корабли снялись с якоря, чтобы выйти из Архангельска. Таким образом, Петру I удалось застать караван английских и голландских торговых кораблей, пришедших в Архангельск в сопровождении немецкого военного корабля. Излишне говорить о сильных впечатлениях от увиденного молодого царя, и без того влюбленного в море, в кораблестроение. Государь планировал совершить путешествие на яхте «Святой Петр» на Соловецкий монастырь. Однако он меняет планы, чтобы на своей яхте сопровождать иностранные корабли на выходе из бухты до пределов Северного Ледовитого океана. В эти шесть дней плавания Петр загорелся мечтой о морской флотилии.
Однако после отплытия торговых кораблей Петр I решил дождаться прихода новых товаров, которые обычно поступали в Архангельск к Успенской ярмарке. Ждать пришлось целый месяц, поскольку торговая флотилия прибыла 10 сентября. До 17 сентября устраивались праздничные мероприятия с фейерверками и балами.
Петр Алексеевич назначает Ф. М. Апраксина воеводой Архангельска, оставляет в помощь ему Брюса, с тем чтобы к следующей навигации осуществить спуск нового корабля, киль которого он заложил самолично. Кроме того, был заказан новый корабль бургомистру Амстердама Николаасу Витзену (Витсен, Витцен). Это должно было стать основой для российского торгового флота в Архангельске.
Петр I выехал из Архангельска с намерением вернуться в следующую навигацию в мае 1694 года. К этому сроку планировалось завершить строительные работы и спустить на воду первый корабль «Святой Павел». Словом, оставшиеся осенью 1693 года в Архангельске специалисты должны были упорно трудиться, чтобы встретить царя в мае следующего года во всеоружии. Вероятно, тот их работу одобрил. А тот

факт, что Я. В. Брюс остался в Архангельске до следующей навигации в качестве помощника Апраксина в осуществлении строительных работ, дает повод считать Брюса хорошим специалистом в военном строительстве — инженером-фортификатором. При этом если вспомнить, что его старший брат Роман впоследствии будет строить Санкт-Петербург в качестве обер-коменданта, можно утверждать: образование, которое получили братья в Немецкой слободе, относилось именно к этой специализации.

Вторая поездка в Архангельск была более внушительной: 22 баржи, 300 человек свиты, 24 корабельные пушки, 1000 пищалей, множество бочек с порохом и еще больше бочек с пивом. Высшие морские чины получили ближайшие сподвижники: Ф. Ю. Ромодановский стал адмиралом, И. И. Бутурлин — вице-адмиралом, П. И. Гордон — контр-адмиралом. Сам Петр избрал звание шкипера, намереваясь принять командование голландским фрегатом, заказанным Витзену.

Выезд из Москвы состоялся в конце апреля, и уже 18 мая флотилия Петра достигла Архангельска.

Первым делом Петр отправляется к месту строившегося корабля и убеждается в том, что корабль к спуску готов. Спуск состоялся 20 мая. Однако отправляться в намеченную экспедицию Петр не стал, дожидаясь корабля, заказанного в Голландии. Именно в период ожидания голландского корабля Петр совершил знаменитое путешествие в Соловецкий монастырь, едва не завершившееся трагически. Только благодаря искусству местного кормчего Антипа Тимофеева, выведшего яхту «Святой Петр» в бурю через Унские рога — два ряда далеко вдающихся в море подводных камней — в Унскую бухту к Пертоминскому монастырю, трагедии удалось избежать. Побывав в Пертоминском, а затем и Соловецком монастырях, 13 июня яхта «Святой Петр» вернулась в Архангельск.

Ожидаемый из Голландии корабль прибыл 11 июля и был назван «Святой Павел». Обладая уже двумя кораблями на Белом море и ожидая прибытия третьего, Петр мечтает о постройке у Архангельска целого флота. Виниусу было поручено достать из Амстердама от того же Витзена чертежи и размеры голландских кораблей. Виниус, однако, не мог удовлетворить царя. «Со вчерашнею, государь, почтою, — пишет он Петру 9 июля, — из-за моря бурмистр Витцен писал ко мне, что он в книге своей не описал меру о кораблях и о яхтах меры против кила для того де, что той меры описать было невозможно, затем, что всякой корабелной мастер делает по своему рассуждению, как кому покажется, и чтоб для примеру доброго розмеривания изволил бы ваше царское величество указать розмерить тот корабль, на котором Ян Флам пошел к Городу и куплен про вашу, великих государей, потребу. А тот де корабль зело хорош и розмерен зделан, и против того карабля розмеру возможно иные суды делать». Петр не соглашается с такими доводами, возражает, указывая на разные типы судов, чем выдает свои хорошие познания в кораблестроении. Встреченное на пути препятствие не уменьшает его движения к намеченной цели, и он продолжает настаивать на своем, заставляя «сыскать» размеры судов разных типов.

Только находясь в Голландии и работая на судоверфях в Саардаме и Амстердаме, Петр поймет, почему Витзен прислал такой ответ. И это, кстати, будет поводом для вызова в Европу в состав Великого посольства Я. В. Брюса. Но случится это только через три года.

Третий корабль прибыл в Архангельск 19 июля. Это был 44-пушечный фрегат «Святое пророчество», на котором впервые был поднят новый русский флаг —

красный, синий, белый, представлявший собой вариацию голландского флага (красный, белый, синий), под которым он пришел.

Кожуховский поход

В сентябре Петр возвращается в Москву и сразу начинает подготовку к очередной «марсовой потехе», вошедшей в историю как Кожуховский поход.

Участвовавшие в походе войска, как и во время предыдущих маневров, были разделены на две армии под командой прежних генералиссимусов: И. И. Бутурлина, на этот раз почему-то шутливо называвшегося «польским королем», и князя Ф. Ю. Ромодановского. Сборными пунктами армий перед выступлением на маневры были назначены: для бутурлинских войск — село Воскресенское на Пресне, для войск Ромодановского — село Семеновское. Отсюда те и другие войска должны были двигаться на кожуховские поля через всю Москву.

В воскресенье 23 сентября состоялось выступление армии И. И. Бутурлина. Это было торжественное шествие, очень живописное и, вероятно, привлекшее большое количество зрителей. Войска двигались через Москву по Тверской улице, затем прошли через Кремль, вышли из Кремля Боровицкими воротами, а оттуда через Каменный мост и Серпуховские ворота к укрепленному городку. Впереди ехали повозки с запасами. За ними шли пять стрелецких полков: впереди Стремянной Сергеева, далее полки Дементьева, Жукова, Озерова и Макшеева, одетые в длинные стрелецкие кафтаны и широкие шаровары, с небольшими касками на головах. Стрельцы были вооружены ружьями и тупыми копьями. Шестой стрелецкий полк Дурова отправлен был заранее вперед для караула в городок и для устройства обоза. За стрелецкими полками шел отряд пехоты, составленный из подьячих. За пехотой шла конница: 11 конных рот, сформированных также из подьячих, и две роты, набранные из дьяков. За ними — рота есаулов, составленная из стольников. За стольниками ехал со знаменем воевода Ф. П. Шереметев, за ним везли булаву и знак. Наконец, следовал сам генералиссимус в мундире, сделанном наподобие французского кафтана, на богато убранном коне. По обеим сторонам его шли 16 человек с алебардами. Генералиссимуса сопровождала большая свита, так называемые «завоеводчики», среди которых находились представители знатнейших московских фамилий. Прибыв на место своего назначения, генералиссимус приказал окружить ретраншемент дополнительными новыми укреплениями и назначил туда комендантом генерала Трауернихта. Всего под командой Бутурлина насчитывалось 7500 человек.

26 сентября из Семеновского выступила армия Ромодановского, где она сосредоточилась еще 24-го. И это было также шествие через Москву, не менее великолепное и также не без некоторой примеси маскарада и шутовства, какими и впоследствии будут отличаться процессии, устраиваемые Петром. Процессия прошла по Мясницкой, через Кремль, через Боровицкие ворота и Каменный мост. Впереди шел во главе роты «гамаюнов», составленной из дворовых людей, царский шут Яков Тургенев, носивший титулы «знатного старого воина и киевского полковника»; рота его была вооружена самопалами, а на знамени красовался его дворянский герб: коза. За отрядом Тургенева следовал сибирский царевич с двумя конными ротами. За ним двигался отряд Лефорта: 12 всадников в панцирях, 12 верховых лошадей Лефорта в богатых уборах, далее запряженная парой его карета, по сторонам которой шли шесть гайдуков в красных венгерских кафтанах, длинных шапках и с топориками в руках; рота гранатчиков с ружьями и ручными гранатами в приторoченных с левого бока сумах и, наконец, сам генерал Лефорт, ехавший в богатой одежде впереди восьми рот

своего полка. Эти роты шли с распущенными знаменами при звуке труб, флейт и при барабанном бое; солдаты были вооружены частью ружьями, частью копьями. За отрядом Лефорта двигался отряд Гордона, вели пять верховых лошадей его конюшни, потом следовала рота гранатчиков, за ними везли на телеге мортиру, и, наконец, ехал сам генерал впереди девяти рот своего полка. У второй роты прикреплены были к ружьям деревянные штыки с тупыми концами. Бутырский Гордонов полк шел также с военной музыкой. За Бутырским полком следовали Преображенский и Семеновский полки. Перед Преображенским шли бомбардиры Петр Алексеев, князь Ф. Троекуров и И. Гумерт. Вслед за Семеновским полком ехала конница: три роты гусар в шишаках и латах, «от головы до ног в железе», рота палашников, рота конных гранатников. За гранатниками двигалась «карета великая о 6 возниках» (лошадях). За ней рота карлов, человек двадцать пять, которой командовал карла же Ермолай Мишуков в красном немецком платье и в английской шляпе с перьями, за карлами — рота есаулов. Потом — воевода у знамени — боярин А. С. Шеин и, наконец, сам генералиссимус в богатом наряде на пышно убранном коне. Его сопровождали «дворовый воевода» князь Черкасский и свита из сорока «завоеводчиков» из знатнейших дворян. За свитой двигались два рейтарских полка по восемь рот в каждом; рейтары держали карабины дулами вверх. За конницей следовала артиллерия: пушечного наряда и пороховой казны воевода С. И. Салтыков с шестью пушками и шестью мортирами. Артиллеристы были в мундирах с золочеными орлами на груди и на спине. В хвосте процессии «везены были» большой набат, литавры и воинские обозы. Один из источников, откуда мы берем сведения о Кожуховском походе, — описание Желябужского, который упоминает еще о государевой карете, в которой сидели боярин М. С. Пушкин и думный дьяк Н. М. Зотов. Карету сопровождали в пешем строю стремянные конюхи в нарядном платье, за ними двигалась конная рота «нахалов», набранная из боярских холопов, а за нею — сформированная из таких же холопов рота «налетов». В основном источнике — «Известном описании» — этих подробностей нет. «Маршировали мы, — замечает об этом шествии в своем дневнике Гордон, — в порядке и во всем блеске». Пройдя через Серпуховские ворота, войска князя Ромодановского направились к Данилову монастырю и, вновь переправившись по Даниловскому мосту на левый берег Москвы-реки, расположились у Симонова монастыря лицом к реке, левым флангом опираясь на Кожухово, а правым занимая урочище Тюфелево (теперь Тюфелева роща). Из приведенных выше описаний шествий той и другой армии, сохраненных нам современниками, видно, что, как и на прежних маневрах, под командой Бутурлина было сосредоточено старое московское войско, под командой Ромодановского — полки нового строя.

М. Д. Хмыров указывает, что Я. В. Брюс участвовал в Кожуховском походе «и находился поручиком при второй роте второго рейтарского полка армии потешного генералиссимуса кн. Фед. Юр. Ромодановского. В тех полках и ротах, — поясняет современное описание, — были рейтары, все стольники и стряпчие люди, к войне искусные; в роте по 30 человек и большие начальные люди были в немецком платье, вынув сабли и шпаги наголо».

На самом деле в армии Ромодановского действительно были сконцентрированы более «к войне искусные», да к тому же и владевшие инициативой подразделения, нападавшие на потешную крепость. Исход сражения был предопределен заранее, иначе это не была бы потеха. И все-таки Кожуховский поход в некоторой степени представлял собой настоящие маневры, где отрабатывались приемы наступления, осады и штурма крепости и обоза. Ведь крепость брали приступом, засыпая рвы,

взбираясь на валы по штурмовым лестницам, затем упражнялись в правильных осадных работах, строя редуты, делая апроши (траншеи), закладывая мины под неприятельские укрепления и взрывая их. Поэтому называть это только потехой нельзя. Это была генеральная репетиция перед походом на Азов.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюс и вечные часы
Про этого Брюса мало ли рассказывают! Всего и не упомнить. Я еще мальчишкой был, слышал про него, да и теперь, случается, говорят. А был он ученый — волшебством занимался и все знал и насчет месяца, солнца, и по звездам умел судьбу человека предсказать. Наставит на небо подзорную трубу, посмотрит, потом развернет свои книги и скажет, что с тобой будет. И как скажет, так и выйдет точка в точку. А вот про себя ничего не мог узнать. И сколько ни смотрел на звезды, сколько ни читал свои книги — ничего не выходит.
— Вижу, говорит, один туман.
Ну, все-таки хотел добиться. Мучился-мучился, да уж потом откровение во сне ему было. Сам рассказывал.
— Приходит, говорит, неизвестный старец и пальцем грозит:
— Ты, говорит, сверх меры хочешь захватить. А ты, говорит, будь тем доволен, что тебе дано. А ежели, говорит, будешь пытать сверх указанного, все отымется и будешь ты наподобие пня или чурбана…
Ну, он после этого и остыл…
— Ладно, говорит, что будет, то будет…

Первый Азовский поход
Накануне первого Азовского похода, в январе 1695 года Яков Брюс произведен в чин майора, а 24 января он женится на Маргарите фон Мантейфель (в России ее величали — Марфа Андреевна), дочери генерала Цёге фон Мантейфеля, выходца из Прибалтики. Посаженым отцом на свадьбе был сам царь.
Вскоре после свадьбы Петр Алексеевич приказывает снаряжать армию в поход на Азов, куда отправляется и Брюс.
В дневнике Гордона указывается на отправку его отряда из Москвы к Тамбову 7 марта. В Тамбове отряд был уже 18-го числа. К Азову отряд П. Гордона, состоявший из Бутырского полка и семи московских стрелецких полков, подошел 27 июня. В связи с сухопутным походом отряда П. Гордона отметим интересное обстоятельство, зафиксированное в его дневнике. После переправы на левый берег Дона 16 июня Гордон получил письмо от атамана Фрола Миняева с вестями об Азове, добытыми через казацких лазутчиков. Лазутчики донесли, что к Азову пришло много кораблей и галер, которые подвезли большое количество войска. При их прибытии турки с радостью сделали залп и 40 выстрелов из крупных орудий. На помощь городу собралось необыкновенно большое количество конницы из всяких народов, которая расположилась лагерем вне города: лазутчики видели необъятное множество шатров и палаток. Поэтому казаки советовали Гордону не идти дальше, но остановиться на реке Сужати или в другом каком-либо надежном месте и написать обо всем государю. Гордон все же принимает решение двигаться дальше к Азову. Позже, 21 июня, Фрол Миняев сам прибывает к Гордону и привозит с собой пленного грека, сообщившего о тех огромных приготовлениях, которые проходят в Азове для отражения русской армии.
Вполне возможно, что Петр и не предполагал, какая сила может быть сконцентрирована в крепости против русской армии. Не случайно Ф. Лефорт позже

отметит: «Если бы Его Царское Величество знал, что гарнизон был таким большим, то мы бы взяли больше людей».
Фактически поражение под Азовом в 1695 году было предопределено уже этим обстоятельством. Естественно, наложили отпечаток и неопытность русского командования, и разобщенность в действиях русских генералов — Гордона, Лефорта, А. М. Головина. В какой-то степени повлияли на неудачу под Азовом и действия группы военных инженеров, руководившей проведением осадных работ.
А. С. Пушкин указывает, что в войске вообще не было искусных инженеров, а начальствовавший артиллерией гвардии капитан голландец Якоб Янсен оказался предателем. Однажды ночью, заколотя пушки, он перебежал в Азов.
М. М. Богословский сообщает на основании сведений Н. Г. Устрялова, что «инженерами в первом Азовском походе были Франц Тиммерман, Адам Вейде и Яков Брюс. Из того, что во время движения по Волге Тиммерману был предоставлен особый струг, Устрялов не без основания догадывается, что именно Тиммерман был между ними главным».
Поскольку инженеры плыли на отдельном струге, можно предположить, что во время этого путешествия по Волге они обсуждали с Петром план будущей осады. Возможно, тогда-то Петр и увидел незаурядные качества Якова Вилимовича. Во всяком случае, Брюс попадает в ближайшее окружение Петра. Об этом свидетельствует письмо Петра Ромодановскому от 18 июня, отправленное после того, как волоком «флотилия» Петра перебралась с Волги к Дону и отправилась непосредственно к Азову. Письмо подписано шутливо: «Нижайшии услужники пресветлого вашего величества: Ивашка меншой Бутурлин, Яшка Брюс, Фетка Троекуров, Петрушка Алексеевъ, Ивашка Гумерт чолом бьют».
По всей вероятности, число инженеров не ограничивалось названными Тиммерманом, Вейде и Брюсом. Тот же М. М. Богословский рассказывает на основании «Дневника» П. Гордона о гибели иностранных инженеров во время вылазки, предпринятой турками из Азова 18 августа, «фейерверкера Доменико Росси и его товарища Джона Робертсона», а также гибели 15 августа инженера Иосифа Мурлота (Морло), только что прибывшего из Швейцарии.
Брикнер довольно подробно представляет недочеты работы иностранных инженеров во время осады Азова, считая, что «они все были неспособны и не знали своего дела. Когда, между прочим, был заложен подкоп, то вопреки настояниям Гордона сделали ошибку и зажгли его слишком рано. Вместо того чтобы причинить вред туркам, было убито значительное число русских солдат». «Это вызвало среди солдат большое смущение и неудовольствие против иностранцев». При этом Брикнер добавляет, «что Адам Вейд, неопытности которого приписывалась неудача с подкопом, несколько дней не решался показаться перед войсками».
Надо сказать, что на работу инженеров влияла и открытая разобщенность между командующими армиями, которые не могли прийти к единому мнению даже по вопросам строительства апрошей. Лефорт и Головин были недовольны тем, что молодой царь во время похода особо прислушивался к мнению старого солдата П. Гордона, действительно очень опытного военного, не терпевшего суеты и шапкозакидательских настроений. А такие настроения, к сожалению, долго присутствовали у Петра и его ближайшего окружения. Для самого Петра осада Азова фактически была не чем иным, как продолжением игры, очередным этапом военных потех после Кожуховского похода. Поэтому-то он и торопился и с назначением штурма, совершенно не подготовленного, по мнению Гордона, и с взрывом мин в подкопе, и со многими другими мероприятиями. При этом сам Гордон считает, что

Петр принимал такие решения, которые шли вразрез с его советами. И многое из того, что необходимо было сделать в первую очередь: укрепление взятых у турок каланчей, устройство на правом берегу Дона огневой позиции для бомбардировки крепости, а самое главное, продление позиций русской армии до самого берега реки с целью препятствовать татарской коннице оказывать помощь осажденным — сделано не было.

Все это оказывало на действия инженеров совершенно определенное давление. Поэтому Петр воспринял неудачи в действиях инженеров вполне объективно, посчитав, что «Тиммерман, Вейд и Брюс, родившиеся в Москве и плохо ознакомленные с успехами техники, проявили, по-видимому, недостаточные знания. Нужно было пригласить лучшие и более опытные силы».

Готовясь ко второму походу на Азов, Петр выписал из Австрии и Пруссии военных инженеров, которые должны были прибыть в 1696 году.

Еще одна причина неудачи 1695 года кроется в отсутствии флота. Во время осады Азова защитники крепости с моря снабжались подкреплением, боеприпасами и провиантом, поэтому осада не могла быть эффективной. Более того, армия Петра ввиду нерегулярного снабжения оказалась в большем ущербе, нежели осажденный в крепости противник. Именно по этой причине царь принял решение создать флот.

Второй Азовский поход. Географическая карта Брюса — Менгдена

1 декабря 1695 года, всего через месяц после прибытия в Москву потрепанного, изможденного тяжелым переходом и изрядно поредевшего войска (на обратном пути погибло больше солдат и офицеров, чем за время осады Азова), Петр собирает генералов и стольников для решения вопросов подготовки ко второму походу на Азов. Задачи, поставленные Петром, были продиктованы самими обстоятельствами «невзятия Азова».

Вопрос о едином командовании решается довольно своеобразно. Генералиссимусом выбирается А. С. Шеин, стольник, совсем не имевший опыта военного руководства и участия в военных действиях в качестве командующего армией. Справедливо предполагается, что Петр I таким образом брал руководство армией и подготовкой к походу на себя.

И, наконец, самое важное и сложное — строительство флота. Царь предлагает построить в Преображенском галеры, а на реке Воронеж в городах Белгородского приказа Воронеже, Козлове, Добром и Сокольском 1300 стругов, 30 морских лодок и 100 плотов. В каждый из городов был назначен стольник, руководивший работами с обязательным соблюдением сроков, ведь изготовить такое количество стругов, лодок и плотов необходимо было за пять месяцев, чтобы уже в мае спустить их к Нижнему Дону. Но если изготовление стругов, лодок и плотов для русских мастеров было делом привычным, то строительство военных галер, вооруженных пушками и способных участвовать в современном морском сражении, — совершенно новым.

В качестве образца использовалась та же галера, что была изготовлена в Голландии и прислана летом 1695 года в Архангельск в сопровождении особого «нарочного человека». Доставлена была также сделанная Витзеном роспись разных принадлежностей к ней, из которой видно, что при галере были присланы все снасти, две мачты и две райны, бочка с железными принадлежностями, два паруса и шатер парусный (тент), разные ящики с деревянной резьбой, которой галера была украшена по бортам, фонарь, флаги, компас, якорь, три мортиры, 11 бомб и пр. 3 января 1696 года эта галера была доставлена в Москву и закипела работа, которой руководил сам Петр. Одновременно он формирует экипажи (роты) для каждой из галер. Весь

караван распределялся на 29 рот, одна из которых — особый отряд при адмирале. Первое и второе места занимают роты вице-адмирала и шаут-бейнахта. Четвертое место — рота, во главе которой значится «капитан Петр Алексеев». Яков Вилимович Брюс в звании подполковника назначается командиром (капитаном) 9-й роты.
А. С. Пушкин отмечает, что в начале весны Петр вывел из Воронежа два военных корабля, 23 галеры, два галеаса и четыре брандера.
Поход 1696 года — особая страница в русской истории. Осажденные в городе турецкие войска были абсолютно уверены, что Азов неприступен для русской армии. Они не опасались русских галер, считая себя полновластными хозяевами на Азовском море. Но все обернулось на этот раз по-другому. В поддержку петровской армии и флоту в этом походе выступили казаки. Имея богатый опыт боев с турецкими войсками, с моря на стругах казацкие отряды блокировали Азов. Русскому флоту оставалось только вступить в бухту Азова, чтобы блокада крепости была полной. Азов держался два месяца. Для обеспечения удачного штурма пришлось делать насыпь у стен крепости. Успешную атаку на Азов совершили казачьи отряды Якова Лизогуба и Фрола Миняева, которым удалось закрепиться на валу и начать прямой обстрел крепости. Это и вынудило гарнизон к сдаче 19 июля 1696 года.
Во время двухмесячной осады Я. В. Брюс не только отражает вылазки турок. Он работает над составлением карты юга европейской части России. Петр еще перед началом похода поставил иностранным офицерам задачу показать кратчайший путь из Москвы в Средиземноморье преимущественно водным путем. Поэтому карта изобилует изображением рек, их притоков и мелких речушек, на ней представлена территория от Москвы до Черного моря, бассейн рек Дона и Днепра. Основная заслуга при подготовке карты принадлежала командиру Преображенского полка генерал-майору фон Менгдену, руководившему замерами и описанием данной территории.
При составлении карты Брюс проявил незаурядный талант картографа. Он использовал четыре вида масштабов, сделал привязку местности по параллелям и меридианам, что в то время могли делать только сведущие картографы Европы. Об этой карте академик В. И. Вернадский писал: «Карта Брюса и Менгдена… является первым научным памятником проникновения в Россию нового знания». «Она впервые свела картографическую работу, сделанную в России, с картографией Запада». И даже: «…Брюс начал работу над Российской географией».
А. С. Пушкин писал: «Между тем по царскому повелению генерал-майор фон Менгден вымерил и описал землю, а капитан артиллерии Яков Вилимович Брюс (впоследствии генерал-фельдмаршал) сочинил по той описи карту, от Москвы к югу до берегов Малой Азии, и Крымскую Татарию; сочинена другая карта — землям между Доном и Днепром. Петр положил соединить Волгу и Дон и велел начать уж работы, положив таким образом начало соединению Черного моря с Каспийским и Балтийским».
В январе 2008 года кандидат геолого-минералогических наук Анатолий Иванович Полетаев, выступая с докладом от кафедры динамической геологии геологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова на Десятых Горшковских чтениях, отметил, что «Я. В. Брюс данной картой дал, сам того, естественно, не зная, информационную основу для изучения структуры земной коры южной части Русской (Восточно-Европейской) платформы, т. е. внес важный вклад в развитие геологических представлений, который оказался, к сожалению, невостребованным более 300 лет».

Исследователь отмечает: «Визуальный линеаментный анализ эрозионной сети, представленный на данной карте, выявил все основные составляющие линеаментного поля Земли…»
На основе дальнейшего изучения карты исследователь делает вывод, что «…одна из первых топографических карт южной половины Европейской части России, составленная более 300 лет назад, и в настоящее время может представлять интерес как независимый источник информации о структуре земной коры этой территории».
Оригинал карты находится в настоящее время в запасниках Государственного исторического музея.

Великое посольство
Сначала предполагалось, что волонтеры из России будут обучаться ремеслам, заниматься наймом специалистов и выполнять дипломатические задачи, поэтому Брюс в состав посольства включен не был. А вот его брат Роман, как следует из «Юрнала» (волонтерского путевого дневника), в составе посольства был, и находился он в группе офицеров, сопровождавших дипломата Ф. Лефорта.
Якова Брюса Петр Алексеевич вызывает, находясь в Голландии, после встречи с английским королем Вильгельмом III. Встреча состоялась 21 сентября 1697 года в городе Утрехте.
28 сентября в Москву отправляется послание, в котором на основании указа царя «велено послать» в Голландию полковника Якова Брюса «для математической науке в англицком государстве». Таким образом, уже через неделю после знакомства с английским королем и приглашения в Англию Петр I определяет, с каким поручением поедет Яков Брюс. Англия в то время была одной из самых передовых держав Европы и, естественно, для поездки туда нужны были люди образованные. Эта поездка во многом изменила не только планы Великого посольства. Фактически, находясь в Англии, Петр определяет круг предстоящих преобразований в России. И Брюсу в этих планах отводится одно из ведущих мест.
Правда, сам Яков Брюс по вызову царя прибывает с большой задержкой, через три месяца, 19 декабря. Причиной этой задержки стали события, для нашего героя весьма серьезные. Неизвестно, действительно ли Брюс был в чем-то заподозрен или глава московского Тайного приказа Ф. Ю. Ромодановский сводил с ним личные счеты. Так или иначе, но Брюса пытали каленым железом и довольно серьезно повредили руку. За месяц пути из Москвы в Амстердам рука у Якова Вилимовича так и не зажила. По его прибытии с докладом к царю Брюс вынужден был изложить обиду на князя-кесаря, о чем Петр с возмущением пишет 22 декабря в письме Ромодановскому: «…господин Брюс приехал сюда декабря 19 и отдал от нашей пресветлости письмо, за которое премного благодарствую».
Тон письма спокойный, уважительный. И даже когда Петр Алексеевич делает выговор Ромодановскому за его проступки по отношению к приказным людям, тон письма таким и остается. Но именно в этом письме сделана характерная для взрывного характера царя приписка: «Зверь! Долголь тебе людей жечь! И сюда раненые от вас приехали. Перестань знаться с Ивашкою. Быть от него роже драной!»
Под Ивашкою Хмельницким здесь имеется в виду пьянство. И обвинение в пьянстве особо подчеркивает отношение Петра к Брюсу, оказавшемуся наказанным только по пьяной прихоти Ромодановского. А предупреждение о «роже драной» вообще из ряда вон выходящее, поскольку статут полковника Брюса в ту пору был несравним по государственному положению родственника царя, генералиссимуса потешных полков Ф. Ю. Ромодановского. В ответ на обвинения царя Ромодановский 28 января 1698

года пишет: «В твоем письме написано ко мне, будто я знаюсь с Ивашкой Хмельницким, и то, господин, неправда: некто к вам приехал прямой московской пьяной, да сказал в беспамятстве своем. Неколи мне с Ивашкой знаться — всегда в кровях омываемся. Ваше то дело на досуге стало знакомство держать с Ивашкою, а нам не досуг! А что Яков Брюс донес, будто от меня руку обжег, и то сделалось пьянством его, а не от меня». Так, Ромодановский пытался оправдаться перед Петром, сваливая вину на самого Брюса. Но эти аргументы князя-кесаря не убеждают царя, и в ответном письме из Дептфорда 4 марта Петр возражает Ромодановскому: «…писано, что Яков Брюс с пьянства своего то сделал: и то правда, только на чьем дворе, и при ком? А что в кровях, — и от того чаю больше пьете для страху. А нам подлинно нельзя, потому что непрестанно в ученьи».
И действительно, поездка в Англию для делегации Петра оказалась очень насыщенной.
Выезд из Амстердама шестнадцати волонтеров во главе с царем состоялся 6 января, через три недели после прибытия Брюса. Возможно, Петр выехал бы и раньше, но пришлось ждать приезда Брюса (сам по себе случай беспрецедентный), а затем, видимо, подлечивать его раны.
В Лондон царь со свитой прибыл 11 января и сразу включился в работу, ввиду ограниченности во времени. Кроме встреч с королем Вильгельмом III Петр учился кораблестроению в Дептфорде, посещал арсенал в Вульвиче, присутствовал на заседаниях научного Королевского общества и английского парламента.
Я. В. Брюс при этом слушал лекции английских математиков, посещал лондонскую обсерваторию, присматривался к монетному делу в Тауэре и к артиллерийской технике в Вульвиче, со знаменитым литейным заводом и обширнейшим арсеналом. 11 апреля царь и Брюс вместе осматривают Вульвич, отведывают метание бомб, и Петр увозит Брюса в Лондон, где они 13 апреля посетили монетный двор.
Всего, как отмечено в «Юрнале», Петр в феврале и апреле шесть раз посетил монетный двор, директором которого был Исаак Ньютон, проводивший в Англии денежную реформу.
Аспекты проведения этой реформы интересовали Петра. При этом ему нужен был человек, способный разобраться во всех технических нюансах проводимой Ньютоном работы. Таким человеком и был полковник Яков Брюс. Подобную же реформу в 1720 году он осуществлял в России, будучи директором Санкт-Петербургского монетного двора.
Но роль Брюса в этой поездке не сводилась только к знакомству с реформой Ньютона. Наиболее подробно и ярко о пребывании Брюса в Англии в 1698 году рассказал канадский исследователь Валентин Босс. А поскольку его книга «Ньютон и Россия» была издана только на английском языке, воспользуемся переводом исследователя Владимира Ивановича Зотова.
«Судя по деятельности Брюса в Лондоне, — пишет канадский ученый В. Босс, — уже тогда идеи многих реформ были в сознании Петра. Зачем ему было заставлять Брюса изучать английские законы о первородстве (право старшего сына на наследство) в 1698 году, если бы он уже тогда не думал о законе, который учредил через пятнадцать лет?»
На Брюса была возложена обязанность приобретать математические приборы, а также книги по навигации и кораблестроению. Ему было также поручено подбирать и нанимать на службу к царю хороших математиков и многое другое.
Главное преимущество Брюса было не только в том, что он знал много языков. Он был едва ли не единственным в свите Петра специалистом, понимавшим, что было

необходимо для России. Поэтому Петр Алексеевич дает Брюсу довольно широкую свободу действий. Более того, «во время пребывания царя в Лондоне у него возникло решение оставить Брюса в Англии для совершенствования в изучении естественных наук: математики и навигации». Так, Я. В. Брюс был оставлен Петром в Англии после отъезда царя в апреле 1698 года.

Еще один беспрецедентный случай, произошедший в Великом посольстве. И вновь он связан с Брюсом.

Оставшись в Англии, Яков Вилимович получает деньги на дальнейшее обучение и закупку редких книг, приборов и инструментов. Петр оставляет ему яхту — подарок Вильгельма III — стоимостью в 150 гиней. Такое «расточительство» царя, никогда попусту не тратившего столь огромные по тем временам деньги, можно объяснить только тем, что Петр Алексеевич был уверен, что Брюс эти средства будет расходовать с пользой для дела, на благо России. И Брюс оправдал надежды царя.

В «Юрнале» имеются записи о визитах, которые Петр нанес в Гринвичскую обсерваторию. Своим существованием она была обязана усилиям только одного человека — Джона Флэмстида, первого королевского астронома. Само здание обсерватории было спроектировано Христофором Реном, но правительство не обеспечило ее соответствующими приборами. На свою мизерную зарплату Флэмстид вынужден был приобретать инструменты или делать их сам. Вся его дальнейшая жизнь была посвящена непосильной задаче — «выверке местоположения фиксированных (неподвижных) звезд. Эта задача усложнялась тем, что в то время не было точных, современных таблиц. Несмотря на неважное состояние здоровья и „плохое отношение“, Флэмстид добился удивительных результатов. В тот год, когда Петр посетил его, Флэмстид трудился над классификацией, при помощи отвесной арки Авраама Шарпа, данных, полученных во время астрономических наблюдений… Флэмстид отметил в своих записях два посещения Петра — в воскресенье 6 февраля и 9 марта. Во время этих визитов Петр вел наблюдения при помощи своих приборов, которые он принес с собой. Судя по заметкам, сделанным рукой Флэмстида, на него еще большее впечатление произвело то, что Петр пришел не один, а в сопровождении шотландца Брюса. В те времена это считалось необычным.

Вероятно, Флэмстид встречался с Брюсом еще раз 6 апреля, так как в „Юрнале“ записано, что Петр нанес Королевской обсерватории свой третий визит в этот день. А из писем Флэмстида становится ясным, что к концу года он и Брюс уже знали друг друга хорошо. Царь уехал из Лондона, а Брюс остался. Флэмстид готовил для Брюса „Таблицу рефракций (отклонений)“. В своем письме Брюсу Флэмстид проявил недовольство по поводу какого-то письма (доклада), который, по мнению Флэмстида, обнародовал Брюс. Этот „доклад“ касался лунной теории Ньютона. Доклад, как считает Флэмстид, был несправедливым, и для того, чтобы он „не нанес вреда ни Ньютону, ни мне“, Флэмстид раскрыл (что было неразумно с его стороны) характер возрастающей ссоры между ним, с одной стороны, Ньютоном и Эдмундом Галлеем, с другой».

Доклад, о котором идет речь, обнародованный Брюсом, был сделан на заседании Королевского общества. Брюс сообщает о новых разработках лаборатории Исаака Ньютона и фактически выступает от имени коллектива ученых, работавших с Ньютоном. Проведение денежной реформы, естественно, отнимало много времени, и сам Ньютон не мог по этой причине делать подобные доклады. А вот сам факт обнародования доклада о лунной теории Ньютона, сделанного «полковником Брюсом», говорит о его высоком положении в среде маститых ученых Англии. Во всяком случае, учеником Я. В. Брюс наверняка не был.

Особое внимание канадский ученый уделяет разрыву отношений Ньютона и Флэмстида в 1698 году, и Брюс поневоле оказывается втянутым в этот конфликт, хотя, как показывает дальнейшее повествование, с обоими учеными он имел прекрасные отношения.
В октябре 1698 года Флэмстид пишет, «жалуясь, что „полковник Брюс“ (и его друг Колсон) сказали: „Мистер Ньютон улучшил свою теорию Луны с помощью астрономических данных мистера Галлея и передал ее (теорию) ему с правом публикации…“ Это, — раздраженно говорит Флэмстид в своем письме, — не может быть правдой…».
«Упоминание об отношениях Галлея с полковником (от которого, очевидно, он хотел получить какую-то выгоду), видимо, сделано с намеком на планы Галлея, которые он некоторое время вынашивал, получить подходящий пост в России. Во время пребывания Петра Великого в Лондоне они оба беседовали на научные темы, и, говорят, царю очень понравился Галлей, который в то время как раз искал работу. Его исключительные дарования, которые признавал даже Флэмстид, были широко известны, но продвижение по службе затруднялось подозрениями по поводу его религиозных убеждений. Так, епископ Стиллинг-флит отказался рекомендовать Галлея на кафедру геометрии Оксфордского университета по причине его материалистических взглядов.
Когда Ньютона назначили директором монетного двора, он взял Галлея на должность инспектора двора в графстве Честер. Однако вскоре ученый опять останется без работы, так как только в 1698 году в пяти графствах были закрыты монетные дворы. Ньютон предложил Галлею преподавать прикладную математику инженерам и офицерам армии за десять шиллингов в неделю, но, кажется, Галлей отклонил это предложение. В такой обстановке он вполне мог согласиться на предложение Брюса поехать работать в Россию, на что у Брюса были все полномочия. Как сказано в некрологе Галлея, такое предложение действительно поступило, но Галлей его не принял, так как судьба его сделала в это время поворот к лучшему. Галлей по распоряжению короля был назначен командиром корабля „Парамоур Пинк“, который отправлялся в плавание месяцем позже в конце ноября 1698 года».
На Брюса в Англии была возложена особая миссия.
Дело в том, что в апреле 1698 года Петр I вынужден был выехать из Англии в связи с известием о бунте стрельцов и Брюс должен был довершить многое задуманное царем. В частности, довести до конца дела по найму специалистов и ученых в Англии.
Что же касается взаимоотношений Ньютона и Флэмстида, то они ухудшались независимо от усилий их померить Брюса и Колсона, так как Флэмстида обижало то, что Ньютон, занимаясь научными исследованиями, не выносил новые разработки на совместное обсуждение (возможно, по причинам той же занятости). Тем более что Ньютон пользовался астрономическими данными, полученными не от Флэмстида, а из исследований Э. Галлея.
Через много лет, уже в России, Брюс приобретает изданный в 1729 году (посмертно) труд Флэмстида Historia Coelestis Britannica, а также его Atlas Coelestis.
В. Босс пишет о том, что Брюс имел в своей библиотеке все труды Флэмстида. Конечно, утверждает автор, огромный интерес Брюса к астрономии, которым он заразил и Петра Великого, мог появиться у него только благодаря знакомству с Флэмстидом.
«К сожалению, — сообщает В. Босс, — переписка Брюса с Флэмстидом не сохранилась, но нетрудно предположить, почему Флэмстиду и „Полковнику“, так называли Брюса английские ученые, была выгодна их дружба. В английских кругах были хорошо

известны близкие отношения между царем и Брюсом. Кроме того, Флэмстиду было также сообщено, какую сумму денег Петр оставил Брюсу на его обучение и на приобретение научных приборов и книг. А Флэмстид постоянно был без денег и вынужден был подрабатывать занятиями с учениками (в период с 1676 года по 1709 год у него их было около 140)». Формально Брюс не относился к числу учеников Флэмстида, так как у него был уже учитель математики, друг и Флэмстида и Ньютона — Джон Колсон.

Ему «Ивану Колсуну было плачено 48 гиней 17 апреля 1698 за „обучение Джекоба Брюса, как было оговорено контрактом, шесть месяцев, включая питание и проживание…“». Другая запись гласит: «…денег 50 гиней плачено по повелению Великого Монарха Якову Брюсу, который учился математическому искусству у Ивана Колсуна». Он также получатель 150 гиней за «небольшую яхту… сделанную из кипариса».

Джон Колсон в 1698 году проживал в доме в Гудмэнз Филдз. В этом же доме жил и Я. В. Брюс. От него, друга и ученика Ньютона, Брюс узнал основы натуральной философии учителя.

Валентин Босс считает, что Брюс познакомился с Колсоном после того, как они вместе с Петром I побывали уже у королевского астронома Флэмстида в Гринвичской обсерватории в феврале и марте. Скорее всего, Флэмстид познакомил Брюса с Колсоном, а не наоборот, хотя это могло произойти самостоятельно в Оксфорде 8 апреля во время пребывания там Петра и Брюса.

Очевидно, Петр, а может быть, Брюс, был высокого мнения о Колсоне, так как контракт, который заключил царь с ним на шесть месяцев по одобрению Брюса, был по ценам того времени необыкновенно щедрым. Колсон получил от него 48 гиней. Если сравнить эту плату с окладом Флэмстида, то они будут равны. Не исключена возможность, что Брюс платил Колсону еще дополнительно из тех 50 гиней, которые царь оставил Брюсу. Правда, у Брюса было много других поручений от царя, для выполнения которых тоже требовались деньги. Так, например, Флэмстид готовил «новые таблицы преломления для Полковника». В какой степени были включены в программу обучения Брюса вопросы натуральной философии и астрономии, можно только догадываться. Что же касается направления его математических занятий, то на этот вопрос дает ответ каталог библиотеки Брюса.

По смерти Ньютона Колсон издал научный трактат на тему «дифференциального исчисления», как назвал свое изобретение сам Ньютон, и его (исчисления. — А. Ф.) «Применения к геометрии кривых линий». Но это было не самой первой работой на английском языке, интерпретирующей открытие Ньютона. Первым был Карл Хэй, автор «Трактата по исчислениям» (1704), который Брюс также, очевидно, приобрел. Но издание Джона Колсона имеет несравненное преимущество по сравнению с первым, ибо в нем помещен собственный текст Ньютона. Этот труд вышел в свет в 1736 году, а Брюс умер в 1735-м. Неизвестно, кто прислал Брюсу «Методику исчисления», но, очевидно, это был тот, кто посылал ему и другие английские книги, которые значатся в каталоге библиотеки.

В конце 1698 года Брюс вернулся в Россию первым российским ньютонианцем, первым русским ученым, проводником идей великого Ньютона. Дальнейшая деятельность Брюса по созданию навигационной школы, астрономической обсерватории, переводы научных трудов, практическая деятельность на посту президента Мануфактур- и Берг-коллегии, денежная реформа, занятия оптикой и математикой показывают, каким образом наука Ньютона впервые проникла и стала известной в России.

15 сентября из Лондона Брюс пишет Петру: «Милостивый государь! Перед отъездом твоим государским был мне твой государский приказ, чтоб мне пробыть в Лондоне только до первых чисел сентября месяца. И я зело желал, чтоб к тому времени докончить свое учение, да воистинно не мог, хотя по всяк день над тем прилежно сидел. И аще Бог изволит, чаю сего месяца сентября в последних числах докончить и ехать отсюда. А инструменты серебряные, такожде которые для своего употребления изволил сделать приказывал, привезу с собою».
По всей вероятности, именно в начале следующего, 1699 года Брюс вернулся из Англии, выполнив все возложенные на него поручения. А сделано было действительно немало. Находясь с Петром в Дептфорде, где царь трудился с 11 января по 25 апреля 1698 года на судоверфи, арендуемой адмиралом Бенбоу, он помогал Петру изучать технологии кораблестроения, чтение чертежей для сборки корабля, посещал корабельные мастерские Дептфорда, Портсмута, Чатама.
Профессиональный подход к делу строительства кораблей и изучения корабельной архитектуры оказался не просто успешным. Сам Петр Алексеевич писал: «Если бы не поездка в Англию, я так и остался был хорошим плотником, никогда не стал бы кораблестроителем».
Посещали они вместе артиллерийские заводы Вульвича и других городов. За этот период вместе с Я. В. Брюсом Петр I наладил контакты с учеными-математиками и астрономами, вел переговоры о приглашении на службу. Десятки ученых и специалистов приехали работать в Россию и стали активными проводниками идей просвещенного монарха-преобразователя. В обшей сложности более девятисот человек прибыли в Россию на русскую службу. В большинстве своем они преподавали в созданных в начале XVIII века школах, руководили новыми учреждениями, участвовали в формировании новой русской армии и военно-морского флота. Безусловно, в этой работе непосредственное участие принимал Я. В. Брюс, ибо одно из особых поручений, возложенных на Якова Вилимовича Петром, было «поручение обозреть английские школы и представить о них отчет». Кроме этого, Петр Алексеевич посетил Гринвичскую обсерваторию Флэмстида, познакомился с «диковинками» — экзотическими экспонатами в музее, после чего решил создать свою обсерваторию и Кунсткамеру — первый российский музей. В этом Брюс оказался единственным советчиком, кто был способен со знанием дела помогать государю. Вообще Я. В. Брюса можно смело называть человеком, наиболее четко из всех «птенцов гнезда Петрова» представлявшим суть и масштаб будущих преобразований в России.
Пребывание Брюса вместе с Петром в Англии повлияло и на будущую символику России. Именно шотландец Брюс обосновывает русскому царю идеи протестантизма в христианстве, после чего Петр стал более решительно проводить реформы по отношению к Русской православной церкви, а во внешней политике в основном налаживает контакты и проводит переговоры с протестантскими государствами (Англией, Данией, Норвегией, германскими землями). Андреевская символика (крестовый флаг военно-морского флота, орден Святого Андрея Первозванного), введенная в России в 1698 году, появляется в нашей стране именно благодаря Брюсу. Это показали исследования кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Института всемирной истории Российской академии наук Д. Г. Федосова, переводчика уникального дневника Патрика Гордона, издаваемого с 2000 года под эгидой РГВИА издательством «Наука».
Значение Великого посольства для России чрезвычайно велико, особенно это касается пребывания в Англии. Но и для самого Брюса эта поездка оказалась

плодотворной и обозначилась написанием в 1698 году первого научного трактата — «Теория движения планет», обнаруженного в библиотеке Кембриджского университета В. Боссом. Как отмечает канадский ученый, это первая работа русского ученого о законе всемирного тяготения. «Теория движения планет» находится сейчас и в библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге.

Огромное значение в формировании Брюса как ученого-математика имело обучение у профессора Джона Колсона. В библиотеке Брюса имелись рукописные книги и тетради с пометкой Bruciana, написанные во время пребывания в Англии в 1698 году. Это фактически конспекты, составленные Брюсом во время занятий. Они включают курс по арифметике, геометрии, тригонометрии, астрономии. Не случайно в дальнейшем Я. В. Брюс исполняет роль научного консультанта царя и становится единственным российским астрономом, создателем казенных обсерваторий в России. Первая из них была оборудована Брюсом и открыта уже в июне 1700 года в здании Сухаревой башни.

Еще одним из итогов английского путешествия Брюса стала разработка совместно с Адамом Вейде воинских артикулов, «в которых содержится уложение о наказаниях <…> по образцу подобных же уставов, принятых у других великих государей».

В июле 1699 года Брюс сообщает Петру: «По твоему государскому писанию к Адаму Вейде, послал я к тебе, государю, краткое описание законов (или правил) шкоцких, агленских, и французжских о наследниках (или первых сынах). Також напоминая твой государев приказ в агленской земле, послал к тебе, государь, описание чинам, которые были у агленскаго короля у артиллерии на войне и во время миру, такожды о их жалованьи поденном в войне и о годовом во время мировое». Таким образом, Брюс помогает Петру Алексеевичу в подготовке принятия будущего закона о единонаследии, изданного 23 марта 1714 года, а также в работе по формированию регулярной армии.

После пребывания в Англии Брюс более подготовленным подходит к исследовательской работе, используя присылаемые из-за границы приборы и инструменты. Об одном из таких инструментов, очень пригодных для путешественников, он сообщает Петру в том же 1699 году, рассказывая, что инструмент этот помогает «сыскать полус гогде (или элевацию поли), без всякого вычету и не ведая деклинации солнца и не имея инструментов, кроме циркуля и линиала». К инструменту он приложил чертеж и описание, как им пользоваться.

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Брюс и вечные часы (продолжение)

Ну, всего не упомнишь, что он повыдумывал. А вот насчет вечных часов я знаю хорошо, это помню, как все дело произошло. И трудился он долго, может, лет десять, а все-таки выдумал.

И такие часы выдумал, что раз завел их — на вечные времена пошли без остановки. И как завел он их — ключ в Москву-реку забросил. И как был жив Петр Первый и Брюс был жив, то часы шли в полной исправности. Из-за границы приезжали, осматривали. Хотели купить, только Петр не согласился.

— Я, говорит, не дурак, чтобы брюсовские часы продавать.

Ну, те и утерлись, — отъехали ни с чем.

Ну, значит, при Петре и при Брюсе ходили часы. А стала царицей Екатерина, тут и пришел им конец. Конечно, затея глупая, женская.

— Мне, говорит, желательно, чтобы ровно в двенадцать часов дня из нутра часов солдат с ружьем выбегал и кричал:

— Здравия желаем, ваше величество!

Это как вроде раньше были часы с кукушкой: «дон… ку-ку… дон… ку-ку…» А то еще с перепелом: «Пить пойдем… пить пойдем…» Так это что же? Это штука не мудреная, это кто знает — может устроить, тут такой механизм. А вечные часы для этого не годятся, они не для того сделаны, чтобы на птичьи голоса выкрикивать или чтобы солдаты с ружьем выбегали… Они для вечности сделаны, чтобы шли и чтобы веку им не было. А Екатерина в этом деле ничего не смыслила. Она так полагала: постучат молотком и готово дело. Ну, а вразумить-то ее некому было. Министры эти — «слушаем, говорят, все исполнено будет». Тоже — ветер в голове погуливал. Ну, как можно так говорить, ежели не знать механизма? Они думали: стоит только сказать, и все готово будет. И приказали привести самого лучшего мастера. Вот разыскали немца. Пришел и только глянул на часы, а уж говорит:

— Можно. Но только, говорит, я меньше пяти тысяч не возьму, и чтобы мне квартира при дворце и чтобы харчи первоклассные.

А министры говорят:

— Все будет, делай.

Вот и начал немец делать. Осмотрел часы.

— Дурацкая, говорит, работа. Это, говорит, дурак делал.

Ну ладно, пусть будет дурак. Посмотрим, как ты, умная голова, станешь делать…

Глава 3
СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

«Ругодевский» поход

«Ругодевским» принято называть поход русской армии к Нарве (Ругодив — древнее название этого города. — А. Ф). Этим походом фактически началась для России война со Швецией. Предшествовало началу этой войны заключение мира с Турцией, а также пожалование 31-летнему Я. В. Брюсу звания генерал-майора от артиллерии в июне 1700 года.

9 августа Петр I пишет из Москвы новгородскому воеводе князю И. Ю. Трубецкому: «Ныне мы, при помощи Божьей, начали войну против Шведов и сегодня послали для блакира и пресечения путей в Ижорскую землю генерал-майора Якова Брюса». Отряд прибыл в Новгород через 15 дней, после чего по решению царя Брюсу отказано в команде и под Нарву с полками отправлен И. Ю. Трубецкой.

Это решение Петра I породило миф об опале Брюса. Его автором стал немецкий специалист на русской службе бюргер М. Нейгебауэр, который в 1701 году был определен первым наставником к сыну Петра Алексею и занимался обучением цесаревича «в науках и нравоучении». Нейгебауэр был родом из Гданьска, учился (прослушал лекции) в Лейпцигском университете, где преимущественно изучал латинский язык, юриспруденцию и историю. В 1699 году он приехал в Россию в свите саксонского курфюрста генерала Карловича, с которым Петр хотел отправить за границу учиться своего сына. Карлович предложил Нейгебауэру стать гофмейстером цесаревича, на что тот согласился. Однако Карлович неожиданно скончался, и вопрос о назначении Нейгебауэра учителем и наставником цесаревича затянулся. Нейгебауэр обратился несколько раз с ходатайствами и получил место при цесаревиче только в июне 1701 года.

Уже в конце того же 1701 года обнаружились неудовольствия между Нейгебауэром и русскими, состоявшими при цесаревиче. Немец настаивал, чтобы ему подчинили этих лиц, поскольку, как он писал, «если всякий из них будет делать, что хочет, то невозможно царевича изрядным нравам и порядочному житию научити, зане

некоторые от злости все его труды портить будут». Он просил удалить прежних лиц, окружавших царевича, и в том числе русского учителя его Никифора Вяземского, а на место их определить знающих иностранные языки и обычаи, «зане вышеписанные люди (Вяземский и другие) неудобны быть у младого царевича, которого изрядно воздержать надлежит». Конфликты у Нейгебауэра возникали с Вяземским, Нарышкиным и другими приближенными. Особенно возражал против Нейгебауэра А. Д. Меншиков, который, по словам иностранца, обращался с ним хуже, нежели с псарем. Все это и привело к тому, что после ссоры в Архангельске с Вяземским и Нарышкиным 23 мая 1702 года началось разбирательство данного конфликта и в июле 1702 года состоялся указ царя, в котором, в частности, говорилось: «Иноземцу Нейгебауэру за многие его неистовства, что писался гофмейстером его высочества и ближних людей, которые живут при царевиче, бранился и называл варварами, от службы отказать и ехать ему без отпуска, куда хочет». Однако Нейгебауэр оставался в Москве до 1704 года: сначала его опасались выпускать из страны, предполагая, что он может передать какие-либо секретные сведения о России, затем сам Нейгебауэр искал места в русской службе и даже соглашался ехать при посольстве в Китай. Наконец, в навигацию 1704 года его под караулом отправили из Москвы в Архангельск, откуда на гамбургском корабле он возвратился на родину. Через несколько месяцев иноземец издал брошюру в форме письма немецкого офицера некоему тайному советнику о дурном обращении с иноземными офицерами в России.
Фактически это была месть обиженного иностранца за все те унижения, которые он пережил в России за пять лет пребывания. Конечно, нельзя оправдывать русских за часто небрежное и жестокое отношение к иноземцам, о чем уже писалось в начале книги. Однако в данном случае необходимо учитывать не только личные обстоятельства, важнее рассматривать политический аспект, направленный против России, именно в 1704 году взявшей Нарву, после чего последовало принятие манифеста царя, распространяемого в европейских странах с приглашением иностранным офицерам поступать на русскую службу. Поэтому необходим был «живой» свидетель, дабы создать уродливый образ России и порядков в ней в глазах европейцев. Эти обстоятельства и привели к появлению пасквиля бывшего учителя цесаревича.
В этой брошюре, несколько раз переиздававшейся с добавлениями в Европе, автор пишет, что «царь и приближенные его обходятся с честнейшими и храбрейшими [иностранными] офицерами, как с щенками, при содействии пощечин, палочных ударов, кнута и тысячи других подобных поруганий». В качестве доказательств этого приводятся многочисленные случаи наказаний, унижений и оскорблений по отношению к иностранцам со стороны царя и его приближенных. Особенно достается от автора «царскому любимцу, некоему пирожнику, по имени Александр Данилович Меншенкопф (Menschenkopff)». Фамилия Меншикова представлена в переизданиях и в другом варианте — Меншенкот (Menschen Koth), естественно, в насмешку над светлейшим.
Как один из примеров в брошюре приводится эпизод участия Брюса в Ругодивском походе. Нейгебауэр не просто искажает факты, он еще и приводит скабрезности, порочащие жену Брюса.
Так автор пишет: «...генерал-майор Бруст (Brust, т. е. Брюс) должен был брать приступом Нарву без артиллерии, пороха и ядер. Когда же ему это не удалось, то посадили этого способного артиллериста на пять месяцев в оковы, а жена его разделяла ложе с Александром Даниловичем Меншенкопфом, и только чрез это Брюс снова вошел в милость».

По этому поводу в вышедшей в 1705 году в Нарве брошюре барона Гюйссена говорится: «…генерала Брюса послали на скоро осаждать Нарву, а также он должен был доставить туда из Новогорода нужные военные припасы для войск, которые за ним следовали из разных мест. Это повеление он не исполнил с надлежащею быстротой, почему многие подведомственные ему артиллерийские служители, вопреки желанию и указу царя, остались позади. Это обстоятельство и было сначала поводом к обвинению генерала: его арестовали и отдали при Нарве под военный суд. Однако, по прошествии нескольких дней, когда были выслушаны оправдания Брюса и когда найдены основательными, его освободили с возвращением прежнего звания и допущением к исправлению высших должностей».
Как видно, Гюйссен, приводя свою версию случившегося, считает, что Брюс был отдан под военный суд при Нарве и освобожден сразу, никаких пяти месяцев заключения не было.
Однако, ссылаясь на немецкого писателя Вебера, известный исследователь Бантыш-Каменский сообщает следующее: «…ему велено было поспешать с вверенными войсками, но как они были расставлены по разным местам: то Брюс и не мог собрать их к назначенному сроку. Недоброжелатели его воспользовались этим случаем, чтобы очернить усердного начальника. Он был лишен команды, и в опале сохранил великость духа. В 1701 году невинность Брюса оправдана…»
У историка Н. Г. Устрялова в «Истории царствования Петра Великого» приведена «Записка о ругодевском (нарвском) походе», в которой говорится: «28 июля [8 августа по новому стилю] 1700 года посланы из Москвы Яков Брюс, Иван Чамберс, Василий Корчмин до Новгорода, на скоро, и поспели в Новгород в 15 дней, за что гнев воспринял от его величества Яков Брюс и от команды ему отказано. Послан вместо Брюса, с полками, новгородский воевода Ив. Юр. Трубецкой». То есть Устрялов утверждает, что к Нарве Брюс вообще не ходил и уже в Новгороде был отстранен от командования.
Исследователь М. Д. Хмыров считал, что возвращен был Брюс «к отправлению прежних должностей» только после того, как оправдания его были признаны основательными.
Таким образом, историки пытались по-разному объяснить причины опалы, якобы обрушившейся на Брюса, веря немецкому автору и принимая его информацию за чистую монету.
На самом деле, в уже упомянутом письме Петра Трубецкому четко указано, что послан Брюс «для блакира и пресечения путей в Ижорскую землю», то есть ни о каком штурме Нарвы, одной из самых укрепленных цитаделей в Прибалтике, речь не шла, и за это никакого гнева Петра не могло быть.
Поход, о котором сообщает Петр, имел цель привести в Новгород под команду князя Трубецкого военных специалистов: инженеров, артиллеристов, фортификаторов, чтобы использовать их «для блакира и пресечения путей».
Подтверждением этому может служить фраза из «Гистории Свейской войны», в которой отмечено: «…в Новгород послан указ к губернатору князю Трубецкому, чтоб он блаковал Нарву, по которому указу он, губернатор, из Новагорода пошел к Нарве…»
Что же касается чести жены Я. В. Брюса, то об этом у Гюйссена в его «Пространном обличении преступнаго и клеветами исполненного пасквиля» сказано: «Каким же образом его уважаемая супруга могла способствовать к освобождению мужа у князя Александра Даниловича, то никоим образом представить себе невозможно. В то время она находилась в Москве и, следовательно, за 130 миль от Нарвы, где был князь

Александр Данилович. При тогдашнем положении дел мало думали о дамах, а между тем Брюс был освобожден гораздо прежде прибытия Меншикова в Москву. Вместе с тем известно, что эта самая дама, вполне достойная любви и уважения, довольно полна, известных лет, прекрасной репутации, совершенно христианской жизни и поведения, и более всего занята заботами о своем хозяйстве, нежели галантными похождениями».

Эпизод с пасквилем Нейгебауэра показывает механизм действия легенд и мифов, которые позднее сочиняли о Брюсе.

К сожалению, лживая брошюра Нейгебауэра неоднократно переиздавалась с разными добавлениями во многих странах Европы. В ней затронута еще одна тема, очень важная с точки зрения создания варварского образа России среди европейских народов. Здесь рассказывается не только о жестокостях по отношению к иностранцам на русской службе, но и о жестоком обращении с пленными. Так автор брошюры утверждает: «шведы… поступают с пленными более по-христиански, нежели русские… последние думают, что только они христиане, а шведы, и в особенности все немцы, не более как бусурманы и язычники».

Теперь, через 300 лет после описываемых событий, непредвзятые историки без политической ангажированности и национальной привязанности делают выводы, которые противоречат писаниям Нейгебауэра и других авторов публикаций, выходивших в Европе в свое время.

В статье, посвященной 300-летию Полтавской битвы, исследователь М. О. Акишин пишет: «Потерпев сокрушительное поражение в Северной войне, шведы сумели настолько дискредитировать противника в общественном мнении Европы, что даже в 1896 году А. З. Мышлаевский отмечал: „Русская армия XVIII века вызывает неоднократные упреки в ее варварстве, в стремлении вести войну не только с вооруженным противником, но и с беззащитными жителями. Для западных историков такой взгляд — почти аксиома“».

Исследователь сообщает, что, несмотря на большое количество научных работ по этому поводу В. Э. Грабаря, Ф. И. Кожевникова, Д. Б. Левина и Г. С. Стародубцева, где убедительно доказано, что Петр I запрещал насилие над населением оккупированных территорий и нарушение местных порядков и обычаев, гуманно относился к пленным, на рубеже XX–XXI веков в России появились работы, в которых эти выводы были поставлены под сомнение. В. Е. Возгрин впервые в российской и скандинавской историографии обвинил в геноциде русскую армию. О Петре он пишет: «…царь запятнал благородное военное искусство кровью женщин и детей, а свое имя российского государя — славой крупнейшего торговца беглыми рабами в Европе». Однако это совершенно не соответствует истине, выявленной в ходе многолетних исследований, ведь в ходе Северной войны шведы не раз задерживали парламентеров, захватывали корабли, перевозившие под белым флагом в Швецию письма шведских пленных из России.

Современный шведский историк П. Энглунд отмечает, что жестокое отношение к пленным — характерная черта шведского великодержавия. Как утверждает П. Энглунд, в шведской армии практиковался «зверский образ действий — беспощадно убивать всех и вся, не беря пленных». Это утверждение подкрепляется целым рядом фактов. В сражении под Нарвой 1700 года шведы протыкали штыками сдававшихся русских солдат. В 1705 году шведы захватили украинских казаков, подданных Петра I. По приказу короля несколько сотен из них «палками, а не оружием немилосердно и ругательно побито». Сражение под Полтавой началось со штурма шведской армией передовых русских редутов. Два из них шведам удалось

взять, русские солдаты, сдававшиеся в плен, «были застрелены, заколоты или забиты насмерть».
В 1703 году, выполняя союзнические обязательства, Петр I послал в Саксонию «помошный корпус». Если русские солдаты из этого корпуса попадали в плен к шведам, с ними поступали жестоко. В 1704 году шведы захватили в деревянном доме небольшой русский отряд. Русские стали просить пощады, но «шведы по имеющему указу никакой пощады им не дали, но обшедши тот дом их зажгли и тако немилосердно сожгли». В 1705 году до Москвы добрались два русских солдата, побывавших в плену. Солдаты рассказали: «...когда их немалое число... в полон взято и марш шведскому войску учинился, то большую часть из них по указу королевскому порубили, а другим, таким образом, как и им, персты обрубили. И засвидетельствовали они с клятвою, что над ними то учинить повелел сам король. И при том, когда им персты рубили, сам был». Петр I представил их английскому, прусскому и голландскому послам, «которые сами оных... осматривали и у рук и у ног персты обсечены обрели».
Одним из самых трагичных эпизодов Северной войны стала битва под Фрауштадтом 1706 года, в которой союзная армия, состоявшая из десяти тысяч саксонцев, пять-шесть тысяч русских из «помошного корпуса» и трех батальонов французов, потерпела поражение от десятитысячной шведской армии генерала К. Г. Реншильда. В «Гистории Свейской войны» сказано, что в сражении погибли четыре тысячи саксонцев и две тысячи попали в плен. Относительно русских солдат Реншильд «зело немилосердно поступил по выданному об них прежде королевскому указу, дабы им пардону (или пощады) не давать». Пленных «ругательски, положа человека по 2 и по 3 один на другова, кололи их копьями и багинетами».
Шведы оставили воспоминания об этой расправе. Они писали, что саксонских солдат щадили, но русские не могли рассчитывать на милость. Реншильд приказал поставить шведские отряды кольцом, внутри которого собрали всех взятых в плен русских. Один очевидец рассказывает, как потом около пятисот пленных «тут же без всякой пощады были в этом кругу застрелены и заколоты, так что они падали друг на друга, как овцы на бойне». Трупы лежали в три слоя, размочаленные шведскими штыками. Еще до начала боя русские солдаты вывернули свои мундиры красной подкладкой наружу. Шведы восприняли это как хитрость. Другой участник сражения рассказывает: «Узнавши, что они русские, генерал Реншильд велел вывести их перед строем и каждому прострелить голову; воистину жалостное зрелище!»
За эту победу Реншильд был пожалован графским достоинством.
Вопрос о плене на поле боя регулировался в военном законодательстве Петра I. Этому вопросу было уделено внимание в «Уложении или правиле воинского поведения генералам, средним и младшим чинам и рядовым солдатам» 1702 года. В статье 99 устанавливалось, что все пленные, «взятые... общим военным случаем, государева принадлежность». В статьях 45, 67, 101 под страхом смертной казни запрещалось после окончания боя покидать свою роту (полк) для захвата пленных, а также «на боевом месте мертвых обирать и добычу чинить». Запрещалось убивать, избивать пленных «под лишением живота и чести». В статье 102 — отлучать слуг от пленных. В статьях 98, 100 устанавливалось, что независимо от того, кто произвел захват пленного, он обязан немедленно представить его генерал-аудитору, составлявшему список пленных и проводившему допросы, а затем передать для «сбереженья» генерал-гевалдигеру. Военной полиции предписывалось «полоненников... достойно... в артикуле» охранять, «...беречь и пристойное пропитание им дать». Данное

законодательство, безусловно, устанавливало нормы поведения на поле боя, однако на практике новшества далеко не всегда исполнялись.
30 марта 1716 года Петром I был утвержден Воинский устав, заменивший предшествующее военное законодательство и ставший актом высшей юридической силы. Статус пленных регулировался в «Артикуле воинском», вошедшем во вторую книгу Воинского устава. В этом акте подтверждался публично-правовой статус пленных. В артикуле 114 говорилось: «Всех пленных, которые при взятии городов в баталиях, сражениях или где инде взяты будут, имеют немедленно оному, которой команду имеет, объявить и отдать. Никто ж да не дерзает пленнаго под каким-нибудь предлогом при себе удержать, разве когда указ инако дан будет». Нарушителям этой нормы грозило наказание: «офицер, чина лишен, а рядовой, жестоко шпицрутенами наказан». В артикуле 115 закреплялось гуманное отношение к пленным: «Никто да не дерзает пленных, которым уже пощада обещана и дана, убити, ниже без ведома генерала и позволения освобождать, под потерянием чести и живота».
В отношении пленных шведов в официальных документах использовалось понятие «арестанты», что свидетельствовало о их публично-правовом статусе и временности содержания в России. Статус пленных определялся предоставлением прав местного самоуправления и религиозной свободы, ограничения свободы передвижения и права переписки. Верховная власть России по своему усмотрению размещала пленных в пределах страны, привлекала унтер-офицерский и солдатский составы к различным работам при предоставлении им государственного содержания.
Единственным критерием, позволяющим убедиться в стремлении высшей власти соблюдать законы и обычаи войны на практике, является ее способность привлечь преступников к ответственности. Петр I обладал необходимой решительностью. В 1721 году к смертной казни был приговорен сибирский губернатор князь М. П. Гагарин. Одним из основных пунктов приговора ему было доказанное обвинение в краже 30 тысяч рублей из «кормовых денег» для шведских «арестантов».

Во главе Новгородского приказа

В мае 1701 года, после открытия школы, Яков Вилимович назначается на должность губернатора Новгорода вместо взятого в плен под Нарвой князя И. Ю. Трубецкого и командует большей частью артиллерии, то есть частично исполняет обязанности также плененного под Нарвой генерал-фельдцейхмейстера царевича имеретинского Александра Арчилловича.
Назначение Я. В. Брюса на должность губернатора Новгорода было не случайным. После поражения русской армии под Нарвой в ноябре 1700 года Карл XII, уверенный, что русская армия окончательно разгромлена и больше не представляет серьезной опасности для шведов, направляется с армией в Польшу для того, чтобы расправиться с главным противником Августом II. До 1707 года шведы будут стремиться нанести главный удар по польской армии, Карл XII станет активно заниматься утверждением на польском троне нового короля, а Петр I будет укреплять свою армию, совершенствовать вооружение, готовиться к новым баталиям.
Первое, что делает Петр Алексеевич в начале 1701 года, издает указ о сборе колокольной меди, согласно которому следовало «четвертую часть колоколов со всего государства, с знатных городов, от церквей и монастырей отбирать и отправлять в Москву на пушечный двор, на литье пушек и мортир». Данный указ был вынужденным шагом после катастрофы русской армии под Нарвой. Это один из главных аргументов оппонентов Петровских реформ в нашей стране. Однако здесь надо учитывать, что указ предусматривал переливку только тех колоколов, которые

хранились в церквях и монастырях и не были непосредственно задействованы для колокольного звона. К маю 1701 года в Москву было свезено на переплавку церковных колоколов общим весом более 90 тысяч пудов. Из части собранных колоколов было отлито 100 больших и 143 малых пушек, а также 12 мортир и 13 гаубиц. Однако колокольная медь оказалась непригодной для артиллерийских нужд ввиду нехватки олова, требовавшегося для орудийной бронзы, и оставшиеся колокола остались невостребованными. Литье значительной части этих пушек, по всей видимости, осуществлялось на тульском заводе, построенном под руководством голландских специалистов еще в 1632 году.
Кроме того, началось разорение прибалтийских крепостей, которые были опорой для шведского короля. Эту миссию блестяще исполнил Борис Петрович Шереметев. Естественно, следовало ожидать ответных шагов шведского короля, главным из которых должен был стать поход на Москву из прибалтийских территорий. В этих условиях требовалось укрепление русских форпостов и крепостей с целью подготовки их к отражению штурма и сдерживанию многомесячной осады.
Таким образом, на Брюса возлагается большая ответственность — подготовка одного из основных городов-крепостей на пути Карла XII к Москве. Для этого необходимо было не только укреплять крепостные стены. Брюс занимается налаживанием промышленности, строит мельницы. Город для сдерживания многомесячной осады должен был обеспечивать себя боеприпасами, оружием, продовольствием, то есть несколько месяцев находиться на полном самообеспечении при мощном силовом давлении и массированной бомбардировке. Можно представить, какую огромную работу проводил Яков Вилимович Брюс, находясь в должности губернатора Новгорода.
В 1701 году Новгород становится центром сосредоточения сил в войне против Швеции. Именно Новгородскому приказу Петр I велит «на реках Волхове и Луге, для нынешней свейской службы, под всякие полковые припасы и на дачу раненым людям, сделать 600 стругов…». Кроме постройки новых стругов на этих реках, а также на Ладожском и Онежском озерах, на реке Свири и в Тихвине было приказано переписать струги всех частных владельцев и приготовить их для участия в военных действиях. От местных жителей и знающих людей собирались подробные сведения о водных и береговых путях от устья Волхова к Орешку и далее по Неве до выхода в море. Поражение под Нарвой ускорило процесс реформирования русской армии, флота и артиллерии: проводятся рекрутские наборы, закладываются судоверфи на Ладоге.
Кроме того, генерал Брюс как руководитель Новогородского приказа и как подручный начальника артиллерии принимает участие в военных действиях.
Летом 1701 года Б. П. Шереметеву было приказано с полками московского и новгородского поместного ополчения сосредоточиться в районе Пскова, Гдова и Печерского монастыря. Брюс исполнял обязанности «подручного начальника артиллерии». 24 сентября 1701 года из Ладоги он пишет Петру: «Михаиле Щепотев привез порох, ядра и бомбы, против приказу; понтоны скоро будут. Я отпущу водою к тем 1500 бомбам, которые посланы сухим путем, и как скоро придут полки П. М. Апраксина, сам пойду». При этом, выполняя главную задачу, Брюс жалуется Петру на недостаток плотников и кузнецов, так необходимых для укрепления Новгорода.
В июле 1702 года из Архангельска Петр пишет в Москву Т. Н. Стрешневу: «…изволь приказать Брюсу, чтоб которое готовлено зимним путем, тоб изготовить водою, и еще

18-ти фунтовых (пушек) что есть, да 12 мортиров, а к ним по 1000 бомб и ядер и пороху, также шерсти и кульков, мотык и лопат, втрое передать зимним».
Исполняя это поручение, Брюс доставлял близлежащую артиллерию к Ладоге, а 25 сентября, за недостатком лошадей, начал отправлять ее к Нотебургу (впоследствии Шлиссельбургу), куда уже шел сам Петр с 13-тысячной армией под командованием фельдмаршала Шереметева. Здесь, при осаде Нотебурга, Брюс, по утверждению Хмырова, впервые командовал всей артиллерией. Артиллерия Брюса при взятии Нотебурга состояла из девятнадцати пушек полковых 3-фунтовых, двенадцати пушек калибром 12 фунтов и двенадцати мортир, которые были расположены на двух батареях и двух кетелях. В период с 1 по 11 октября по крепости было выпущено более шести тысяч ядер калибром от 6 до 18 фунтов и, более того, 2500 3-пудовых бомб, причем употреблено пороха 4371 пуд.
Старое русское название Нотебурга — Орешек. После взятия крепости Петр I писал в письме Виниусу: «Правда, что зело жесток сей орех был, однако, слава Богу, счасливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила».
После взятия Нотебурга Брюс возвратился в Новгород. Зимой 1702/03 года он дружески сошелся с генерал-фельдмаршалом Б. П. Шереметевым, который стоял с армией на зимних квартирах близ Пскова и Ладоги и часто выезжал к своему новгородскому соседу. Дружба соединила этих сподвижников царя не случайно. Оба они обладали наибольшими талантами в ряду близких царю людей и были очень порядочными и достойными военными.
Борис Петрович Шереметев был единственным военачальником, заявившим герцогу Кроа, что диспозиция русских войск перед сражением с отрядом Карла XII под Нарвой 19 ноября 1700 года была в корне неверной. Поражение это было предсказано блестящим полководцем, но сам он был объявлен едва ли не главным виновником этого поражения. Полководческий талант Шереметева был оценен уже в 1701 году при взятии Лифляндии. За боевые успехи Борис Петрович произведен в генерал-фельдмаршалы и награжден высшей наградой России орденом Святого апостола Андрея Первозванного.
Как уже отмечалось, в этих походах Шереметева Я. В. Брюс, исполнявший обязанности «подручного начальника артиллерии», принимал участие и был в подчинении Бориса Петровича. Теперь, в 1702 году, отношения начальника и подчиненного перерастают в дружеские, и в дальнейшем оба генерала постоянно поддерживают их.
В марте 1703 года Б. П. Шереметев в письме Петру сообщает о своей дружбе с Яковом Брюсом: «...про здоровье мое извольте выпить, а про ваше здоровье обещаюся быть шумен и обедать днесь стану у Якова Вилимовича».
Впоследствии эти отношения перерастут в близкие, сердечные. Влияло на них то обстоятельство, что каждый мог рассчитывать на дружеский совет и помощь при решении каких-то злободневных вопросов. Например, 11 мая 1709 года Борис Петрович, рассчитывая на посредничество в своих отношениях с Петром Алексеевичем, обращался к Брюсу в письме: «Великий бы дал за то кошт, чтобы я тебя имел видеть персонально, понеже я тебя имею себе целым благодетелем, имея нужные до тебя интересы».
В марте 1703 года Шереметев и Брюс, первый с полками, а второй с артиллерией, двинулись, по царскому велению, к Ниеншанцу, который после пятидневной осады и одиночной бомбардировки к утру 1 мая 1703 года капитулировал. При осаде Ниеншанца использовались 16 3-пудовых мортир, 48 26-ти и 12-фунтовых пушек,

каждая из которых сделала по девять выстрелов. При взятии Ниеншанца без штурма была захвачена вся артиллерия: 55 бомб, 195 бочек пороха, много ядер и картечи.
После взятия Ниеншанца Брюс принимает участие в военном совете, собранном для решения вопроса: «…тот ли шанец крепить, или иное место удобное искать (понеже оный мал, далеко от моря, и место не гораздо крепко от натуры), в котором положено искать новаго места, и по нескольких днях найдено к тому удобное место остров, который назывался Мост Еланд (т. е. Веселый остров), где 16 день мая… крепость заложена и именована Санктпетербург».
Так, 16 (27) мая 1703 года был принят указ об основании города, ставшего впоследствии новой столицей России. Губернатором Санкт-Петербурга стал А. Д. Меншиков. Комендантом полковник Рен — барон Карл Эвальд Магнусович Ренне (1663–1716). Назначение произошло в день освящения новой крепости, 29 июня 1703 года.
На этом посту, в должности обер-коменданта, 20 мая 1704 года полковника Рена сменил брат Якова Вилимовича генерал-майор Роман Брюс.
После участия в военном совете, решившем судьбу Санкт-Петербурга, Я. В. Брюс весной 1704 года распоряжался доставкой из Петербурга и Шлиссельбурга под Нарву осадной артиллерии. При осаде Нарвы артиллерия Брюса состояла из девятнадцати 24-фунтовых, двадцати двух 18-фунтовых, тринадцати 12-фунтовых, двенадцати 3-фунтовых, двух 36-фунтовых, семи малых мортир и одной пудовой гаубицы. Во время осады Нарвы 1704 года по городу было выпущено 10 003 пуда пороха, 12 358 ядер, 5714 бомб. Артиллерийский обстрел Нарвы продолжался десять дней. В результате были пробиты многочисленные бреши и частично выведена из строя крепостная артиллерия, что и обеспечило успешный штурм крепости 9 августа.
А десять дней спустя, когда «Его Величество из Нарвы путь свой восприял в Дерпт со всеми министрами и генералитетом для показания им оной Дерптской фортеции (незадолго перед тем взятой Шереметевым), Брюс в числе прочих сопровождал Государя и после нескольких дней пребывания в Дерпте со всеми прочими отпущен в Нарву, где он, как кажется, тогда же получил загородное место, на котором начал обзаводиться кое-каким хозяйством».
По всей вероятности, в ноябре, при посещении Нарвы Петром, Я. В. Брюс получает назначение исполнять обязанности генерал-фельдцейхмейстера — командующего войсками артиллерии. Формально эта должность оставалась за находившимся с 1700 года в шведском плену имеретинским царевичем Александром Арчилловичем, который в 1711 году скончался, после чего Яков Брюс был утвержден генерал-фельдцейхмейстером.
Первым распоряжением генерал-фельдцейхмейстеру Брюсу Петр 17 ноября 1704 года приказывает прибавить в Нарву и Петербург по семи тысяч 3-пудовых и по семи тысяч 9-пудовых бомб, да по 400 выстрелов пороха и умножить личный состав артиллерии до 600 человек, из них 200 человек в поле. 23 марта 1705 года Брюс писал из Москвы Петру в Воронеж: «…заготовил пороху на 50 000 чел. По 300 выстрелов на каждого, ни коим образом не возможно, потому что выйдет более 23 000 пуд, а у нас всего пушечнаго только 1500 пуд. Постараюсь изготовить, хотя по 100 выстрелов. Большее горе — мало денег».
Затем он выезжает в Смоленск для снаряжения и отправки армии в Полоцк, куда на защиту от шведов союзника Петра польского короля Августа II шла русская армия численностью в 40 тысяч пехоты и 20 тысяч конницы.
М. Д. Хмыров приводит информацию о донесении от 15 июля 1705 года цесарского резидента Тийера, жившего тогда в Москве. В этом сообщении, как выражается

Хмыров, резидент баснословит, что при армии, выдвинутой в Полоцк, было до трех тысяч орудий. Цифра явно завышена, но само это обстоятельство говорит о том, какой грозной силой стала артиллерия Я. В. Брюса к 1705 году.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюс и вечные часы (продолжение)
Вот он разобрал часы и начал мудрить. Дня три проработал — ничего не выходит. Приходят министры:
— Сделал, спрашивают, солдата?
А немец сердится:
— Я, говорит, не волшебник, чтобы в такой короткий срок солдата сделать.
Ну, министры говорят:
— Ладно, делай, не станем мешать, — и пошли...
А немцу не везет: никак не может потрафить в точку. Не спорится дело... Начал по-своему механизм переделывать. А толку нет. Кушанье каждый день хорошее: курятина, поросятина, индюшатина, разные там супы да макароны. Ну, и вина вдоволь. Вот прошел месяц, идет сама Екатерина.
— Ну что, сделал? — спрашивает.
Тут немец и признался:
— Никак, говорит, не могу поставить на точку зрения.
Вот Екатерина видит, что зря была ее затея, и говорит:
— Не надо делать солдата, собери часы, как они были.
— Это можно, — говорит немец.
А какое там «можно»! Три недели собирал, и ничего не вышло. А потому и не вышло, что он брюсовские пружины изломал, винты изломал, колеса искалечил, маятник тоже испортил. А которые сам сделал пружины — они не годятся, ломаются. Видят министры: не выходит у немца дело. Докладывают царице.
— В шею, говорит, немца, а найдите такого, который мог бы собрать часы.
Вот взяли немца за рукав, вывели за ворота, да и дали по шее. Он и полетел торчмя головой. После того многие мастера приходили. Посмотрят, понюхают и отворотят морду, не по зубам кушанье. Но все же отыскался один такой русский разудалый молодец — у хозяина в подмастерьях служил. И взял он на себя такую отвагу, чтобы часы в полный порядок привести.
— Все, говорит, в лучшем виде исполню, только чтобы мне награда царская была и чтобы харчи хорошие.
Министры и рады:
— Все будет, и награду деньгами дадим, и золотую медаль, только собери часы. А насчет харча, говорят, не беспокойся.
Вот и принялся тот мастер работать. И стучит, и гремит, и пилит, и молоточком постукивает, и припаивает, и меха у него горят — жар раздувают... И на весь дворец напустил дыму, копоти этой. Вот приходят министры. Видят — суетится человек, работа так и кипит у него.
— Вот, говорят меж собой, мастер так мастер, не сравнять с немцем.
— Ну, как? — спрашивают. — Подвигается?
А тот и говорит:
— У нас подвинется. Мы, говорит, знаем дело. Тут, говорит, разве такая пружина нужна? А колесо? Нешто это колесо? Это лабуда, а не колесо.
А министры одобряют его:
— Это, говорят меж собой, настоящий спец.
Тут сейчас один министр побежал, припер ему бутылку вина:

— Пей, говорит, на доброе здоровье!
Ну, тому это и на руку — высосал всю бутылку. В башке зашумело, он и давай свою специальность оказывать: чего немец не успел изломать, так он доконпил... А министры бегут к царице:
— Так и так, докладывают, очень хорошего мастера мы отыскали: работа так и кипит. Часы скоро готовы будут.
Царица и рада.
— Ну и слава Богу, — говорит.
А этот «хороший мастер» стучал, стучал молотком, видит: дело не подвигается вперед, и не знает, что тут делать, как тут быть, как тут горю подсобить. По его расчетам, дело пустяковое, а примется собирать часы — ничего не выходит. И сам он за этой работой обалдел и стоит истукан-истуканом, на эти винты, гайки да колеса смотрит, бельмы свои вытаращил...

Руководство артиллерией

Фактически после взятия Нотебурга в 1702 году в России начинает свой победный путь новая русская артиллерия, кардинально преобразованная, а лучше сказать, созданная Я. В. Брюсом.
К тому времени артиллерийское дело в передовых странах Европы, особенно в Швеции, достигло очень высокого уровня. В конце XVII века было покончено с цеховой организацией артиллерии, началось промышленное производство на мануфактурах орудий и ядер. Артиллерия, окончательно введенная в состав армии, признавалась особым родом войск, и для нее открывались широкие возможности развития. Были унифицированы калибры артиллерийских орудий, значительно снижен их вес, улучшена конструкция лафетов. Благодаря этому значительно повысилась подвижность артиллерии. Тогда же получили распространение зарядные пороховые рубки, картузы, картечи. Произошло разделение артиллерии на тяжелую и легкую, чем были заложены основы тактики полевой артиллерии. Начали формироваться научные основы развития артиллерийского дела. Все это повысило в значительной мере очевидную мощь этого рода войск.
Россия же в этом направлении значительно отставала.
Русская артиллерия — «пушечный наряд» — комплектовалась личным составом аналогично стрелецким полкам: за свою службу пушкари получали денежное и хлебное жалованье или земельный надел. Служба пушкарей была наследственной. Подобно стрельцам, пушкари в свободное от службы время занимались торговлей и ремеслами. В военное время для обслуживания пушечного наряда привлекались дополнительно ратные люди, набранные от тяглового населения. Вся русская артиллерия подразделялась на «городовой наряд» (осадные и крепостные орудия) и «полковой наряд» (легкая и тяжелая полевая артиллерия). В составе полевой артиллерии выделяли «полковую», то есть приданную пехотным, стрелецким и солдатским полкам.
После разработки в 1621 году Устава ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки А. М. Радышевского началось усовершенствование старой русской артиллерии русскими мастерами. В XVII веке последними практически были решены проблемы создания нарезных и казнозарядных артиллерийских орудий. На русских мануфактурах в 1690-е годы проводятся попытки заменить и одновременно привести в единую систему их типы и калибры. И все же русская артиллерия в целом представляла собой разнотипную и разнокалиберную массу. Орудия были тяжелыми и вследствие этого малоподвижными. Дальность стрельбы и скорострельность

русских орудий были незначительны. В войсках находилось большое количество орудий явно устаревших конструкций, некоторые из них были созданы еще в XVI веке.
Необходимость создания новой мощной артиллерии русский царь прекрасно осознавал. Брюсу в этом отводилась первостепенная роль. Обширные теоретические знания, особенно в области математики, пристальное знакомство с материальной частью артиллерии в Вулвическом арсенале в Англии в 1698 году, а также длительный боевой опыт позволили Я. В. Брюсу осуществить глубокие преобразования в области артиллерии.
Одной из важнейших проблем, стоявших перед воюющей со шведами Россией, была проблема обеспечения русской армии единообразным и надежным оружием. Для решения этой задачи Брюс разработал единую систему измерения всех частей артиллерийских орудий, в основу которой был положен калибр орудия. Им же были разработаны и введены в практику русская артиллерийская шкала и артиллерийский вес. Шкала представляла собой металлическую линейку, на которой были нарезаны диаметры каменных и чугунных ядер, соответствовавшие определенным линейным калибрам. Этот инструмент служил основной мерой не только при проектировании, но и при проверке готовых орудий и снарядов. Кроме металлической линейки в качестве проверочных инструментов применялись кружала и циркули.
Одновременно Я. В. Брюс ввел понятие об артиллерийском весе, при помощи которого определялись калибры орудий и снарядов. За единицу измерения был принят вес чугунного ядра диаметром в два английских дюйма (5,08 сантиметра), вес составлял 1,2 торгового русского фунта. Этот вес получил наименование артиллерийского фунта, а ядро названо однофунтовым. Для разрывных полых снарядов был принят торговый вес.
Исполняя обязанности генерал-фельдцейхмейстера, Я. В. Брюс вникал во все процессы производства материальной части артиллерии, неукоснительно требуя единообразия в изготовлении не только орудий и снарядов, но также и лафетов, станков и даже колес к ним. Образцовые варианты их хранились в Приказе артиллерии. Те же требования он предъявлял и к производству стрелкового оружия. С принятием на вооружение в 1715 году штатных образцов ружей и пистолетов были введены и контрольно-измерительные инструменты. Для соблюдения точности калибра — медный эталонный цилиндр. Контроль за длиной стволов пехотных ружей и драгунских пистолетов осуществлялся при помощи деревянных шаблонов с печатью самого генерал-фельдцейхмейстера.
Я. В. Брюс принимал активное участие в разработке новых образцов вооружения. Известны его опыты над различными формами зарядных камор, в том числе и над вариантами так называемых бутель-камор, приведшие к проекту конической каморы для гаубицы с длиной ствола в 10 калибров, то есть удлиненной, что дало основание некоторым историкам материальной части артиллерии считать ее прообразом единорогов.
Опыты велись и с целью увеличения дальности стрельбы из орудий (гаубиц и мортир), в боекомплект которых входили разрывные снаряды.
Для повышения огневой мощи пехотных и драгунских полков с 1705 года разрабатываются различные варианты ручных мортирок. Брюс постоянно наблюдает за ходом этих работ, требуя, чтобы приклад у «мортирца» был как у фузей, для удобства стрельбы из него.
Приказ артиллерии стал преемником Пушкарского приказа. Наиболее вероятной датой образования Приказа артиллерии следует считать 26 июня 1701 года, когда во

Вседневной книге Пушкарского приказа впервые официально упоминается Приказ артиллерии.
Личный состав приказа состоял из дьяков и подьячих. Подьячие разделялись на три категории — старых, средних и молодых, каждый из них возглавлял тот или иной отдел (повытье). Кроме них в распоряжении приказа были так называемые царедворцы — стольники, дворяне, стряпчие, жильцы, которые выполняли отдельные поручения. Денежной казной ведали бурмистры, а учетом и расходом артиллерийских припасов — целовальники. До 1712 года, по-видимому, никакого постоянного штата приказа не было, так как число его членов в разные годы было непостоянным. По штату 1712 года было определено иметь в Приказе артиллерии одного дьяка и 24 подьячих.
В ведении приказа находились: личный состав артиллерии; артиллерийские школы; полковая, полевая и осадная артиллерия; средства тяги артиллерии; артиллерийское производство; инженеры (саперы); колокольное дело и Гражданская типография (с 1706 года). Приказ также занимался вопросами обеспечения вооружением и боеприпасами всех войск. Кроме того, в его функции входило судебное разбирательство над личным составом.
Несмотря на наличие помощников, Брюс, как глава приказа, подробно вникал в его работу. Даже находясь в военных походах, он продолжал действенно управлять вверенным ему ведомством. Без его участия не решался ни один вопрос, который находился в компетенции приказа, вплоть до самых незначительных. Я. В. Брюсу посылались копии всех указов, отчеты о производстве вооружения, ведомости о наличии и расходе артиллерийских припасов, списки личного состава и росписи на выдачу денежного жалованья и хлебного довольствия, одним словом, все документы, требовавшие его решения.
Параллельно с Приказом артиллерии существовал еще один административный орган — Походная артиллерийская канцелярия, которая была создана при генерал-фельдцейхмейстере только на время ведения военных действий, когда он находился в походе. Первые упоминания о существовании канцелярии относятся к 1705 году. Штат ее состоял из трех человек: одного старого и двух молодых подьячих. До окончания Гродненской операции (1706) канцелярия упоминается под названием «Походная артиллерия в Гродне» или «Приказ воинский походный артиллерии».
С переездом Брюса в Санкт-Петербург в 1714 году его Походная канцелярия становится стационарной. Приказ артиллерии был разделен на две части — Московскую и Петербургскую. За первой осталось название Приказа артиллерии, вторая получила наименование Артиллерийская канцелярия. Постепенно с переводом центральных учреждений в Санкт-Петербург роль Артиллерийской канцелярии возрастает. Она становится фактически главной, а Приказ артиллерии — второстепенным административным органом.
Существование параллельно двух высших артиллерийских учреждений ничем не было оправдано и вносило лишь путаницу в организацию производства вооружения. В 1723 году управление артиллерийским ведомством было реорганизовано. Главным административным органом стала Главная артиллерийская канцелярия во главе с президентом генерал-фельдцейхмейстером Я. В. Брюсом, который оставался им до своей добровольной отставки в 1726 году.
Я. В. Брюс в поисках усовершенствования артиллерии во многом опирался на знание и опыт специалистов, среди которых необходимо отметить «капитана на Москве» Якова Шперейтора. Выражаясь современным языком, он был техническим руководителем Московского пушечного двора. В первое десятилетие Северной войны

именно этот двор стал своего рода лабораторией нового конструирования вооружения. Образцы вооружения, показавшие удовлетворительные результаты при испытаниях на пушечном дворе, либо в единичном экземпляре, либо опытными партиями отсылались «в поход» или в Санкт-Петербург, где проходили дальнейшие испытания в боевой обстановке.

Многочисленные справедливые нарекания военачальников на плохое качество лафетов, станков, роспусков и артиллерийской принадлежности принуждали начальника артиллерийского ведомства обратить пристальное внимание не только на их устройство, но и качество материала, из которого они изготавливались. Брюс обстоятельно разъясняет в письме Ф. Ю. Ромодановскому, в какое время года следует заготавливать лес для артиллерии и как его хранить. «Уведомлен я от тебя, государь, чрез писание, что дубовый лес на пушечные станы и колеса по росписи изготовлен нынешним летним временем. И тот, государь, лес к артиллерии делам будет не прочен. И ты, государь, оный лес по той росписи повели изготовить в декабре месяце и вывесть к Москве зимою. А водою ево не сгонять, дабы к оным делам был крепок и походам прочен». И в качестве приписки Я. В. Брюс разъясняет: «В познание тебе для чего летней лес нездоров. Когда отсекается и в середке остается сок, и от того гниет. А в зимнее время оной сок входит в коре, и такое дерево всегда бывает здорово».

Низкое качество шанцевого инструмента — лопаток, кирок, мотыг, которые являлись в то время дополнением артиллерийской принадлежности, заставляет главу артиллерии заняться и этой проблемой. Рассмотрев все предложенные виды кирок, мотыг и лопаток, Я. В. Брюс остановился на шведских образцах. Он потребовал, чтобы их образцовые варианты сделал шведский кузнец, только дополнительно для прочности на концах металлических частей «наварил уклад или сталь».

В поле зрения Брюса находилась и форма одежды пушкарей. По-видимому, он справедливо полагал, что единообразный военный костюм — еще одна мера в организационном строительстве полевой артиллерии. Поэтому даже галстуки должны были быть сделаны по единому образцу, который Брюс прислал в приказ из похода.

Как глава артиллерии, Брюс пытался ввести строгую отчетность в приеме и отпуске артиллерийских припасов и установить сроки их доставки, ужесточив наказание за любое нарушение.

Немаловажной частью деятельности Брюса в качестве главы Артиллерийского приказа было непосредственное его участие в изготовлении артиллерийского знамени и литавренной коляски — главных регалий русской артиллерии, которые делались в 1706 году по чертежу и описанию самого Брюса.

Вот полное описание этого знамени: «Большое знамя надобно быть из белой камки (шелковая узорчатая ткань). Ширина тому знамени три аршина с четвертью, длина три аршина. То знамя сделать велено против чертежу. Пушке надобно быть желтой, а станок красный, орел черный. А положено то знамя писать письмом, которой живописец сам может лутче написать, чтоб сделать хорошим письмом. И к литаврам завеси из белой ж камки, ширина семь четвертей, длина пять четвертей. Орел черный, коруна желтая. Писать такою фарбаю (краской), которой самою лутчею может знать живописец. Бахрома: шелк белый и красный, и лазоревый».

Эмблематика, изображенная на знамени: в центре — желтая пушка на красном лафете, а под ним орел с распростертыми крыльями — воспроизводилась впоследствии на всех артиллерийских знаменах XVIII века, в той же цветовой гамме.

Я. В. Брюс внимательно следил за изготовлением знамени и литавренной коляски, торопил со сроками, прекрасно понимая, как важно будет иметь артиллерии собственные регалии в походе.
Артиллерийское знамя и литавренная коляска 1706 года — единственные артиллерийские регалии, имена создателей которых сохранились. Знамя кроил Е. П. Зыбин, расписывали полотнище смоленские иконописцы Иван Андреев и Гаврила Степанов, копье к древку делал киевский мещанин Петр Федоров. Литавренную коляску сделал по заданию Я. В. Брюса колесный мастер Томас Боуман, он же и «учинил на ней резьбу». Помогал ему станочный ученик Ингерманландской канцелярии Козьма Михайлов. Для украшения ее отдельными резными фигурами были привлечены киевские мастера-резчики — Иван, который вырезал государственный герб, и Юрий Бербар, изготовивший фигуру орла и двух «левиков» (львов). Живописные работы выполнял киевский живописец Афанасий Мартусков.
Наличие литавр требовало присутствия специального воинского чина — литаврщика. Строевой мундир литаврщика в 1706 году тоже был сделан «по Брюсову образцу»: кафтан и штаны были из малинового сукна; воротник и обшлага кафтана — из василькового сукна; галуны серебряные; весь кафтан украшен вышитыми золотом и серебром гербами; пуговицы обтянуты серебром; сапоги немецкие; шапка расшита золотыми и серебряными нитями; епанча из сукна василькового цвета. Кроме того, литаврщику полагались перчатки.
Ни в одной области военного дела не стремились к реформированию так, как в артиллерии.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюс и вечные часы (окончание)
Оно и понятно. Брюс над этими часами 10 лет мозговал, а этот чертогон за месяц захотел в порядок привести их. А главное — не тот состав у него в голове был… У Брюса-то ум какой был? Один на всю Россию… Ну, может, Петр Первый превышал его. Да и как сказать? В одном-то деле и превышал, а в другом не доходил… Ну, а у этого похвальбишки какой-такой ум? Глупость одна. А раз в башке нет, из… спины не достанешь: спина есть спина — такой и почет ей. Вот в чем тут дело.
А министрам не терпится, хочется, чтобы он поскорее собрал часы. Идут к нему. А тот уже оделся, инструменты сложил в сумку — собрался уходить.
— Ну, как? — спрашивают министры.
— Хитра механика! — говорит хваленый мастер. — Тут, говорит, и сам черт ничего не поделает, а уж где мне: мое дело маленькое.
Тут министры и приступили к нему:
— А как же, говорят, подлая твоя душа, ты хвалился, что сделаешь?
А он отвечает:
— Что ж из того, что хвалился? Спервоначала, говорит, я думал, что штука тут не важная, а на поверку вышло — не нашего ума это дело.
Тут один министр развернулся — бац его в ухо! Тот и завертелся кубарем. А другой министр вцепился ему в волосья и давай таскать. И принялись они тут вдвоем разделывать своего «спеца»: один за патлы теребит, другой то в ухо засмолит, то по зубам стебанет… И невмочь стало мастеру, и тут заорал он на все горло:
— Караул! Убивают!
И вышел переполох на весь дворец. Бежит царица, бегут генералы.
— Что это такое? — спрашивает царица. — За что бьете мастера?
А министры говорят:

— Его, подлеца, убить мало! Нешто, говорят, это мастер? Это мазурик, он и нас, и вас обманул, с первого раза обнадежил, соберу, мол, часы, а теперь пошел на попятную, «не моего, говорит, ума дело».
— Ну, хорошо, — говорит царица. — Я это дело разберу, — и приказала взять мастера под арест.
И посадили этого поганца за решетку. Потом такое определение сделала Екатерина: министров со службы вон, а мастеру дать сто розог. Ну, разложили его степенство и нарисовали ему на спине разгонами и маятники, и пружины, и колеса, потом с зашейным маршем проводили из дворца. Так он, словно окаянный, бросился бежать, как будто собака бешеная гналась за ним. И после такой прокламации баста хвалиться, только одно и знал: «Наше дело маленькое». Вот как градусник понизился! А то «я» да «мы». А что такое «я»? Прохвост, и больше ничего. Только людям голову морочить можешь. Много таких «спецов» — свиньям хвосты закручивать! А ежели ты не брешешь языком, а с умом дело свое делаешь, то ты и есть настоящий спец. И цена тебе настоящая. Тоже вот и с брюсовскими часами: ну как можно было их разбирать да исправлять, ежели ты ихнее устройство не знаешь? После-то Екатерина каялась, сколько потом выписывала она этих мастеров! Только результату не вышло настоящего. Да и как ему выйти-то? Ведь каждый по-своему крутил, завинчивал, да молотком постукивал… Ну и докрутились, достучались — всё изломали, исковеркали, и уж понять нельзя было — часы ли это были или еще какая машина. И лежали, лежали эти пружины да колеса, да и выбросили их, чтобы глаза не мозолили. После-то ученые кинулись их искать, да где найдешь, ежели от них и звания не осталось? Человек столько ума положил, а тут такое хамское обращение. Вот и толкуют: «Брюс», «Брюс»…
Ну, Брюс-то, Брюс, а вот мы-то и не можем ценить его… Ну, что осталось после него? Всё изломали, всё испакостили. Вот только Сухаревская башня осталась, да, говорят, еще книги. Только говорят, а доподлинно-то не знают…
Записано в Москве в августе 1924 г.;рассказывал рабочий-штукатур Егор Степанович Пахомов.

Артиллерийские школы
Зная о потребности России в подготовленных и обученных специалистах, Я. В. Брюс активно участвует в создании первых таких школ. Причем он, в качестве руководителя артиллерийского ведомства, постоянно следит за состоянием обучения в школах и их материальным обеспечением. Так, например, 17 декабря 1708 года Козлов и Павлов донесли Брюсу, что «школьные ученики, которые учатца вынженерной школе, у инженера Петра Грана, просили слезно: оный де инженер, тому ныне другой год науке учит малое число, и за детми его ездили в денщиках, и всяку домовную работу работают».
Еще в 1698 году при Пушкарском приказе в Москве была основана школа «цыфири и землемерия» (то есть геометрии), где пушкарскому делу учеников обучал мастер Иван Зерцалов. Эта школа действовала под присмотром дьяка Пушкарского приказа А. А. Виниуса. Однако в 1699 году школа сгорела во время большого июльского пожара.
В 1699 году в Москве открылась Пушкарская школа А. А. Вейде. Одновременно с ней начала работать Артиллерийская школа при бомбардирской роте Преображенского полка. Одним из активных организаторов этих школ являлся Я. В. Брюс.
В 1701 году Пушкарская школа Вейде была преобразована в Артиллерийскую. В указе об учреждении школ говорилось: «…велено на новом пушечном дворе построить

деревянные школы и в тех школах учить пушкарских и иных посторонних чинов людей детей их словесной и письменной грамоте и цифири и иной инженерной науке, а выучась, без указа с Москвы не съехать, также в иной чин, кроме артиллерии не отлучаться».

В январе 1701 года почти одновременно со Школой математических и навигацких наук была открыта возрожденная Московская пушкарская школа (Новая пушечная, или Артиллерийская школа). Размешалась она на Новом пушечном дворе. В 1703 году Виниус впал у царя в немилость, и школа осталась без присмотра. Кураторство над ней было передано новому начальнику Приказа артиллерии Я. В. Брюсу, немало сделавшему для закупки инструментов, приборов и учебных пособий для Математической навигационной школы как за границей, так и в самой России. Таким образом, Артиллерийская школа возникла не на пустом месте. По мнению В. А. Ковригиной, именно Пушкарская школа конца XVII века стала основой для Артиллерийской, а затем Инженерной школ.

Учебная программа Артиллерийской школы не ограничивалась, как раньше, обучением пушкарских детей чтению, письму, цифири (арифметики) и землемерию. Теперь эти науки постигали в «Нижней» (Цифирной и Словесной) школе. К изучаемым предметам в «Верхней» школе, благодаря Я. В. Брюсу, добавились тригонометрия, «артиллерия», черчение и «инженерная наука». Причем последнюю поручено было преподавать в 1704 году иноземцу на русской службе капитан-инженеру П. Грану. Для артиллерийской практики, обучения стрельбе по целям и скорой стрельбе из пушек и мортир школа получала с Московского пушечного двора порох, боеприпасы, фитили, пыжи и другое артиллерийское снаряжение.

Школа располагалась на Новом пушечном дворе до 1707 года, когда из-за строительства оборонительных сооружений вокруг Китай-города и Московского Кремля руководитель фортификационных работ капитан Преображенского полка В. Д. Корчмин «согнал» ее на Суздальское подворье. Благодаря настойчивым напоминаниям Брюса в 1706 году здание школы было отремонтировано. Если в 1701 году в школе обучалось 180 человек, то к концу 1704 года в ней было уже 300 учеников.

В условиях военного времени Я. В. Брюс не мог лично руководить школой, но посредством переписки с Приказом артиллерии старался контролировать ее деятельность.

Брюс следил, чтобы учебный процесс в школе шел нормально и ученики осваивали не только теорию, но и приобретали практические навыки. Он рекомендовал Н. П. Павлову отобрать из школьных учеников человек пять-шесть, хорошо успевающих по геометрии и фортификации, и «отдать их в науку Шперейтеру, чтобы он научил их не только чертить, но и стрелять особенно бомбами». Одним словом, чтобы «научил подлинному своему делу».

Знаменательно отношение главы артиллерийского ведомства к проблеме профессионального обучения. Узнав, что несколько учеников словесной школы бежали и записались в солдаты, Брюс потребовал от Ф. Ю. Ромодановского разыскать их и, наказав, отправить обратно в школу. «Нужды в них (как в учениках), — писал Яков Вилимович князю-кесарю, — больше есть, нежели в солдатах. Понеже всякий крестьянин может быть в солдатех, а не пушкарем».

Особо заботил Якова Вилимовича и подбор кадров для Артиллерийской школы. Грамотных специалистов катастрофически не хватало не только в учебных заведениях, но и в государственных учреждениях, в армии и на флоте. К сожалению, имевшиеся при школе преподаватели были далеки от идеала. Несколько писем

Я. В. Брюс посвятил учителю арифметики в Артиллерийской школе С. Печорину. В мае 1706 года дьяк Приказа артиллерии Н. П. Павлов написал Я. В. Брюсу: «Цыфирной науки учитель, который взят из Математической школы, Спиридон Печорин, для учения школьных учеников учинился во пьянстве, и за то ему было дано поучение, бит батоги. И по се число он, Спиридон, от пьянства не лишился и в школу приходит изретко и в учении тем ученикам есть немалая остановка».
Понятно, что без учителя арифметики полноценно проводить занятия было невозможно. К нерадивому педагогу были применены методы дисциплинарного воздействия, которые не возымели действия — «бит батоги, а от пьянства не лишился». Тогда Я. В. Брюс в письме Н. П. Павлову распорядился: «И ты ево вели, сковав, в школе держать непрестанно, чтоб в учении учеников остановки не было».
Н. П. Павлов сообщил Брюсу, что «школьный учитель Спиридон… сыскан и скован».
Неизвестно, водили ли Печорина на занятия скованного либо же он представал перед учениками без кандалов, однако в течение трех недель занятия шли успешно. Тем не менее в августе «зеленый змий» вновь одолел педагога и он умудрился учинить в школе какое-то «бесчинство» и «неистовство». Брюс узнал об этом от посторонних людей. Разуверившись в своих воспитательных методах, Яков Вилимович велел Н. П. Павлову не только не пускать С. Печорина в школу, но и на двор, а жалованье ему на 1706 год не выдавать. Брюс предложил заменить его кем-либо из учеников или сыном П. Грана. Брюс особо подчеркивал, чтобы новый учитель мог свободно разговаривать и вести обучение на русском языке. Вероятно, младший Гран не вполне отвечал этим требованиям, и на место С. Печорина, которого в том же году алкоголь свел в могилу, учителем был взят «Верхней школы» (то есть из старших классов) ученик Михаил Борисов «для того что по свидетельству той науки… достоин».
В июне 1706 года «директор» Артиллерийской школы П. Гран подал жалобу на подьячего Т. Кудрявцева, что тот не дает для школы ни чернил, ни бумаги. И однажды из-за этого в течение трех недель не было занятий. Кроме того, он же не разрешает чинить школу «где худые места».
За эти «бесчинства» Я. В. Брюс выговорил приказному дьяку: «При отъезде своем (в поход. — А. Ф.) приказал я ему (Кудрявцеву. — А. Ф), чтоб он в деле оному ж учителю никакой остановки не чинил. И тебе велеть Кудрявцеву у хоромного строения все худые места починивать. Також для учения оных учеников чернил и бумаги давать неотложно, чтоб за тем во учении остановки никакой не было ж. И надлежало бы тебе самому над школою присматривать, чтоб мне таких бездельных докук не было».
В 1706 году в связи с нехваткой профессиональных кадров в армии Петр I издал распоряжение о немедленной отправке в действующую армию школьных учеников, которые прошли или заканчивают обучение.
В соответствии с указом государя Я. В. Брюс в августе отдал Н. П. Павлову распоряжения о присылке учеников в поход: «Которые ученики выйдут из науки у Грана, и ты, о науке их изяв у мастера скаску, буде они подлинно изучены, и тех учеников присылай ко мне немедленно. Також отпиши в Берлин к Алексееву, который там остался, чтоб писал немедленно, чему он изучался. И буде подлинно науку принял, что ему преж сего повелено учить, дабы ехал к Москве не мешкав, а лутчей, чтоб на Киев, и явился б у меня».
Вскоре начальник артиллерии получил ответ, в котором содержался список учеников, которые, по словам П. Грана, «изучались» артиллерийскому делу, проходят «инженерную науку» и могут быть присланы в поход. Это были два бомбардира — Алексей Головачев и Василий Наумов, а также Михайло Борисов.

В конце того же месяца Я. В. Брюс, повторяя почти дословно царский указ, написал в Приказ артиллерии о присылке в поход «школьных учеников и бомбардиров, которые выучились геометрии и артиллерии, пушечным и мортирным чертежам кроме тех, которые малолетки». Однако в конце письма напоминал дьяку: «А достальные непрестанно были б в науке, и посмотри в нижних Цифирной и Словесной школах за мастерами сам».
Подобная же Артиллерийская школа была учреждена в Санкт-Петербурге в 1721 году. Наряду с артиллерийскими школами были учреждены и школы инженерные. В Москве — в 1712 году, в Санкт-Петербурге — в 1719 году (инженерная рота). В 1723 году эти инженерные школы были объединены в одну — в Санкт-Петербурге.

Первые результаты преобразований в артиллерии

В первые годы Северной войны, несмотря на определенные трудности с финансированием, подбором учителей, наличием учебных пособий, артиллерийские и пушкарские школы стали настоящей кузницей профессиональных кадров для действующей армии.
Был сформирован артиллерийский полк, объединивший полевую артиллерию. Сама же артиллерия становится самостоятельным родом войск. До этого артиллеристы (бомбардиры) только придавались пехотным частям.
В русской армии вводится конная артиллерия. На вооружение драгунских полков стали поступать пушки и мортиры, расчеты полковых пушек были посажены на лошадей. В этом Россия опередила Западную Европу на полстолетия. Конная артиллерия на Западе впервые будет введена в прусской армии Фридриха Великого в 1759 году.
В российской артиллерии вводится четкое разделение орудий на три вида — пушки, гаубицы и мортиры. Каждый вид орудий имел строго установленные калибры. Пушки отливались 3-х, 6-ти, 8-ми, 12-ти, 18-ти и 24-фунтового калибра; гаубицы ½, 1 и 2-х пудового калибра; мортиры 6-фунтового, 1, 2-х, 3-х, 5-ти и 9-пудового калибра. Были разработаны и разосланы на заводы чертежи для каждого установленного образца орудий. Отливка орудий производилась в точном соответствии с чертежами, составленными Брюсом. Окончательное установление артиллерийской шкалы калибров произошло в 1705 году.
Артиллерия получила четкое подразделение на полевую, полковую, осадную и крепостную, что обеспечивало более широкие возможности ее тактического использования. На вооружении полковой артиллерии состояла 3-фунтовая пушка и 6-фунтовая мортира. В каждом пехотном и драгунском полку имелось по две 3-фунтовые пушки и четыре 6-фунтовые мортиры. Последние располагались на боевой оси по обеим сторонам пушки и предназначались для усиления ее картечного огня. В полевую артиллерию входили 6-ти, 8-ми и 12-фунтовые пушки, 1 и ½-пудовые гаубицы, 1 и 2-пудовые мортиры. Осадная артиллерия состояла из орудий наиболее мощных калибров: 18-ти и 24-фунтовых пушек, 3-х, 5-ти и 9-пудовых мортир. Крепостная артиллерия имела орудия различного калибра, обычно в нее входили 3-х, 6-ти, 12-ти, 18-ти и 24-фунтовые пушки, 6-фунтовые, 1, 2-х и 5-пудовые мортиры, ½, 1 и 2-пудовые гаубицы.
Были значительно облегчены артиллерийские орудия, особенно орудия полковой и полевой артиллерии. Так, 3-фунтовая пушка, весившая раньше около 15 пудов, была облегчена на шесть пудов, вес 6-фунтовой полевой пушки уменьшен с 45 до 36 пудов.
Я. В. Брюсом было улучшено устройство лафетов. Это было связано с использованием пушек на марше — лафеты и колеса должны были выдерживать далекие переходы по

бездорожью. В то же время в сражениях пушка должна была быть маневренной, а значит, лафет нужен был не очень громоздкий с надежными колесами. Как показали события Северной войны, эта проблема Брюсом была успешно решена.
На вооружение теперь поступали новые виды артиллерийских снарядов (чугунная картечь, зажигательные снаряды и др.). Для перевозки боеприпасов впервые вводились двухколесные зарядные ящики. Все это увеличило мобильность армии.
Главным источником познаний Брюса в этой сфере были разработки по артиллерийскому делу, к тому времени опубликованные. Об одном из изданий хотелось бы рассказать более подробно. Это учебник Э. Брауна «Новейшее основание и практика артиллерии», изданный в Гданьске в 1687 году.
В этой книге даны теоретические основы артиллерийского дела по классификации пушек и ядер, расчеты по определению угла прицеливания в зависимости от калибра, расстояния и высоты положения пушки. Даются практические советы по использованию полевых орудий.
Автор разъясняет, как возможно производить стрельбу не обученным геометрии (землемерии) пушкарям, дает практические советы при стрельбе разными ядрами (каменными, железными, свинцовыми) с расчетами масштабов для точности стрельбы, при использовании разного калибра пушек и мортир.
В книге содержатся описания составляющих порох элементов, способы обнаружения в земле селитры и ее приготовления для использования при создании пороха, подробно характеризуются различные пороховые составы и рецепты, где применяются селитра, сера и уголь, рассказывается об изготовлении «светящихся и дождевых ядер», применяемых для фейерверков.
В учебнике представлены составы ручных гранат, зажигательных и дымовых ядер, «потешных» ядер с бегающим по земле и воде огнем и даже даются пояснения, «как именной огонь делать». Также здесь содержатся сведения об устройстве фейерверков и салютов на различных увеселениях. Книга сопровождена приложениями, в которых приводятся не только расчеты, но и изображения различных видов орудий, ядер, гранат и устройств для фейерверков.
Во многом эта книга стала настольной для исполняющего обязанности генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса, поэтому и были очевидны успехи преобразований в российской артиллерии.

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Как Брюс из старого человека молодого сделал

В Сухаревой башне жил этот Брюс. Ну, тут только банки стояли с разными составами да подзорные трубы, а главная мастерская у него была в подземелье — там и работал по ночам. Мастер на всё был. Вот раз взял, да и сделал горничную из цветов. Настоящая девушка была: комнату убирала, кофий подавала, только говорить не могла. Приходит царь Петр Великий.
— Хороша, говорит, у тебя служанка, только одно плохо — не говорит. Немая, что ли? — спрашивает.
А Брюс говорит:
— Да ведь она нерожденная. Я, говорит, из цветов ее сделал.
А царь не верит:
— Полно, говорит, языком трепать, мыслимое ли это дело?
— Ну, говорит Брюс, смотри!
Вынул из головы служанки булавку, она вся рассыпалась цветами. Царь и смотрит, дескать, что это за чудо такое?
— Как, говорит, ты этого добился?

— Наукой, — говорит Брюс.
— Да ведь наука науке рознь, — говорит царь. — Может, волшебством? Ты, говорит, лучше признайся.
А Брюс ему отвечает:
— Мне, говорит, нечего признаваться. Вот мои книги, вот составы, смотри сам.
Посмотрел Петр книги. Видит — книги ученые. А Брюс не все книги показал ему: самые главные по волшебству были спрятаны в подземелье, тринадцать штук. Очень редкие и тогда были, а теперь и не найти. Но Петр все же не поверил ему. А без волшебства тут ничего не поделаешь. Только ведь это не такое волшебство, вроде колдовства. Это в деревне раньше были колдуны. Действительно, попадались знатоки... И так у них заведено было: от отца сыну передавалось, весь род — все колдуны были. Но до Брюса им далеко. Есть и теперь в деревне, только не колдуны, а выдают себя за колдунов, и не от науки действуют, а наобум святого Лазаря. Иной-то дуролом поймает лягушку и примется шилом ей голову колоть.
— Мне, говорит, надобно достать лягушиные мозги, чтобы сделать лягушиное масло.
А для чего, спроси. Он и не скажет — сам не знает. Он слышал звон, да не знает, где он. Тут не каждая лягушка годна, а нужна жаба, да и не мозги ее требуются, а сердце. Положат ее в муравейник, муравьи и объедят ее. Да ведь все с умом надо делать, а не на авось. Тоже вот и травы: надо знать, какая против какой болезни действует. А то дадут тебе такого настоя, что ты на стену полезешь или станешь на людей кидаться. На все нужна наука, но только без ума и наука ни к чему.
Тоже вот и Брюс: науки науками, а ум-то у него все разрабатывал.

Заботы первого года руководства артиллерией

Следует отметить, что в эти первые годы Северной войны генерал-фельдцейхмейстер еще не имел штаба, не было и канцелярии, и во многих случаях Я. В. Брюс вынужден был лично вести всю переписку и документацию по Артиллерийскому приказу. К примеру, отвечая на письмо артиллерийского комиссара Новгорода Дмитрия Екимова, сообщавшего о пушках, у которых «раздутые запалы» и неудовлетворительное состояние запасов, Яков Вилимович, находясь в Смоленске, советует: «Тебе наипаче порадеть, и тех пушек, у которых запалы роздуло, досмотри подлинно, а осмотря, у которых запалы гораздо разгорелись, вели налить меди впушку столько, коль дуло широко, а запал прикажи вновь повертеть перед заливкою».
В связи с перебоями поставок в Новгород и Ладогу Брюс 3 апреля просит у канцлера графа Г. И. Головкина: «Зело время поздает, а отмилости твоей ни седле ни узде не прислано, а привесть сюды к уреченному числу никоими меры буде невозможно, от чего мне бедство быть может. Того ради прошу, пожалуй, прикажи, государь, не мешкав те припасы к нам отпускать». После этого Брюс поручает артиллерийскому командиру в Москве, дьяку Никите Павловичу Павлову, получить, подремонтировать и направить в Смоленск присланные Головкиным палубы с пушками, вооружением и боеприпасами. Он торопит своих подчиненных, артиллерийских комиссаров, поскольку готовятся походы русских войск в Эстляндию, Лифляндию и Польшу.
Яков Брюс использовал и другие способы доставки артиллерийских припасов из Москвы в Смоленск. Об этом ему сообщает в своем письме боярин Т. Н. Стрешнев: «Послал я с Москвы в Смоленеск сподводчики человека своего Микиту Семенова, которые подводчики повезли свинец. Пожалуй к тому человеку свою всякую милость и тех подводчиков прикажи отпустит беззадержания, естли вазможна, Тихон Стрешнев. Из Москвы Майя в 5 день (1705)».

При получении этого письма Брюс, находившийся тогда уже в Витебске, 7 июня написал ответ Стрешневу: «…ты, государь, изволил ко мне писать, чтоб человека твоего, которой повез свинец до Смоленска, отпустить немедленно, и то писмо меня в Смоленску незастало; а естлиб застало, и яб за твою, Государь милость мог всячески услужить пожеланию вашему».
В Витебске же нагнал Брюса сам Петр, задержанный в Москве лихорадкой, и 12 июня царь с фельдцейхмейстером приехали в Полоцк, где находились фельдмаршал Огильви и генералы Репнин и прочие с пехотными полками, где также располагалась и полевая артиллерия.
1 июля 1705 года вся армия тронулась из Полоцка в Вильну. В этом походе Брюс получает весьма неприятное известие из Поречья от артиллерийского дьяка Ивана Козлова о состоянии артиллерийских частей. «Пушкари, которые ныне у меня в Поречье, таскаются по миру, а провиант им хлеба не дает. Изволь поговорить Семену Григорьевичу (кн. Волконскому), чтоб он о том к провианту отписал». Под «провиантом» понимается служба, которую с 18 февраля 1700 года возглавлял окольничий С. И. Языков. Эта служба и занималась поставкой хлеба армии. А ее руководитель имел звание «генерал-провиант».
Я. В. Брюс очень быстро отреагировал на это письмо, и артиллеристы Ивана Козлова получили провиант. Об этом Козлов сообщает через несколько дней уже из Москвы: «…благодарен за отеческую твою, государя моего благость. Что надо мною оботпуске удивил милость, что воздам? Воздаст тебе, государю, Бог вся благая на лета многа, и я убоги должен здомишком вечно Бога молить. И не остави милости твоея отмени, якоже и прежде, и отпиши о мне князь Федору Юрьевичю (Ромодановскому. — А. Ф.) милостиво. Неоткуду помощи чаю, токмо на Господа Бога и на твою, государя моего, милость».
Артиллерия Брюса стояла в Вильне до 10 августа 1705 года. К тому времени в Прибалтике военные действия происходили с переменным успехом. Русские войска под командованием Шереметева столкнулись со шведским войском генерала Левенгаупта под Гемауэртгофом и потерпели поражение, во многом из-за того, что Шереметев, не дожидаясь пехоты, атаковал шведские войска одной кавалерией. В этом сражении был оставлен шведам и обоз с пушками. Однако полного разгрома 15 июля под Гемауэртгофом не было, поскольку, опасаясь подхода русской армии, который мог привести к окружению шведов, Левенгаупт был вынужден отвести свои войска к Риге. Именно к Риге Петр приказывает отправить часть артиллерии, находившейся в Вильне.
Получив повеление царя отправить Двиною под Ригу пять и более мортир, Брюс пишет князю Ромодановскому, отказывавшему в безденежном отпуске бомб, гранат и железа из Сибирского приказа на Москве: «И о том как твое изволение: доносить о сем или нет царскому величеству? Я чаю, что не болно прилично будет. Того ради, прошу, изволь о сем комне отписать. А лутчеб оное у править бездокуки царскому величеству для того, что ево величество и без таких дел есть многое трудное управление».
Неудача компенсировалась взятием Митавы 4 сентября. Причем Петр I, осадив Митаву, 17 августа посылает повеление Брюсу, чтобы он погрузил на суда 18-ти и 8-фунтовые пушки «да бомб сверх перваго наряду послал бы тысячу как наискорее». Именно артиллерия, посланная Брюсом, решила исход этого сражения. После четырехдневной осады была проведена изнурительная для шведской крепости десятичасовая бомбардировка, после которой крепость капитулировала. А через десять дней сдался и Бауск. Победителям достались огромные трофеи, в десятки раз

превосходящие потери при Гемауэртгофе, — 290 пушек, 23 мортиры и 35 гаубиц в Митаве и 46 пушек, две мортиры и восемь гаубиц в Бауске.

Трагедия в Гродно

Из Вильны Я. В. Брюс направляется в Гродно, где планировалось разместить русскую армию на зимние квартиры. В Гродно прибыл король Август 11 и наградил русских генералов новоучрежденным орденом Белого орла, высшей в то время наградой Польши. Среди награжденных оказался и Я. В. Брюс.

Размещение на зимних квартирах в Гродно предполагало осуществление там не только военной деятельности. Для Брюса да и самого Петра появляется возможность заняться исследовательской работой и ремеслом. Не случайно 5 ноября Петр пишет в Москву Стрешневу письмо с просьбой выслать в Гродно токарный станок Я. В. Брюса. Сам же Брюс, занимавшийся усовершенствованием состава пороха, отправляет Шереметеву в Астрахань письмо, в котором излагается просьба о разведке залежей серы.

Б. П. Шереметев с частью русских войск был отправлен в Астрахань в июле 1705 года для подавления там восстания, начавшегося 30 июня.

Именно в Гродно Брюс добивается того, что артиллерийские полковники были сравнены в жалованье с высшими офицерами Преображенского и Семеновского полков. Кроме этого, именно в Гродно Брюс впервые вводит школу измерений английскими фунтами и дюймами вместо прежней аршинами и вершками, а также артиллерийские калибры, основанные на использовании английского фунта. Хотя фунтовые калибры были в ходу в русской артиллерии до 1705 года.

Вопреки планам Петра I пребывание нашей армии на зимних квартирах в Гродно едва не завершилось трагедией.

Зная о том, что крепость недостаточно приспособлена для обороны, Карл XII, игнорируя сложившиеся в то время законы военного искусства, начинает зимнюю кампанию, и в первых числах января 1706 года его армия оказывается в непосредственной близости от Гродно.

Шведский король пытается блокировать русскую армию в крепости, чтобы взять ее штурмом.

Возникает опасность разгрома нашей армии, тем более при подходе шведов к Гродно Август II, командовавший после 7 декабря объединенной союзнической армией, бежит из крепости 17 января в сопровождении шестиста драбантов и четырех полков русских драгун, якобы для того, чтобы привести на помощь осажденным саксонские войска.

По повелению царя выезжает из Гродно Меншиков.

Таким образом, положение осажденных в Гродно становится критическим. В этой ситуации Петр I проявляет твердый характер, настаивая на немедленном выводе армии.

Для Брюса эпопея в Гродно стала тяжелейшим испытанием. Не раз он слышал упреки от командующего русскими войсками генерал-фельдмаршала Огильви в том, что «артиллерийская упряжь и прочие подвозные снаряды плохи». Кроме того, Петр I приказывает выходить армии из крепости и советует «полковых пушек взять с собою сколь возможно (в чем зело смотреть, чтобы не отяготиться: брать зело мало, а по нужде хотя и все покинуть); тяжелую же артиллерию и прочее, чего нельзя увезти, бросить в воду, не взирая ни на что: только бы людей спасти».

Когда же 24 марта армия, по настоянию и плану Петра, выходила из окружения, покидая Гродно, по приказу Огильви, тяжелые лошади Преображенского полка были

впряжены под пушки вместо никуда не годных артиллерийских лошадей, а затем «пушки и свинец и всякие припасы полковые артиллерные пометали в реку, а телеги пожгли».
Так создаваемая с огромным трудом русская артиллерия понесла при осаде Гродно огромный урон. Но наряду с неудачами было и немало успехов в развитии артиллерийского дела.
По выходе из окружения Я. В. Брюс узнает о том, что уже к 1 февраля в Москве были отлиты по новым чертежам 100 мортирцов 6-фунтовых да 26 пушек 3-фунтовых, и у них уже «почели оттирать прибыли и ставить на сверло, и к ним начали станки делать и колеса оковывать».
Были сшиты и 460 пушкарских кафтанов, стоивших вместе с камзолами и штанами по 7 рублей 5 алтын и 20 января отправленных в Гродно дьяком Никитой Павловым.
Получил также Брюс письмо от князя Ромодановского, который 9 января писал из Москвы: «…челом бью на твоем жалованье, на гостинце, на терочке табашной. В доме твоем славили (с царем на святках) и все слава Богу исправили добре».
Стратегический план царя состоял в отступлении к Киеву. Брюс приехал в древнюю столицу Руси 8 мая 1706 года. Оказавшись в Киеве, он занимается составлением описи не только количества и качества необходимых к станочному делу досок, ступиц, косяков, осей, но и числа колесных ступиц с их мерою. Иными словами, Яков Вилимович предполагает совершенствование артиллерийской пушки и артиллерийского станка.
Даже находясь в гродненском лагере, он продолжал руководить Приказом артиллерии.
К сожалению, многие письма Брюса не доходили до адресатов, так как курьеров перехватывали шведы. Иногда в Москву (или в Гродно) попадали лишь дубликаты или трипликаты корреспонденции.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Как Брюс из старого человека молодого сделал (продолжение)
И всё доступно было ему. Квартира его была на Мясницкой — жена там жила. И посейчас дом его цел, гимназия там раньше была. Так вот Брюс сделал вечные часы и замуровал их в стену. И до настоящего времени ходят эти часы. Приложишься ухом к стене и слышишь, как стучат: тик-тут… тик-тут… А сверху вделал в стену такую фигурную доску, а к чему — неизвестно. Ну, думает хозяин, к чему эта доска? Долой ее! Начали выламывать — не поддается. Позвали каменщика. Он стук киркой, а кирка отскочила, да его по башке тоже стук! Каменщик удивляется:
— Что за оказия? — говорит.
Да тут хозяин проговорился:
— Эту, говорит, доску еще Брюс вделал.
Тут каменщик и принялся ругать хозяина:
— Что же, говорит, ты раньше не сказал мне об этом? Пусть, говорит, черт выламывает эту доску, а не я! — и ушел.
Хозяин и приказал закрасить эту доску. Ну, выкрасили, а ее все еще видно. И вот тут что главное: как быть войне, доска становится красной. Перед японской войной замечали, перед германской… Закрашивали ее сколько раз, она все выступает. А где подъезд — медная доска прибита и на ней какие-то буквы вырезаны, и тоже неизвестно для чего. Приходили профессора, смотрели:
— Это, говорят, Брюсова работа, а что означает — ничего, говорят, не можем понять. А ведь, гляди, не даром же прибита доска?..

«Надзрение» за типографией

В том же году на Якова Вилимовича была возложена еще одна обязанность, связанная с надзором за деятельностью Гражданской (Новой) типографии в Москве. Типография возникла в 1705 году по инициативе энергичного «купецкого человека» кадашевца Василия Онуфриевича Киприанова и должна была выпускать в свет книги только светского содержания. В указе от 30 мая 1705 года об ее учреждении говорилось, что наука в школах умножается, а книг учебных нет, и, таким образом, основной задачей типографии становился выпуск учебных пособий.

Она должна была печатать книги «докторские, математические и архитектонские и водам взводительные», а также «нотные».

Вместе с типографией создавалась и «библиотека», которая одновременно служила и книжной лавкой. В. О. Киприанов получил право торговли не только своими изданиями, но и продукцией Московской типографии (Печатного двора). Он также осуществлял надзор за частной книготорговлей, поскольку продажа печатных изданий без проверочного знака («герба») Киприанова запрещалась.

Как видим, задачи типографии по выпуску учебной литературы были тесно связаны с проблемами развития образования и, соответственно, с деятельностью Артиллерийской, Пушкарской, Навигацкой и других школ. Вероятно, это и стало причиной того, что Петр I вверил попечение новым наполовину частным предприятием своему высокообразованному сподвижнику Я. В. Брюсу.

Была, правда, и еще одна причина такого решения Петра. При создании нового учреждения, призванного издавать просветительскую литературу, выполнять государственные заказы, необходимо было определиться с финансированием такой деятельности, точнее, с тем, через какое ведомство будет идти бюджетное финансирование. Петр определяет это осуществлять Артиллерийскому приказу. Поэтому Первая гражданская типография попала в ведение к исполняющему обязанности командующего войсками артиллерии Якову Вилимовичу Брюсу.

21 августа 1706 года Я. В. Брюс отдал распоряжение Н. П. Павлову: «В артиллерии записать Царского Величества Имянной указ, дабы ведать гражданскую Новую типографию, против того, как записал в Ратуше, всяким делам и строение мейстера Василья Куприянова и ево мастеровых и работных людей в Приказе артиллерии». Впредь при печатании книг, брошюр, учебников, карт и тому подобных изданий на продукции типографии обязательно ставилась помета «Издано под надзрением Якова Вилимовича Брюса».

В. О. Киприанов оказался ловким дельцом и вскоре понял, что на одной учебной литературе невозможно сделать состояние. Гораздо большим спросом в то время пользовались гравированные на меди карты, таблицы и чертежи.

И уже в скором времени Киприанов стал выпускать в свет гравированные «маппы» (карты) и чертежи. К сожалению, новомодная печатная продукция оставляла желать лучшего. «Ежели, да не ведаешь, как начертить глобус по художеству стереографической проекции, то надлежит тебе изучиться оному у аглинского учителя Андрея Фергисона (Фарварсона. — А. Ф.) или у кого из его учителей. А без того ведения не можно глобусу ни маппы на [пло]ском написать», — вынужден был поучать Брюс книгоиздателя.

Я. В. Брюсу приходилось периодически сдерживать коммерческие новации не в меру ретивого предпринимателя. «Василью Киприянову вели сказать, — писал Яков Вилимович дьяку Павлову, — чтоб он печатал такие книжки и листы, какие преж сего бывали и в церквах, також и в народе употребляют. А вновь собою ничего не вымышлял, дабы ему в том слова не нажить».

В другом письме Брюс лично решил поучить Киприанова: «Ежели в какой твоей печати имя Государя Царевича (Алексея Петровича. — А. Ф.) поминается, то тебе не надлежит писать Великого Государя Царевича благородным, понеже в иных странах всякий шляхтич знатной пишется благородным. Надо б приписать Его Царская Высокость».

В Гражданской типографии не хватало специалистов, их пришлось «позаимствовать» на Печатном дворе, который был в ведении главы Монастырского приказа боярина И. А. Мусина-Пушкина. Там, как известно, печаталась церковная и богослужебная литература. Между Приказом артиллерии и главным церковным ведомством возникла напряженная ситуация.

Мусин-Пушкин отказывался давать своих мастеровых. Так, например, когда дьяк Никита Павлов попытался забрать в Гражданскую типографию с Печатного двора «словолитца» Михаила Ефемова, его отказались отпускать.

Тогда Я. В. Брюс нашел способ воздействовать на упрямого боярина через царского фаворита. «В Новую типографию о взятье с Печатного двора мастеровых людей прислано буде письмо от господина князя Меншикова к Мусину-Пушкину не умедляв», — писал он Н. П. Павлову в ноябре 1706 года.

Узнав, что спустя некоторое время мастеровых людей Гражданской типографии «в иные дела отволакивают», Брюс советовал Н. П. Павлову лично съездить к И. А. Мусину-Пушкину, а если тот откажется возвращать печатников, то обращаться к самому Ф. Ю. Ромодановскому.

В течение всего 1706 года Я. В. Брюс не мог лично вмешиваться в деятельность Гражданской типографии из-за участия в военном походе, однако он старался не только организовать ее производственный процесс, но и контролировать качество выпускаемой продукции.

По мере возможности Брюс продолжал вникать в дела Гражданской типографии в Москве. В июльском письме в 1707 году заведующему типографией В. О. Киприанову он приказал прислать по несколько экземпляров каждой из напечатанных гравюр. С «образцовых» (ненапечатанных) необходимо было сделать «абрисы для лутчего исправления» и также направить их начальнику артиллерии.

Частная жизнь генерала Брюса

Находясь во время военных походов далеко от дома, Брюс с приказной почтой получал редкие весточки из дома от своей супруги Марфы Андреевны, которая не понаслышке знала тяготы походной жизни и старалась хоть как-то скрасить военные будни мужа.

Эта трогательная забота проявлялась прежде всего в мелочах. Так, например, через Е. Зыбина она послала Якову Вилимовичу «бутылию с воткою» в туеске и «ведерко с калачами».

4 января 1706 года А. Брылкин писал Брюсу в Гродно: «Государыня моя, Марфа Андреевна, в добром здравии и в доме твоем милостию Божией все сохранно. Известно тебе, государь, буди Государь изволил славить в доме твоем декабря в 29 день в первом часу дня. Зело изволил увеселиться, и убрано было кушанье, также и напиткам зело изрядно. Назавтрее изволил кушать царевич и забавлялись с великим веселием, танцевали и в лещотки играли до полуночи».

Марфа Андреевна достойно принимала гостей в отсутствие мужа и могла потрафить развеселой компании славильщиков во главе с самим государем. Даже суровый князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский однажды отписал Брюсу: «В доме твоем славили и все, слава Богу, исправили добре».

В то время когда в Москве праздновали Новый, 1706 год артиллерийской стрельбой и гуляньями и «потеха была», Я. В. Брюс находился в Гродно. Тем не менее даже из осажденного гродненского лагеря он смог передать через курьеров князя Меншикова грамотку супруге Марфе Андреевне. Спустя некоторое время (18 марта) Брюс вновь просил князя: «Когда явится случай отписать бы к Москве, дабы домашним моим ведомо было, что еще в живущих обретается тот, который повсегда называется вашего сиятельства (то есть сам Брюс. — А. Ф.)».
За весь 1706 год Я. В. Брюс ни разу не был дома и не видел свою супругу. Беспокоясь за нее, он приказал Н. П. Павлову сообщать в письмах о домашних делах. С 5 декабря 1706 года практически все письма дьяка содержат стандартные приписки: «А в Приказе <…> также и в доме милости твоей по нижеписанное число милостию Божиею все в добром сохранении».
В 1707 году Я. В. Брюс смог наконец-то встретиться с любимой супругой Марфой Андреевной. Пользуясь затишьем на театре военных действий, он пригласил жену в Жолкву. Путешествие продолжалось довольно долго из-за того, что она «в Калуге заскорбела (заболела. — А. Ф.)» и даже «посылала к Москве за доктором».
В конце января 1707 года генерал-фельдмаршал Б. П. Шереметев отдал командирам полков распоряжение оказывать Марфе Брюс содействие в поездке, выделять ей лошадей и провожатых. В феврале супруги наконец-то встретились.
Заботясь о перенесшей болезнь супруге, Я. В. Брюс приказал прислать из Москвы «зенчилинц (видимо, корень женьшеня. — А. Ф.) 2 фунта, которое привозят из Сибири». При этом Яков Вилимович не считался с высокой ценой чудодейственного средства. «А преж сего такое коренье в покупке было фунт по 20 рублей, а ныне ежели по той цене не сыщешь, то хотя и дорожей купи, и всеконечно, присылай не умедляв», — писал он дьяку Павлову.
Спустя некоторое время Я. В. Брюс просит прислать по три фунта чаю и кофе, для него же было приобретено два пуда «кенарского» (канарского) сахара.
В начале октября 1707 года Я. В. Брюс направился на «зимние квартиры» в Борисов, стоявший на берегу реки Березины — еще одном водном рубеже, где планировалось сдерживать шведское наступление. «Я сего числа приехал в Минск и получил указ от господина фельт маршала идти в Борисов город, где будет артиллерия обретатся», — сообщал Яков Вилимович князю А. Д. Меншикову.
В аналогичном письме Н. И. Репнину начальник артиллерии писал: «И я, день спустя, побреду в оное место, которое не лутчей деревни московской». В письме князю В. В. Долгорукову Брюс дает меткое ироническое определение своей новой квартире: «Сказывают — оное второй Париж и гораздо еще лучшей нашего славного города Клина».
Благодаря переписке Я. В. Брюса, а также письмам Марфы Андреевны родственникам мы можем узнать некоторые подробности их жизни на зимних квартирах, а также получить представление о гардеробе супругов.
Извещая сестер о своем приезде в Борисов, Марфа Андреевна просит прислать из своего московского дома рысью шубу под бархатом, собольи пластинчатые меха, серебряные нашивки, венгерскую соболью шубу под бархатом, беличью венгерскую шубу под алым сукном. В других письмах она заказывает 32 пуговицы, 26 петель больших, шесть малых, булавок, лент алых и лазоревых, алого флеру с зубчиками. Для изготовления шлафрока Брюс просит Павлова приобрести высококачественный беличий мех. Из Москвы Брюсу присылают белый парик, пистолеты, завесы китайские, девять аршин красного «понсового» сукна. Подьячий Прохор Трофимов преподнес своему начальнику «клинок шпажный».

Из Кенигсберга Я. В. Брюс выписал удобную коляску. Для своего домашнего обихода он просил прислать из Москвы «ренскова две бочки ис пряных, только чтоб было не кисло, ценою не свыше 30 рублев за бочку». Вторая коляска и некая книга были приобретены для Брюса у князя Б. И. Куракина, отправлявшегося с дипломатической миссией в Ватикан.
В конце октября Брюс заказывает (неизвестно, для себя или для супруги) в Москве лекарство, о чем пишет Н. П. Павлову: «По посланной росписи, пожалуй, прикажи в верхней в аптеке или у Ивана Григорьевича зделать лекарство четвертую долю. И ежели оная доля станет ценою ниже пяти рублев, то прикажи зделать хоть оных в ½ доли. А что оное мне надобно просто в оптеке сказывать не для чего. И ежели тебе свободно, пожалуй, сам за оным походи или прикажи Трофимову. А зделав, положа в удобное влагалище, пришли сюда чрез почту без замедления, понеже в оном имею немалую нужду».
Надо полагать, что Я. В. Брюс был сведущ в лекарственных средствах. Вероятно, он порекомендовал Меншикову, страдавшему легочной болезнью, принимать лекарственную водку и даже сам ее заказал в Москве. «При сем письме, — писал он Н. П. Павлову, — посланное от меня письмо в Немецкую слободу отвези сам и отдай тетке моей по подписке неумедля. И которую лекарственную вотку по оному письму она тебе отдаст, ежели похощет, заплати ей деньги, положа их в два или в три ящика, и чтоб не раздавилась склянка, сюда в поход в письмом сиятельнейшего господина (Меншикова. — А. Ф.) пришли чрез почту. И чтоб их довесть в [целости бы] положь сена, понеже оные возки надобно к употреблению его сиятельству. А что они надобны ему, только отнюдь оного не сказывай».
Дьяк выполнил распоряжение, «обертя в пенку и учредя в деревянный ящик, послал» «водки скляночку круглую».
Я. В. Брюс старался поддерживать дружеские отношения с важными сановными вельможами и особенно с находящимися в царском фаворе сподвижниками Петра I. Почти раболепным письмом он поздравляет светлейшего князя А. Д. Меншикова с пожалованием ему «княжества Ингерманлантцкого». Ко дню именин князя он отправляет в его ставку полковника И. Я. Гинтера с отрядом артиллеристов, запасом пороха и снаряжением для устройства фейерверка. При этом Брюс подробно расписывает, что необходимо приготовить, каких размеров и в каком количестве. Через некоторое время Я. В. Брюс сам отправляется поздравить светлейшего с именинами.
Яков Вилимович в 1707 году в письме брату Роману, пытаясь отвести от него гнев светлейшего и самого царя, советует: «Давай письменную ведомость, сколь часто можешь, ко князю (Меншикову. — А. Ф.) о строение городовом, коликое ево прибудет, також бы о состояние о городе государева и княжова двора».
В 1707 году всесильный князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский был потеснен в своих полномочиях московским комендантом М. П. Гагариным, в компетенцию которого попала и московская артиллерия. В подарок начальник артиллерии послал венгерского вина самого высокого качества, «что и во всей Польше лутчи оного не сыскано».
К Я. В. Брюсу постоянно обращались за помощью, искали его дружеского расположения. Адмиралтейц-советник А. В. Кикин в одном из писем назвал Якова Вилимовича «милостивым и верным другом». Князь А. И. Волконский просит о заступничестве, «ежели мне будут какия слова говорить». Ф. Ю. Ромодановский обращается к Брюсу с просьбой похлопотать о назначении сына полковником. «В правде моей не оставь мя», — пишет Якову Вилимовичу обер-инспектор ратуши

А. А. Курбатов. «Инде же мое, за что стражду, не обретаю, но оглашен чрез ненавидящих правду», — продолжает он. В ответном письме Я. В. Брюс осторожно советует болтливому обер-инспектору поменьше вести откровенные разговоры в разных компаниях, особенно где говорят об А. Д. Меншикове. «Мы здесь воистино без вашей милости в скуке и якобы в унынии пребываем, потому что сойтитца не с кем», — пишет Брюсу русский посол в Польше дьяк Емельян Украинцев.
Следует сказать, что Я. В. Брюс старался оказать в меру своих сил и возможностей поддержку просителям. Когда же он понимал, что его вмешательство бесполезно, то советовал корреспонденту лично обратиться к государю или князю Меншикову.
Со своим братом Романом Я. В. Брюс обменивался письмами. Но, как правило, это была деловая корреспонденция, относительно выполнения различных распоряжений, снабжении армии, перевозки боеприпасов и артиллерии и т. п.
Все лето и начало осени 1706 года Роман Вилимович был занят подготовкой похода на Выборг. Снабдить всем необходимым собираемые в Санкт-Петербурге войска было крайне трудно. В сентябре 1706 года драгунский полковник граф Шомбург пожаловался Меншикову на Р. В. Брюса, заявляя, что драгуны «безоружейны, и безлошадны, и безодежны». Князь разгневался на петербургского коменданта, кроме того, масла в огонь подлили некие «доброхоты». Они обвиняли Романа Вилимовича в том, что он строит свои хоромы по деревням, «оставя хоромы губернаторские». Вероятно, это взбесило Меншикова, для которого строительство собственных палат в Санкт-Петербурге было важнее, пожалуй, строительства самой крепости.
Р. В. Брюс оправдывался перед братом: «Хотя бы я скота был глупее, я бы того не учинил». Он клялся под угрозой лишения чина и чести, что строит дом не для себя, а для губернатора князя Меншикова: «И тот дом не себе я строил, построен для приезду его сиятельства; мне не в вотчину Санкт Питербурх дан».
Зная расположение светлейшего князя к брату, Роман Вилимович просил его о заступничестве перед Меншиковым от «ненавистников и лживцев», а также заверял, что «все полки удовольствованы будут к походу».
Добрые отношения Брюса с князем Меншиковым к 1706 году переросли в приятельские. Этому способствовала походная жизнь, придающая общению между людьми одного круга большую ценность, а также обоюдное участие в гродненской эпопее. Оба военачальника были почти ровесниками и отличались живым общительным характером. Они не принадлежали к старомосковской знати, не кичились своей родовитостью и свое положение в обществе целиком связывали со своими личными заслугами и верным служением государю.
Обладая несомненным дипломатическим талантом и определенным политическим чутьем, Брюс отчетливо понимал, что А. Д. Меншиков становится одним из самых влиятельных людей в государстве.
Князь обменивался с Яковом Вилимовичем шутливыми письмами. «Зело удивлен, — писал А. Д. Меншиков, — что ваша милость к нам отпустил столько пороху, сколько к стрельбе против неприятеля надлежит. Или не может господин генерал разсудить, что иногда и мы не насухе лежим, и в то время чем про ваше здоровье стрелять. О сем прошу благого рассуждения». 20 июля 1706 года Брюс в тон Меншикову отвечал: «Желею, что малое число пороха послал, которым от неприятеля побоборониться возможно, а для лутчего совс[ем] с Ивашкою Хмельницким ничего не отпустил. И в том есть совершенная вина моя. Только есть причина тому, что и вышеписаный порох займывал. А ныне, по получении своего пороха для лутчаго возбуждения дружбы с Бахусом послал я к вашему сиятельству 3 бочки пороха, в которых содержится по 80 выстрелов на всякую пушку, которые посланы к вашему сиятельству. А буде сим да

невозможно будет Ивашку к союсу (союзу. — А. Ф.) привести, и мы впредь вашему сиятельству услужим же».
Днями спустя Александр Данилович благодарил Брюса за присылку пороху и в шутку жаловался, что все запасы выпивки для «исполнения Бахусова закона» кончаются, «а впредь взять негде». Остается только забавляться охотой на диких коз, которых убивали до пятидесяти штук в день.
Следует заметить, что А. Д. Меншиков весело проводил июльские дни временного военного затишья. Для увеселения он даже выписал три хора музыкантов (21 человек). «Которым зело нужда ныне у нас быть», — писал он генерал-адмиралу Ф. А. Головину.
18 августа 1706 года в Киеве состоялась свадьба А. Д. Меншикова с Дарьей Михайловной Арсеньевой. Брюс в эти дни находился там же и не мог не присутствовать на бракосочетании. С этого времени Яков Вилимович состоял в самых дружеских отношениях с Дарьей Михайловной.
В сентябре Яков Вилимович, приехавший во Львов, выполнил ряд поручений князя. Он закупил для него отборного венгерского вина, парадную конскую упряжь, карету с шестеркой «воронопегих» лошадей.
Памятуя о том, что «маленькие подарки скрепляют большую дружбу», Я. В. Брюс не забывал сделать «презенты» нужным людям. Князю Ф. Ю. Ромодановскому он послал «терочку табашную». Н. И. Репнин получил соболей и часы, а также ведро водки. Столько же хмельного напитка было послано в подарок генералу князю М. М. Голицыну. Оба военачальника по достоинству оценили горячительный напиток и через А. Зыбина били челом Брюсу за подношение. Дьяк Н. П. Павлов получил в подарок от своего начальника серебряную уздечку.
Благодаря дружеским связям с царским фаворитом, расположению государя, а также личным качествам влияние Я. В. Брюса росло. К нему стали обращаться с просьбами замолвить словечко перед Меншиковым или самим Петром. Иногда просто старались напомнить о себе добрым словом, спросить о здоровье, выказать дружеские чувства.
Заслуженный ветеран, престарелый и больной полковник Н. Н. Балк просил исходатайствовать себе назначение в какой-нибудь город в коменданты. «Приволокся я из Митавы к Москве... По се время мне пределу никакова нет, ни жалованья, ни отпуску к месту», — жаловался он. Первоначально Ф. А. Головин хотел отправить Балка на службу в Кольский острог. Однако Брюсу удалось замолвить о полковнике словечко. «О зимовье твоем и о болезни, которою твоя милость ныне одержим, говорил я губернатору Александру Даниловичу. И Александр Данилович изволил милость свою явить и сказал, чтоб освидетельствовал у господина Федора Алексеевича, нет ли каких <...> городех порозжего города. И по оной <...> Федор Алексеевич мне явил о Кольском остроге и <...> город зело учинился быть непотребен, понеже, что он в дальности. А после того, как [я улучил], видел Федора Алексеевича у Александра Даниловича, и по оному еще говорил. И в то время он изволил сказать, хотя и ныне выслать, милости твоей быть в Чернигове или Нежине комендантом». Брюс даже помог поселить жену и дочь Балка, выделив им двор.
За помощью к Я. В. Брюсу неоднократно обращался генерал Н. И. Репнин. Адмиралтеец и будущий генерал-адмирал Федор Матвеевич Апраксин писал Якову Вилимовичу: «Пожалуй, мой милостивый, во всяких приключающихся о мне случаях не остави меня во благодеянии милости своей, за что долженствую милости твоей служение мое отдавати». Обер-комиссар ратуши и царский «прибыльщик» Алексей Курбатов просил Брюса исходатайствовать ему пожалование «изменничьих деревень пиклеровских и соковнинских».

В то же время Яков Вилимович был равноудален от всех придворных группировок и старался не ввязываться в конфликтные ситуации. В одном из писем он стал опрометчиво поучать князя-кесаря Ромодановского, как правильно заготавливать лес. Федор Юрьевич обиделся, и Брюс поспешил сгладить ситуацию: «И я тебе, государю, о оном (лесе. — А. Ф.) никогда с пенями не писывал, и помышления моего о том не было, чтобы мне тебя, государя, чем прогневить, кроме того, что всегда тебя, государя, прославляю».
Нельзя не отметить любовь Брюса к лошадям. Во многих письмах начальник артиллерии отдает различные поручения своим подчиненным, связанные с покупкой, обменом и лечением его собственных лошадей. Хорошая лошадь поднимала престиж владельца среди генералитета, высших офицерских чинов и польских магнатов. Брюс старался, чтобы его конюшня состояла только из породистых и холеных лошадей. Узнав однажды, что купленный им жеребец приведен в Москву «гораздо хвор и несытен», Яков Вилимович спешно отправил инструкцию по его лечению. В ней явно прослеживается широкий кругозор этого человека, разбирающегося даже в ветеринарии. «Антимонию и селитры взять поровну и, истолча, просеять, дабы мелко было, и смешать хорошенько вместе. Потом взять горшок немалой, дабы та материа токмо половину оного заняли. Потом бросить на оную материю горящей уголь, от чего материя загорится, и пойдет дым великой, которого дыму беретца надлежит. А как перестанет гореть, то, простудя, истолочь намелко и давать оного порошка лошади по семи золотников на тощей живот чрез день недели з две. Вышеписанную материю надлежит на дворе жечь и, усмотрев с какой стороны ветр, с той стороны и человеку зажигающему стать, дабы ему дым в нос не попал. Ежели надеятся можно, что горшок крепок, то возможно оной покрыть доскою железною», — писал он своим подчиненным.
Многие письма Брюса содержат его распоряжения относительно содержания лошадей и ухода за ними. Так, например, только в Смоленске и Рославле стояло 50 лошадей, принадлежавших Брюсу. Из его личных средств была выделена сумма денег на покупку овса, лошади были «довольны кормом и сыты», а для профилактики болезней им выстригли уши и гривы. Чтобы спасти своих лошадей в Новгороде от падежа во время «конского мора», Брюс приказал управляющему переправить большинство из них в Москву.
Надо полагать, что Яков Вилимович вообще любил животных. Скучая в походе, Брюс просил прислать ему любимых собак. В письме А. Зыбина содержится информация об отправке начальнику артиллерии двух собак, одну из них звали Жучка.
Был Я. В. Брюс и в курсе дел в своих поместьях. Кроме полученных владений в Нарве (городской и загородный дом с землей) и дома в Немецкой слободе у Брюса за несколько лет его воеводства в Новгороде появилось домашнее хозяйство (дом, конюшни, сад и т. п.), которым также необходимо было управлять даже во время войны. Брюс вникал во все подробности этого управления, хотя основное бремя забот по хозяйству легло на плечи Марфы Андреевны. Новгородский управляющий М. С. Желобовский писал Брюсу: «А сколько в тех деревнях дворов и крестьян отказано за милость твою, и тому послал я с отказных книг выпись за дьячею рукою к Марфе Андреевне».
Еще в 1705 году от князя М. И. Вадбольского Яков Вилимович узнал о выморочных поместьях Федора Пущина, Ивана Клементьева и Юрия Негоновского в новгородских землях (всего более 1100 четвертей земли). В начале января 1706 года Вадбольский советовал «побить о поместьях челом».

Вероятно, тогда же Брюс, получив точные сведения о землях и крепостных крестьянах на них по писцовым и переписным книгам, обратился с челобитной об отдаче этих поместий ему. Учитывая, что по некоторым поместьям были тяжбы с дальними родственниками прежних владельцев и с Иверским монастырем, дело тянулось, по крайней мере до весны 1706 года.
Однако летом 1706 года новгородский управляющий М. С. Желобовский сообщал своему хозяину Я. В. Брюсу, что «в усадьбах у милости твоей по се число, дай Бог, здорово». Была засеяна яровая пашня даже больше, чем при прежних владельцах. Заканчивался посев ржи. Для домашнего обихода было заготовлено 1500 копен сена. Часть лугов была отдана под сенокос «на оброк». Жизнь крепостных крестьян в новгородских поместьях Брюса была, вероятно, лучше, чем у соседей. Так, бежавшие в Польшу крепостные помещика Ивана Нелединского прислали к управляющему имениями Брюса крестьянина для переговоров. Они хотели поселиться на новгородских землях Якова Вилимовича («семей с 20»). Скорее всего, в том же году Брюсу, по совету Желобовского, удалось отписать на себя и новгородский дом И. Клементьева.
Таким образом, даже находясь вдали от своих владений, Яков Вилимович находил время заботиться о них. В своих хозяйственных распоряжениях Я. В. Брюс предстает перед нами как рачительный и заботливый хозяин. В общении с «птенцами гнезда Петрова» Яков Вилимович — «политичный» человек, умеющий отстаивать как собственные интересы, так и интересы своего ведомства, используя при этом не столько грубый нажим, сколько пути дипломатического воздействия и рычаги влияния в ближайшем окружении Петра I.
В 1708 году Брюса вновь одолела старая болезнь — подагра. В письме царю 31 мая Яков Вилимович жаловался, что из-за тяжелой болезни остановилась работа над переводом книги Брауна об артиллерии: «Что принадлежит первыя части брауновой артилерии, и я оною всю еще не мог выправить за проклятою подагрою, которою одержим был больший четырех недель». Однако и после этого Брюс не получил облегчения, так как «[потом припала] было горячка, от которой у меня так было повредились глаза, что не мог оных к многому читанию и писанию употребить». Опасаясь возобновления подагры, Я. В. Брюс старался, по-видимому, соблюдать специальную диету, но в разоренной стране трудно было сыскать даже самое необходимое для повседневного обихода военачальника столь высокого ранга, каковым являлся Я. В. Брюс. Многое приходилось доставлять из Москвы. Дьяки Артиллерийского приказа писали своему начальнику: «По письмам от вашей милости послано декабря в 3 день до милости вашей с подьячим с Федором Арбузовым на ямских подводах 2 бочки ренского, 2 кожи сыромятных, пол ведра уксусу ренского, 2 фунта кофе, 400 свеч немецких, 1 фунт корицы доброй, 1 фунт гвоздики, ¼ фунта мушкатного цвету, ¼ фунта шефрану, 2 фунта кардамону, 3 фунта аниса, 4 фунта перцу, 3 фунта тимона, 10 фунтов фиников, 10 фунтов миндальных ядер, шляпа, 24 попон, тож число повязок волосяных. 5 пятинок ниток не послано для того, что в памяти Унковского писано, чтоб прислать против посланного образца, а оного образца не прислан. Орехов турецких в ряде и нигде не сыскано. Да из дому милости вашей послано 10 кож бараньих, одеяло песцовое, покрытое сукном, а 3-х кож красных юхотных в доме милости вашей не сыскано. До милости вашей денщики Матвей Иванов, Савва Яковлев, Кирило Стариков посланы ж с ним же, подьячим, и о том вашей милости известно. А вышеписанные, государь, припасы почему куплены, о том к милости вашей писал я с вышеписанным подьячим». Пришлось, по-видимому, Якову Вилимовичу довольствоваться чем Бог послал, без грецких орехов. Интересен

список присланных из Москвы продуктов. Пряностями обильно приправляли пищу и добавляли в вино, считалось, что они обладают обеззараживающим действием, а также могут использоваться как лекарства. Сухофрукты и орехи долго хранились и были удобны при транспортировке.

Для сохранения здоровья Я. В. Брюс нуждался и в хорошем поваре, о чем свидетельствует его письмо генералу Р. Х. Боуру от 8 ноября 1708 года: «Пожаловал, милость твоя, будучи в Чашниках, уступил мне полоненаго повора. И понеже оной ранен был, а лекарь мой у вашей милости был, того ради я оному приказал было быть у милости твоей доколе выздоровеет. Ныне повар, которой был прислан, умре, и в том великую нужду имею. Того ради прошу вашего жалованя, ежели тот преждеписаной повар выздоровел, пожалуйте мне по-прежнему ево уступитя и прикажите онаго в Смоленске отдать стольнику Алексею Маркову, х которому я писал, дабы ево ко мне прислал. А я за такое ваше жалованье всегда вам готов служить и остаюсь непременно вашего благородия должным слугою».

Старые приятели не забывали Якова Вилимовича. Так, например, смоленский воевода П. С. Салтыков прислал Я. В. Брюсу бочонок пива. «И ежели и я свободной случай имел, чтоб вместо онаго вам отплатить, то бы послал я к вашему благородию изрядного ренского, чего ради оставляю оное напред», — благодарил своего давнишнего друга за подарок Яков Вилимович.

В условиях постоянных маневров русской армии генералитету необходимо было не только сохранить военные обозы, но и сберечь свои собственные. Об этом Я. В. Брюс просит сына своего покойного друга Н. Н. Балка — Федора Николаевича: «Прошу Вашу милость, пожалуй, не покинь мой обоз, которой стоит неподалеку от вас, и во всякие случаи его сохрани». В том же письме начальник артиллерии заодно сообщает Балку приятную новость: «При сем объявляю вам, что вы и господин бригадир Ахестов повышении чином вашим будете, переменены чинами. И вы будете при бригаде, а Николай Григорьевич будет взят к господину фелт маршалу Шереметеву. И прошу Вас о сем не изволь никому объявлять. И мню, чтобы быть вам при бригаде Николае Григорьевиче, и ему у господина фелт маршала (Шереметева. — А. Ф.); о чем и чаю вскоре о том указ [или] будет прислан, о чем прошу до времени помолчать, разве что бригадиру Ахестову объявить».

Вообще Я. В. Брюсу была, вероятно, свойственна национальная шотландская черта — бережливость. Крестьянин Камарицкой волости из села Щегловки Наум Салтанов со своими детьми учинили драку с обозными Брюса, когда те проезжали мимо их двора. Во время драки буяны «били дубьем по коляскам и разбили у коляски окончину». Таким образом, пострадала дорожная карета начальника артиллерии. Разъезжать с выбитыми стеклами по осенним дорогам он не собирался и немедленно направил севскому коменданту Г. Котовскому письмо с требованием компенсации: «Прошу вашу милость прикажите тех бойцов в том розыскать, и тою окончину на них доправить. Изволь у тех колясков другие окончины хотя сам досмотреть, каковы те окончины были и чего [стояли]. И коляске той цена 100 рублей».

Осенью 1707 года жена Якова Вилимовича Марфа Андреевна вернулась в Москву, а в 1708 году в семье Брюсов родилась дочь Наталья. Это радостное событие произошло, скорее всего, в последних числах января или не позднее 2 февраля, поскольку именно в этот день дьяки Артиллерийского приказа поздравили своего начальника с рождением дочери: «Желаем тебе, государь, от Господа Бога милости и здравия, и щастливого радостного пребывания по желанию милости твоей. Поздравляем тебя, государь, с новорожденной дщерию твоею, а нашей государыней Наталиею Яковлевной».

Крещение новорожденной состоялось в Москве, причем крестным отцом был сам наследник русского престола царевич Алексей Петрович. Я. В. Брюс поспешил поблагодарить царевича: «Вашей Царской Высокости всенижайшое благодарение отдаю за превеликую милость вашу, что не изволили нашу низость презрети и были приемником дочери моей. При том желаю всякие щастие имети, дабы мог случай сыскати такую высокую милость вашей Царской Высокости верною своею услугою заслужите».
В одном из писем старшего брата Романа сообщалось о происшествии, случившемся летом 1708 года: «Нынешняго лета в бытность здесь у нас государен цариц и царевен, поставлена была государыня царица Прасковья Федоровна в старом доме его светлейшества, и небрежением домашних их людей хоромы загорелись, которые мы затушить не могли от великого ветра. Однако чрез великий труд большие светлицы так устояли, что подволоки прогорели и далей не допустили. А задние хоромы утушить не могли. И ныне велено нам и всем офицером такие ж новые хоромы построить на свои деньги. Зато бутто нерадетельно [отимали], о чем и указ ко мне прислан за подписанием руки господина адмирала. Пожалуй, братец, яви к нам ко всем обще милость свою и побей челом его светлейшеству, чтоб явил к нам милость и избавил бы нас от того строения. Истинно нашей вины в том нет. Не мы зажгли, и не мы на том дворе стояли. А нам платить повелено. А как горели хоромы, истинно отимали радетельно, колько мочи было. Пожалуй, братец, не оставь прозьбу мою, излуча удобнаго времени, донеси о том его светлейшеству и напамятуй, когда его милость изволил быть здесь, в то время изволил обещать когда другой дом будет готов, хотел то место пожаловать мне. Я бы себе хоромцы на том месте построил».
В 1708 году к Я. В. Брюсу был направлен известный переводчик и издатель Илья Федорович Копиевич (Копиевский), человек, много сделавший для издания светской и учебной литературы на русском языке. Копиевич родился в Белоруссии, обучался в Голландии, где принял протестантство. В 1697 году во время Великого посольства он познакомился с Петром I, который поручил ему перевод иностранных книг на русский язык. В типографии Яна Тессинга в Амстердаме Копиевич начал выпуск изданий на кириллице и стал одним из создателей русского гражданского алфавита. В 1700 году он организовал собственное печатное дело и продолжил издавать книги на славянских языках. Однако дело оказалось убыточным. Издатель бросил своего компаньона и бежал в 1707 году с дочерью от кредиторов в Польшу, а затем в Россию. Здесь он был милостиво принят царем, который поручил ему закупку книг в Данциге (современный Гданьск) и дал 50 ефимков. На обратном пути Копиевич был ограблен казаками. По приказу Петра I ему было велено состоять при Я. В. Брюсе, который по праву считался настоящим интеллектуалом в среде петровских военачальников. Однако переводчик не умел переводить тексты с немецкого языка, что Якову Брюсу не понравилось.
В письме руководителю Посольской канцелярии Г. И. Головкину от 15 апреля Брюс сообщал: «Изволили ваше превосходительство х Капиевичу писать, дабы он к вашему превосходительству ехал. И я вашему высокородию доношу, как я был в Аршаве изволил Его Царское Величество приказывать мне, что оной для переводы всяких книг был при мне. И ежели вашему высокородию оной гораздо надобен, о том извольте ко мне отписать. И я ево к вашему высокородию пошлю. А мне в нем нужды нет».
В другом письме, отправленном самому государю, Я. В. Брюс довольно скептически высказался относительно переводческих способностей Копиевича: «Вашему Величеству всеуниженно доношу, что с два месяца прошло, как явился меня

Копиевич, котор[ой] при мне живет без всякого дела, потому что мне в нем никакой помощи нет для того, что языку немецкому неискусен. А зело б ему было переводить книги польские летописные, також и геометрическую, которую по приказу вашего величества, я купя, отдал будучи в [Москве] в Посольскую канцелярию. Того ради не лутшей ли его отослать к Гавриле Ивановичу (Головкину. — А. Ф), понеже мне ненадобен. О чем вашего величества повеления ожидать буду».
Дальнейшая судьба Копиевича была связана с Посольской канцелярией, при которой он служил переводчиком до самой смерти в 1714 году.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Как Брюс из старого человека молодого сделал (продолжение)
Ну, это все не то. А вот как он из старого человека молодого сделал — это действительно чудо из чудес… Работал-работал, и добился-таки — выдумал эти составы. Сперва-наперво он над собакой сделал испытание: розыскал старую-престарую собаку, да худющую такую — кости да кожа. Притащил он этого пса в подземелье, изрубил на куски, потом перемыл в трех водах. После того посыпал куски порошком, и снова они срослись как следует, по-настоящему. Вот он полил на ту собаку из пузырька каким-то составом, и сейчас из нее получился кобелек месяцев шести. Вскочил на ноги, хвостом замахал и давай вокруг Брюса бесноваться. Известно, малыш: ему бы только поиграться. Тут Брюс и обрадовался:
— Наше дело на мази! — говорит. — Теперь всех стариков сделаю молодыми, пусть живут.
А этот кобелек так и остался при нем; как вечер, сейчас взберется наверх и поднимет брех: тяв-тяв… тяв-тяв…
А народ, который мимо идет, поскорее бежать: думает, что это Брюс собакой обернулся и свою башню сторожит. Понятно, не знали, в чем дело.
Вот приходит к нему царь Петр и говорит:
— Где ты достал такого славного кобелька?
А Брюс говорит:
— Это я его из старой собаки переделал.
— Как так? — спрашивает царь.
Брюс все рассказал ему, а царь не верит.
— Ну, хорошо, — говорит Брюс, — приведи ко мне самого старого старика; я из него сделаю молодого парня.
Вот царь сделал распоряжение.

Калишская баталия
Осенью 1706 года военные действия возобновились на территории Юго-Западной Польши, куда из Киева выдвинулись русские войска. 18 сентября 1706 года Меншиков извещал Я. В. Брюса о переходе неприятеля через Вислу и советовал ему «в доброй быть осторожности, а особливо… остерегаться с левой стороны».
Через несколько дней светлейший князь, как будто предчувствуя грядущее сражение, писал Брюсу: «Я обретаюсь с кавалерией во шти милях от Люблина в местечке Краснике, и завтра паки отсель в намереный путь к Висле пойдем. Того ради, изволь, ваша милость, со всеми при вас будучими людьми, идти за нами сим же путем как возможно… Також прошу, извольте лошадей гораздо кормить овсом и рожью, что где получить можно. И прикажи над драгунами прилежное осмотрение иметь, чтоб лошадей не поморили».
Меншиков понимал, что кавалерию, и прежде всего лошадей, следует поберечь, так как именно она в тот момент являлась ударной силой русских войск. Кроме того, из

письма следует, что Я. В. Брюс если и не командовал частью кавалерии, то по крайней мере надзирал за ее состоянием во время марша к Калишу. 27 сентября 1706 года русско-польско-саксонская кавалерия, насчитывавшая в своих рядах до двадцати двух тысяч всадников переправилась у Сандомира через Вислу и подошла к Петеркову. «И намерение наше было, чтоб кончая с неприятелем баталию дать, и ради того поспешали опокидая многие обозы назади», — доносил А. Д. Меншиков царю.
В окрестностях Калиша на квартирах стояли шведские войска под командованием генерала А. А. Мардефельда. На них-то и намеревался напасть Меншиков, еще не зная, что Август II заключил перемирие с Карлом XII, согласился разорвать союз с Россией, отказаться от польской короны в пользу Станислава Лещинского и выплатить шведам огромную контрибуцию. Сепаратный мирный договор был заключен между Карлом и Августом в Альтранштадте 25 сентября 1706 года и содержался в глубочайшей тайне от русского государя.
Когда Меншиков сообщил Августу II о своем намерении атаковать шведов, положение последнего стало крайне щекотливым: с одной стороны, он боялся сразиться с Мардефельдом, зная, что прогневает Карла XII, чьи войска стояли в его собственной вотчине — Саксонии, с другой — опасался открыто объявить о своей измене Петру I. После долгих колебаний Август решился на последнее средство. Он дважды посылал к Мардефельду с извещением о заключении мира и советовал ему заблаговременно отступить. Шведский генерал, не имея никаких распоряжений от Карла XII, не поверил Августу, тем более что русско-польско-саксонская конница теснила его со всех сторон. Тогда Август II, принуждаемый Меншиковым к решительным действиям, решился атаковать шведов.
Известно, что Я. В. Брюс участвовал в Калишской баталии. Об этом он лично сообщает в росписи своих «служб»: «Был на баталии в Польше под Калишем с генералом князем Меншиковым против шведских войск, которыя были под командою шведского генерала Марденфельта». Однако роль его в сражении до конца не ясна. В официально опубликованной реляции о победе имя Брюса не упомянуто. В донесении Меншикова Петру I также ничего не говорится об участии Якова Вилимовича в битве.
М. Д. Хмыров писал, что Брюс «в качестве неизвестно каком был свидетелем блистательной победы над шведами, одержанной 18 октября у Калиша князем Меншиковым». «Участвовал в выигранном сражении при Калише», — ограничивается одной строкой Д. Н. Бантыш-Каменский. Ему вторит П. М. Майков, сообщавший, что «Брюс находился в сражении при Калише». В. В. Синдеев и А. Ф. Ерофеева констатируют факт участия начальника русской артиллерии в баталии, ничем, впрочем, его не объясняя. В новейшей биографии Я. В. Брюса факт его участия в Калишской баталии вообще обойден стороной.
Возникает вопрос: а был ли вообще Брюс при Калише? И если был, то что делал в сражении? Попробуем ответить на него.
За три дня до сражения при Калише князь А. Д. Меншиков вызвал к себе Я. В. Брюса: «Высокопочтенный господин генерал-лейтенант. По получении сего письма изволь, ваша милость, немедленно к нам ехать в купе з господином генерал-майором Генскиным, х которому от меня о походе писано. Також пушки все б взяли сюды». Сохранилось письмо Я. В. Брюса, датированное октябрем, об отправке девяти 2-фунтовых пушек со всеми необходимыми припасами и людьми А. Д. Меншикову. Согласно отредактированной лично Петром Великим и помещенной в «Гисторию Свейской войны» официальной реляции о баталии, «пополудни о двух часех зачалась

пушечная стрельба, и потом вскоре оба фрунта зближались и в жестокой бой вступили».
Трудно представить, что Я. В. Брюс, находившийся на поле боя, не командовал лично артиллерией.
Исследователи полагают, что Я. В. Брюс мог участвовать в кавалерийской атаке, поскольку он просил дьяка Н. П. Павлова купить в Москве и прислать ему в поход ольстры — чехлы для пистолетов, крепившиеся к седлу. Во время кавалерийской схватки всадник легко мог достать пистолет из такой «кобуры» и произвести выстрел. Ольстры были отправлены Брюсу. Еще пару ольстров прислал в подарок А. Курбатов. Они могли быть использованы для запасной лошади.
В результате трехдневных маневров союзные войска под командованием Меншикова и Августа II окружили со всех сторон шведский корпус в районе Калиша. Силы неприятеля состояли из шести батальонов пехоты и двадцати трех эскадронов кавалерии (всего около восьми тысяч) и от пятнадцати до двадцати тысяч «станиславчиков» (сторонников нового польского короля Станислава Лещинского) под командованием киевского воеводы и коронного писаря Юзефа (Иосифа) Потоцкого и Троцкого (Тракайского) воеводы Яна Казимира Сапеги.
Позиция русско-польско-саксонских войск выглядела следующим образом: правое крыло двухлинейного боевого порядка занимали драгуны А. Д. Меншикова — 8,7 тысячи всадников, а левое — саксонская кавалерия в четыре тысячи человек. На флангах в уступном порядке располагались польские сторонники Августа II численностью около пятнадцати тысяч: справа — хоругви вольного коронного гетмана Станислава-Матвея Ржевуского, слева — великого коронного гетмана Адама-Николая Сенявского.
В два часа дня 18 октября 1706 года с обеих сторон началась пушечная пальба. Вскоре после этого линии противников стали сближаться и вступили в сражение.
Первыми начали атаку союзники. Саксонская кавалерия смяла боевые порядки «станиславчиков», которые, отступая, укрылись в вагенбурге (обозе), стоявшем за позициями Мардефельда. Часть саксонцев вместе с поляками Ржевуского и Сенявского ударили по правофланговым эскадронам шведов. Однако ожесточенный ружейный огонь заставил кавалерию Августа II отступить.
Шведами была опрокинута первая линия русских войск, в которой находились драгунские полки К. Ренне, Г. Пфлуга, Б. Гагарина, П. Мещерского, Г. Волконского, М. фон Шульца, Г. фон Розена и Р. Боура. Однако этот временный успех только ускорил гибель неприятельской конницы. Увлеченная преследованием русских драгун, она была охвачена свежими силами второй линии, где стояли полки М. Нетлегорста, фон Шауенбурга, Г. Гейне, Я. Генскина, А. фон Штольца, И. фон Милленфельзена и Н. Ифлянта, и «истреблена совершенно». Спастись удалось лишь одной-двум сотням всадников под командованием Э. Д. Крассау, которые успели отступить к Познани.
Шведская пехота осталась без прикрытия конницы. Построившись в каре, она продолжала мужественно защищаться. А. Д. Меншиков, как он отмечал в реляции, спешил несколько эскадронов драгун, которые предприняли штыковую атаку шведов, самолично возглавив атаку и получив при этом ранение.
Мардефельд сдался. На следующий день сдались и засевшие в вагенбурге поляки Потоцкого, а также часть поляков, остававшихся в Калише.
Квартирмейстер русских войск писал через несколько дней после баталии Я. В. Брюсу: «И говорят в нашей квартире про неприятельских людей, с которыми у нас была баталия, вельми бежали и скучали; и где стал, в том доме был на мал час

писарь Потоцкой, и скучал вельми о своей жене, что она в местечке в Калишках в кляшторе (католическом монастыре)».
Потери неприятеля составили «с четыре тысячи и более человек шведов, да с тысячу поляков и волохов». В плен попали более пяти тысяч человек (из них 2598 шведов). Потери с русской стороны составили: ранеными — 324, убитыми — 84 человека.
А. Д. Меншиков отправил Петру I подробную реляцию, которая заканчивалась словами: «Не в полхвалбу вашей милости доношу: такая сия прежде небываемая баталия была, что радошно было смотреть, как со обоих сторон регулярно бились и зело чюдесно видеть, как сие поле мертвыми телами устлано… И сею преславною викториею вашей милости поздравляю и глаголю: виват, виват, виват. Дай Боже и впредь такое оружию вашему щастие».
В награду за Калишскую победу Меншиков был награжден драгоценной тростью стоимостью 3064 рубля, сделанной по чертежу самого царя.
Вот как описывает ход Калишской баталии Н. И. Павленко: «Сражение началось пушечной дуэлью и на первом этапе шло с переменным успехом. Когда русские полки сблизились с неприятелем, то первыми не выдержали натиска поляки Станислава Лещинского — они бросились наутек и укрылись в обозе, стоявшем позади расположения войск Мардефельда. Польская кавалерия, развивая успех и преследуя поляков Станислава Лещинского, напоролась на шведскую пехоту, плотный огонь которой вынудил ее отступить. Преследуя отступавших, шведы попали под огонь русских драгун, но, построившись в каре, защищались так упорно, что драгуны ничего с ними не могли поделать до тех пор, пока Меншиков не распорядился спешить несколько эскадронов. Они-то вместе с отправленной князем на фланги кавалерией и решили успех сражения». Успех в этом сражении, по мнению Н. И. Павленко, «определили русские войска и энергичные действия Меншикова».
В рассказе о битве существует необъяснимое противоречие. Как уже было отмечено, в ходе сражения шведы заняли оборонительную позицию, встав в каре. Разгромить эту позицию русские войска смогли только после того, как спешились драгуны и штурмом преодолели сопротивление шведов. При этом в статистике потерь значатся убитыми пять тысяч шведов и всего 84 русских, при 324 раненых. Как известно, оборонительная позиция каре была практически неприступна для пехоты и кавалерии. При штурме такой позиции наступающие войска несли огромные потери. При этом надо учитывать, что штурмовалось каре лучшей по тем временам армии. Как могло получиться, что в результате ожесточенного сражения, проходившего с переменным успехом (вспомним, что была вначале опрокинута первая линия русских войск), при штурме пехотным порядком каре при пяти тысячах убитых шведов русские потеряли убитыми только 84 человека?
Противоречие это легко объяснимо, если допустить, что в сражении принимала участие артиллерия под командованием Я. В. Брюса, которая в решающий момент начала расстреливать каре — статичную позицию шведов картечным огнем, что и привело к большим потерям противника и никакого штурма от Меншикова не понадобилось. Поэтому такая разница в потерях и возникла. Почему об этом не упомянул в реляции Меншиков, обойдя полностью имя Брюса как участника сражения? Это можно объяснить, зная характер и манеры светлейшего, который очень боялся конкуренции по влиянию на царя. Не случайно именно в 1706 году Меншиков подарил Брюсу дом в Москве, который стоял в Мясницкой части. Возможно, это было платой за молчание Брюса по поводу его роли в победе при Калише. Кстати, с этого момента дружба Брюса и Меншикова становится еще крепче.

Это только предположение относительно участия Брюса в Калишской баталии 1706 года. Чтобы его подтвердить, необходимы дальнейшие поиски и исследования шведских и польских исторических источников.
Крупные награды получили участники Калишского сражения. По словам цесарского секретаря при русском дворе О. А. Плейера, царь велел изготовить на Московском монетном дворе 50 осыпанных алмазами золотых знаков различного достоинства со своим портретом для награждения наиболее отличившихся генералов и офицеров. Один из таких портретов ценой в тысячу рублей получил и Я. В. Брюс.
А. Д. Меншиков пожертвовал из своей казны 20 тысяч рублей и приказал изготовить на эти деньги 300 золотых знаков с царским портретом стоимостью 500, 300, 200, 100 и 5 рублей. Эти знаки получили не только офицеры, но и некоторые особо отличившиеся в сражении нижние чины.
Дьяк Н. П. Павлов сообщал о торжествах по случаю Калишской виктории в Москве своему начальнику: «Сего, государь ноября, в 13 день по ведомости о победе швецкого и польской войска по благодарном молебне по приказу князя Федора Юрьевича (Ромодановского. — А. Ф.) была стрельба изо 159 пушек по 3 выстрела ис пушки, и о том буди тебе, государь, известно».
Петр I участия в торжествах не принимал, так как осаждал в это время Выборг и не мог похвастаться такими же успехами, как Меншиков. Выборгский поход осенью 1706 года закончился для русских войск неудачей.
День Калишской баталии вошел в число викториальных дней петровской России и праздновался с особой торжественностью.
Это была самая крупная победа русских над шведами за шесть лет Северной войны. В ней русская армия впервые продемонстрировала умение сражаться по «европейским стандартам».
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Как Брюс из старого человека молодого сделал (окончание)
Отыскали такого старючего деда, что он и лета свои позабыл считать и ходить не может, не слышит ничего. В носилках притащили его в башню, спустили в подземелье. Вот как царская прислуга ушла, Брюс изрубил в куски старика, перемыл в трех водах, посыпал порошком. Вот видит царь: ползут эти куски один к другому, срастаются. И видит, лежит целый дед… Тут Брюс полил из пузырька, а заместо этого деда поднимается молодой парень. Встал, стоит и смотрит. Тут Петр очень удивился и думает: «Наяву ли я или во сне?» Потом приказывает выгнать этого парня. Брюс и выпроводил его, ну, может, дал ему рублишко-другой… Потом натравил на него кобелька. Как принялся кобелек за икры хватать, так этот парень, точно полоумный, бросился бежать.
После этого Петр и говорит:
— А ты брось свою затею, чтобы из стариков делать молодых.
— А почему бросить? — спрашивает Брюс.
— По этому, по самому, — говорит Петр, — что из этого ничего кроме греха не выйдет. Ведь если переделать стариков на молодых, тогда и смерти не будет человеку. И как, говорит, тогда жить? Ведь ежели теперь люди грызутся, то тогда, говорит, за каждый вершок земли будут резаться. А с человека довольно и той жизни, какая ему определена. Ты, — говорит, — уничтожь эти порошки и составы и больше не занимайся этаким делом.
Брюс послушался, уничтожил. Только он тут другую штуку придумал: сделал из стальных планок и пружин огромаднейшего орла. Сядет на него верхом, придавит

пружинку, орел и полетит. И сколько раз летал над Москвой. Народ и высыпает, задерет голову и смотрит. Только полицмейстер ходил к царю жаловаться на Брюса.
— Первое, говорит, от народа нет ни прохода, ни проезда. А второе, говорит, приманка для воров: народ, говорит, кинется на Брюсова орла смотреть, а воры квартиры очищают…
Ну, царь дал распоряжение, чтобы Брюс по ночам летал. А говорят, не знаю, правда ли, что нынешние аэропланы по Брюсовым чертежам сделаны. Будто профессор один отыскал эти самые чертежи. И будто писали об этом в газетах…
Но только долетался Брюс на своем орле. Полетел раз и не вернулся: унес его орел, а куда — никто не знает. Царь жалел его:
— Такого, говорит, Брюса больше у меня не будет.
И верно, не было ни одного такого ученого.
Рассказывал в Москве в марте 1923 г. маляр Василий. Фамилия мне не известна; рассказ происходил в чайной «Низок» на Арбатской площади, за общим столом.

Изменение внешнеполитической ситуации

Победа при Калише и заключение мира Августа II с Карлом XII изменили стратегическую ситуацию в ходе Северной войны. Измена Августа стала тяжелым ударом для России. «Сия война над нами одними осталась; того ради ничто так не надлежит хранить, яко границы, дабы неприятель или силою, а паче лукавым обманом не впал», — писал Петр I генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину.
Петр готовил страну к обороне, однако не исключал и возможности заключения мира со Швецией. Царь обратился к правительствам Англии, Франции, Австрии и Голландии с просьбами о посредничестве. Он готов был уступить большую часть завоеванных земель (за исключением Санкт-Петербурга и побережья Финского залива).
Западноевропейские державы, продолжавшие Войну за испанское наследство, не были заинтересованы в прекращении войны между Россией и Швецией. Более всего они опасались изменения баланса сил за счет присоединения Карла XII после заключения мира с Петром I к антигабсбургскому союзу.
В результате открытого вмешательства Карла XII во внутренние имперские дела (восстановление прав силезских протестантов) было такое ощущение, что король идет на явный конфликт с австрийским императором Иосифом I. Опасность усугублялась тем, что вождь венгерских повстанцев Ференц II Ракоци временно восстановил независимость Венгрии от Габсбургов, а французская армия была готова прорваться через Рейн к шведам в Саксонию. Угроза шведской и французской гегемонии в различных частях Европы становилась реальностью. В этих условиях европейские дипломаты антифранцузского Великого союза (Австрия, Англия и Голландия) убеждали шведского короля начать поход на Россию.
Впрочем, и сами шведы не стремились к мирному урегулированию дел на востоке. Карл XII заявлял, что будет говорить с царем о мире только в Москве, взыскав с него 30 миллионов талеров контрибуции. Шведские министры открыто заявляли, что их король намерен свергнуть русского государя с престола, уничтожить регулярную армию и разделить Россию на мелкие княжества. Русский Север, Новгород и Псков должны были отойти под власть шведской короны, Украина и Смоленск — к Польше под власть Станислава Лещинского.
Русские военачальники и дипломаты, находившиеся во Львове и в Жолкве (ныне город Нестеров Львовской области на Украине), просили Петра I ускорить свой приезд для непосредственных контактов с руководителями Речи Посполитой и

выработки стратегического плана дальнейших действий. Царь прибыл в Жолкву 28 декабря 1706 года, и уже в начале января 1707 года начались интенсивные переговоры путем переписки и личных встреч с руководителями антишведской Сандомирской конфедерации (1702–1717) — великим коронным гетманом А. Н. Сенявским, польским коронным гетманом Г. Огинским, примасом С. Шембеком и др.

Сандомирская конфедерация оставалась единственным союзником Петра I в самое тяжелое время Северной войны. Во главе ее стоял А. Н. Сенявский — глава независимого правительства, вооруженных сил и распорядитель финансов. В январе сандомиряне объявили междуцарствие и подтвердили союз с Россией, заключенный в 1704 году.

Я. В. Брюс приехал в Жолкву, где находился Петр I, в середине января 1707 года и находился там до начала мая. «Вестей здесь (в Жолкве) никаких нет, токмо что сего часа присланы из Львова на латынском языке статьи, на которых король Август с шведами помирился. Только еще невозможно ведать, что в оных содержитца, доколе будут переведены. А когда переведены будут, то и к вашему высокородию пришлютца», — писал 15 января 1707 года Я. В. Брюс генерал-фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. Это свидетельствует о том, что наш герой был не просто в курсе событий внешнеполитической ситуации в Европе в это напряженное время, но и готов был дать разъяснения этой ситуации своему бывшему начальнику, а в это время близкому товарищу Борису Петровичу Шереметеву.

В то же время Я. В. Брюс не забывает своих прямых обязанностей по руководству артиллерией и, главное, подготовке специалистов. Понимая необходимость обучения солдат, он доложил Петру I о необходимости выделения пороха для занятий по стрелковой подготовке. В письме от 29 января начальник артиллерии сообщал: «Царскому Величеству о пороху я докладывал, и по оному приказал, что пороху на всякой баталион для учения по 10 пудов будет довольно, тольки бы учить солдат, в цель дабы стреляли пулями, а тот, которой ныне в патронах обретаетца, беречь».

Стратегический план активной обороны

В январе 1707 года в Жолкву прибыли А. Д. Меншиков, Б. П. Шереметев, Н. И. Репнин, Л. Н. Аларт и другие генералы. Широкое военное совещание состоялось в апреле. Главный вопрос, который на нем рассматривался и по поводу которого Петр I консультировался с руководителями Сандомирской конфедерации, был вопрос о военных действиях в случае шведского нашествия. В первой редакции «Гистории Свейской войны», над которой работал сам царь, сохранилась запись: «В Жолкви был генеральный совет, что давать ли с неприятелем баталию в Польше или при своих границах, где положено, чтоб в Польше не делать, понеже, ежели б какое несчастие учинилась, то б трудно иметь ретираду. И для того положено давать баталию в своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет. А в Польше и на переправах и партиями, также оголожением провианту и фуражу, томить неприятеля, к сему и польские сенаторы многие совет свой давали».

Кратко изложим основные положения Жолковского стратегического плана, ибо в его реализации в дальнейшем активное участие принимал Я. В. Брюс. По мнению ряда исследователей, это был план «активной защиты».

Военные действия были рассчитаны на использование глубины театра военных действий и имели своей задачей измотать противника. Для этого планировалось вести «малую войну» силами кавалерии и мобильных отрядов — корволантов, закрыть шведам важнейшие коммуникации и нанести решающий удар, «когда для

того необходимая нужда будет». Для противодействия шведам планировалось доукомплектовать, обучить и перевооружить армию.
Рассматривались два возможных театра военных действий — северо-западный (направление Минск — Борисов) и юго-западный (направление Волынь — Киев), в зависимости от того, куда будут наступать шведские войска. На этих направлениях принимались меры, чтобы лишить противника провианта и фуража. Согласно плану предполагалось укрепить и вооружить новой артиллерией крепости Киева, Смоленска, Москвы, Пскова и других городов. Петр I разослал во все города, расположенные в полосе «от границы 200 верст поперек, а в длину от Пскова через Смоленск до Черкасских (украинских) городов», приказ, чтобы жители этих городов «от прихода неприятельского были во всякой осторожности и опасении».
Выполнению жолковского плана должны были способствовать возобновление союзного договора с Польшей и участие в военных действиях против шведов польской и литовской армий.
В этот период тревожного ожидания шведского нашествия и подготовки страны к отпору врагу, когда сигнал к походу мог прозвучать в любую минуту, Я. В. Брюс внимательно следит за внешнеполитическими новостями. Так, в письме от 4 июля он извещал Н. И. Репнина: «О шведцком выходе из Саксонии еще не слышел. И сказывают, что будто провианту сбирает на четыре месяца и мнят, что вскоре с Цесарем (Иосифом I Габсбургом) войну начнет, понеже четыре полка шведцкие, которые от наших людей выгнаны в Шлонскую землю (Силезию. — А. Ф.), также поступают тамо, как наперед сего делывали в Польше. Тако ж есть ведомость, что соединенные войска (антифранцузского союза Англии, Голландии и Австрии) вступили во Францию и осадили город Тулон, в котором превеликое богатство и множество всякого снаряду. А именно, однех пушек больших медных больше 1000. И надеютца оный в несколько дней взять, потому что город негораздо крепок. И ежели сие зделаетца, то могуть соединенные всю Францию разорить, понеже ни единой крепости до Парижа нет. Того ради, когда такие поступки увидет шведы, то в тотчас разрушат мир с Цесарем. О чем в Вене шведцкие люди дали знать».
Находясь с Петром I и А. Д. Меншиковым в Варшаве, начальник русской артиллерии информировал генерал-фельдмаршала Б. П. Шереметева о последних известиях: «Сказывают, будто швед пошел из Саксонии 10 числа (июля), на три дороги, в Польшу, а от иных слышно, что еще в три месяца не выйдет, иные же подтверждают, что конечно на Цесаря зачнет воевать».
Получив новости об антигабсбургском восстании в Венгрии, Я. В. Брюс извещал наследника престола царевича Алексея Петровича, что его кандидатура рассматривается в качестве кандидата на венгерский престол: «Венгри три особы назначили, из которых хотят себе изобрать короля, в котором числе Ваша Царская Высокость, король Август, да королевич Прусской (Фридрих Вильгельм. — А. Ф.)».
Воспользовавшись тем, что шведы грабят контрибуциями Саксонию (всего за время оккупации Карл XII умудрился получить от Августа денег, провианта, обмундирования и снаряжения на огромную сумму — 35 миллионов рейхсталеров) и в ближайшее время не собираются ее покидать, русские войска вошли в Польшу и перекрыли две главные операционные линии: через Литву (современная территория Белоруссии) севернее Полесья и Волынь. Главной оборонительной линией русских в Польше стала река Висла.
В 1707 году начальник артиллерии показал себя и зрелым общевойсковым начальником, военным специалистом широкого плана. Эти новые черты наиболее отчетливо выражены в письмах главнокомандующему русской армией генерал-

фельдмаршалу Б. П. Шереметеву. Получив известие об отступлении русской армии, Я. В. Брюс не смог сдержаться, чтобы не выразить своего негативного к этому отношения, рискуя вызвать неудовольствие своего начальника.
В письме от 28 сентября 1707 года Брюс чуть ли не выговаривает генерал-фельдмаршалу: «А что ваше высокородие о походе своем из Слутцка изволите писать и тому я зело удивляюсь, что без всякие нужды начели издалека уступать и лутчей бы неприятелю, когда нужда придет, голодные места оставлять. А не такие места, как сказывают, около Слутцка обретаются. А ежели то место драгунским полкам прочать, и то еще того дивния будет, ежели без нужды, покинув Вислу, да удалятца от наприятеля так далеко, а ближные [места] около наших рубежей зело было надобно беречь и не голодить до последняго часу. А что нестаточное дело шведу нынешнем временем за Вислу итти, то может, мнитца мне, всяк видет, понеже подлинная ведомость есть, како ко мне пишут из Варшавы 18 дня, что перешло за Одру реку на польские рубежи всего 20 тысяч шведов. А король остался в Шлесии (Силезии. — А. Ф.), будто для отбирание костелов каталицких и для отдачи оных лютераном. А конечно он смотрит на французскую войну. Того ради возможно видеть, что он вышеписанное число войск послал токмо драгун из Польши. О чем чаю ему давно известно, и в новинках о том явилось, что не хотим стоять и уже отчасти выгнаты. А что оне гораздо б королевского войска удалились, тому я не могу верить. А ежели бы удались вышеписанным числом, чтоб дерзнули за Вислу итти, то, чаю, всяк нам смеятца будет, что мы не дали с ними баталию. А по нынешнему удалению пехоты хотя бы и похотели, то невозможно будет за дальностию того учинить. А ежели бы пехота была в близости, то не чаю, чтоб вышеписанной корпус осмелился итти за Вислу. А хотя бы и перешел, а у нас бы не было охоты к баталии, то бы зело возможно и в то время уступить, а он бы нескоро перепрянул с 80 миль к Слутцку».
Таким образом, Брюс высказывает удивление, что Б. П. Шереметев отступил от Вислы, даже не пытаясь начать боевые действия. И это отступление не было вызвано необходимостью. С 20-тысячным шведским корпусом вполне могла справиться близко стоявшая русская пехота. Даже если бы ее постигла неудача, то врагу достались бы «голодные земли», а не богатые фуражом и продовольствием территории вокруг Слуцка, уцелевшие во время войны.
Я. В. Брюс оказался прозорливым человеком. Не прошло и нескольких месяцев, как король Карл XII, вступив 11 сентября 1707 года в Польшу и избегая фронтальных атак, начал стратегический обход русских войск. Никем не сдерживаемый на замерзшей Висле, в начале января 1708 года «простыми целесообразными движениями Карл разрушил русские планы задержать наступление шведов на польских речных рубежах». При этом шведы ни разу не вошли в прямое соприкосновение с русскими войсками. Король вытеснил русскую армию из Польши одними лишь маневрами.
Примечательно рассуждение Я. В. Брюса о гренадерских войсках и их значении. В письме Шереметеву от 18 октября он пишет о крайне неблагополучном состоянии гренадерских рот. Созданные для усиления пехотных полков, они, по существу, оставались «чуждыми» в своих полках. Полковые начальники в первую очередь заботились о своих солдатах и мало обращали внимания на гренадеров, считая, что у них есть собственные командиры. С учебой гренадеров тоже не всё обстояло благополучно. Отсутствие единой системы обучения приводило к тому, что каждый командир учил гренадеров по той системе, с которой сам был знаком или которая была ему ближе. В результате в русской армии учили гренадеров артикулам «по голландской, бранденбургской и саксонской манере». Брюс рекомендовал выбрать одну из них для обучения. В конце письма Яков Вилимович замечает, что, по его

мнению, гренадеры будут только тогда в добром порядке, когда будут сформированы в отдельные гренадерские полки.
Идея Брюса была реализована уже на следующий год. В 1708 году в русской пехоте появились пять гренадерских полков.

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Брюсовы чудеса

Брюс астроном был. У него на Сухаревской башне подзорные трубы стояли — по ночам смотрел на звезды, изучал. Это он определил, когда затмению солнца быть, когда луне... Он и календарь составил. Только все же главное занятие его — волшебство. Книги у него были очень редкие, древние. Ищут их теперь, только зря: они уже давно в Германии. Еще, как только он помер, кинулись искать деньги, а у него все-навсего сотня рублей была. Они же думали — у него миллионы имеются. Ну, взяли эту сотню, а на книги внимания не обращают — разбросали по полу бумаги, планы, топчут... Ну, не все же тут были вислоухие, нашелся один умный человек — немец, забрал книги, рукописания, и айда в Германию. Вот теперь эти аэропланы, телефоны, телеграфы — все по бумагам Брюса сделаны, по его планам и чертежам. Он дорожку первый проделал, а там уж нетрудно было разработать. Да и то, сколько лет возились — все не выходило: в голове не хватало. Что Брюс один сделал, то сотня самых ученых профессоров разрабатывала. Башка не та! Теперь эти профессора, эти разные механики, разные спецы, техники, инженеры нос кверху задирают: «Мы сделали». — Вы? А кто дорогу вам показал? Откуда вы взяли программу? Зачем вы над Брюсовскими бумагами свои головы ломали? К чему это вам понадобились Брюсовы книги и вы, как угорелые, мечетесь по всей Москве, ищете их? «Мы, говорят, от природы берем». А Брюс откуда брал? Не из черта же лохматого брал, а тоже от природы. Ведь ежели не будет природы, то и ничего не будет. «Природа!» Ты вот ее сумей взять!

Преодоление трудностей в совершенствовании артиллерии

В преддверии генерального наступления шведов Я. В. Брюс занимается наведением должного порядка в комплектации своего ведомства — Приказа артиллерии и в походной артиллерии. В январе 1707 года он требует от дьяка Н. П. Павлова срочно прислать подробные ведомости о наличии всей артиллерии, вплоть до находящейся в гарнизонах, а также полные списки личного состава артиллеристов.
Он также постоянно интересуется запасами пороха и доставкой его «незамедлительно» к армии.
Иностранный наблюдатель, современник описываемых событий, отмечал, что «порох делают в Москве сильный и хороший, кроме тех случаев, когда должностные лица в личных интересах смотрят сквозь пальцы на нарушения в процессе его изготовления».
Я. В. Брюс приказывал Н. П. Павлову принимать изготовленный пороховыми уговорщиками порох согласно образцам («...у подрядчиков в приеме пороха смотреть накрепко, чтоб оной порох в приемных во всех бочках сходен был с первым опытом, которой есть в Приказе артиллерии»), а также самому, по возможности, присутствовать у его приемки. Глава артиллерийского ведомства предостерегал приказного дьяка от злоупотреблений: «Також слышно здесь, что ты сам долю в подрядах имеешь, о чем тебе паки подтверждаю опасность имети. И, ежели доподлинно сыщется, что ты в подрядах пай имеешь, и тебе всеконечно бедство будет».

Начальник артиллерии был возмущен низким качеством пушек, отлитых мастерами Тимофеевым и Арпольтом, которые оказались «зело внутри криво вылиты». Присланные в армию гранаты и пушечные ядра тоже явились «худого литья». Чтобы повысить ответственность мастеров и приемщиков, Брюс вынужден был прибегнуть к жестким мерам. Он приказал переливать испорченные орудия за счет литейщиков, а у приемщиков, принимающих бракованные ядра, гранаты и бомбы, вычитать из жалованья, а в особых случаях бить их «долгой плетью».
Главный вопрос, который волновал Я. В. Брюса как начальника артиллерии, было состояние лафетов. Многочисленные справедливые нарекания военачальников на их плохое качество заставили Брюса предъявить более высокие требования к изготовлению станков и лафетов на пушечном дворе. В письмах-распоряжениях Павлову он неоднократно напоминает, что лафеты к пушкам должны делаться по образцам, присланным из Киева еще в конце 1706 года, а не по чертежу капитана бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка В. Д. Корчмина.
Спор между В. Д. Корчминым и Я. В. Брюсом по поводу размеров колес лафетов обусловлен их различным подходом к проблеме повышения боеспособности русской артиллерии. Корчмин стремился всеми мерами облегчить вес системы, для того чтобы сделать артиллерию более маневренной. Брюс, человек широко образованный, прекрасно разбиравшийся в вопросах артиллерийского искусства, безусловно, понимал необходимость увеличения маневренности артиллерии на поле боя. Однако в то же время он считал главным в повышении ее боеспособности — надежность материальной части.
Возможно, и не стоило бы столь подробно останавливаться на конфликте Корчмина и Брюса, если бы первый достойным образом отстаивал свои позиции. Под предлогом усовершенствования артиллерии, пользуясь симпатией Петра I, как участник потешных боев 1680-х годов в качестве бомбардира, он вмешивался в дела Приказа артиллерии и даже пытался руководить самим главным начальником артиллерии. Корчмин мотивировал свои действия тем, что он якобы располагает указом царя, что не соответствовало действительности.
В письме от 17 мая 1707 года Ф. Ю. Ромодановскому Яков Вилимович рассказал о сложившейся ситуации: «Как поехал Царское Величество из Жолкви, то приказал мне ехать в Острог ко артиллерии, при которой чаю нынешное лето быть. А как я в Острог приехал, застал я тут господина Корчмина, которой просил у меня указ, чтоб в Приказе артиллерии его слушали. И сказал мне, будто имеет о том указ от Царского Величества, и хотел было мне оной показать. И я того указу не смотрел, а сказал ему ежели какой указ имеешь, и ты, приедучи к Москве, объяви князю Федору Юрьевичу для того, что он на Москве управляет. Потом я, подумав немного, попросил того указу посмотреть. Только ж слыша такую от меня отповедь, не показал мне, а чаю для того, что тот указ с ево прошением несходен. И я для того доношу милости твоей, дабы вы о сем были известны. И прошу у тебя, государя, милости, ежели милости твоей какой указ, принадлежащей артиллерии, объявит, пожалуй изволь ко мне список прислать».
Я. В. Брюс был так расстроен и оскорблен поведением В. Д. Корчмина, что вынужден был обратиться за разъяснением к князю А. Д. Меншикову. «Прошу всеуниженно вашего сиятельства, дабы изволили уведомитца о том и ко мне пожаловали б отписали, есть ли у него какой указ от Царского Величества до артилерии надлежащей, чтобы мне неведанием не пострадать. А ево милость (Корчмин. — А. Ф.) уже нарочито начел в мои дела вступатца. Како я из ево слов слышал. Також прислал ко мне на другой день моего приезда письмо не просительное, но повелительное о

присылке к нему одного из дворян, которой приставлен к артилерийским лошадям, чего я учинить не мог. И впредь не буду делать. Разве буду отдан ему под команду».

Получив распоряжение готовить Москву к обороне от шведов, В. Д. Корчмин отправился в столицу, где развернул кипучую деятельность. Он явился к князю-кесарю, которому также не показал царский указ. По словам Ф. Ю. Ромодановского, Корчмину было «велено… альтилерию описать и осмотреть, и чево каких припасов мало, приполнить; ему ж велено Кремль и Китай (город. — А. Ф.) починять и совсем управлять, как обычай к военному делу».

По приказу Корчмина с железных заводов Нарышкина и Меллеров в Москву стали свозить боеприпасы «годные и негодные, старого и нового литья» (против чего так боролся Я. В. Брюс).

Кроме того, для строительства новой земляной крепости в Китай-городе между Спасскими и Никольскими воротами Корчмин стал забирать с пушечного двора различный шанцевый инструмент (лопаты, кирки, ломы, мотыги и пр.), припасенный для нужд артиллерии.

Дьяк Приказа артиллерии Н. П. Павлов писал Брюсу: «Василий Дмитриевич Корчмин афицеров бомбардирских, пушкарей и мастеровых людей, которые обретаютца на Москве, по имянному списку пересмотрел. И по ево приказу господин Шперрейтер, да инженер Гран, да Леонтий Магницкий, которой учителем на Сухаревой башне, с ним обрисовали Кремль и Китай город для того, что ему те оба городы велено осматривать и укреплять, где пристойно, поставить по ним пушки. И под которыми медными и чугунными пушками и мортиры станков нет, приказал тотчас зделать з задними колесы. И ныне те станки делают с великим поспешением. И по ево приказу наряжены к нему на двор 4 человека бомбардиров с шпаги, из Верхней школы 4 человека учеников, да по 2 человека подьячих».

В связи со строительством новых фортификационных укреплений началось настоящее разорение Нового пушечного двора. Там по приказу Корчмина сносили «учительные школы и всякие мастерские избы, и анбары, и сараи, в которых были положены всякие артиллерийские и иные припасы». На время прекратились занятия в Артиллерийской школе.

Я. В. Брюс совместно с Н. П. Павловым принял энергичные меры для восстановления пушечного двора и складов. Временно часть амбаров была переведена на Полевой пушечный двор к Красному пруду. Под новую застройку артиллерийское ведомство получило также часть Суздальского подворья и двор окольничего М. В. Собакина.

Совсем уж мелкой местью начальнику артиллерии, сумевшему отстоять свои права, выглядит распоряжение В. Д. Корчмина «отломать» крыльцо у Приказа артиллерии по самый «рундук, что у сенных дверей». Вероятно, таким образом «талантливый фортификатор» намеревался превратить приказ в неприступную для шведов крепость.

Возможно, именно за поддержкой против Корчмина начальник артиллерии обращается в таинственном письме к царскому любимцу И. А. Мусину-Пушкину. «Дерзнул вашего высокородия просити о нужде своей, которая за нещастием моим на Москве учинилась. О чем милости вашей донесет капитан Брылкин, чего зазорюсь писать. Того ради прошу вашего высокородия, дабы пожаловали онаго капитана доношение выслушили и аще ли возможно по его прошению милостивое решение по желанию моему учинили», — писал Брюс боярину в ноябре 1707 года.

Ссора с Корчминым и далеко не простые отношения с некоторыми высокопоставленными лицами из царского окружения усложняли и без того трудную обстановку, в которой приходилось действовать Я. В. Брюсу. Готовясь к походу в

Литву, Яков Вилимович был вынужден постоянно заниматься производством и распределением артиллерийских припасов. Пытаясь спасти военные запасы своего ведомства в Москве «от разорения», он резко ограничил доступ к ним начальников различных рангов. Еще 29 марта он отдал распоряжение Приказу артиллерии, категорически запрещающее отпускать какие-либо припасы без его ведома.
«По письмам полковничьим без моего ведома никаких припасов отпускать не вели», — писал он Н. П. Павлову. В августе Брюс требовал от дьяка еженедельных отчетов о приходе и расходе артиллерийских припасов и денежной казны.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюсовы чудеса (продолжение)
Тогда еще царь Петр был… И раз спрашивает:
— А скажи, говорит, Брюс, как на твое мнение: природа одолеет человека или человек природу?
А Брюс отвечает:
— Это глядя по человеку.
— Как так? — спрашивает Петр.
Тут Брюс выломал из улья сот меду и спрашивает:
— Знаешь, что это за штука?
— Мед, — говорит Петр.
— А как он делается, знаешь? — спрашивает Брюс.
— Да как? — говорит Петр. — Пчела летает по цветам, по травам, высасывает сладкий сок и несет в улей.
— Это ты правильно объясняешь, — говорит Брюс. — Ну, а, между прочим, и муха умеет высасывать сок, только отчего, говорит, ни сота не сделает, ни меда не принесет?
— Муха, — говорит Петр, — не работает, она жрет и пакостит.
— Ну, а муравьи? — спрашивает Брюс. — Ведь они только и знают, что работать, — этакие-то домины себе выбухивают. А какая от этого польза? А ведь тоже, говорит, мастера они вытягивать сладкий сок: брось им окурок — и нос завернут, а брось кусок сахару — то откуда только их, чертей, наберется — живо сожрут, только не сделают ни сахару, ни меду… Действительно, говорит, если их набить полну бутылку и поставить в вольный дух, то получится муравьиный спирт — от ревматизма хорошо помогает. Но только, — говорит, — и паук одобряет мух — вкусная пища для него.

Беспокойство об артиллеристах
Много сил и энергии пришлось затратить главному артиллерийскому начальнику, чтобы обустроить артиллеристов на зимних квартирах и создать им сносные условия быта.
Я. В. Брюс был одним из немногих военачальников XVIII века, которые относились к простому солдату не как к «пушечному мясу». Датский посланник при русском дворе Георг Грунд писал о петровских солдатах: «В России еще не научились ценить человека, а часто относятся к нему хуже, чем к лошади, и люди тысячами падают и погибают от нехватки провианта».
Приехав в Борисов, Брюс уведомил светлейшего князя А. Д. Меншикова, что квартиры «зело скудны и разорены» и провиант вынуждены доставлять из Минска, отстоящего от Борисова на 14 миль. От этого изнемогают артиллерийские лошади, и в дальнейшем от них «мало пользы будет».
Артиллеристы были размещены вместе с пехотными полками под командованием бригадира И. Ю. Бутерера. Поскольку Я. В. Брюс задержался с приездом, то пехотные

полки, не исключая малозначительные подразделения, получили лучшие квартиры и территории для сбора провианта и фуража. Борьба с Бутерером, который «всякие дела по своему гнет», и с полковником М. Б. Шереметевым, сыном генерал-фельдмаршала, была ожесточенной, о чем свидетельствует переписка Брюса с их начальником Б. П. Шереметевым.
В одном из писем Я. В. Брюс сообщает, что «зело худы квартеры отведены пушкарям», и приводит слова своего заместителя полковника И. Я. Гинтера, который, если не возможно будет сыскать иных квартир, «хощет в поле выйти и зделать землянки стоя, о чем мне не мало печально есть, что оное так изобижено при солдатах». «Того ради прошу вашего благородия, — с горечью пишет Я. В. Брюс, — когда какой подвиг войску вновь будет, дабы к пушкарям милость явить и оные квартеры понарочитей отвести. Понеже бо оные в чинах государевых в квартерах и в иных порядка ранги всегда перед пехотою имеют».
Интересно, что в этой переписке с Б. П. Шереметевым Брюс впервые называет артиллерийское подразделение «Артиллерийским полком».
В одном из писем Г. И. Головкину артиллерийский начальник сетовал: «Зело, государь, мне слышеть печально, что пушкарей квартерами забидели, тако что принуждены в тесноте как свиньи лежать. Того ради прошу вашего превосходительства да явити милость к оным, пожалуйте, повелите им хотя малую заботу в квартерах дать. Понеже вашему высокородию известно, что в иных государствах оные перед пехотою ранг всегда в квартерах имеют».
Заботясь о своих подчиненных, Я. В. Брюс приказал «всегда над бомбардирами и над пушкари и над протчими служители смотреть чтоб себя в пьянстве не имело». Из шкур забитых волов по его распоряжению изготовили «штеблеты для зимняго походу, а из овчин и из козлин... пушкарям и протчим служителем... душегрейки», а к празднику Рождества Христова начальник артиллерии приказал выдать на каждого человека по 20 фунтов мяса и по 2 фунта масла.

Научные изыскания в артиллерии

Несмотря на массу каждодневных и очень важных дел, Я. В. Брюс не оставлял своих научных занятий. Он продолжал разрабатывать конструкции различных зарядных камор для гаубиц и мортир, рассчитывая наиболее рациональный вес порохового заряда. «Что принадлежит масштаба, — писал он Петру I, — и я оной сделал токмо цилиндрические камеры вымерять. А ежели иная какая явится, то надлежит оною во цилиндрическую превратить. И тем масштабом вымерять таким обычаем, како описание при том масштабе положенное являет. Ежели Ваше Величество да не имеет порохового масштаба, которым вымеряется колико пороха в бомбу, також и в сферическую камеру входит, и я такой в тот час сделаю и пришлю к вашему величеству».
В другом письме Петру I начальник артиллерии писал: «При сем до Вашего Величества послал я два образца о превращении камеров. Един, как из цилиндрической сделать, коносферическую, а другой како из коносферической зделать цилиндрическую, обе по масштабах, а каким такою пропорцию], как ваше Величество, мне изволили чертеж пожаловать. А каким правилом сие доли сыскивать, о том надлежит зело пространно писать. Того ради ныне оное оставлю до того время, как Бог мне щастия даст очи вашего величества видети».
В октябре 1707 года Я. В. Брюс посылает государю «фонтанную трость» («которую изволили у меня в квартире видеть, будучи в Варшаве») и пытается уговорить поступить на русскую службу мастера, ее изготовившего.

По распоряжению царя Брюс занимается переводом на русский язык книги «Приемы циркуля и линейки, или Избраннейшее начало во математических искусствах». По завершении перевода Брюс намеревался лично привезти книгу Петру I. Однако, судя по письму А. Д. Меншикову, Яков Вилимович не смог лично вручить рукопись государю и послал перевод книги с почтой в декабре 1707 года.
Вероятно, для работы над переводом начальник артиллерии попросил Н. П. Павлова прислать ему «на латынском и словенском и греческом языках Алексикон (Лексикон — словарь. — А. Ф.)».
По окончании этой работы Я. В. Брюс планировал приступить к переводу книги И. З. Бухнера «Учение и практика артиллерии» («…також и книгу Бухнерову, по переводе вышеписанной исправлять буду»).
По поводу некоей «математической книги», присланной ему Петром, Брюс высказался, что «та изрядная, только от части узловата есть, а писано в оной об оптике, или зрительном художестве, отчасти о астрономии, також о хронологии, то есть о время ведание, и пространно о гномонике или о делание солночных часов».
Не забывал Я. В. Брюс и о своих астрономических занятиях. Он просил Н. П. Павлова прислать ему «трубу зрительную, буде не сыщешь большую, малую б хотя».
Зрительная труба была приобретена для Брюса за один рубль один алтын и пять копеек у армян, которые заверили, что она английской работы («…а сказывают, что она аглинская»).
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюсовы чудеса (продолжение)
Вот какую загадку загадал он Петру. Только Петр был башковитый.
— А это, говорит, вот отчего: ежели, говорит, пчела берет сок, то обрабатывает его: что нужно — тащит в сот, а что не нужно — бросает. А муравей и муха, хоть и высасывают сок, да не могут обработать его и жрут целиком.
— А почему не могут? — спрашивает Брюс.
— Потому не могут, — говорит Петр, — что им этого не надо.
Тогда Брюс и говорит:
— То же самое и с человеком. Дано ему — он одолеет природу, а не дано — не одолеет. Тут хоть сто лет трудись — толку не будет. Тут, говорит, важно, чтобы котелок твой варил, да и было бы чем варить.
Вот как он разъяснил «от природы берем». Она тому и дает, кто умеет варить.

Первый опыт в геральдике
В декабре 1707 года царь поручил Я. В. Брюсу рассмотреть проект герба генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, чтобы внести в него свои исправления и дополнения. И с этим поручением командующий русской артиллерией успешно справился, показав себя сведущим специалистом в геральдике.
«В гербе я токмо цветы, которых много было в полях, — писал Я. В. Брюс, — да едину из фигур переменил, а именно, поставлен был корабль белый в желтом поле, и понеже белое значит серебро, а желтое золото, которые оба металлы суть. А по искусству геральдическому не подлежит в гербах металла на металле ставить, кроме украшений около гербов (в которых не есть силы). Того ради я желтое поле отставил и написал таков же серебряной корабль в синем поле. Також отставил я и вишневое поле, на котором был якорь поставлен, и написал я оной в таком же поле, на котором был якорь поставлен, и написал я оной в таком же поле, как и корабль, потому что якорь х кораблю надлежит. Также и для регулярства, понеже сие оба поля накось в

прямой линии стоят. Сверх того редко употребляется вишневый цвет в гербах потому, что оной цвет якобы неестественен сам в себе, но сочинен из красного и синего цвета. Из фигур переменил я звезду, понеже оных никогда в правильных гербах, употребляют, кроме того, что под старшим, другой молотшей брат одное фамилии таким знаком определяется. И ставится оной знак при других фигурах, и то неподлинно такою звездою: яко сия о семи лучах. Но употребляется о пяти субцах, которые называются колесцом из сапожной остроги. Того ради, я такое острожное колесцо о пяти субцах написал, а вовсе оного отставить не посмел, потому что не ведал, какую фигуру без [воли] Вашего Величества вместо того написать. А поставил я оную в красном поле для того, что против ее накось стоящая фигура в таком же поле. Також разделил я щит главнешей золотым, а не серебряным крестом (ибо оной вящей честь являет), яко Ваше Величество из ризунка [лутшей видеть может]».
Как следует из письма, Яков Вилимович выступил еще и в качестве рисовальщика, послав царю рисунок-эскиз герба.

Проблемы снабжения артиллерии в 1708 году

Главный вопрос для воюющей армии — это вопрос вооружения, который входил в компетенцию начальника артиллерии. Решить этот вопрос можно было лишь с учетом глубочайшего понимания тех условий, которые сложились к началу 1708 года. Зима и ранняя весна оказались для артиллерии значительно тяжелее, чем для других родов войск. Это касалось вопросов расквартирования, обеспечения провиантом, фуражом и, наконец, государевым жалованьем личного состава. В решении этих проблем (а решать их нужно было срочно, в противном случае имелась реальная угроза самого существования Артиллерийского полка) Брюс проявил непреклонную твердость в сочетании со свойственной ему дипломатической гибкостью. С января по май он направляет письма князю А. Д. Меншикову, фельдмаршалу Б. П. Шереметеву, князю Н. И. Репнину и другим военачальникам, где неоднократно указывает, что места, отведенные для постоя артиллеристам, не могут вместить весь Артиллерийский полк с мастеровыми людьми и извозчиками. А кроме того, в деревнях, предназначенных для расквартирования, прежде уже стояли солдатские или драгунские полки, поэтому ни провианта, ни фуража достать невозможно. «На 40 дымах полк артиллерии и извозчиков прокормить в краткое время невозможно», — сообщал Брюс в феврале в одном из писем Б. П. Шереметеву. А в марте он посылает буквально отчаянное письмо князю Репнину, сетуя, что квартиры, отведенные для артиллеристов в деревнях, принадлежащих Дубровне, заняли войска генерала Чамберса, а на другой стороне Днепра категорически запретил размещаться А. Д. Меншиков. «И я ныне не ведаю, — с горечью восклицает Яков Вилимович, — куды мне стало деться, разве в Днепре квартиры искать! Понеже, одне с одной стороны Днепра выгоняют, а другие з другой, а противиться сил нет». В письмах Брюса не раз проскальзывает затаенная обида на пренебрежительное отношение к артиллерии. Много позже Яков Вилимович писал новгородскому губернатору князю В. И. Гагарину: «Хотя мне великие противности и обиды были от ненавидящих артиллерии проходячей зимы, також и в походах зимних, однакож я на сердце держал, мысля, инако будет, не дознав простотою своею лукавство людское. А ныне не могу утерпеть…» И далее Брюс описывает, в каком бедственном положении находится артиллерия, лишившаяся солдат Каргопольского полка. «Теперь я не ведаю, что мне делать с одними пушкарями, на караулах ли им стоять или припасы к будущей кампании делать и готовить, или мост через Днепр делать… А что, ваше высокородие, изволили ко мне писать, что под такою дивною командою век не

бывала. И я вам доношу, хотя я много книг читал, однакож ни в которой кроники такой околесной не нашел», — в сердцах замечает Брюс. Тем не менее ему нужно было распоряжение князя о присылке солдат для несения службы при артиллерии. Поэтому дипломатичный Яков Вилимович заканчивает письмо следующими словами: «За что всегда вашему высокородию должен буду служить и знать буду, как милостию вашей хвалиться у его милости господина князя Меншикова».
В другом случае Брюс вынужден был прибегнуть к угрозе. Речь шла об обеспечении фуражом артиллерийских лошадей, развозивших различные припасы в войска. В письме А. И. Нарышкину от 16 марта он писал: «И вы сами можите ведать, что в дороге без корму пробыть невозможно. И ежели вышепомянутые лошади без корму помрут, то принужден я буду писать к Царскому Величеству, и в том некому отвещать, что не милости вашей...»
В апреле Брюс снова обращается к Нарышкину по поводу отпуска фуража уже на 1630 артиллерийских лошадей, «... понеже уже многие артиллерийские лошади без фуражу з голоду померли», — писал он. Проблема обеспечения фуражом артиллерийских лошадей в 1708 году приобрела особенно острый характер. Вышло распоряжение, запрещающее офицерам иметь дополнительных лошадей и ездить цугом. Все лишние лошади, которых невозможно было прокормить, должны были быть отданы местному населению.
Так же неблагополучно обстояло дело с провиантом и государевым жалованьем. В письмах постоянно упоминается об отсутствии провианта для артиллеристов. «А питаемся с превеликою нуждою, какой никогда не имели, из малого числа деревень Дубровинского уезду, которые так опустошены, что в иных и соломы достать невозможно», — писал Брюс 28 марта А. Д. Меншикову. В мае картина с провиантом та же. «В провианте есть немалое оскудение», — сообщает Яков Вилимович 23 мая Б. П. Шереметеву. А 29 мая он вновь напоминает фельдмаршалу, что отсутствие провианта привело к тому, что многие артиллерийские служители и солдаты Каргопольского полка «стали ходить по миру».
В ожидании похода, чтобы сберечь неприкосновенный запас продовольствия, начальник артиллерии вынужден был приказать «доставать корм по деревням», а в тех случаях, когда его будет недостаточно, «то жать с полей рожь, молоть и раздавать пушкарям».
И без того непростая обстановка, в которой оказалась артиллерия, усугубилась еще и отсутствием денег. Государево жалованье и кормовые деньги мастеровым задерживались на три-четыре месяца и более. Уже начиная с января дьяки Приказа артиллерии И. П. Козлов и Н. П. Павлов доносили Брюсу, что из-за отсутствия денег, которые не получены из Сибирского приказа, мастеровые люди «живут без денег по месяцу и по два, отчего уже многие дела на Пушечном дворе остановились». Дьяки выражали опасение, что если оплата не последует, то и остальные «работники и кузнецы могут отойти от дел».
Брюс тут же пишет московскому коменданту князю М. П. Гагарину, что из-за невыплаты кормовых денег в течение двух месяцев, «чего преж век не бывало», мастеровые люди «хотят разбрестись, понеж не имеют себе и женам инаго пропитания, кроме того корму. Того ради прошу вашей милости, пожалуйте, не извольте в сем остановки чинить, дабы за тем дело государево не остановилось».
М. П. Гагарин никак не отреагировал на просьбу Брюса. И тогда в апреле Яков Вилимович вынужден был послать ему довольно резкое письмо по поводу задержки оплаты мастерам: «Есть мне жалоба, что оным не изволите того корму отпускать уже месяца за три. И за тем на Пушечном дворе во всяких артиллерийских делах есть

великая остановка». Брюс просит срочно выдать кормовые деньги, в противном случае он «принужден» будет жаловаться царскому величеству. В мае на очередные сообщения дьяков об отсутствии денег, которые так и не поступили ни из Сибирского приказа, ни из ратуши, Брюс отвечал им, что он сам писал «многожды к господину князю Гагарину», а кроме того, об этом «писано к нему и от его сиятельства господина князя Меншикова».

Но положение не менялось к лучшему. А в июле обстановка еще более обострилась. Мало того что за четыре месяца (с марта по июнь) «не отпущено ни единой деньги» кормовых денег, а из Монастырского приказа и ратуши не выданы деньги на государево жалованье, но и с 1 июля по распоряжению князя М. П. Гагарина «всякого чина артиллерийских служителей и мастеровых людей самих и жен и детей и которые в армии и в гварнизонах на службах и в посылках, матерей их, вдов, жен и детей таскают к городовому делу. И у артиллерийских дел работать и на карауле стоять некому... А з драгунских, государь, и з солдатских дворов на работу никого не берут», — докладывали начальнику артиллерии дьяки Козлов и Павлов.

Брюс пытался вразумить князя Гагарина, что артиллеристов и мастеровых, находящихся в Москве, нельзя забирать на городское строительство, так как они обязаны готовить различные артиллерийские припасы для армии. Но это, вероятно, не имело успеха, поскольку дьяки продолжали жаловаться, что работать на пушечном дворе некому. В конце концов Брюс возложил всю ответственность за неприготовленные припасы на лиц, которые продолжали отрывать артиллерийских служителей от их непосредственных обязанностей. Он писал дьякам в Приказ артиллерии: «...что на Пушечном дворе в кузнечных и в плотничьих и иных всяких артиллерийских делах есть за мастеровыми людьми, которые взяты на работу к городовой крепости, остановка. И ежели какие припасы впредь спросятца, а за оным да не будет управлено, и в том отвещать будет тому, хто тех мастеровых людей к городовому делу побрал».

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Брюсовы чудеса (продолжение)

Вот тот же Брюс сделал из цветов девушку: и ходила, и комнату убирала, только говорить не могла. Правда, долго работал, но все же сделал. Вот один граф увидел ее и полюбил — красавица была. Ну, знал, что она не умеет говорить, только так рассуждал, что и с немой можно жить. И пристал к Брюсу:

— Выдай замуж за меня свою девицу.

А Брюс отвечает:

— Да ведь она искусственная!

Граф не верит, пристал как банный лист к спине:

— Отдай, говорит, не то жизни лишусь и записку оставлю, что это ты меня до точки довел.

Ну, что с дураком делать? Взял Брюс из головы девушки шпинек — она вся и рассыпалась цветами. Тут граф испугался и кинулся бежать.

— Ну, говорит, к черту его, этого Брюса! Он, говорит, еще возьмет, да превратит меня в медведя или волка! — И после того и близко к Брюсу не подходил.

Артиллерийский полк

В чрезвычайно сложных условиях Брюсу удалось не только сохранить боеспособность Артиллерийского полка, но и продолжить преобразования в области артиллерии. В ходе реформ по-прежнему обновляется материальная часть артиллерии, усовершенствуются конструктивные и баллистические качества новых орудий.

При этом можно отметить, что в вооружении полковой артиллерии наблюдается определенная стабильность. В полках состояли 3-фунтовые пушки, на лафетах которых были установлены 6-фунтовые мортирки. Образец этих орудий был разработан еще в 1706 году.
В полевой артиллерии наметились явные перемены в сторону увеличения калибра. В 1708 году на пушечном дворе отливаются пушки 8-фунтового калибра. Однако в Походной артиллерийской канцелярии Я. В. Брюса разрабатывалась новая конструкция 6-фунтовых пушек.
Продолжают отливаться полупудовые и пудовые гаубицы и такого же калибра мортиры. Однако процесс усовершенствования этих орудий не прекращался. В июне из Походной артиллерийской канцелярии был выслан в Москву с унтер-офицером Унковским чертеж для отливки двух 1-пудовых мортир новой конструкции. Брюс потребовал срочно изготовить мортиры и немедленно прислать их в поход, даже без станков, если их не успеют сделать.
Надо сказать, что в его распоряжениях дьякам Приказа артиллерии очень часто содержалось указание выслать орудия в поход без лафетов. Думается, что для этого существовало две причины. Первая — отсутствие на пушечном дворе мастеров, занятых на городском строительстве, и вторая, не менее важная, — «зело плохо были сделаны станки». Яков Вилимович неоднократно сетовал на низкое качество лафетов. О никуда не годных лафетах, присланных из Москвы к 8-фунтовым пушкам, он специально докладывал А. Д. Меншикову: «Станки також и колеса переломались и принуждены мы иные станки и колеса вновь делать». В другом случае не выдержала оковка на лафетах, и вновь ее пришлось переделывать, уже в действующей армии. Поэтому Брюс предпочитал, если была такая возможность, делать станки на месте. Для чего требовал прислать в поход железа разных сортов и особые деревянные снасти. Вообще качеству лафетов, станков и зарядных ящиков он придавал, как известно, особое значение. Брюс неукоснительно требовал, чтобы они готовились из сухого дерева, в особенности колеса. Но главное внимание начальника артиллерии было обращено на изготовление скорострельных ящиков. Они делались на Московском пушечном дворе по присланному образцу. Окраска же их, по распоряжению Брюса, должна была быть выполнена по рисунку (чертежу), присланному из Походной артиллерийской канцелярии. В этом документе Яков Вилимович уточнял: «А имянно: по земле красной, пушки желтою краскою, орлы черные, а ящики красною краскою». Обращает на себя внимание окраска ящиков: в ней превалирует красный и желтый цвет — цвета русской артиллерии.
Не менее пристально следил Брюс и за качеством боеприпасов. В июне он прислал образцовый чертеж ½-пудовой бомбы и требовал изготовления их строго по чертежам. Более того, Яков Вилимович распорядился сделать новые кружала для проверки боеприпасов. Деления на вновь изготовленных проверочных инструментах, по его указанию, должны были быть нанесены в дюймах («дуимах»), что еще раз свидетельствует о стремлении Брюса ввести в артиллерии единую систему измерения — в дюймах.
Следует также отметить некоторые изменения, происшедшие в материальной части крепостной артиллерии. В 1708 году на вооружение были приняты 3-х и 9-пудовые мортиры новой конструкции с цапфами внизу без поддона.
Все преобразования в материальной части артиллерии были направлены на повышение качества артиллерийских систем. В вопросах надежности вооружения для начальника артиллерии не существовало мелочей. В этой связи интересный эпизод произошел в сентябре 1708 года. Несмотря на каждодневную загруженность, Брюс

решил проверить качество зарядных трубок, которые набивал поручик Борн Гендрик, считавшийся большим специалистом лабораторных работ. При испытании Яков Вилимович нашел их «никуда не годными» и рекомендовал П. С. Салтыкову взять «нарядные» трубки в Смоленске в полевой артиллерии.
Помимо реформирования материальной части артиллерии, Брюс последовательно проводит ряд мероприятий, которые, казалось бы, напрямую не связаны с повышением боеспособности артиллерии, но вместе с тем значительно влияют на нее. В число их входят изготовление обмундирования для Артиллерийского полка, упорядочение документации по личному составу, ужесточение контроля за расходованием денежных средств и артиллерийских припасов. Несмотря на фрагментарность изложения в письмах, в целом складывается цельная картина преобразований.
Одной из главных задач, которая решалась начальником артиллерии с невиданным упорством, было обеспечение артиллеристов новым форменным обмундированием. Изготовление его началось еще в 1707 году, но шло очень медленно. В 1708 году Брюс внес изменение в форму — вместо шерстяных штанов были введены лосиные — и принял энергичные меры для скорейшего обеспечения «строевым пушкарским платьем» всего Артиллерийского полка. Он считал это одним из главных вопросов и подчас ставил в один ряд с заготовкой артиллерийских припасов. В переписке с Козловым и Павловым Брюс почти в каждом письме интересуется, в каком состоянии находится изготовление обмундирования, и требует поспешить с отправкой «мундиронга» в поход. Его, как всегда, беспокоит качество новой формы. «А принимать все штаны, чтоб были хорошей лосины и широки», — наставлял Яков Вилимович приказных дьяков, «а ежели явятся худы, то будет доправлено на приемщиков или на кого надлежит». А в следующем письме Брюс прямо пишет Козлову и Павлову, что в случае плохого качества лосиных штанов, которые будут розданы пушкарям и бомбардирам, деньги взыщутся «без всякого прекословия» с них самих. В желании скорейшего обеспечения обмундированием Артиллерийского полка главу артиллерии не останавливало даже отсутствие денег. В одном из распоряжений приказным дьякам он писал, что если в Приказе артиллерии нет денег на закупку сукон и лосин, то следует израсходовать деньги, положенные извозчикам. «И вам оные сукна купить из каких ни есть денег и зачесть их в извощичьи». В результате решительных мер, предпринятых Брюсом, в декабре 1708 года Артиллерийский полк был полностью обеспечен новым форменным платьем. Кафтаны и камзолы были из красного сукна, обшлага и воротники их из желтого сукна, штаны широкие кожаные, чулки длинные серые, башмаки из телячьей кожи с медными пряжками.
Нет смысла рассуждать, насколько важна форменная одежда для военного чиновника. Прекрасно знал это и Брюс. Но помимо всего, не владела ли им еще одна сакраментальная мысль: пушкарь, одетый в красивую яркую форму, поневоле вызовет новое уважительное отношение со стороны солдат других родов войск — уж очень велика была обида Брюса на пренебрежительное отношение к артиллерии не только военачальников, но и рядовых пехотных и драгунских полков.
В плане введения новых организационных форм небезынтересна его попытка создать при Артиллерийском полку подразделение конных пушкарей. 10 апреля 1708 года Яков Вилимович требует прислать в поход из Приказа артиллерии 12 перевязей драгунских, 12 портупей лосиных, столько же карабинов, лядунок, галстуков, длиною «по 2 аршина с четью», 8 пар пистолетов, 12 пар сапог «недорогих со страгами». Седла и ольстры должны быть немецкие, галстуки из черной китайки. Если все это

нельзя получить из Оружейной палаты «безденежно», наставлял дьяков Брюс, нужно закупить на деньги из Приказа артиллерии. «А оные седла, ольстры, сапоги, карабины, пистолеты, лядунки, палаши, галстуки употреблены будут конным пушкарям», — заканчивал письмо Яков Вилимович. Уже 21 апреля из Москвы было выслано 24 пары сапог со шпорами, такое же количество лядунок с перевязью, седел, мундштуков, пар ольстр, галстуков, карабинов и пистолетов. 1 июня Брюс жестко напоминает Козлову и Павлову о срочном изготовлении кафтанов, камзолов и штанов, а также епанчей из красного сукна, «которые будут употреблены конным пушкарям». И как только они будут сделаны, отправить их в поход на почтовых лошадях, то есть самым скорым транспортом. Судя по последним письмам, Яков Вилимович решил увеличить количество пушкарей в новом подразделении с 12 до 24 человек. Известно, что новая форма конных пушкарей и 24 палаша с портупеями были отправлены в полевую артиллерию.
Безусловно, заслуживает внимания состояние артиллерийских кадров. Как ни скупы сведения о личном составе артиллерии, они все же дают представление об отношении Брюса к этой проблеме. Прежде всего начальника артиллерии серьезно заботит нехватка офицерских кадров. 28 марта в письме Меншикову, пожелавшему отозвать к себе артиллерийского поручика Кнебеля, Брюс писал: «А изволите достаточно ведать по многим моим донесениям, что превеликую скудость имеем в начальных людях, от чего (ежели дело позовет) могу великое бедство принять. А верховных офицеров и поныне кроме полковника и маеора, всего один капитан, да четыре поручика, и с вышеписанным». И далее Яков Вилимович «всеуниженно» просит, если это возможно, оставить поручика Кнебеля в артиллерии. В письмах П. С. Салтыкову (20 и 21 апреля), отвечая на его просьбу прислать в Смоленский гарнизон сведущего в лабораторных работах артиллериста, Брюс пишет, что он послал одного поручика, «который гораздо в делах артиллерийских искусен, что такова у нас в артиллерии и не осталось», и с ним пять бомбардиров, «которые могут припасы в лаборатории готовить». А специальных лабораторных служителей в артиллерии нет, и послать он больше никого не может из-за «оскудения людей в полевой артиллерии».
И позже ситуация с офицерскими кадрами не изменилась. 6 июня в письме брату Роману Вилимовичу Брюс просит его не задерживать штык-юнкера Беренса, сопровождавшего в Санкт-Петербург рудокопного и пушечного мастера Берхрата: «…и вы, пожалуйте, отправьте штык-юнкера паки к нам на почтовых лошадях, понеже нам немалая есть нужда в офицерах». Да и профессионализм командных кадров в отдельных случаях оставлял желать много лучшего. Как это произошло с упомянутым уже пресловутым поручиком Борном Гендриком, которого Брюсу рекомендовали как очень сведущего в артиллерии человека. Причина столь неблагоприятного положения с офицерскими артиллерийскими кадрами очевидна. Командные кадры вербовались, как правило, из иностранцев, которые зачастую значительно преувеличивали свои знания в артиллерии. К сожалению, ситуация усугублялась и существовавшей практикой присвоения очередных званий артиллерийским офицерам общевойсковыми начальниками, что бесконечно раздражало Брюса. Он гневно приказывал Козлову и Павлову не выдавать прибавочное денежное жалованье вновь произведенным в следующий чин офицерам «по грамоткам» других начальников, в противном случае эти деньги будут взысканы с них.
В этой ситуации нам представляются чрезвычайно важными мероприятия Брюса в упорядочении списочного учета личного состава артиллерии. В первую очередь он пытается формализовать его. В письме Р. В. Брюсу Яков Вилимович пишет, «как

сделать в графах полковой штат». В нем должно быть указано, сколько офицеров и какое количество недостает.
В послании И. Я. Гинтеру Брюс отдает распоряжение провести смотр артиллерийским служителям поротно и указать, где они в данный момент находятся, а затем составить и прислать «имянной список всем по чинам порознь и оклады под каждым именем у бомбардиров, и у пушкарей, и у гантлангеров, подписать имянно». Что касается составления именных списков на офицеров, то Брюс уточняет, какие сведения должны обязательно присутствовать в них. — Помимо имени, фамилии и звания, нужно было привести приказ, кем оно присвоено. Дьякам Козлову и Павлову Яков Вилимович приказывает составить подробные списки на всех артиллерийских служителей, то есть на артиллеристов, которые находятся в полевой артиллерии, в гарнизонах и в Москве. Причем на офицеров следовало составить именные, более подробные списки. Подобные «ведомости» должны были высылаться начальнику артиллерии раз в три месяца, а на личный состав, находившийся в Москве, раз в месяц. Брюс требовал от подчиненных строгого учета всех артиллерийских служителей, вплоть до дворян, фурлейтов и извозчиков, которые находились при артиллерийских лошадях. Ведомости, составленные «с подлинным познанием», должны были содержать сведения, «хто имянны» из дворян и где они находятся в данный момент и «поскольку и сполна ль им выдано государево жалование». Списки на извозчиков должны были включать информацию о их окладах, когда и из каких мест они были взяты в артиллерию и все ли находятся налицо. Судя по письму, приказание дьякам Козлову и Павлову на составление таких ведомостей поступало неоднократно, но оно не было выполнено. И на этот раз Брюс пригрозил им: «...тое ведомость сделав, подать в походную артиллерийскую канцелярию сего марта 15 дня». А если ведомость не будет подана к этому числу, «за то у вас из окладов ваших вычтено будет на всякий день по 1-му без всякого отлагательства». В августе Брюс требует, чтобы такие списки присылали ему регулярно каждую субботу. И уже в декабре 1708 года в полевой походной артиллерии «служители высших и нижних чинов офицерам и капралам, и бомбардирам, и пушкарям, и мастеровым казенным и городовым людям» государево жалованье выдавали по ведомостям, присланным из Приказа артиллерии.
Ведомости и списки, «кто имянны» из офицеров и нижних чинов получает денежное довольствие (и сколько), значительно расширяют возможности для изучения не только командного состава, но и широкой категории артиллерийских служителей вообще.
Определенный набор формализованных сведений — фамилия, имя, звание, местопребывание в данный момент военнослужащего — свидетельствует о введении первых «послужных списков» офицеров. Забегая вперед сообщаем, что в дальнейшем набор этих сведений значительно расширился.
В «Имянных списках... милитарским и цифильным и служителям разных чинов...» за 1718 год приводится полное происхождение службы, начиная с года вступления, первого звания и оклада, и далее указывалось каждое новое производство в следующий чин, участие в военных походах и др.
В качестве резюме можно заметить: попытка Брюса упорядочить и зафиксировать документально списочный состав артиллерийских кадров, на наш взгляд, была вполне реализована.

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Брюсовы чудеса (окончание)

А то еще и так бывало: среди лета, в самую жару, идет дождь и гром гремит… Вот Брюс выйдет на свою башню и давай разбрасывать направо, налево какой-то состав. И вот на тебе: валит снег! Молния сверкает, гром гремит, а снег сыплет и сыплет. Вся Москва в снегу! Форменная зима: снег на крышах, снег на земле, снег на деревьях… А гром гремит. Ну, известно, народ всполошится, испугается:

— Что это за чудо? — говорит.

Выбежит на улицу, видит — Брюс стоит на башне и хохочет. Ну, тут народ и поймет, что это его работа, и примется ругать его, потому что для овощи вред от того снега. Только не долго снег лежал — час, не больше, ну, от силы два…

А вот дождь Брюс не мог остановить. Петр спрашивал его насчет этого.

— Нет, говорит, это невозможно. Я, говорит, все испробовал: что можно, то делаю, а чего нельзя, то и не пытаюсь.

Тоже вот — не понимал он птичьего языка. Ученый, волшебник и все такое, а вот не знал. Это только одному царю Соломону премудрому дано было. Тот знал. Но ведь Соломон — совсем другое дело: тот мудрец бш, а волшебство ему ни к чему было. Соломон от природы такой был, а Брюс умом и наукой до всего доходил.

Вот не знаю, не могу объяснить, за что Брюс замуровал в стену свою жену. Квартировал он на Разгуляе. Дом этот и теперь еще цел, гимназия раньше в нем была. И вот говорят, будто в этом доме в стене доска вделана. Сколько раз закрашивали, а ее все видно — не принимает краску. И будто в этом месте замуровал он свою жену, а за что, за какую вину — не знаю.

Записывал в Москве в августе 1924 г. Рассказывал в чайной неизвестный мне старик-рабочий.

Я. В. Брюс в военных операциях 1708 года

1708 год в военном отношении был не менее тяжелым, чем предыдущие годы Северной войны. Россия жила в тревожном ожидании шведского нашествия.

Царь выехал из Москвы в ночь на 6 января, получив известие, что Карл XII двинулся на восток. Петр счел необходимым находиться при армии, так как мощь грозного неприятеля оценивал без всяких иллюзий. Накануне отъезда в армию Петр отдал распоряжение царевичу Алексею относительно совершенствования укреплений Кремля: «Фортецию московскою надлежит, где не сомкнута, сомкнуть, буде не успеют совсем, хотя борствором и палисадами, понеже сие время опаснейшее суть от всего года».

Не останавливаясь ни в Смоленске, ни в Минске, царь на неделю задержался лишь в Дзенцёлах, где на зимних квартирах располагались главные силы русской армии, которыми командовал А. Д. Меншиков. Здесь 19 января было получено известие, что Карл XII с частью армии двинулся к Гродно; другая часть армии короля направилась к Дзенцёлам. В тот же день Петр выехал в Гродно «для расположения войск наших к разрушению намерений неприятельских», как он сам определил цель своей поездки.

Шведская армия, отправившаяся в поход против России, представляла реальную угрозу. Саксонский генерал М. И. Шуленбург, наблюдавший состояние шведской армии до и после ее вторжения в Саксонию, записал: «Шестилетние походы в Дании, Эстляндии, Лифляндии, Польше так истомили шведское войско, что Карл мог привести в Саксонию не более 22 тысяч человек, измученных, оборванных, без обозов». За год с небольшим пребывания в Саксонии шведская армия преобразилась. «Все части шведского войска, — сообщал Шуленбург, — как пехотные, так и конные, были прекрасны. Каждый солдат хорошо одет и прекрасно вооружен. Пехота поражала порядком, дисциплиной и набожностью. Хотя состояла она из разных

наций, но дезертиры были в ней неизвестны». Карлу XII удалось не только экипировать и вооружить свою армию, но и пополнить ее личным составом отчасти за счет рекрутов, прибывших из Швеции и Померании, отчасти за счет наемников, навербованных в Саксонии, Силезии, Баварии и других странах. Главная армия короля, оставившая в середине сентября 1707 года Саксонию и вступившая на территорию Речи Посполитой, чтобы двигаться на восток, насчитывала 33 500 человек. К ним следует добавить 16-тысячный корпус Левенгаупта в Лифляндии и 15-тысячный корпус Любекера в Финляндии.

Сухопутные войска России тоже были разбиты на три группы. Основным силам Карла XII, которыми он сам командовал, противостояла главная армия под началом Б. П. Шереметева численностью 57 500 человек. В ее состав входил Артиллерийский полк, подчиненный Я. В. Брюсу. Противодействовать намерениям Левенгаупта, ставка которого находилась в Риге, должен был примерно такой же по численности корпус генерала Боура, располагавшийся между Дерптом и Псковом. На финляндском театре военных действий, где дислоцировался корпус Любекера, русские держали корпус Ф. М. Апраксина в составе 20 тысяч человек пехоты и 4500 человек кавалерии.

В ожидании подхода шведской армии царь приказал Шереметеву сконцентрировать свои войска в двух пунктах: «…которые близко Минска, тем в Минске, а которые к Слуцку, и тем вели идти в Борисов». 23 января последовало новое повеление Шереметеву: «…изволь немедленно идти в Борисов». Репнину велено было сосредоточиться в Вильне и Полоцке, причем в отличие от корпуса ландграфа Фридриха Гессен-Дармштадтского, которому надлежало как «провиант и фураж, так и прочее, что к пропитанию принадлежит, все огню предать», войскам Репнина приказано: «…чтоб не жгли, для того чтоб было нам чем, идучи назад от Вильни к Полоцку, прокормиться». Несмотря на предпринятые меры, русская армия испытывала нехватку продовольствия и фуража. С этой проблемой, как уже отмечалось выше, столкнулся и Я. В. Брюс.

Зимой 1708 года начальник артиллерии писал царевичу Алексею Петровичу: «Здесь никаких ведомостей вновь не обретается, токмо что неприятель по многом гоняние за некоторою частию нашей кавалерии стал на квартерах. А именно, король шведцкой в Сморгуне, а Рейншильд в Зенцоле, а Станислав между ими. Обносится, будто некоторые из оных войск подаются вправо, к Припети. Токмо о сем еще неподлинно известно. Его Царское Величество, наш всемилостивой государь намерен сего числа ехать в Ингрию, а господину князю Меншикову приказано в будущее воскресение и проследовать <…> к его Царскому Величеству в Могилев, где будем стоять».

Действительно, 26 января Петр оставил Гродно при обстоятельствах, таивших трагические последствия. Бригадир Мюленфельс получил приказ охранять мост через Неман и в случае приближения шведов уничтожить его, но он приказание не выполнил. Увидев неприятеля, Мюленфельс отступил и дал ему возможность беспрепятственно войти в крепость, оставленную за два часа до этого Петром и русскими войсками. Возможно, царь не оставил бы Гродно, если бы знал, что к городу король приведет не половину армии, а отряд в 800 человек. Мюленфельс грубо нарушил воинскую дисциплину и присягу, и Петр отдал его под суд. За бригадира вступились иностранные генералы и офицеры, находившиеся на русской службе. Ходатаям царь разъяснил: «Ежели бы вышереченный бригадир в партикулярном деле был виноват, тогда бы всякое снисхождение возможно учинить, но сия вина есть, особливо в сей жестокий случай. Того ради инако не может, точию суду быть».

Мюленфельсу удалось подкупить стражу и бежать к шведам, но от возмездия он не ушел — под Полтавой он попал в плен и был расстрелян как изменник.
В Гродно Карл XII решил не задерживаться — там нечем было кормить ни людей, ни лошадей. Однако отправился он не на север, как ожидал Петр, а на восток. Двигался он медленно, причем по причинам, совершенно от него независящим: русская армия начала претворять в жизнь жолквиевский план обороны — на пути своего отступления уничтожала провиант и фураж, уводила скот, устраивала засеки. Жителям было велено свозить свои пожитки, провиант и фураж под защиту крепостных стен в Смоленск, Великие Луки, Псков, Новгород и Нарву, «понеже под нужный час будут все жечь».
Исследователь В. А. Артамонов, выступая на конференции, посвященной 300-летию Полтавской баталии, высказал такую мысль: «„Отступление русской армии в 1708 году было искуснее, чем в 1812 году“, — считал российский профессор военной истории генерал Г. А. Леер (1829–1904). Признавая разницу эпох, можно добавить, что оно было организованнее, чем в 1941 году, — управление войсками не терялось, ни одна часть не попадала в котлы, шведам наносились контрудары, в тылу заблаговременно наводились переправы через водные потоки».
В данном случае нельзя не оценить гений Петра, заранее подготовившего страну к нашествию врага. В. А. Артамонов отмечает: «За полтора года до вторжения Петр I стал превращать в военный стан весь запад России. 3 января 1707 года царь указал оповестить все население в 200-верстной полосе — от Пскова до Гетманщины, чтобы с весны как можно дальше от дорог намечались „крепкие укрытия“ для людей, скота и места для сена, а также ямы для хранения зерна. Жителям разъяснялось, что противник, не имея пропитания и подвергаясь ударам армии с разных сторон, будет побежден. От Чудского озера через леса Смоленщины и Брянщины создавалась „линия Петра I“ — рубились засеки, в полях отсыпались валы. В Великом княжестве Литовском у Орши по обоим берегам Днепра с 1706 года делались мосты, „транжаменты“, которые „заметывались“ рогатками.
В отличие от войны 1812 года, когда судьба Москвы решалась за день до сдачи, город уже с 1707 года превращали в неприступную крепость. Указ об обороне столицы был издан „в запас“ — еще 25 апреля 1707 года».
Результаты жолквиевского плана сказались довольно быстро. 6 февраля 1708 года царь писал коронному великому гетману А. Н. Сенявскому: «…неприятель от Гродни рушился, и наша кавалерия, перед ним идучи, тремя тракты все провианты и фуражи разоряет и подъездами его обеспокоивает, отчего он в такое состояние приведен, что, по скаске пленных, великой урон в лошадях и людях имеет; и в три недели не с большим десять миль от Гродни отшел». Тактика выжженной земли при недостатке опыта ее претворения в жизнь на первом этапе наносила урон и собственным войскам.
В начале апреля Петр получил известие о восстании под предводительством Кондратия Булавина на Дону. Теперь необходимо было вести войну на два фронта — бороться с внутренней смутой и противостоять внешнему неприятелю.
Русская армия, избегая генеральной баталии, откатывалась на восток. Мелким стычкам с неприятелем не было числа, но случались и крупные сражения с участием тысяч солдат. Первое из них в 1708 году произошло у местечка Головчино.
В ночь со 2 на 3 июля шведские войска, ведомые самим королем, совершили нападение на дивизию генерала Репнина, расположившуюся на берегу реки Бабич. Форсировать ее, полагали в русском лагере, можно было только в одном месте, где берег с обеих сторон был возвышенным. Именно там и была сосредоточена

артиллерия. Что касается остальной местности, то, коль ее сочли непроходимой, об укреплении ее и не позаботились.
Случилось, однако, то, чего совершенно не ожидали русские: под покровом темноты шведы бесшумно и практически беспрепятственно форсировали реку Бабич. По приказанию короля они не отвечали на ружейные выстрелы русских и, увязая по грудь в топком русле реки, подняв ружья и порох над головой, упорно двигались к противоположному берегу. Им удалось изолировать пехотные полки Репнина от стоявшей невдалеке конницы генерала Гольца и не только закрепиться на берегу, занятом русскими войсками, но и принудить их к отступлению. Русская пехота часа три-четыре оказывала ожесточенное сопротивление, но вынуждена была оставить как поле боя, так и десять пушек. Сражение с участием конницы было более продолжительным, длилось пять часов и тоже завершилось отступлением русских.
Осведомленный современник, видный дипломат петровского царствования князь Б. И. Куракин так описывал поражение при Головчине: «И той зимы ретировалися войска Его Царского Величества аж в Литву, близь своей границы, и хотели в месяце июне или июле одержать при реке Головчине неприятеля, поделав транжименты. И в посте, где стоял с дивизиею фельдмаршал Гольц с кавалериею, а генерал князь Репнин с инфонтариею, на то место король шведской перебрался, обшед лесом и болотом, не тут, где транжимент был сделан. И при той акции несколько сот из пехоты дивизии вышепомянутой пропало, и пять пушек, и генерал-майор фон Швенден убит, также и несколько других офицеров. То нападение было от неприятеля в ночи, и, как сказывали языки взятые, стороны неприятеля, что сам король шведской, показав собою образ, сам пошел чрез воду пеш, а с левого крыла фелдмаршал Реншельт, с кавалериею вплавь. А другие все дивизии и вся армия будущая под командою фелдмаршала Шереметева ретировалися, также и кавалерия к своим границам».
5 июля царя, отъехавшего от Великих Лук, встретил курьер и вручил донесение о сражении под Головчином. Оно было составлено так ловко, что из его содержания Петр сделал однозначный вывод — русским войскам сопутствовал успех. Такой вывод вытекал из заключительных фраз донесения: «...имеем о неприятеле ведомость, что вдвое больше нашего потерял и много генералов и знатных офицеров побито у него. И за помощью Вышнего, кроме уступления места, неприятелю из сей баталии утехи мало». Столь же искусно была составлена реляция. В ней тоже читателя радовали известием, что дивизии Репнина и Гольца «неприятелю жестокий отпор дали»; что он понес значительные потери, в том числе «многими знатными офицерами»; что наша конница «неприятеля многократно с места сбивала», а дивизии отступили с поля боя только потому, что его не было никакого резона удерживать, причем отступление произвели по повелению фельдмаршала, а не под натиском противника.
Я. В. Брюс не участвовал в сражении при Головчине, но, безусловно, знал о нем во всех подробностях. Спустя несколько дней после баталии он присутствовал 6 июля на военном совете в Шклове.
Подробности сражения, которые сообщили Петру 9 июля, когда он прибыл в Горки, разочаровали. Оказалось, что боевые действия происходили совсем не так, как это было изображено в донесении: оба генерала, Чамберс и Репнин, допустили крупные промахи. Вместо наград виновников ждал кригсрехт — военный суд. В указах Шереметеву и Меншикову, назначенным председателями судов над Чамберсом и Репниным, царь определил степень виновности каждого из них. Некоторые полки Чамберса «знамя и несколько пушек потеряли, иные не хотели к неприятелю ближе ехать, иные в конфузию пришли». Примерно такую же оплошность допустила и

пехота Репнина: «…многие полки пришли в конфузию, непорядочно отступили, а иные и не бився, а которые и бились, и те казацким, а не солдатским боем». Шереметеву и Меншикову надлежало, «не маня никому», «со всякою правдою» расследовать случившееся.
Во время следствия Репнин вел себя благородно — всю вину он взял на себя, не предприняв ни одной попытки переложить ее на плечи своих подчиненных. На вопрос: «Как вели себя во время сражения вышние и нижние его дивизии офицеры?» — Репнин ответил: «…генерал-лейтенант Чамберс и все полковники должность свою отправляли как надлежало». Кригсрехт вынес Репнину суровый приговор: обвиняемый, сказано в нем, «достоин быть жития лишен», но, учитывая, что прегрешения он совершил «не к злости, но из недознания», суд счел возможным заменить смертную казнь лишением чина и должности, а также взысканием денег за оставленные на поле боя пушки и снаряжение. 5 августа 1708 года царь утвердил приговор, и генерал Репнин стал рядовым солдатом. Впрочем, после сражения при Лесной осенью того же года за проявленное мужество и героизм он был прощен и восстановлен в чинах. Генерала Чамберса лишили должности и ордена Андрея Первозванного при сохранении воинского звания.
Я. В. Брюс также находился в это время в Горках, где в присутствии Петра I сконструировал образец скорострельного (зарядного) ящика. В августе Брюс сопровождает государя в поездках в Мстиславль и Чириков для проведения рекогносцировок.
В Головчинском сражении Карлу XII сопутствовал успех в последний раз. Это был успех частичный, тактический, стоивший шведам значительных потерь, которые они в отличие от русских восполнить не могли. После сражения у Головнина король проявил несвойственную его азартному характеру пассивность — он почти месяц простоял в Могилеве. Вследствие невозможности в короткий срок организовать оборону этого города царь решил уступить его шведам без боя, сосредоточив 25-тысячное войско к северо-востоку от него, в Горках.
Карл XII, находясь в Могилеве, ждал обоз А. Л. Левенгаупта, но, не дождавшись его, отправился в путь, причем не на север, чтобы встретиться с Левенгауптом, а в противоположную от него сторону — сначала к Пропойску, а затем на северо-восток, к Смоленску. Что означал этот маневр? Об этом русское командование не знало. Петр сообразовывал перемещение своих войск с продвижением войск неприятельских, то есть действовал в соответствии с решением военного совета, состоявшегося 6 июля: «…смотреть на неприятельские обороты. И куда обратится, к Смоленску или к Украине, трудиться его упреждать». 14 августа царь пишет Ф. М. Апраксину: «Неприятель отшел от Могилева миль с пять, против которого мы также подвинулись, и обретается наша авангарда от неприятеля в трех милях: а куды их впредь намерение, Бог знает, а больше чают на Украину».
Русская армия находилась в постоянной готовности к походу. Я. В. Брюс на всякий случай наставлял командира приданного к артиллерии Каргопольского полка С. М. Стрекалова: «Как артилерия отсель рушится, то извольте и вы своим полком при артилерии итить. И приказать вам, дабы от офицеров и нихто в пути здешняго народа жителем обид и разорения никакову не чинили. И чтоб офицеры и салдаты при артилерии отлучения не имели и стояли б все при артилерии и дабы для всякого случая осторожно было».
Петр позаботился о том, чтобы неприятельские войска, куда бы их ни повел Карл, перемещались по опустошенной местности. Царь не пускал на самотек осуществление жолквиевского плана, множество раз напоминал о нем генералам и требовал от них

его непременного выполнения. В указе генерал-майору Николаю Инфлянту от 9 августа 1708 года Петр повелевал: «Ежели же неприятель пойдет на Украину, тогда идти у оного передом и везде провиант и фураж, також хлеб стоячий на поле и в гумнах или в житницах по деревням (кроме только городов) <...> польский и свой жечь, не жалея, и строенья перед оным и по бокам, также мосты портить, леса зарубить и на больших переправах держать по возможности». Нарушителей ждала суровая кара: «Сказать везде, ежели кто повезет к неприятелю что ни есть, хотя за деньги, тот будет повешен, також равно и тот, который ведает, а не скажет». В другом указе царь велел не вывезенный в Смоленск хлеб «прятать в ямы», а «мельницы, и жернова, и снасти вывезть все и закопать в землю, или затопить где в глубокой воде, или разбить», чтобы «не досталось неприятелю для молонья хлеба».
Долго ждать результатов жолквиевской стратегии не пришлось. Показания русских и иностранных современников однозначно оценивают влияние ее на необеспеченность шведской армии продовольствием, а также на урон, наносимый шведам непрестанными нападениями русской конницы. Первые сообщения о трудностях, испытываемых армией Карла XII при движении на восток, относятся к весне 1708 года. Преодолеть их не удалось и в последующие месяцы — лишь вторжение на Украину в октябре 1708 года оградило оккупантов от голодной смерти. Путь движения неприятеля был усеян трупами умерших от голода и болезней.
Шведам не стало легче и в сентябре. Захваченный в плен купец, обеспечивавший шведов продовольствием, показал, что он был очевидцем сцены, когда «рядовые солдаты к королю приступили, прося, чтоб им хлеба промыслил, потому что от голода далее жить не могут, чтоб король во гнев не поставил, ежели когда от него уйдут. Король же их утешал, дабы еще четыре недели потерпели, и тогда им в провианте никакого оскудения не будет, но в Москве всё в излишке найдут». По сведениям того же купца, в некоторых ротах едва осталось по 50–60 человек, годных к службе; «люди же от голоду и болезни тако опухли, что едва маршировать могут».
В письме хорошо осведомленного французского посланника в Польше де Безенвальда королевскому агенту в Швеции де Сент-Коломбу сообщается о тяжелом положении дел с продовольствием у шведов: «Голод в армии растет с каждым днем; о хлебе больше уже не имеют понятия, войска кормятся только кашей, вина нет ни в погребах, ни за столом короля... Трудно даже выразить словами то, что приходится испытывать в настоящее время, но все это пустяки по сравнению с тем, что предстоит еще испытать в будущем».
Наступившее затишье было нарушено артиллерийской канонадой, раздавшейся под селом Добрым 30 августа. Русское командование во главе с царем воспользовалось тем же приемом внезапного нападения, к которому прибегли шведы под Головчином. Шесть батальонов русской пехоты под командованием князя Михаила Михайловича Голицына под покровом ночи переправились через речку Белую Непу и в семь утра атаковали четыре пехотных и один кавалерийский полк, находившиеся в подчинении генерала К. Г. Рооса. Этот генерал совершил те же ошибки, что и Репнин под Головчином, а именно расположил свои войска в крайней тесноте и не позаботился о возведении укреплений. Пренебрежение к боевой сноровке русских и их способности совершать дерзкие акции дорого обошлось шведам. Ворвавшиеся в неприятельский лагерь солдаты-гвардейцы за два часа сражения уложили три тысячи шведов и захватили трофеи. Победа была полной.
Когда о бедствии, постигшем Рооса, узнал король, он немедленно ринулся к нему на помощь, но русские батальоны без паники отошли на исходные рубежи. Архиепископ Феофан Прокопович писал, что поражение произвело на Карла XII столь сильное

впечатление, что он от стыда и ярости рвал на себе волосы и отвергал все слова утешения. Петр, напротив, выражал восторг по поводу успеха. Ф. М. Апраксина он извещал: «Надежно вашей милости пишу, что я, как и почал служить, такова огня и порядочного действа от наших солдат не слыхал и не видал...» Вероятно, царь был прав, когда закончил свое извещение словами: «...и такого еще в сей войне король шведский ни от кого сам не видал». Еще один отзыв, более выразительный, находим в письме Петра Екатерине Алексеевне и Анисье Кирилловне Толстой: «Правда, что я, как стал служить, такой игрушки не видал. Однако ж сей танец в очах горячего Карлуса изрядно станцевали».

Русские сполна расплатились со шведами за свою неудачу у Головчина. Впрочем, оба сражения, как Головчинское, так и под Добрым, носили локальный характер и имели всего лишь тактическое значение — на судьбы войны они существенного влияния не оказали. Русское командование продолжало «томить» неприятеля, всячески избегая генеральной баталии, в то время как шведы ее страстно желали — всякая проволочка с ней не усиливала, а ослабляла войско короля, ибо затруднительно было обеспечивать это войско людскими ресурсами, боеприпасами и продовольствием. В этих условиях Карл XII придавал колоссальное значение обозу, который должен был доставить в главную ставку шведской армии рижский губернатор генерал Левенгаупт. Указ о снаряжении обоза Левенгаупт получил еще 2 июня, но подготовка к его отправлению заняла почти полтора месяца: надо было добыть тысячи телег, привести их в состояние, пригодное для транспортировки грузов, добыть запасы продовольствия, погрузить артиллерию, порох и обмундирование для солдат и офицеров, успевших поизноситься после выхода из Саксонии. Наконец, надлежало укомплектовать для обоза конвой, который по прибытии на место должен был влиться в состав шведского войска. Обоз из восьми тысяч повозок, сопровождаемый, согласно русским источникам, 16-тысячным, а по данным шведов, 14-тысячным корпусом, двинулся из Риги 15 июля. В ставке короля началось томительное ожидание его прибытия. Проходит июль и август, а обоза все нет. Задержка объяснялась не только запоздалым выходом из Риги, но и медленным продвижением — истощенные лошади едва тащили то и дело ломавшиеся телеги, приходилось делать длительные остановки.

Выступив в поход, Левенгаупт стал распространять специально подготовленное воззвание к местным жителям, в котором объяснял, что шведская армия пришла лишь для того, чтобы изгнать иностранцев, захвативших правление в России. В воззвании, в частности, говорилось: «Королевское Шведское Войско токмо в том намерении в Россию прибыл, дабы с помощию Божиею как удоволствование о многократных неправедливостях, от чужестранного в прошедших годах царствующаго в России Министерство Швецию приключенных, так и надлежащая безопасность в пред нашему Государству учинена быть имела, да всероссийской народ свобожден от несносного ига и ярости, с кем вышепомянутая чюжестранная Министерия для собственной своей умысле, по долгом уже времяни Российских под данных досадна и утесняла, от чего де многие своему Государству доброжелателные Российские подданные не токмо лишились своего имения, но и жестоким да россыским образом в конечное разорение и к тому доведены, чтоб и живот им не мил был, а некоторая часть в немилостию и в ссылку послана».

За продвижением корпуса Левенгаупта пристально следили в ставке не только шведского короля, но и русского царя. Перехватить обоз — значит лишить шведскую армию подкреплений и продовольствия. Корпус Левенгаупта являлся удобной мишенью для атаки — представлялся случай громить шведов по частям, не

ввязываясь в генеральное сражение. Петр благодаря отлично поставленной полевой разведке и донесениям агентов из Риги и других мест был подробно осведомлен об идущих из Лифляндии шведах.
В ставке короля, напротив, находились в неведении о передвижениях Левенгаупта. Это вынудило Карла XII вопреки своему обыкновению проявлять нерешительность, которую он ни разу не выказывал за всю предшествующую историю своих успешных походов. Справедливости ради отметим, что и с трудностями король впервые встретился тоже на белорусской земле: его армия впервые подверглась непрерывным нападениям «партий», заставлявшим ее ежечасно и ежеминутно находиться в напряжении, что изнуряло моральные и физические силы солдат и офицеров; впервые шведская армия не могла себя обеспечить продовольствием — с такого рода трудностью она не встречалась ни в разоренной Речи Посполитой, ни тем более в богатой Саксонии.
Вместо того чтобы идти на соединение с Левенгауптом, шведский король двинулся на юг, на Украину. Короля этот путь соблазнял несколькими преимуществами. Он рассчитывал получить на Украине более благоустроенные зимние квартиры, чем в заснеженной Белоруссии или Центральной России. В богатой продовольствием Украине оккупанты надеялись обеспечить себя продовольствием и фуражом. Надежды на это укреплял гетман-изменник И. С. Мазепа, обещая снабдить шведов всем тем, в чем они нуждались, а также предоставить королю 20–30 тысяч вооруженных казаков. Возможно, король, кроме того, уповал на помощь турок и крымских татар, а также восставших против царя донских казаков.
После бесполезного для шведов сражения у Раевки шведская армия отправилась на Украину. Путь шведам на Смоленск, согласно сведениям хорошо информированного английского посланника Ч. Уитворта, был заказан: «Шведы… думали пробраться до Смоленска в надежде найти там провиант в изобилии, но изумлены и приведены в отчаяние, видя, что русские сжигают собственное имущество, чего они никак не ожидали». Главные силы шведской армии, не обремененные громоздким обозом, двигались быстрее, чем корпус Левенгаупта. Поэтому расстояние между ними не сокращалось, а увеличивалось.
Первое известие о движении Карла XII на юг Петр получил два дня спустя, после того как шведы отправились в путь, — 17 сентября. Ответные меры царя обнаруживают оперативность его решений и четкость плана, которого должны были придерживаться генералы. Корпуса русской армии под командованием Шереметева, Гольца и Инфлянта должны были «эскортировать» шведов, тревожа их стычками, уничтожая запасы продовольствия и фуража, разрушая переправы и делая засеки. Левенгаупт, пытаясь догнать короля, двигался в том же направлении, намереваясь соединиться с ним где-нибудь в районе Стародуба.
Петр I еще до того, как Карл XII начал осуществлять свой рискованный план, созвал военный совет, предложив ему решить, что следует предпринять в отношении Левенгаупта. В «Гистории Свейской войны» по поводу этого военного совета, состоявшегося, скорее всего, 14 сентября, на котором присутствовал и Я. В. Брюс, записано: «Для перестроги за главным войском неприятельским идти генералу фельдмаршалу Шереметеву с главным российским корпусом на Украину, а добрую часть отделить на Левенгаупта и его атаковать, которое дело государь взял на себя, куда, отделя корпус, пошел без обоза, токмо с одними вьюками».
Летучий отряд, или корволант, был сформирован довольно быстро, поскольку для большей подвижности и свободы маневра он отправился без обоза. Корволант насчитывал около десяти тысяч человек. Русское командование полагало, что такого

количества достаточно для атаки неприятеля, ибо располагало данными, что у Левенгаупта находилось около восьми тысяч человек. Петр и Меншиков во главе двух колонн корволанта двигались навстречу корпусу и намеревались в ближайшие дни вступить в соприкосновение с его авангардом.
Случилось, однако, так, что Левенгаупту едва не удалось ускользнуть от корволанта и соединиться с королем. Переправив громоздкий обоз через Днепр в районе Шклова, Левенгаупт подослал в русский лагерь шпиона с поручением распространить слух, что его корпус находится на правом берегу реки и намерен двигаться на север, в сторону Орши. Обман был обнаружен после того, как корволант переправился на противоположный берег Днепра. 22 сентября Петр извещал Головкина: «А мы с полуночи пошли за Днепр». Хитрость Левенгаупта дорого обошлась «шпигу» — он был повешен.
Положение корволанта по отношению к корпусу шведов изменилось: раньше полагали, что отряд движется навстречу корпусу, теперь выяснилось, что предстояло его догонять. Первое соприкосновение с арьергардом неприятеля произошло 26 сентября. Этот факт дважды засвидетельствовал Петр в письмах, отправленных тогда же. «И теперь неприятеля увидели», — сообщал царь Екатерине Алексеевне и Анисье Толстой. «Передовые наши с неприятелем уже сошлись», — писал он Р. Х. Боуру. Столкновение с неприятелем вскрыло деталь, обескуражившую царя и генералитет, — Меншиков, командовавший авангардом корволанта, установил, что корпус Левенгаупта насчитывал не восемь тысяч человек, а вдвое больше. Это резко меняло соотношение сил в пользу неприятеля. Царь немедленно созвал военный совет и поставил перед ним вопрос: «Атаковать ли так сильнее себя неприятеля или генерала Боура дожидаться?» Отряд генерала Боура, которому царь начиная с 23 сентября многократно повелевал, «не мешкав», «как наискоряе» соединиться с корволантом, насчитывал чуть более четырех тысяч драгун. Его прибытие должно было в какой-то мере уравновесить силы. Военный совет тем не менее вынес решение: «...ежели в два дни (Боура. — А. Ф.) не будет, то одним оного с помощию Божиею атаковать». Сражение, однако, началось на следующий день, до подхода подкреплений. Предварительно разрушив мосты через речку у деревни Долгие Мхи, шведы расположились на возвышенном берегу и, как только подошла конница корволанта, начали обстрел ее из пушек. Со стороны корволанта тоже ответили артиллерийским огнем. Дуэлью дело и закончилось: «...все войско неприятельское из виду ушло, и наступила ночь». Под ее покровом русские восстановили два моста, переправились через речку и настигли неприятеля у деревни Лесной. Здесь и развернулась битва, ставшая важной вехой в истории Северной войны. Сражение началось с полудня 28 сентября и закончилось с наступлением темноты — в восемь вечера. Оно протекало, как засвидетельствовал сам Петр, с переменным успехом: «И неприятель не все отступал, но и наступал, и виктории нельзя было во весь день видеть, куды будет». Победу корволанта в значительной мере определил удачный выбор места сражения. Оно представляло окруженную лесом поляну, что ограничивало маневр шведов и лишало их возможности ввести в бой весь наличный состав корпуса. Таким образом, Левенгаупт не мог в полной мере извлечь выгоды из своего численного превосходства в живой силе. Петр полностью оценил преимущества сражения в лесистой местности. «Только зело прошу, — наставлял царь Ф. М. Апраксина на тот случай, если он будет сражаться со шведами в Ингрии, — чтоб не гораздо на чистом поле, но при лесах, в чем превеликая есть польза (как я сам видел), ибо и на сей баталии, ежели б не леса, то б оные выиграли, понеже их шесть тысяч больше было нас».

«Гистория Свейской войны» сообщает любопытную деталь сражения: через несколько часов боевых действий «на обе стороны солдаты так устали, что более невозможно биться было, и тогда неприятель у своего обоза, а наши на боевом месте сели и довольное время отдыхали, расстоянием линий одна от другой в половине пушечного выстрела полковой пушки или ближе». Отдохнув часа два, противники возобновили сражение, исход которого решили подоспевшие драгуны Боура. Под напором свежих сил шведы дрогнули и начали беспорядочно отступать в лес. Во время многочисленных атак и контратак, доходивших до рукопашных схваток, полегло восемь тысяч шведов. Архиепископ Феофан Прокопович писал: «И так паки великой бой запалился, где такая с обеих рук была запальчивость, что пехота уже палашами рубилась».
Левенгаупт решил спасти остатки разгромленного корпуса от полного истребления и вновь пошел на хитрость: ночью он велел жечь телеги, создавая видимость, что солдаты греются у костров, а сам под покровом темноты бежал в сторону Пропойска. Это было не отступление, а именно бегство. По свидетельству барона Г. фон Гюйссена, «остатки шведского войска под защитой темноты наскоро чрез речку, которая у них в тылу была (Сож), в совершенном смущении спастися трудились, и ни генералов, ни офицеров уже не слушались, и как кавалерия, так инфантерия, смешався, бежали». Шведский лейтенант ф. К. Вейе тоже отмечал неорганизованность отступления: «Та ночь была настолько темной, что нельзя было разглядеть даже протянутой руки. Кроме того, никто из нас не знал местности, и мы должны были блуждать по этим страшным и непролазным лесам по грязи, при этом или вязли в болотах, или натыкались лбами на деревья и падали на землю». Левенгаупт пытался захватить с собой остатки обоза и артиллерии, но из этого ничего не вышло. «В пути наши пушки, — свидетельствовал Вейе, — завязли в болоте, и не было сил их вытащить, так как колесами сотен телег дорогу настолько разбили, что вряд ли можно было передвигаться по ней даже верхом». Впрочем, и то, что было довезено до Пропойска, пришлось предать огню.
Утром 29 сентября русские, всю ночь находившиеся в боевой готовности, не обнаружили шведов. Их взору предстало поле, усеянное трупами. Победа была полной. В течение дня царь одно за другим отправляет письма друзьям, в каждом из которых можно обнаружить любопытные детали. То он извещал корреспондента, что «сии все были природные шведы и ни одного человека не было во оном корпусе иноземца»; то несколько часов спустя уведомлял, что «сия виктория еще час от часу множится и непрестанно разбитых неприятелей наши стали в обоз приводят, между которыми есть довольное число и офицеров». Итоги битвы царь подвел в письме своему любимцу Александру Васильевичу Кикину: «Только сие истинно, что Левенгаупт со всем корпусом пропал».
Очевидец сражения с русской стороны писал: «Редко где упорнее и задорнее сражение бывало. Никогда до того времени Русские так себя знать не дали, и свою храбрость лучше не оказали, как при оном случае, что и сам Левенгопт засвидетельствовал (когда Король Шведский Русских уничтоживая, а его укоряя, в робкость ему приписал, что дал себя победить таким, которых без оружия, одними плетьми смирить было можно) не обинуяся сказал, что и Русские солдаты (которым, так плохо ставит) люди и скоро-де Ваше Величество с своим накладом их мужество узнает».
По случаю победы была составлена реляция. В ней нет даже намека на роль царя в блистательном успехе русского оружия. Между тем это было первое сражение,

которым лично руководил Петр и в котором он находился на поле боя. Именно у Лесной раскрылись полководческие дарования Петра и его личная отвага.
В бумагах Я. В. Брюса сохранилась копия текста этой реляции, отправленной смоленскому губернатору. В ней, в частности, говорится: «Мы вчерашнего дня неприятеля дошли стоячего зело в крепких местах, числом 16 тысяч, которой тотчас нас из лесу отаковал всею пехотою во фланк. Но мы тотчас три свои регимента против их учинили и, прямо дав залп, на оных пошли. Правда, хотя неприятель зело жестоко и с пушек и ружья стрелял, однакож оного сквозь лес прогнали к ых коннице. И потом неприятель паки в бой вступил и, начав час после полудня даже до темноты бой сей с непрестанным зело жестоким огнем пребывал, и неприятель не все отступал, но и наступал, и виктории нельзя было во весь день видеть куда будет. Но после ди милостию победы давшего Бога, оного неприятеля, сломив, побили на голову. Так, что трупов с 800 на месте осталось (кроме, что по лесам от ран померло и калмыки побили). Обоз весь з две тысячи телег, шестнадцать пушек, сорок знамен и поле совсем осталось нам. А неприятели достальные по лесам разбежались, за которыми пошли сегодня вслед. А сколько с нашей стороны побито и ранено, о том выправись, ведомость прислана будет к вам впредь. А с неприятельской стороны в полон взяты один полковник, да генерала Левенгопта, генерал отъютант и несколько офицеров, а протчим наши солдаты пардону не дали. У подлинного письма припись государевой руки „Петер“. От Леснова места в 29 дня сентября 1708 году».
Некоторые подробности сражения при Лесной начальник артиллерии сообщал в письме псковскому и дерптскому оберкоменданту К. А. Нарышкину: «Я не сумневаюсь, что ваше благородие от Его Царского Величества о нынешней бывшей победе над неприятелем под селом Лесным уведомлены. Суть, однако <...> что оных было при том с 16 000, которыя, Божиею милостию, разорены, почитай, все. И взято пушек — 17 и знамен — 43, також офицеров и рядовых множество».
После бегства Левенгаупта царь оставался у Лесной еще три дня — до 2 октября. Корволант отдыхал, занимался захоронением своих и неприятельских трупов. Потери русских войск тоже были значительными, но не шли ни в какое сравнение с потерями шведов: убитых у нас насчитали чуть более 1100 человек, раненых — 2856.
Петр во главе гвардейских полков, а также с ранеными, с трофейной артиллерией (17 пушек), 78 знаменами и тысячью пленными отправился в Смоленск, где был встречен пушечной и оружейной пальбой. Туда же доставили денежную казну, которую Левенгаупт вез для раздачи офицерам и солдатам. Накануне царь, проявляя заботу о раненых, отправил два указа смоленскому губернатору Петру Самойловичу Салтыкову. В первом из них, от 1 октября, Петр велел, «не мешкав», испечь и доставить навстречу раненым полторы тысячи буханок хлеба и две бочки вина, а во втором распорядился о том, чтобы подготовили для больных палаты «и давали б им вино и пиво». Заботу о раненых царь проявлял и в последующие дни. 6 октября он писал Головкину: «Впрочем, я сам бы к вам тотчас был, но для раненых, которых провожаю ныне до Смоленска (которые ангельское, а не человеческое дело делали), вскоре быть не могу». Сражение потребовало огромного напряжения сил и от самого царя, что явствует из этого же письма: «Також которые и не ранены, так устали (меж которыми и я), что Бог свидетелем есть и Озеров донесет, и для того некоторое время побудем в Смоленску».
Известно, что Я. В. Брюс принимал непосредственное участие в сражении. В собственноручной записке («Службы генерала-фельдцейхмейстера Брюса»), составленной в 1721 году, Я. В. Брюс о своем участии в сражении при Лесной записал следующее: «1708. Был под Лесным на левенгоуптской баталии и командовал левым

крылом». Петр 1 высоко оценил заслуги начальника артиллерии и пожаловал ему крупную вотчину — Брянские слободы, состоящую из 219 дворов, с 903 четвертями земли и 286 рублями годового дохода.
Однако победа русских войск в баталии при Лесной еще не означала перелома в войне. Оба полководца — царь и король — понимали значение происшедшего и, естественно, отнеслись к нему по-разному. В «Гистории Свейской войны» имеется вставка, написанная рукой Петра I, в которой дана оценка победы у Лесной: «…сия у нас победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому же еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем, и поистине оная виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была и мать Полтавской баталии как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени оное младенца щастие произнесла, егда совершенного ради любопытства кто желает исчислить от 28 дня сентября 1708 до 27 июня 1709 года». Точно так же отзывался о баталии при Лесной сподвижник царя в области церковной реформы знаменитый публицист Феофан Прокопович: «…и мощно рещи, что самая Полтавская жатва под Пропойском была сеяна, ибо неприятель, ово толикой себе силы отъятием и аки бы другой руки отсечением немощи сотворився, ово же и новые помыслы о российских силах восприяв, не с таковым уже упованием, с каковым начал, к вершению дела своего приступал».
Оба высказывания оценивали сражение при Лесной с высоты победоносно закончившейся Северной войны. Ретроспективно определить значение событий и соответствующим образом их ранжировать, как известно, намного легче, чем сразу после того, как они совершились. Но должно заметить, что современники Лесной не страдали недооценкой влияния одержанной победы на ход войны. Скорее наоборот — Петр и его соратники ожидали от нее более радикальных последствий, чем те, которые произошли.
Правительство Петра позаботилось о том, чтобы весть о победе стала достоянием не только населения страны и иностранных дипломатов, аккредитованных в Москве, но и всех европейских дворов, с которыми Россия поддерживала дипломатические отношения. Князь Василий Лукич Долгоруков, русский посол в Копенгагене, извещал Меншикова: «Победу над шведским генералом Левенгауптом здесь приписывают к великой славе и к упреждениям интересов царского величества, королю же шведскому — к крайней худобе».
В ознаменование победы у Лесной были выбиты две медали, прославлявшие, как было принято в то время, царя: на лицевой стороне обеих медалей изображен скачущий на коне Петр; на оборотной — атрибуты победы: слава, лавровые венки, литавры и т. д. Вероятно, такую же медаль получил и Я. В. Брюс.
В неприятельском лагере итог сражения у Лесной вызвал уныние. Даже король, никогда не выказывавший своей слабости, бодрившийся и при неудачах, утратил спокойствие. Он не мог скрыть своей подавленности, когда получил известие о катастрофе у Лесной. О случившемся ему рассказал солдат, прибывший в ставку 1 октября. Король не поверил солдату, сочтя его рассказ чистым вздором: разве мог его лучший боевой генерал, командовавший к тому же отборными полками, потерпеть поражение от московитов, которые, в его представлении, не способны были сопротивляться и привыкли, подобно полякам и саксонцам, завидев шведов, показывать спины? Все же новость заронила сомнение, тревожные думы не покидали Карла XII ни днем ни ночью. Король лишился сна, его удручало одиночество, и он коротал ночи в покоях то одного, то другого приближенного, пребывая в грустном молчании.

12 октября в ставку короля прибыл сам Левенгаупт, но не во главе 16-тысячного корпуса и колоссального обоза со всякой снедью и военными припасами, а с 6500 или 6700 оборванными, грязными и изможденными солдатами, чудом избежавшими плена. Карл XII, выслушав рассказ Левенгаупта, понял, что солдат не ошибся. Не мог король не уразуметь и того, что его расчеты оказались эфемерными. Если бы печальный рассказ Левенгаупта слушала трезвая голова, считавшаяся с реальностью, то она пришла бы к неутешительному выводу: надобно, пока не поздно, искать путей к возможному еще выгодному для шведов миру. Но король, лишенный государственной мудрости, полагался в отношениях с другими государствами только на силу оружия. Поэтому вопреки интересам своей страны он упрямо желал продолжать войну. Королю были присущи азарт и даже легкомысленное отношение к судьбам собственной армии. Современник, наблюдавший Карла XII, заметил: он «очень капризен и своенравен… он рискует своею армиею, подобно тому как иной охотник до дуэли».
Русское командование продолжало внимательно следить за передвижением армии Карла XII. Я. В. Брюс по распоряжению Петра I писал генералу Р. Х. Боуру: «Приказал Его Царское Величество к вам отписать, дабы вы приказали кого надежного человека приискать и послать его для проведования шведов».
Об оперативной деятельности русской разведки свидетельствует интересный документ, отложившийся в бумагах Я. В. Брюса. Это черновик перевода, сделанного, по-видимому, самим начальником артиллерии, с перехваченного письма английского резидента Джеймса Джеффериса (Джеффриса) при шведском короле Карле XII государственному секретарю Великобритании Бойлю. Заметим, что английский дипломат был человеком весьма осведомленным, сочувствовавшим делу шведского короля. После Полтавской баталии Джефферис бежал вместе с ним в Турцию и даже состоял уполномоченным при Карле XII в Бендерах. В 1719 году Джефферис был направлен резидентом в Петербург к русскому двору, однако в том же году после обострения русско-английских противоречий был выслан из страны вместе с ганноверским резидентом Ф. Х. Вебером.
Письмо Д. Джеффериса как нельзя лучше характеризует военно-политическую обстановку после вступления шведских войск на Украину. В письме, в частности, сообщалось: «В последнем своем [письме] я объявлял милости вашей о бое, случившемся у реки Сожи между генералом Левенгауптом и москвичами, а после того времени не слышал я, чтобы когда почта отпущена была из шведской армии, понеже все проходы заставлены и дороги учинены опасны и страшны от неприятельских казаков. Пятого числа сего месяца Его Величество перешел реку Десну. И де же бы с шведом многие великие противности случились, аще бы москвичи имели тамо довольную силу к супротивлению оным. И оная река была широка и имела береги крутые и к выходу на берег показалось бы невозможно иным, кроме короля шведского. Токмо вящую пользу в сем переходе Его Величество получил, что москвичи под командою генерала Шереметева у дела при добывании города Батурина, иже резиденция есть генерала Мазепы, к которому делу так устремилися, что растеряли другие авантажи. Однако ж они взяли тот город прежде нежели Его Величество оный мог выручить, и пререзали всех жителей мечом, и сожегши оной, отошли. Також де учинили оне нам некоторую противность у преждереченной реки с 4000 пехоты. Ныне отогнаны от 800 шведов, которых число от оных токмо сперва перешло, а армея после перешла без сопротивления, отколе мы маршировали к Коробову и Новому Млыну, идее же мы перешли Сейм реку и вступили в такую землю, которой лучше я не видывал, идучи чрез разные городки. Напоследки

пришли к тому месту, идее же Его Величество назначил армии зимнии квартиры, которые я по лутчему моему известию, иже мог получить, расположены сим обычаем: кавалерия — в Вороне, в Серебряном, в Прилуках, в Ысне, в Лохвидах, в Монастыре и в Конатопе; инфантерия — в местечках ближайших к неприятелю, а королевская гаупт-квартира в Ромне. Тако ж, что шведская армия ныне покрывает большую часть Украины, тою часть земли, по которой генерал Мазепа титулует себя князем. Москвичи, за небольшой частью, расположили себя на другой стороне реки Десны и Сейма в наследных московских городках, а именно: в Чернигове, в Путивле, в Крупицах, в Рыльске, в Городище, в Нежине, в Киеве, и около тех мест, а сам царь — в Глухове. От ближнего соседства с москвичами чинятся нам некоторые безупокойства и частые реконтры между их и нашими партиями, в которых наш генерал Мейерфелт и полковники Дюкер и Тауб в недавных числах означили себя.

Не могу видеть, чтоб с нашей алияциею с генералом Мазепою по нашему чаянию что делалось. Також не обретаю я, чтоб сии люди так в готовности были с нами соединиться, како мы преж сего верили, но противно оному многие, которые в начале наши партии были, ныне перешли к неприятелю. Простой народ начинает ворчать против своего генерала, понеже привел иностранный войска в их землю. И сказывают, искать интерес панов хочет, токмо все бремя будет лежать на нас, и что нам промышлять тот провиант на армию самим надобно к разорению нашему и фамилии нашей, когда другие в такой печали. Вкратце сказать, я обретаюсь в обществе людей больше склонных к москвичам, нежели к шведам. И так то велико, что может часто збираться купами и вред нам чинить. Какое щастие, недавно посланный от генерала Мазепы в Царьград, чтоб наговорить оному двору, дабы крымские татары к нам в помощь прислали, получил еще не явлено ведомость, только опасаемся, чтоб уже москвичи не помешали, и оный великим числом денег мир купили. Прошлые ночи поехал сквозь сие место от короля шведского нарочной куриер, и я не мог подлинной никакой ведомости получить зачем оной послан, токмо мнят, что к королю Станиславу призывать оного с своею армиею к служению с королем шведским всей земле.

С две недели взят в полон партиею генерал-адъютант московский, которой послан был к королю Августу с грамотками, в которых объявляет о нападении в Польшу. И сие письма для того писаны, чтоб нас поудержать, или для того, ежели правда в том есть, что, сказывают, что вышеписанный король уже в Польшу вошел с несколькими тысячами человек. И том подлинно никто рассудить не может, понеже с два месяца почты в армии [нет]».

Из этого письма в очередной раз следует, что шведский король отнюдь не был освободителем украинского народа от притеснений «москвичей», а гетман-изменник пользовался поддержкой лишь малого числа своих земляков.

В октябре 1708 года Я. В. Брюс был послан по распоряжению Петра I в Глухов, откуда отправил царю донесение о состоянии дел в городе: «Доношу Вашему Величеству всеунижено, что прибрел я вчерашняго числа по полудни в Глухов и не обрел я при оном такова места, где б армея прибыточно могла боронится, для того, что около онаго великие и равные поля, також безлесное место, отчего великое оскудение здесь в городе дровами. И мню я, что из тех лесков, которые тут да инде около города, нашему войску дров тех на двое сутки не будет. Вся наша пехота в сдешном посаде и городе уберется квартерами. Крепость здешная вся из земли зделана не по правилу фортификации, и та везде обвалилась, однакож во иных местах с очищением и возможно во оной пяти полкам свободно боронится.

Пушек в оной железных и медных 21, которые еще всех не видел, понеже всего оных 5 на городе стоит. Сего числа осмотрю достальные пушки, також и иныя припасы артилериские и возврачюсь паки к армии.

Как гварнизон наш сюды вступил, то вся чернь зело обрадовалась. Токмо не гораздо приятен их приход был старшине здешной, а наипаче всех сдешному сотнику, которой поехал к господину фелт маршалу Шереметеву купно с Четвертинским князем. И сказывают многие сдешныя жители, что он весьма мазепиной партии, которой у него всегда детей крещевал, и про Четвертинскаго сказывают, что тех же людей».

Следует отметить еще одну важную деталь в военной деятельности Я. В. Брюса. С 1708 года явно повышается его статус как опытного военачальника. В течение года он принимает участие в нескольких военных советах («военных думах», «военных консилиях»), В советах с января по май 1708 года Брюс участвовать не мог, так как тяжело болел подагрой, а затем горячкой.

В конце мая состоялась «генеральная консилия» в Чашниках, где кроме самого Я. В. Брюса были Б. П. Шереметев, А. Д. Меншиков, Н. И. Репнин и Л. Н. Аларт. 22–23 июня Яков Вилимович присутствовал на совете в Могилеве, а 30 июня — в Шклове. 26 сентября возглавляемый самим царем состоялся военный совет близ Горбовичей. 23 ноября Брюс был на совете в Марковке. В Лебедине 2 декабря 1708 года в присутствии Брюса решался вопрос о боевых действиях в районе Лебедин — Ромны — Гадяч. Участие в «консилиях» свидетельствует о растущей роли Я. В. Брюса и подведомственной ему артиллерии в планах русского командования.

Победа у Лесной оказала большое влияние на ход войны. Она подготовила условия для новой, еще более величественной победы под Полтавой. Петр так охарактеризовал эту победу: «…сия у нас победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало, к тому же еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем, и поистине оная виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была и мать Полтавской баталии как ободрением людей, так и временем, ибо по девятимесячном времени оное младенца щастие произнесла…»

После Лесной Брюс следует за Петром в Смоленск, где узнает о победе адмирала Апраксина над шведским генералом Любекером в Ингерманландии и, увидев в присланной Апраксиным росписи пленных шведов имя Андрея Брюса, 12 октября пишет в Петербург брату Роману: «И вы б о нем (Андрее Брюсе) пожалуйте уведомитес: швецкой ли он земли или исшкоцкой (шотландской) земли выехал служить? И ежели ис шкоцкой земли он, то не худо бы вы ево к себе взяли и осведомились поподлиннее: чьего он дому? И о том, пожалуйте, ко мне отпиши».

После славной победы при Лесной Петр устроил пышное торжество на празднование нового, 1709 года. Царь приехал в Сумы, где был и Брюс, и 1 января царское величество «новым годом и благополучным царствованием был поздравляем, при чем была из пушек и от гвардии из ружья пальба, генералитет и штаб офицеры обедали в доме царскаго величества, веселились до полуночи» и любовались блистательным фейерверком.

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Смерть Брюса

Пропал Брюс через жену свою и через ученика своего: они погубили его. Брюс был старый, а жена молодая, красивая. Ученик тоже старый был. Тут как раз к этому времени Брюс выдумал лекарство… ну такой состав, чтобы старого переделывать в молодого. А еще не пробовал, как он действует: удача будет или неудача? А на ком

испытать? Думал, думал... Вот позвал ученика в подземелье. А у него в этом подземелье тайная мастерская была — никого в нее не пускал. И как позвал ученика, взял да и зарезал. Всего на куски разрубил, сложил в кадку, посыпал порошком. А сам рассказал, что будто рассчитал своего ученика, так как он ленивый. И целых девять месяцев в кадке лежали эти куски. Это как женщина носит ребенка девять месяцев, так и тут. Вот на десятый месяц взял он изрубленное тело, вывалил на стол, сложил кусок к куску, как было у живого. Как сложил — сейчас полил составом, куски все срослись. Он взял из пузырька покапал. И поднялся ученик: был старый, стал молодой.
— Вот, говорит, как я спал долго!
А Брюс говорит:
— Ты спал девять месяцев. Ты, говорит, вновь народился.
— Как так? — спрашивает ученик. Брюс рассказал ему. А тот не верит.
— Это, говорит, белой кобылы сон.
Брюс ему говорит:
— Когда не веришь — посмотри в зеркало.
Вот ученик посмотрел в зеркало, видит: совсем молодым стал.
— Это, говорит, такие чудеса, что и сказать нельзя. По наружности, говорит, я молодой, а по уму старый.
Вот Брюс и приказывает ему:
— Ты, говорит, смотри, никому не говори, что я сделал тебя молодым. И жене моей не говори. А рассказывай, что ты у меня новый ученик. Я буду то же говорить.

Полтавская баталия

В январе 1709 года Брюс вместе с Петром выехал из Сум и примкнул к отряду Ренне. Участвуя в походе вместе с отрядом, он стал свидетелем боя при Красном Куте (в районе Богодухова) 11 февраля. Бой имел огромное значение для стратегических планов Карла XII, который едва не был пленен генералом Ренне. Только наступившая ночь и оправившиеся к утру части шведского генерала Круза не позволили русским начать штурм мельницы, где с малочисленным отрядом был окружен Карл. Видимо, в отместку за пережитый страх Карл повелел после отхода генерала Ренне к Богодухову сжечь Красный Кут и выгнать оттуда всех жителей. Этим сражением завершился поход Карла в Слободскую Украину, не принесший его армии ничего, кроме новых потерь. А отряд генерала Ренне вместе с Брюсом в апреле нанес поражение шведам при Соколке, разгромил 12 мая Переволочну, где были сожжены суда, приготовленные для переправы через Днепр. Отряд Меншикова разорил ставку Мазепы в городе Батурине. Таким образом, у шведской армии не было возможности пополнить свои боеприпасы, запастись провиантом либо уйти с территории Украины в Турцию.
Оказавшись в столь затруднительном положении, Карл XII, подойдя к Полтаве, надеялся быстро взять эту крепость и поправить боевой дух и пошатнувшуюся мощь своей армии. Оборона Полтавы — это особая страница Северной войны.
За время двухмесячной осады и неоднократных попыток штурма крепости шведы растратили весь свой орудийный боеприпас и фактически лишились артиллерии. Во многом это последнее обстоятельство сыграло решающую роль в ходе Полтавской баталии 27 июня. Ведь Карл XII снял с осады крепости всего четыре пушки. Объяснялось это недостачей пороха у шведов. Доблестные защитники крепости во главе с полковником Келиным в ходе осады не раз делали вылазки, захватывая запасы пороха и боезапас шведов.

Однако было еще одно обстоятельство, отчего король не очень надеялся на артиллерию. Дело в том, что все европейские армии в начале XVIII века не придавали особого значения артиллерии, опираясь в наступательных сражениях, как правило, на конницу. Реформа, проведенная Брюсом в артиллерии, не просто сделала ее самой сильной и мобильной, она изменила в корне подход к артиллерии в военной тактике, показав ее значение как одного из ведущих родов войск.
Русские войска подошли к Полтаве в конце мая.
Готовясь к сражению, Петр I приказал строить оборонительные сооружения по всем правилам военной науки. Вот как характеризует наши укрепления в Полтавской битве исследователь В. А. Молтусов в статье «Полевая фортификация русской армии в Полтавском сражении»:
«Безусловно, ретраншемент строился в соответствии с последними требованиями современного фортификационного искусства. Признанным европейским знатоком и настоящим классиком инженерного дела считался французский маршал Себастьян ле Претр де Вобан. В связи с этим интересно реконструировать профили лагерных укреплений, придерживаясь его взглядов и рекомендаций. Тем более что русское командование было отлично осведомлено о них и, скорее всего, следовало этим наставлениям. Известно, что книга Вобана на французском языке, отпечатанная в 1689 году, находилась лично у царя, а начальник русской артиллерии генерал-поручик Яков Вилимович Брюс располагал таким же, только английским, экземпляром издания 1702 года. В посмертной описи библиотеки Я. В. Брюса она названа как „Вобанова манера укрепления городов“. Линия укреплений ретраншемента включала вал, ров, реданы и бастионы, созданные на основе предложенных Вобаном стандартов. Форма и величина редана, восстановленного в середине XIX века на поле сражения, практически совпадали и соответствовали вобановским. Так как русское командование не знало точных планов противника, не исключено, что указанные параметры продолжали наращиваться. Однако вряд ли они существенно расходились с изначальным (приведенным) вариантом — в силу спешности задачи и ограниченности времени. Главным виделась быстрота при проведении работ. Этому в немалой степени способствовало умелое применение заранее заготовленных фашин, в массовом порядке изготовляемых армией по рекомендации Вобана.
Исследователь отмечает, что возведением ретраншемента и строительством редутов в армии одновременно могли заниматься в лучшем случае до семи тысяч солдат. Это диктовало непрерывность при проведении работ. Таким образом, каждый лишний час был не на руку наступавшим. Время работало на русскую армию, продолжавшую расширять и усиливать занимаемый плацдарм».
Имя Я. В. Брюса не случайно упоминается в данном отрывке, поскольку теоретической основой для создания полевых укреплений были новейшие исследования и разработки ведущих иностранных фортификаторов и Брюс, занимавшийся переводом таких книг, обеспечивал ими царя. В библиотеке Я. В. Брюса было немало книг по фортификации. Что же касается труда Вобана, в библиотеке были оба упомянутых издания 1689 года на французском и 1702 года на английском языке.
Интересным в данном исследовании представляется не только показатель высокого уровня подготовки русской армии к сражению, но и фактор времени. Ведь первоначально планировалось провести сражение 29 июня. Однако Карл XII решился на сражение на два дня раньше. Как правило, это объяснялось тем, что 26 июня перебежчик сообщил шведскому королю о том, что Петр ожидает прибытия 40-

тысячной армии калмыков. Но был еще один фактор, заставлявший Карла XII начать раньше штурм русских позиций — строительство укреплений: чем больше времени было у русских перед сражением, тем сложнее их было бы атаковать шведам. Оттягивание начала наступления действительно было не на руку Карлу.

Здесь надо отметить то, что всегда присутствует при оценке таланта Петра — строительство редутов перед нашим ретраншементом. Это было совершенно новое в военной фортификации и неожиданное для Карла XII обстоятельство. По словам В. А. Молтусова, именно редуты стали самой яркой чертой сражения. Система редутов «создавала дополнительные условия для широкого использования огнестрельного оружия, а также гаубиц и пушек». Хотя вывод о главной цели их построения, сделанный исследователем, сводится к тому, что «поперечные редуты строились непосредственно для защиты кавалерии, расположенной напротив лагеря, заодно контролируя сеть дорог, сходившихся в этом месте. Продольные редуты создавались в последний момент с целью усилить поперечные и не допустить неожиданной атаки вообще. Они позволяли полнее учесть особенности рельефа, закрывали овраги и также прикрывали дорогу от города к Семеновке. В целом смысл укреплений, воздвигнутых русскими в поле, нужно рассматривать с точки зрения стеснения свободы действий наступающего противника, а также в интересах сведения к минимуму элемента случайности».

Следуя за мыслью автора статьи, можно с ним согласиться, что эта первоначальная цель в ходе сражения творчески дополнялась и преобразовывалась. И это касается применения в ходе сражения артиллерии, ведь фактически именно удачное расположение артиллерии Брюса на редутах и в ретраншементе стало решающим в ходе сражения обстоятельством, определившим его исход.

Шведы начали выступление глубокой ночью, чтобы обеспечить неожиданность удара. Продольные редуты приказано было строить только 26 июня, накануне, поэтому два дальних и не были достроены. Вообще появление этих продольных редутов было полной неожиданностью для короля. Их задача сводилась не только к тому, чтобы «не допустить неожиданной атаки вообще». Фактически они не давали наступающей армии двигаться единым строем, заставляли армию разделиться, чтобы их обойти. Эту задачу — обойти редуты с минимальными потерями — и поставил перед войсками Карл XII. Сам он с обнаженной шпагой, лежа в притороченной к лошадям качалке, находился в центре боевых порядков, призывая свое войско к победе.

За два часа до рассвета началась атака первых редутов. Русские войска встретили шведов сильным ружейным и артиллерийским огнем. Шведам удалось овладеть двумя недостроенными редутами, раздались их торжествующие возгласы: «Победа! Победа!».

А вот на третьем редуте их ждала неудача, поскольку генерал К. Г. Роос при поддержке кавалерии В. А. Шлиппенбаха начали его штурмовать, не выполнив приказ короля. Артиллерия, установленная на редуте, метким и интенсивным огнем успешно отбила три атаки шведов. Пехота и кавалерия, не выдержав губительного огня, отошли в яковецкий лес. Связь этих отрядов с основными силами шведов была утрачена. Конница Меншикова атаковала кавалерию Шлиппенбаха, разгромив ее и захватив в плен командовавшего ею полковника. Такую же участь разделила и пехота Рооса, пытавшаяся было укрыться в шведских укреплениях под Полтавой. На плечах бегущих пехота русского генерала Ренцеля ворвалась в укрепление и уничтожила или пленила этот отряд.

Так, благодаря доблести защитников третьего редута и эффективным действиям артиллерийской батареи шведы потеряли на начальном этапе сражения треть своей пехоты и кавалерии.
Следуя плану короля, шведы продолжили движение, чтобы просочиться между поперечными редутами. Напомним, всего их было четыре продольных, выдвинутых перед шестью поперечными, расстояние между которыми не превышало 150–200 метров, то есть длину ружейного выстрела. Таким образом, при прохождении между продольными редутами без поддержки артиллерии шведы понесли огромные потери.
В девятом часу утра начался решающий этап битвы. Реляция описывает его так; «И как войско наше, таковым образом в ордер баталии (боевой порядок) установясь, на неприятеля пошло, и тогда о 9-м часу предполуднем атака и жесткий огонь с обеих сторон начался, которая атака от наших войск с такою храбростью учинена, что вся неприятельская армия по получасовом бою с малым уроном наших войск (еже при том и наивяще удивительно), как кавалерия, так и инфантерия, весьма опровергнута, так что шведская инфантерия не единожды потом не останавливалась, но без остановки от наших шпагами, багинетами и пиками колота».
Такая короткая характеристика не может показать истинного драматизма событий этого сражения, поэтому обратимся к другим источникам, где четко видна роль артиллерии в ходе сражения.
Вспоминая Полтаву, шведы говорили: «Пока длилось сражение, мы слышали такую сильную пальбу и грохот пушек, какой нельзя было представить, если бы не слышали его собственными ушами».
Шведский исследователь П. Энглунд писал, что на ранней стадии сражения задача шведов сводилась к тому, чтобы просочиться между редутами русской армии. Однако «когда преследующие их (русскую кавалерию. — А. Ф.) шведы скакали мимо лагеря, они попали под жаркий огонь многочисленной артиллерии из-за валов. Ядра и картечь косой подсекали ряды; гранаты взрывались среди людей и лошадей; клинья огня поднимались из-за валов лагеря, и в пыли и чаду изуродованные фигуры валились на сухую землю». Далее он представляет полный драматизма штурм шведской пехотой под командованием генерала Рооса третьего редута, на котором шведы понесли ощутимые потери. «Беззащитные перед огромной огневой мощью шанца (редута. — Я. Ф.), шведские батальоны были растерзаны на клочки».
Этот редут шведы так и не смогли взять, потеряв убитыми 1100 человек. Но главное значение подвига защитников этого укрепления состояло в том, что отряд генерала Рооса, составлявший треть шведской пехоты, оказался блокированным и затем был разгромлен. И все же основные события произошли после девяти часов утра, когда шведская армия, верная своей тактике, пошла в наступление на русские войска, выстроенные перед своими укреплениями. Именно во время этого штурма роль артиллерии Брюса проявилась наиболее ярко. Вот как об этом пишет шведский исследователь: «Ядра прорубали кровавые просеки в продолжающих наступать батальонах… Людей подбрасывало кверху, ломало, калечило, разрывало на куски… Когда до неприятеля оставалось метров двести, русская артиллерия перешла от ядер к картечи. Железный шквал превратился в ураган. Дула полковых орудий выплевывали заряд за зарядом: один густой рой за другим свинцовых пуль, обломков кремня и сеченого железа врезался в тонкую синюю линию… Вероятно, в эти самые минуты, когда русские орудия извергали картечь, артиллерийский огонь и нанес пехоте самый большой, самый страшный урон.
На тех, кто пережил тогда огневой ураган, он произвел неизгладимое впечатление. В дневниках и памятных записках мы находим шероховатые формулировки, которые

дают некоторое представление о кошмарной действительности. Драбантный писарь Нурсберг вспоминал: „…метание больших бомб вкупе с летающими гранатами на то похоже было, как если они с небес градом сыпались“. Эскадронный пастор Смоландского кавалерийского полка Юханес Шёман говорит, что огонь русской артиллерии был чудовищный и „доселе неслыханный“ и что „волосы вставали дыбом от грома пушек и картечных орудий залпов“. Один из присутствовавших на поле боя зрителей, прусский подполковник и тайный советник Давид Натанаэль Зильтман, который следовал за шведской армией в качестве наблюдателя, писал домой, явно ошеломленный сражением: дескать, огонь русских был настолько силен, что у него слов не хватает описать его; он также сравнил обстрел с градом.
Интенсивный огонь действовал сокрушительно, и потери были очень велики».
Подводя итоги сражения, П. Энглунд утверждает, что «всего русская артиллерия сделала 1471 выстрел, из них третью часть составляли картечные. Такова сухая статистика, однако за ней скрывалась ужасающая действительность в виде гор истерзанных человеческих тел». Что же касается потерь, по мнению шведского исследователя, они составили 9700 человек у шведов против 1345 у русских.
Цифры красноречиво показывают, что артиллерия под командованием Брюса во многом решила исход сражения. Яков Вилимович Брюс после Полтавы был не только награжден высшей наградой России орденом Святого апостола Андрея Первозванного, но и получил земли, значительно расширив свои владения.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Смерть Брюса (продолжение)
Потом стал он учить его, как переделывать старого на молодого.
— Это, говорит, для того учу тебя, что сам хочу переделаться на молодого. А когда, говорит, будут спрашивать, где Брюс, говори: уехал, мол, на девять месяцев, а куда — неизвестно. И жене моей не рассказывай про наше дело, а то она по всей Москве разнесет.
И взял с ученика клятву, что все исполнит как следует. И отдал он ученику эти порошки и составы. И после того ученик зарезал Брюса, на куски изрубил, в кадку положил, порошком засыпал. А сам молчок. Но только жена Брюсова, как увидела молодого ученика, сейчас полюбила его. Ну и он оказался тоже парень не промах. Одним словом, закрутили они вдвоем любовь. Ну, он тоже брех оказался: все выложил Брюсовой жене. А та говорит:
— Не надо переделывать Брюса на молодого. А будем, говорит, жить вместе: ты будешь заниматься волшебными делами, а я по хозяйству управлять стану.
Вот ученик и взял себе в голову:
— Это, говорит, верно. Я, говорит, довольно обучен и буду как Брюс.
Но только ему до Брюса было очень далеко: и сотой части брюсовских наук не знал.
Ну, время идет. Народ удивляется:
— Что это, мол, Брюса не видать, не слыхать?
И царь Петр Великий спрашивает:
— Где это девался Брюс? Раньше, говорит, каждое утро с рапортом являлся, а теперь не приходит?
А это, значит, такой рапорт: что он за ночь выдумает, то утром докладывает царю. Вот пошли от царя узнать насчет Брюса. А ученик говорит:
— Уехал на девять месяцев, а куда — неизвестно.
Ну, те и доложили царю.

Осада Риги в 1710 году

После Полтавы в ходе Северной войны наступил коренной перелом. Возникает необходимость выработки новой стратегии в сменившихся условиях. Для России завершился самый сложный этап войны против Швеции, период противостояния один на один.
В середине июля 1709 года в небольшом украинском местечке Решетиловка состоялся военный совет. Обсуждался план дальнейших действий. Было решено перенести центр тяжести военных усилий России в Прибалтику. Главные силы русской армии численностью в 40 тысяч человек под командованием фельдмаршала Б. П. Шереметева направлялись в Лифляндию для осады Риги.
Рига в то время была одной из мощнейших крепостей в Европе. Ее гарнизон насчитывал 13 400 человек. В крепости находилось 563 пушки, 66 мортир и 12 гаубиц. Овладение такой крепостью требовало большого количества артиллерии, боеприпасов, снаряжения, обмундирования, продовольствия и фуража.
Петр I приехал к Риге из-за границы в ноябре 1709 года. К этому времени крепость была осаждена русской армией, а артиллерия Брюса готовилась к началу ее бомбардировки. 14 ноября сам государь бросил первые три бомбы, что стало началом обстрела Риги, и отбыл в Санкт-Петербург. Брюс остался здесь и выехал в Москву непосредственно в декабре для участия 21 декабря в торжественной церемонии по случаю Полтавской победы.
Осада Риги продолжалась до июня 1710 года. Сначала, до наступления зимы, шли непрерывные бомбардировки крепости. Но в декабре Петр принял решение ограничиться тесной блокадой Риги и «сего города формальною атакой не добывать». Блокада была поручена генералу Репнину, который возглавил сводный отряд в шесть тысяч человек. Остальные войска отводились на зимние квартиры в Лифляндии, Курляндии и Литве. Поэтому, выехав в Москву, Яков Вилимович Брюс вернулся к Риге только весной, при активизации осады и усилении блокады крепости.
Яков Вилимович прибыл в Юнгфергоф (под Ригой) 10 мая 1710 года вместе с артиллерией и начал подготовку боеприпасов для бомбардировки крепости. Командующий войсками под Ригой фельдмаршал Шереметев приехал 11 марта. К приезду Брюса завершается строительство батарей. На вооружении тогда находились 32 пушки 18-ти, 12-ти и 8-фунтового калибра, кроме этого, использовались три 9-пудовые и 11 5-пудовых мортир. С 14 по 24 июня на Ригу было брошено 3389 бомб только из этих осадных мортир. Историки отмечают весьма эффективное использование артиллерии под Ригой. Так, в апреле Б. П. Шереметев построил свайный мост для блокирования крепости с моря, на нем установил пушки 24-х, 18-ти и 12-фунтового калибра. При попытке шведов прорвать блокаду с моря 28 апреля силами девяти каперов начался интенсивный огонь русских батарей, который и привел к тому, что блокада не была прорвана.
4 июля Рига пала, а 12 июля состоялось церемониальное «шествие» фельдмаршала Шереметева в город, при этом Яков Вилимович Брюс вместе с генералом Ренцелем занимал четвертую из пяти карет, следовавших перед фельдмаршальской. В этом — безусловное признание заслуг артиллерии, особенно осадной, проводившей интенсивный огонь по крепости.
С падением Риги для русской армии не оставалось препятствий по захвату территории Прибалтики. Почти одновременно с Ригой 13 июня капитулировал Выборг — главная крепость-порт восточной части Финского залива. Причем капитуляция была принята после пятидневной бомбардировки крепости Брюсовой артиллерией. В августе были взяты крепости Динамюнде, Пернов (Пярну), остров Эзель (крепость Аренсбург), Кексгольм (взятый Романом Брюсом). Последней

крепостью был Ревель (Таллин). Таким образом, Лифляндия (Латвия) и Эстляндия (Эстония) в ходе кампании 1710 года были очищены от шведских войск. Надо отметить, что при взятии каждой из крепостей артиллерия пополнялась огромным количеством пушек и мортир, что, безусловно, укрепляло артиллерийское ведомство.

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Смерть Брюса (продолжение)

И тут девять месяцев кончились. Вот ученик и Брюсова жена выложили изрубленное тело, сложили по порядку. Ученик взял этим составом полил. Куски срослись. Вот он вынимает пузырек с каплями. А жена Брюсова вырвала у него пузырек, да хлоп — об земь и разбила.

— Теперь, говорит, пусть Брюс Страшного суда ожидает — тогда воскреснет. Довольно, говорит, я помучилась за ним, бродягой, пососал он моей кровушки вволю. А ведь брехала, потому что он не бил ее. А тут, видишь, такая вещь: она молодая. В ней кровь играет, а он старый. Она бесится, а он без всякого, может, внимания, потому что ему и без этого полон рот дела. Конечно, если правильно рассуждать, на что ему молодая жена? Но только она больше виновата: ведь видела, за кого ты выходила? Или тебе, чертовой лахудре, платком глаза завязывали, когда выдавали за Брюса?

Но только у нас такого закона нет. А тут, видишь, простая штука: она думала, что через Брюса ей будет почет — дескать, народ станет говорить: «Вон идет волшебникова жена». А народу и дела до нее не было никакого. Действительно, самому Брюсу от всех почет и уважение, ну, многие и боялись. А Брюс с ней под ручку по бульвару не ходил на прогулку. Вот ее и брала досада, вот в чем тут дело. А больше всего, как она полюбила этого ученика, так и думала, что лучше его на свете нет никого. Баба, и понятие у ней бабское.

И вот они вдвоем обрядили Брюса, в гроб положили и сговорились, как им брехать перед людьми. Вот она сейчас и подает известие:

— Головушка ты моя бедная!.. — завыла, заголосила…

Ну, народ стал спрашивать:

— Чего это Брюсиха завыла?

Ну, пришли люди, посмотрели — лежит Брюс в гробу… Ну, которые-то обрадовались: «А! — себе на думке. — Наконец-то черти забрали!» А всё по глупости: думали, что он черту душу продал. А тут только наука была. А которые понимали, те жалели и спрашивали:

— Когда помер? От каких причин?

Вот Брюсиха и принялась разводить свою брехню:

— Только, говорит, вчера приехал больной, а нынче помер.

Народ и верит.

Глава 4
В ДОЛЖНОСТИ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДЦЕЙХМЕЙСТЕРА

Миссия в Данциге

С занятием Прибалтики все больше и больше рос авторитет Я. В. Брюса не только в русской армии, но и за рубежом. Во многом по этой причине Петр I именным указом от 3 января 1711 года направляет Брюса в Данциг (Гданьск) с дипломатической миссией.

Якову Вилимовичу были даны широкие полномочия, о чем свидетельствует посланная ему в Данциг царская грамота. Начиналась она так: «Божьей милостию

мы, Петр Первый, Царь и Император Всероссийский, и проч. и проч. и проч.
Объявляем благошляхетным господам, города Гданска президенту и бургомистрам, и всему магистрату наше благоволение и всякое благо. Понеже мы повелели нашему генерал-лейтенанту от армии Якову Брюсу вам о некоторых делах и желаниях наших объявить, того ради чрез сие желаем, дабы вы оному генерал-лейтенанту, о чем он вам именем нашим объявлять будет, не токмо полную веру во всем дали, но и то требование наше надлежащим действием без продолжения времени исполнили».
Какое же поручение выполнял генерал-лейтенант Яков Вилимович Брюс? Речь шла о востребовании контрибуции в 300 тысяч ефимков с города, бывшего главной опорой Станислава Лещинского. События 1709–1710 годов резко изменили положение ставленника Карла XII на польском престоле. Королем Польши становится вновь Август II, аннулированы были результаты его договоров со шведским королем 1706 года. И Петр требовал с Данцига огромную контрибуцию.
Задача, стоявшая перед Яковом Вилимовичем, была сложной. Единственное, чем выполнение этого поручения было облегчено, это то, что, согласно данной Брюсу инструкции, он мог «вынудить» половину контрибуционных денег в виде подарка, а другую в виде займа, с дачей на последний письменного обязательства, либо рассрочки уплаты требуемой суммы не далее как на четыре месяца.
При исполнении этого поручения Брюс, хотя и был уполномочен иметь в своем ведении небольшой отряд русских войск, расположенный под начальством бригадира Яковлева в окрестностях Данцига и Эльбинга, не мог не встречать препятствий разного рода, порождаемых, с одной стороны, недоброжелательством к русским жителям Данцига, преданным Станиславу Лещинскому, а с другой — двуличной политикой союзных русским саксонцев. Брюс делал все, что мог, — и характеристика тогдашних действий его отражается обширной перепиской с бригадирами Яковлевым и Балком, русским комендантом в Эльбинге. Из этой переписки, хранящейся в делах Артиллерийского архива, видно, что Брюс, беспрерывно переезжавший из Данцига в Эльбинг и обратно, должен был в одно и то же время нести обязанности дипломата, артиллериста, провиантмейстера и главнокомандующего, предписания которого его подчиненным нередко расходились с предписаниями, получаемыми на имя этих подчиненных прямо от царя Петра или короля Саксонского.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Смерть Брюса (окончание)
Смерть свое время знает. Доложили царю. Только он не очень-то поверил, пошел сам посмотреть. Вот приходит. А жена Брюсова еще пуще принялась выть, на разные голоса выделывала. Тут Петр Великий сразу догадался, что тут дело неспроста. И думает себе: «Баба через меру воет, значит, тут есть подлость и обман». И увидел он ученика, посмотрел на него. Знает, что он ученик, но только такой вид показал, будто не знает его.
— Ты, говорит, за каким тут делом? Что тебе здесь требуется?
А тот испугался и говорит:
— Я Брюсов ученик.
— Как ученик? — спрашивает царь. — Ведь у него старый ученик. Ты, говорит, врешь! Ты самозванец.
А ученик говорит:
— Да ведь я тот самый и есть, но только Брюс переделал меня в молодого.
Спохватился было, да уж поздненько. Петр и говорит:
— Ну-ка, расскажи, как он тебя переделал.
Нечего делать — надо рассказывать. Тут он и принялся говорить, да во всем сознался.

— Я, говорит, не виноват, а меня подговорила вот эта мадама, — указывает на Брюсиху.
А она оправдывать себя начала:
— Нет, говорит, ты врешь, поганый прощелыга, от тебя, жулика, все огни загорелись!
А ученик на нее все сваливает. А царь слушает и вникает. Слушал, слушал и говорит:
— Я вижу, вы два сапога пара. У вас, говорит, анафемов, совместный уговор был погубить Брюса. Ну, говорит, если совместный, так и награда вам будет совместная. Взять, говорит, их под арест!
И сейчас этому ученику и этой его любовнице белые ручки назад и потащили, куда следует. После того Петр приказал, чтобы Брюса с большим почетом похоронили. Потом ученику и Брюсовой жене отрубили головы. Но только народ их нисколько не жалел.
— Собакам, говорит, и смерть собачья.
Так и пропали эти живительные капли. Петр поискал, как похоронили Брюса. Много пузырьков нашел, а как без Брюса распознаешь? Без хозяина и товар плачет. А если бы не погубили Брюса, так, гляди, сколько бы он переделал стариков на молодых…
Записано в Москве в августе 1924 г., рассказывал ученый торговец яблоками Павел Иванович Кузнецов, уроженец Тверской губернии.

Прутский поход

21 марта Брюс, уже вызываемый Петром к армии, двинувшейся на турок, писал князю Г. Ф. Долгорукову: «…в приказанном мне деле не вижу, чтоб какой прок был, а не дождався указ, ехать ко армее опасаюсь». Действительно, не удовлетворяла Брюса дипломатическая деятельность, тем более связанная с «выбиванием» денег. Поэтому, когда пришел ожидаемый указ, Брюс с радостью 16 апреля выехал из Данцига. По дороге к армии он исполнил дипломатические поручения во Львове. 29 мая вступил в командование артиллерией, состоявшей из 122 орудий (наполовину полковых), 16 понтонов на телегах и 200 подвод с пороховыми ящиками, не считая телег, нагруженных бомбами и ядрами. В рапорте фельдмаршалу Шереметеву говорилось: «Вашему Превосходителству во известие доношу униженно, что я из Елбинга прибыл сюда ко армии вчерашнего числа и невмалой печали обретаюся, что, как стал при артиллерии служить, такого превеликого оскудения и нужды в провианте артилериских служителей невидал, из которых иные уже не ели ничего дней по пяти и по шти (шести. — А. Ф.). И не чаю, чтоб могли втакую нужду оные войти, ежели б я сам при них был, но надеюся, что оным того б не было».
Прутский поход 1711 года был вызван беспокойством Турции, опасавшейся усиления России после Полтавской битвы. Кроме этого, Карл XII постоянно давил на своего союзника, пугая его агрессивными замыслами Петра. Русский царь полагал, что этим походом он сможет вновь продолжить решение задачи выхода к Черному морю. Кроме того, усиление в ходе войны русской мощи давало повод южнославянским народам, находившимся под гнетом Оттоманской Порты, надеяться на помощь России в деле освобождения от турецкой зависимости. Валашский и молдавский предводители неоднократно обращались к Петру, убеждая его, что окажут великую поддержку во время похода, что христианские народы должны противостоять мусульманскому засилью.
И все же главной причиной начала военных действий на юге стало то, что оказавшийся во владениях Османской империи после поражения под Полтавой Карл XII начал усиленно создавать антирусский военно-наступательный союз.

В 1710 году положение шведского короля в султанатстве заметно укрепилось. Он стоял лагерем в Бендерах. Поначалу там было всего полторы тысячи человек, через год после Полтавы численность лагеря возросла до десяти тысяч человек. К шведам стали примыкать остатки разбитых русскими отрядов наемников из Украины, Запорожья, Крыма, Прикубанья. Весной 1710 года в Варницу прибыл 1,5–2-тысячный отряд Ю. Потоцкого, который состоял из поляков и немецких наемников. Основной костяк лагеря составили казаки Орлика и запорожцы — примерно шесть-семь тысяч человек.
Карл XII рассчитывал поднять Османскую империю против России. В этом немаловажную роль сыграл уже известный нам бывший воспитатель царевича Алексея М. Нейгебауэр, который выполнял роль представителя шведского короля при султанате. Раздувая опасность русского могущества, Нейгебауэр 30 сентября предложил султанским чиновникам установить турецкий протекторат над Украиной, уверяя, что казачество охотно перейдет в турецкое подданство. Также он предлагал привлечь к военным действиям против России Иран, чтобы дальше отбросить Россию от турецких границ. Кроме этого, от имени шведского короля Нейгебауэр обещал ввести в Черное море 30 шведских небольших кораблей.
Попытка шведского посланника хотя и закончилась неудачей, но дала повод размышлять о реальности похода против России. В условиях сложного внутриполитического кризиса (в течение нескольких месяцев в Османской империи сменились два визиря) и нарастающей волны брожения в широких массах населения империи молниеносная победоносная война могла изменить ситуацию в стране к лучшему.
Решающим фактором, приведшим к войне России и Турции в 1710 году, стало вмешательство генерала С. Понятовского, который сумел найти свои аргументы. Он доказывал, что русский царь хочет окончательно завладеть Польшей, ввести флот в Черное море и потом совместно с поляками направиться на балканский театр войны. Находившийся в Стамбуле русский посланник граф Петр Андреевич Толстой в течение восьми лет, с 1702 по 1710 год, успешно гасил отдельные всплески агрессии турок по отношению к России, применяя самые различные средства. Попытался он и к Понятовскому их применить, предлагая чин генерала от артиллерии русской службы, сделав попытку подарить 200 тысяч рублей, и даже испробовал надежное средство — яд. Но на подкуп генерал не пошел, отравить его не удалось.
Против экспансии России на Балканах выступало и правительство Франции. Дипломаты короля Людовика XIV сделали все, чтобы подтолкнуть султана к войне. В итоге русский посланник оказался в стамбульской тюрьме, где провел три года, а Турция осенью 1710 года решилась отбросить русских от своих северных границ.
В условиях продолжающейся войны со Швецией новая война была крайне невыгодна Петру I. Однако активизация военных действий шведского корпуса в Померании, переброска турками к границе с Россией военных грузов — все это и привело к подготовке в 1710-м и начале 1711 года Прутского похода.
Армия Петра подошла к Днестру, по которому проходила граница между Речью Посполитой и Османской империей в конце мая, ко времени прибытия в войска Брюса.
Он участвовал в переправе главных сил через Днестр в июне у города Сороки и присутствовал на военном совете, где поддержал точку зрения русских генералов, желавших, вопреки мнению немцев, идти вперед. 9 июня наша армия двинулась к Яссам, где русским войскам оказал поддержку молдавский господарь Дмитрий Кантемир. Однако в Молдавии русских ожидало разочарование. Во-первых,

молдавские силы, присоединившиеся к авангарду Шереметева, составляли всего пять-шесть тысяч человек; во-вторых, и это главное, возникли трудности с обеспечением армии продовольствием. Кроме того, была неизвестна численность турецкой армии, переправившейся через Дунай.
Петр I решил отправить в район Браилова семитысячный конный отряд генерала Ренне с задачей захватить собранные там турками запасы продовольствия. А главные силы должны были двигаться вдоль правого берега Прута до урочища Фальчи, а оттуда к реке Сирет, где соединиться у Галаца с кавалерией генерала Ренне.
Яков Вилимович Брюс, при начале движения в степи, шел с артиллерией непосредственно за гвардейским отрядом царя. 24 июня он привел артиллерию в лагерь русского авангарда под командованием фельдмаршала Шереметева у Чучоры, на берегу Прута. 27 июня изготовил походную артиллерийскую церковь для богослужения в высочайшем присутствии, по случаю годовщины Полтавской баталии. 28 июня переправил артиллерию через Прут, по мосту, устроенному для царского двора и обоза. 7 июля прибыл с нею в Станилешти.
В этот день отряд русского генерала Януса фон Эберштедта, посланный Петром I для воспрепятствования перехода турецкой армии через Прут, обнаружил авангард турецкой армии, который готовился к переправе. Однако генерал Янус не выполнил приказа царя. Вместо того чтобы атаковать турок, он позволил им спокойно навести мосты и переправиться через реку. Сам же Янус отступил, преследуемый легкой турецкой конницей.
Пройдя немногим более семи километров от Станилешти, русская армия вынуждена была остановиться близ урочища Новые Станилешти. Утомленные нестерпимой жарой и непрекращающимися атаками турецкой и татарской конницы, русские солдаты нуждались в отдыхе. Поэтому немедленно было начато сооружение укрепленного лагеря.
Едва русская армия построилась в боевой порядок, как с юга показались главные силы турок, они охватили русский лагерь полумесяцем и вскоре пошли на приступ. Турецкая армия имела подавляющее преимущество. При 38 тысячах человек под командой Петра русским пришлось сдерживать натиск 135 тысяч турецкой армии. При этом велико было преимущество турок и в артиллерии — 407 против 122. Однако защитники укреплений Станилешти выглядели достойно.
Примерно за три часа до захода солнца 9 июля турки, не дожидаясь подхода всей своей армии и артиллерии, атаковали русский лагерь. В атаке участвовали 20 тысяч янычар. Построившись в боевой порядок в форме клина, они нанесли главный удар по дивизии генерала Аларта. Турецкая конница участия в атаке не приняла, а поддерживала свою пехоту воинственными криками. Натиск янычар был очень силен. Однако лагерный огонь Брюсовой артиллерии почти в упор не только охладил их пыл, но привел в замешательство и принудил к поспешному отступлению. Напрасно турецкие военачальники рубили саблями беглецов, пытаясь остановить и привести в порядок бегущие войска.
Сражение продемонстрировало высокое военное искусство русского командования и отличную подготовку пехоты и особенно артиллерии, «…артиллерия, стрелявшая двойными зарядами (ядром и картечью), производила ужасное опустошение в густых толпах турков». Воспользовавшись тем, что янычары вели наступление на одном направлении, русское командование снимало войска с неатакованных участков и смело вводило их в сражение. В этом сражении было уничтожено восемь тысяч турок. Энергичный отпор русской армии оказал на янычар ошеломляющее воздействие. Уже после провала второй атаки кегая — помощник великого визиря, фактически

командующий турецкой армией, заявил военному советнику турецкой армии генералу Станиславу Понятовскому: «Мой друг, мы рискуем быть разбитыми, и это неизбежно случится!»
К ночи сражение стало затихать. Начальник янычар и великий визирь Балтаджи-Мехмет-паша приказал строить окопы и закрепляться. Тем временем подошла турецкая артиллерия. Началась орудийная дуэль, продолжавшаяся вплоть до рассвета. Русские стреляли настолько удачно, что заставили великого визиря перевести свою ставку на расстояние, недосягаемое для огня. В течение ночи противник пытался приблизиться к русскому лагерю, но сильной стрельбой был отбит.
Несмотря на успешное отражение турецких атак, положение русской армии продолжало оставаться тяжелым «Люди и лошади, — отмечал в своем дневнике генерал Аларт, — не отдыхали более трех суток к ряду. К тому же всюду испытывался недостаток в боевых припасах и провианте». На серьезность положения, в котором очутилась русская армия, указывал сам Петр: «И правда, никогда как начал служить, в такой дисперации (отчаянном положении. — А. Ф.) не были (понеже не имели конницы и провианту)».
И все же регулярная армия Петра I продолжала быть грозной силой. Ее солдаты сохраняли высокий моральный дух. В ином положении находились турецкие войска. Они были деморализованы понесенными потерями, отказывались участвовать в штурме русских позиций. Кроме того, по турецкой армии прошел слух, что с юга на соединение с Петром идет корпус генерала Ренне. К сожалению, об этом не знали в лагере русского царя. Иначе исход противостояния у Новых Станилешти мог быть иным.
Утром 10 июля турки начали артиллерийский обстрел русского лагеря, который продолжался беспрерывно до двух часов дня. Он велся и с противоположной стороны Прута, куда переправилась часть турецких войск. Это еще больше осложнило положение, так как затруднило снабжение армии питьевой водой. Под председательством Петра I был созван военный совет, который принял решение предложить великому визирю перемирие, а в случае отказа атаковать противника всеми силами. В стан противника был отправлен унтер-офицер Шепелев с письмом за подписью фельдмаршала Шереметева, в котором излагались мирные предложения. Ответа не последовало. Тем временем русские продолжали укреплять свой лагерь и одновременно готовиться к прорыву вдоль Прута на север. Вскоре великому визирю было послано второе письмо. В нем указывалось, что, если турки будут медлить с ответом, русская армия перейдет в наступление. Ответа не последовало и на этот раз. Тогда Петр I отдал приказ выступить из лагеря и атаковать турецкие позиции. Но едва построенные в боевой порядок русские полки прошли несколько десятков саженей, как «от турков тотчас прислали, чтоб не ходили, ибо оне мир приемлют, и для того учинить унятие оружия, и чтоб прислали, с кем об оном мире трактовать».
Сражение 9 июля с очевидностью показало преимущество русской регулярной армии над армией Османской империи. Поэтому турки сочли более выгодным добиться дипломатическим путем своих целей в войне, чем идти на риск генерального сражения.
В полдень 12 июля между Россией и Турцией был заключен мирный трактат. Интересно отметить, что одним из первоначальных требований турок было условие передачи им русской артиллерии. Это условие было отклонено. Но факт выдвижения такого требования очень красноречив. Турки действительно были восхищены качеством русских пушек и слаженностью действий русских артиллеристов.

На обратном пути от реки Прут, 3 августа 1711 года, в Яворове Брюс был утвержден в звании генерал-фельдцейхмейстера и сопровождал царя с царицей в Карлсбад, откуда он «яко человек ученый, искусный и знающий вкус в вещах и в людях», отправлен в разные германские города, с повелением приискивать и нанимать в русскую службу опытных офицеров и всякого звания мастеровых, «и где он потребных в службу нашу изобретет, — говорилось в царской грамоте Брюсу от 19 сентября, — о пребывании их в нашей службе и о плате трактовать, и контракты заключать; и что он, генерал наш им в контрактах обещает и заключит, то от нас все сдержано будет без умаления». Исполняя это поручение, Брюс 14 октября в Торгау присутствовал на свадьбе царевича Алексея Петровича с принцессой Шарлоттой Христиной Софией Вольфенбюттельской и за ужином сидел по левую сторону царевича, четвертым от царя, рядом с графом Головкиным. Здесь же, в Торгау, лично познакомился и сошелся с известным Лейбницом, от которого впоследствии получал письменные поклоны, а в декабре 6-го дня того же 1711 года Петр, уже из Риги, писал о Брюсе эльбингскому коменданту бригадиру Балку: «Господин брегадир. Когда к вам будет писать господин генерал-фельдцейхмейстер Брюс о приготовлении двух тысяч лопаток, тогда по тому его письму исполняйте без умедления» и 8-го числа: «Господин брегадир. Когда к вам приедет господин генерал-фельдцейхмейстер Брюс, и чего он от вас будет требовать, в том будьте ему послушны» [Т. 3. С. 176].
В 1712 году продолжение Северной войны происходило на территории Померании. В этом Померанском походе командовал русскими войсками А. Д. Меншиков. Его армии в качестве поддержки были приданы артиллерийские части Дании и Саксонии. Неизвестно, участвовал ли в этом походе Брюс. По одним сведениям, он был командующим объединенной артиллерией — русской, датской и саксонской. Другие источники свидетельствуют о том, что наш герой в Померанской кампании не участвовал вовсе. Известно лишь, что в 1712 году он находился в Германии, где застало его письмо русского царя, датированное 7 декабря 1712 года: «Когда вам доноситель с сим письмом явится, тогда осведомитесь о том, искусный ли он гражданский архитектор, и для того пошлите кого от себя, или через письмо осведомитесь об нем в Дрездене, ибо он тамошний житель, а прислал его к нам золотарь, у которого мы в Дрездене стояли. Он просил на год платы и с кондуктором по полторы тысячи талеров курант, и как осведомитесь об нем, что он искусный мастер, то с ним договоритесь на несколько лет в нашу службу; однако ж смотрите того, чтоб в оплате неудачи не было, и договорясь, возмите его с собой, и дайте ему денег, что надлежит по рассмотрению». Итак, мы находим нашего героя уже не на полях сражений. Теперь он выполняет особые поручения и распоряжения Петра. В другом письме от 11 декабря Петр давал Брюсу поручение найти такого живописца, который бы умел писать в садах и парках перспективы и прочие фигуры, то есть ландшафтного архитектора. Также найти садовника, который в Потсдаме и других королевских (имеется в виду саксонских) резиденциях пересаживает большие деревья, по имени Мартын Тендер.
В том же 1712 году Брюс возвратился в Россию, где по сенатскому указу конца декабря ему вменялось в обязанность «...в Рыльском и Курском уездах, с тех городов с дворян, меновныя земли расписывать и по поступкам их за ними справливать...». То есть Брюсу поручается решение вопросов, связанных с землеустройством и раздачей свободных земель в этих уездах «...по менам и поступкам Рылян и Курчан...».
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюс и Петр Великий

Про Брюса не все правду говорят: есть и такие, что привирают многое. Иной пустослов напустит дыму, лишь бы людей обморочить… А доподлинная история про Брюса — то из историев история. Подумаешь, до чего роскошный ум был у человека! И шел он по науке, и всё узнавал. Умнейший из умнейших был человек!
А жил он тогда на Сухаревой башне. Положим, не вполне жил, а только была у него там мастерская, и работал он в ней большей частью по ночам. И какого только струмента не было в этой мастерской! И подзорные трубы, и циркуля. А этих снадобий пропасть: и настойки разные, и кислота. И в банках, и в пузырьках. Это не то, что у докторов: несчастная хина, да нашатырный спирт, а тут змеиный яд, спирты разные! Да всего и не перечесть! И добивался человек наукой все постигнуть на свете: что на земле, что под землей и что в земле — хотел узнать премудрость природы.
А купечество московское не любило его, очень противен он был купцам. И не любили его купцы, собственно, вот через что: сидит, примерно, купец в своей лавке, торгует. У него на уме покупателя общипать, а тут, глядь, — на самого каркадил лезет… Такой огромаднейший каркадилище, пасть — во, как разинул и так и прет на него. Ну, купец с перепугу вскочит на прилавок и заорет не своим голосом на весь квартал:
— Караул, пропадаю! Кара-ул!

Дело царевича Алексея

В 1713 году Брюс, уже выстроивший в Петербурге собственный каменный дом на Литейном, рядом с Арсеналом, снова был отправлен в Германию для найма мастеровых и закупки картин. В начале 1714 года он уже находился в Москве, куда Петр писал к нему из Петербурга ввиду переноса столицы из Москвы в Петербург, «понеже здесь всем делам заводится начало», и переселения половины мастеровых-пушкарей, «понеже литье ныне великое ныне здесь». И самого Брюса торопил с приездом к празднику.
Все шло своим чередом и не предвещало никаких неприятностей по службе. Как вдруг осенью того же года, вместе с князем Меншиковым, адмиралом Апраксиным, фельдмаршалом Шереметевым, адмиралтейским президентом Кикиным и некоторыми другими, Брюс был заподозрен в «хищении государевой казны» и противозаконных подрядах под чужим именем. С 27 октября по 23 декабря по этому делу было арестовано и допрошено несколько купцов и приказчиков. Большинство артиллерийских подрядчиков, комиссаров, секретарей, бургомистров, извозчиков «взяты под караул». Наложен арест на документы Военного, Поместного и Артиллерийского приказов. Комиссия, созданная для расследования дела в начале 1715 года, под председательством В. В. Долгорукова, признавала виновными в казнохищении Меншикова, Апраксина, Брюса, Кикина и петербургского вице-губернатора Корсакова, из которых пострадали два последних. Остальные получили от государя прощение, более того, царь «изъявил о том сердечную свою радость принятием Меншикова, Апраксина и Брюса к столу своему с пушечною пальбою».
27 декабря 1714 года вышел указ, которым повелевалось: «публиковать в народе, чтоб всех губерний и приказов и канцелярий всякаго чина люди, кто своим именем, или на имя посторонняго подряжался, о всех своих, как о провиантских, так и о других подрядах, какого звания оные и манера ни были, которые поставлены в Адмиралтейство, в Артиллерию и в прочия места, объявили в Сенате… А буде кто какого чина не будь, ведая свои какие подряды, вскоре не объявит, а после того кто на него в том донесет, и по тому доношению сышется: и те люди, яко преступники, жестоко будут наказаны, с разорением движимых и недвижимых их имений».

Ситуацию с подрядами довольно подробно исследовал Н. И. Павленко, придя к выводу, что «ни Шереметев, ни Брюс не были причастны к финансовым махинациям».
Брюс продолжал, по поручению Петра, ученую переписку с Лейбницем о происхождении российского народа и почти ежедневно посещал своего соседа, царевича Алексея Петровича, дворец которого располагался рядом с домом Брюса. При жене царевича кронпринцессе Шарлотте безотлучно находилась тогда жена Брюса Марфа Андреевна. Это подтверждает письмо Петру известной «санкт-питербурхской князь-игуменьи» Ржевской: «По указу вашему, у ея высочества кронпринцессы я и Брюсова жена живем, не на час не отступаем, и она к нам милостива. И я обещаюсь самим Богом, еже ей ей! Ни на великие миллионы не прельщусь и рада вам служить от сердца моего, как умею. Только от великих куплюментов и от приседания хвоста и от немецких яств глаза смутились». О быте царевича один из подчиненных Брюса, видимо адъютант генерал-фельдцейхмейстера Андрей Брюс, рассказывает так: «Зимою 1714 года царевич приехал из-за границы… Я ходил часто с генералом моим (Брюсом) отдавать ему честь, и он часто приходил в дом к генералу, сопровождаемый весьма дурными людьми… Царевича никогда не видно в тех собраниях, где его величество принимает поздравления от всех знатных и чиновных особ в дни торжественные, праздничные, викториальные, спуска кораблей и прочих. Генерал Брюс, живший подле царевича, имел повеление всегда накануне просить его высочество к таким собраниям — и возложил обязанность эту на меня. Но его высочество, чтобы избежать собраний, или принимал лекарство, или открывал себе кровь, всегда извиняясь каким-нибудь нездоровьем, хотя все знали, что он, в то же время, предавался веселостям с своими прегнусными товарищами и не переставал осуждать все действия своего отца».
Действительно, царевич Алексей по складу характера и по убеждениям был полной противоположностью отцу. Вот как о нем пишет Н. И. Павленко: «Безвольный и пассивный, он стоял в стороне от забот, полностью поглощавших неуемную энергию царя, не жалевшего ни сил, ни „живота своего“ для претворения грандиозных преобразовательных планов. Более того, к обновлению страны Алексей относился враждебно, открыто заявлял, что после вступления на престол повернет Россию вспять: откажется от приобретений в Прибалтике, забросит флот, отменит все новшества, приблизит к себе поборников старины».
У царя складывались совершенно особые отношения с сыном. Поначалу Петр старался вовлечь Алексея в круг своих интересов, давая ему различные поручения. Среди них были весьма ответственные: отправиться в Торгау и позаботиться об устройстве снабжения русского корпуса, действовавшего в Польше (в октябре 1711 года), провиантом, отправиться к войскам в Померанию (апрель 1712 года), а затем в Петербург, чтобы участвовать в Финляндском походе и следить за постройкой судов в Старой Руссе и Ладоге. «Царевич Алексей беспрекословно исполнял все приказания отца, разъезжал всюду, смотрел, бранился, даже дрался там, где замечал недосмотры по делам, но все это за страх, а не за совесть, сам опасаясь батюшкиных побоев и пользуясь всякой возможностью отбыть от дела и от личного свидания с отцом».
У царевича развился по отношению к отцу животный страх. Сам он увлекся религией, интересовался вопросами папской власти, то есть действительно это был антипод царю-преобразователю. Это, естественно, беспокоило Петра, однако он пытался удержать при себе Алексея и поддерживать приличествующие их положению отношения. Естественно, в этом тонком деле лучше было действовать через

посредников, находившихся в доверии как у отца, так и у сына. И одним из таких людей, едва ли не единственным в свите Петра, был Яков Брюс.
Если вспомнить крестины дочери Брюса, присутствие Брюса на свадьбе Алексея, становится понятно, что отношения их были близкими, а главное, доверительными. Яков Вилимович по-прежнему считал себя обязанным Алексею в самом положительном смысле слова и не изменил своего отношения к нему и в 1718 году. Когда все вельможи подписали приговор царевичу, его подписи (так же как и подписи Б. П. Шереметева) под приговором не было, хотя это могло сказаться на дальнейшей карьере Брюса.
Близость Брюса и царевича породила слухи о том, что в 1715 году жена Брюса находилась при кронпринцессе неотлучно «чуть ли не в качестве шпиона». Слухи, без сомнения, беспочвенные, потому что Яков Вилимович в какой-то степени считал себя ответственным за сына царя, и эта ответственность перекладывалась на плечи Марфы Андреевны, которая добровольно взяла на себя опеку о кронпринцессе Шарлотте. Принцесса не отличалась крепким здоровьем, и в ее положении (она родила сына Петра — будущего Петра II — 12 октября 1715 года) очень важно было внимание женщины, старшей по возрасту. Пережившая смерть своих дочерей во младенчестве, подолгу жившая в разлуке с мужем, постоянно участвовавшим в военных походах и поездках за границу, Марфа Андреевна могла утешить Шарлотту и действительно заменить ей мать.
Шарлотта нуждалась в женском покровительстве еще и потому, что у Алексея, как известно, в начале 1715 года появилась любовница, Ефросинья, дочь его учителя Никифора Вяземского. Поэтому он не только охладел к жене, но и отдалился от нее. Судьба Шарлотты, как и ее мужа, трагична. После рождения сына она сильно болела. В эти дни Алексей сблизился с женой, однако она прожила после родов всего десять дней и умерла 22 октября.
Именно в эти дни, 9 октября, у Екатерины I родился сын, Петр, и вопрос о роли Алексея в жизни государства царь поставил ребром.
11 октября Петр I пишет роковое письмо, в котором в очередной раз увещевает сына, перечисляя всё, чего добился он за годы войн и преобразований во славу России. Письмо завершается следующими словами: «...с горестью размышляя и видя, что ничем тебя склонить не могу к добру, за благо изобрел сей последний тестамент тебе написать и еще мало пождать, аще не лицемерно обратиться. Ежели же нет. То известен будь, что я весьма тебя наследства лишу, и не мни себе, что один ты у меня сын, и что я сие только в устрастку пишу: воистину исполню, ибо за мое отечество и люди живота своего не жалел и не жалею, то како могу тебя, непотребнаго, пожалеть? Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный».
В ответ на это Алексей не только согласился с отречением, но даже просил об этом отца, добавив «детей моих вручаю в волю вашу; себе же прошу до смерти пропитания».
Петр не ожидал такого ответа. Своим письмом он думал вызвать раскаяние в сыне. Однако этого не произошло, и Петр поставил условие: «...или отмени свой нрав и нелицемерно удостой себя наследником, или будь монах...» На что сын согласился: «...желаю монашеского чина и прошу о сем милостивого позволения».
Через девять месяцев после последнего послания, находясь в Копенгагене, Петр советует сыну приехать за границу, чтобы включиться в дела. Однако Алексей использовал этот совет по-своему. По рекомендации Кикина он выехал в Вену и укрылся в тирольском замке в Эренберге, где был обнаружен гвардии капитаном А. И. Румянцевым. Именно Румянцев, выполняя приказ Петра, проследил путь

Алексея из Тироля в Неаполь, а затем вместе с тайным советником П. А. Толстым добился встречи с ним, и после долгих уговоров они привезли царевича к Петру. В начавшемся следствии, длившемся полгода, Петр хотел выведать у Алексея всё, что касалось его отъезда за границу, все нюансы его планов против «государя и отца». В результате 24 июня 1718 года был объявлен приговор суда, а 26 июня царевич скончался. 30 июня он был похоронен в Петропавловском соборе рядом с женой.
В этот период Я. В. Брюс находился за границей на Аландском конгрессе, поэтому он и его супруга Марфа Андреевна, несмотря на близость к семье Алексея Петровича, были вне подозрений.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюс и Петр Великий (продолжение)
И взбулгачит он своими криками весь народ. Вот и сбежится народ со всех сторон.
— Что такое? В чем дело? Чего ты разорался?
А купец чуть не плачет и весь дрожит:
— Да как же, говорит, мне не орать, ежели каркадил слопать меня хотел?!
— Какой такой каркадил? — спрашивают. — Где он? Покажи!
Смотрит купец... нет никакого каркадила... И сам себе не верит. А народ смотрит на него и удивляется:
— Что же, говорит, это такое?
И не знает, как понимать ему об этом купце. Ежели бы сказать пьян, так этого не видать: человек совсем трезвый. Или сказать — полоумен, так опять же ничего такого не заметно: человек как будто при своем полном рассудке. Может, скуки ради озорничать начал? Так и на это не похоже: человек уже пожилой и борода седая. И примется народ ругать этого купца:
— Ах, ты, говорит, черт новой ловли! Ах ты, бес прокаженный!
А купца стыд берет, и опасается он, как бы по шее не наклали ему. И сам не знает, что подумать: не спал и не дремал, своим делом занимался, а, между прочим, явственно видел каркадила. И народ тоже ничего не понимает.

Повседневные хлопоты
В самом начале 1716 года, перед отъездом Петра за границу, артиллерийское начальство хлопотало о перевозке 15 тысяч пудов пороха из Москвы в Петербург и Ревель, «а сколько какого пороху надобно отправить, — заключал Петр в предписании своем от 12 января, — писал генерал-фельдцейхмейстер Брюс».
Весной был прислан в Петербург подписанный Петром 30 марта в Данциге «Уставъ Воинский», в котором «глава вторая надесять (XII)» была написана не без участия Брюса, поскольку она называлась «о генерале-фельдцейхмейстере».
Вместе с тем Брюс продолжал ученые занятия и время от времени сообщал о них Петру. По этому поводу царь писал Ф. М. Апраксину в январе 1717 года: «Писал к нам господин Генерал-фельдцейхмейстер Брюс, что надобен ему для исправления некоторой книги в переводе адмиралтейской переводчик Гамильтон, которого Генерал-Майор Чернышев ему не отдает и для того велите ему отдать».
К самому Брюсу 3 марта Петр писал из Амстердама: «По получении сего сыщи таково человека, которой учился инженерству и фортификации из Русских, а буде из Русских нет, то хотя из иностранцев, и определи его жалованьем, отправь немедленно в Перейду к Артемью Волынскому, и вместе с тем курьером, которой послан туда будет с нашими письмами из Сената, и прикажи тому Инженеру, чтоб он о себе никому не объявлял, что он инженерную науку знает, для того чтоб об нем вПерсиде не проведали; но только-бы, приехав туда, объявил о себе Волынскому, понеже такой

человек был у него, да умер». Письмом от 29 июня из Санкт-Петербурга Петр поручал Брюсу «в генеральных терминах положить» с советником Фиком (только что нанятым в русскую службу самим царем), каким делам в какой коллегии быть, сколько чинов в какую коллегию потребно, по сколько которому чину производить жалованья и пр. В конце же этого письма царь прибавлял: «Сего моменту получил я ваше письмо и две книжки, имена на русском и голландском языках на два оборота. Тут же пишете и о скорой стрельбе, что надеетесь, по бывшей пробе, дойти. И ежели сие сыщете, то великое дело будет, за которую вашу прилежность зело благодарствую, также и за присылку книг, а о Истории лучше отложить до меня». До каких результатов дошел Брюс своими «пробами» скорой стрельбы, пока не известно. Все сведения об этом, имеющиеся в архивах, ограничиваются следующими донесениями Брюса Петру: в письме от 6 мая 1717 года: «Изволили ваше величество приказывать мне, дабы сыскать способ, как бы возможно скорее стрелять из больших пушек. И я наперед сего доносил Вашему Величеству, что присовокуплением губки грецкой для обтирания клина оное чинить хотел. Но тот способ не гораздо полезен явился. Того ради паки домогался о том, и изобрел ныне иной способ, им же в семь минут выстрелено пятнатцать раз ис полкартауна, толко патронами без ядер. И тем способом возможно и более двадцати раз выстрелить, не переставая. А людей к тому делу употреблено было только 4 человека. И понеже та скорострельная пушка ненарошно к тому делу вылита, чего для ко оной сделаны были многие приделки, которых довольно укрепить было не возможно, и втое стрелбу оные попортились, и я приказал ее починить, а как починится, буду ядрами стрелять, и аще такожде будет действовать, то такую пушку велю вылить вновь и о том Вашему Величеству донесу»; и в письме от 7 июля 1717 года: «Наперед сего доносил Вашему Величеству, что ис полкартаунной скорострельной пушки, сделав к ней многия приделки, вседмь минут выстрелено пятнатцать раз патронами без ядер, и втое стрелбу те приделки попортились. И починя оные, стрелял ядрами, и более трех раз не могли выстрелить: те приделки паки попортились. И я приказал такую пушку вновь лить, чтоб те приделки купно с нею вылиты были, отчего мню, что оная в действие своем надежнее будет».
Заботясь об укреплении штатов, Брюс обращается с предложением приглашать в коллежскую службу «удобных асессоров из шведских полоняников Лифляндцов, Эстляндцов и Ингерманландцов» и из шведов, живущих в России. Эта мысль была одобрена Петром, который осуществил ее следующим указом Сенату, данным 9 августа 1717 года в Амстердаме: «Господа Сенат! Писали мы к Генералу Брюсу, дабы он заранее приискивал в Коллегии Асессоров, о чем он объявит вам сам: и для того чините ему в том вспоможение».
Когда же по возвращении Петра из-за границы было получено в Петербурге 29 ноября предложение шведского министра Герца, именем королевским писавшего к вице-канцлеру Шафирову о желании его шведского величества назначить полномочных для мирного конгресса на Аланде, Петр «тот же час, — пишет Голиков, — назначил на сей конгресс искуснейших и верных своих министров: генерал-фельдцейхмейстера и кавалера Брюса и канцелярии советника Остермана», а 30 ноября, в день кавалерского праздника ордена Святого Андрея Первозванного, Петр с Екатериной, посетив Меншикова и графа Головкина, с ними вместе приехали к Брюсу, от которого всей компанией отправились во дворец, смотрели фейерверк и потом всей компанией явились в дом генерал-адмирала Апраксина, где до двух часов ночи забавлялись пусканием ракет, после чего «разъехались довольно веселы». 15 декабря, в день отъезда царя из Петербурга в Москву, Брюсу и Остерману были даны инструкции, а народу объявлен манифест, в котором сообщалось о согласии монархов

созвать съезд своих полномочных представителей. В манифесте говорилось: «Того ради мы для сего полезного и всему Христианству потребного дела назначили и учредили наших Генерал-фельдцейхмейстера и кавалера Якова Брюса, Канцелярии Советника Андрея Остермана, и даем им полную мочь с теми, кто от Его Королевского Величества Шведского к тому полезному делу назначены и равенственно уполномочены будут, на определенном месте съехався, в конференции о том вступать, трактовать и становить, которым в том, что они именем нашим, по данной им нашей инструкции, предлагать и трактовать и становить будут, подана б была полная и совершенная вера». В тот же день, 15 декабря, генерал-фельдцейхмейстер Брюс назначен президентом Берг- и Мануфактур-коллегии, заседавшей в одной из мазанок на Петербургской стороне.

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Брюс и Петр Великий (продолжение)

А тут слышит — другой купец завопил:

— Караул, грабят! — и потому он так закричал, что видит, будто полна лавка свиней набежала. Прибежали свиньи и давай буровить, давай копать, и рвут на клочья ситец, сукно... И видит купец — разор на него пришел, вся его мануфактура пропадает зря. Вот он и давай кричать, чтобы помощь ему дали. Ну, народ слышит — орет человек, надрывается, бежит к нему. Городовые в свистки свистят, пристав мчится, как рысак... Только смотрит — и тут ничего нет, и тут все в порядке, все благородно и никто не грабит купца.

И опять все в удивление приходят:

— Ты что же, говорят, безобразничаешь? Кто тебя грабит? Разуй глаза, обуй очи — посмотри, где тут грабители?

А купец говорит:

— Да я не насчет грабителей, а вот, говорит, свинота меня одолела.

Смотрит народ — ну хоть бы одна свинья была.

— Да ты, говорит, видно, с перепою в белой горячке, или, может, меланхолия на тебя нашла. Ну, где эта твоя свинота?

Смотрит купец — нет свиней и товар цел.

Тут пристав бац его в ухо:

— Подавай, говорит, мерзавец, штраф за беспокойство! — и потянет с него пятерку. Конечно, какой штраф! В собственный карман сунет, а не в казну. Не дурак, своего не упустит.

Аландский конгресс 1718–1719 годов

Роль Брюса в работе Аландского мирного конгресса исследователями оценивается по-разному.

К примеру, М. Д. Хмыров пишет, что при ведении переговоров Брюсом со шведскими дипломатами его помощник А. И. Остерман вел закулисную игру, договариваясь с главой дипломатической миссии шведов Герцем, путем его подкупа. Именно поэтому, благодаря стараниям Герца, с одной стороны, и Остермана — с другой, дело повернулось так, что Герц, польщенный обещанием ему хорошей собольей шубы и 100 тысяч ефимков, в июле отправился уговаривать Карла XII не стоять за Лифляндию и Эстляндию — и немедленно привез согласие короля на уступку этих провинций России. После новых требований шведов и новых поездок Герца к Карлу XII, а Остермана к Петру дипломаты в августе 1718 года заключили племинарный трактат в 23 статьях и 10 отдельных пунктах, копии которого тогда же были повезены: к Петру гвардии капитаном А. И. Румянцевым, к Карлу XII бароном

Герцем. Но Карл XII, уже настроенный многочисленными врагами Герца, на все убеждения последнего подписать трактат отвечал: «Тогда подпишу, когда при помощи русских овладею Стральзундом и Рюсеном», и Герц ни с чем возвратился на конгресс, где, предъявив ответ Карла XII, встретил со стороны русских полномочных самый категорический отказ.
Таким образом, из размышлений Хмырова следует, что Остерман вел за спиной Брюса самостоятельную игру, которая оказалась неудачной в связи с особым положением Герца при королевском дворе.
Интересную версию предложил исследователь В. С. Гражуль в книге «Тайны галантного века. (Шпионаж при Петре I и Екатерине II)». Он уверяет, что «Петр в особой инструкции, адресованной только Остерману, дал чисто разведывательное задание — завербовать главного уполномоченного шведов, фаворита короля и первого министра Герца». Слава богу, Якову Брюсу в этом деле у автора отведена пассивная роль.
Основательно принижается роль Я. В. Брюса в исследованиях Н. Н. Молчанова, который сообщает в книге «Дипломатия Петра Великого», что «предстоящие переговоры по своему существу требовали не столь уж большой дипломатической изощренности, как острые задачи, возникавшие в Европе».
И далее исследователь пишет:
«Характерная особенность дипломатии Петра заключалась в его способности любую акцию осуществлять не изолированно, а в тесной связи с другими вопросами европейской политики». Это проявилось в письме Брюсу от 5 января 1718 года. К этому времени западные участники Северного союза фактически уже развалили его и действовали против России. Но формально союз еще считался существующим. Несмотря на то, что союзники давно заслужили, чтобы с ними вообще не считаться, Петр стремился не дать повода обвинить его в ликвидации Северного союза, в сепаратных действиях. Поэтому он поручает Брюсу информировать представителей Пруссии, Польши, Ганновера, Дании о том, что «велено только выслушать шведские предложения, не вступая ни в какие договоры; что мы эти предложения сообщим союзникам и без их согласия ни в какие прямые трактаты не вступим».
Н. Н. Молчанов считает, что эта инструкция, изложенная в личном письме, предназначалась для «союзников». Он даже это слово берет в кавычки. Думается, что в данном случае с такой расстановкой акцентов соглашаться нельзя. Все реформы, проводимые Петром, имели главную цель: сделать Россию европейской державой, добиться ее включения в сферу европейской политики, и поэтому никакие действия правительств Польши, Пруссии или Дании не могли вызвать негативной реакции Петра, который учился там многому и дипломатическим отношениям тоже. А это требовало адекватной оценки положения России в Европе. Вспомним, как Петр Алексеевич лишился союзников в 1707 году, а после Полтавской баталии, когда, казалось, он мог отказаться от помощи и договоров с бывшими партнерами или занять в новом союзе доминирующую роль, ничего этого не получил. Заключаются договоры, работают дипломатические представители России в европейских странах и соглашаются со всеми требованиями и предложениями правительств. Иногда это называют политикой слишком бесхитростной. Но в том-то все и дело, что главная задача русских дипломатов в это время была в налаживании постоянного диалога, контакта со странами Европы. Не случайно именно Петр I открыл для России эпоху целенаправленной внешнеполитической деятельности России на международной арене. Другого способа, в противовес тому, что избрал для своих дипломатов царь, просто не существовало. Поэтому требование сообщить министрам союзных держав,

что он, государь, ни в какие трактаты со Швецией без сообщения их государям и согласия с ними не вступит, есть не дипломатический жест, а суть дипломатии Петра. Н. Н. Молчанов далее справедливо замечает, что «эта инструкция <...> конечно не означала, что у русских представителей не было никакой другой задачи, кроме выслушивания шведских требований. Ни для кого не было секретом, что они имели четкую программу, содержавшую условия согласия России заключить мир». Эти условия уже неоднократно излагались по разным поводам, они были обоснованы в написанном Шафировым в 1716 году и опубликованном в переводе за границей «Рассуждении» о причинах и целях России в войне с Карлом XII. По мирному договору Россия должна была получить Ингрию, Лифляндию, Эстляндию с Ревелем, Карелию с Выборгом. Завоеванную Финляндию Россия соглашалась вернуть Швеции. Россия продолжала соблюдать свои обязательства по отношению к союзникам, хотела, чтобы мирный договор учитывал также интересы Польши, Пруссии, Дании и Ганновера, которых следовало для этого пригласить присоединиться к будущему договору.

Инструкция Петра русским уполномоченным требовала от них гибкости и максимально возможного учета требований Швеции. Им давались полномочия даже обещать русское содействие в получении возмещения за территориальные потери «в другой стороне». Вместе с тем подлежало заявить шведам, что «мы с ними миру желаем, но и войны не боимся». Представители Петра должны были в случае необходимости напомнить, что Россия и одна в состоянии вести против Швеции не только оборонительную, но и наступательную войну. Но задача состояла в том, чтобы как можно скорее заключить договор. В инструкции предписывалось также, «чтобы они предлагать вам не стали, а конгресс не разрывайте ни за что». Таким образом, Россия стремилась достичь мира даже ценой больших уступок, за исключением главного — сохранения за ней всех балтийских завоеваний, кроме Финляндии.

Что же касается деятельности А. И. Остермана, то о ней Н. Н. Молчанов сообщает следующее: «Остерману в специальном письме Петр давал поручение особого рода, основанное на глубоком понимании того, что представляла собой шведская дипломатия. Карл XII не утруждал себя составлением подробных инструкций своим представителям. Лишь в общей форме он требовал выгодного мира. А что конкретно это должно значить, предоставлялось решать самому Герцу. Правда, ему же потом предстояла задача убедить Карла, что этот мир действительно является выгодным».

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Брюс и Петр Великий (продолжение)

Ну, покончат с этим свинопасом, станут расходиться, а тут третий завыл. И все бегут к нему:

— Ты еще, спрашивают, чего?

— Да я, говорит, великана испугался...

— Какого, спрашивают, великана?

— Да вот, говорит, пришел в лавку великан и стал матерно ругать меня. Я, говорит, тебя, негодяя, в три погибели согну.

Ну, и тут то же самое: нет никакого великана. Народ примется ругаться:

— Да вы, говорит, все нынче перебесились.

А пристав свое дело знает: развернется да как чесанет в ухо купца, так у того аж колокола в башке зазвенят.

— Подай, говорит, штраф, шелапут ты этакий! — и с этого пятерик, а то и всю десятку потянет.

И вот раз происходит такая контробация, а понимающие люди идут мимо. Видят, народ собрался, галдеж поднял.
— Это еще что за синедрион такой собрался? — спрашивают.
Ну, им объясняют, какое здесь дело разыгралось. А они смеются:
— Эх, вы, говорят, скоты неразумные! Да ведь это, говорят, испытание натуры Брюс производит.
А народ не знает, что это за испытание.
— А как, спрашивает, это испытание и в чем тут корень вещества?
А эти понимающие говорят:
— Об этом Брюса спросите.
Пристав, как услышал про Брюса, со всех ног бросился бежать.
— Ну, его к шуту! — говорит. — Свяжись с ним, и жизни не рад станешь.
И как пристав задал тягуля, народ себе бросился врассыпную, кто куда попало.
Работа Аландского конгресса началась 12 мая 1718 года поистине в классической для дипломатии форме: с диалога глухих. Еще на предварительных переговорах Куракин детально информировал Герца об условиях, на которых Россия согласна заключить мир. Однако на первой встрече тот заявил, что «ни о каких условиях ни от кого никогда не слыхал».
Тогда русские представители сказали, что «его царское величество желает удержать все им завоеванное». Шведские дипломаты не менее категорически ответили, что «король желает возвращения всего у него взятого». Герц объявил мир невозможным, если предварительно не будет решено вернуть Швеции Лифляндию и Эстляндию. Русские со своей стороны указали, что мир не состоится без предварительного решения о сохранении Лифляндии и Эстляндии за Россией.
Затем дипломатам пришлось все же перейти к аргументации своих требований. И вот здесь-то в словах Герца и второго шведского представителя Гилленборга все чаще стало употребляться слово «эквивалент». Постепенно стало ясно, что шведы согласны уступить кое-что при условии получения территориальной компенсации в другом месте. В соответствии с полученными инструкциями Остерман и Брюс проявили готовность рассмотреть вопрос об «эквиваленте». Однако на официальных заседаниях русские представители никак не могли получить ясного объяснения того, чего же конкретно хотят шведы. Между тем Остерман вступил «в конфиденциюм», и в частных разговорах стало постепенно проясняться стремление шведов добиться не только согласия России на то, чтобы Швеция вернула себе потерянное в пользу Дании, Ганновера или Пруссии, но чтобы русские помогли в этом деле прямым вооруженным участием в войне против своих бывших союзников. При этом Герц, соглашаясь на переход к России Эстляндии и Лифляндии, решительно настаивал на сохранении за Швецией Выборга, Ревеля, Кексгольма.
Постепенно обнаружилась своеобразная тактика Герца: он явно стремился к затягиванию переговоров. Правда, он вынужден был так поступать, поскольку не имел никаких конкретных инструкций короля. Поэтому конгресс несколько раз прерывался, чтобы дать время Герцу съездить в Стокгольм и получить решения Карла по тому или иному вопросу. Тщеславный карьерист, он любой ценой должен был обеспечить своему королю необычайную дипломатическую победу. Это являлось для него вопросом жизни и смерти. Дело в том, что Герц, голштинский немец на шведской службе, заслужил в Швеции всеобщую ненависть. Все, от простых крестьян до влиятельных аристократов, имели основания для таких чувств. Карл XII доверил ему не только внешнюю политику, но и внутренние дела. Королю необходимо было получить только одно — большую и сильную, хорошо вооруженную армию. Его не

интересовало, каким путем, какими средствами и методами такая армия будет создана. Потеряв в России большую армию, Карл XII требовал новых рекрутов. Он действовал так, будто Швеция имела население в 50 миллионов, тогда как она насчитывала лишь 1,3 миллиона. Но эта цифра относится к началу правления короля. В 1718 году число шведов уменьшилось до 700 тысяч человек. В стране невозможно было встретить здорового мужчину в возрасте 20–40 лет, чтобы он не был военным. Катастрофически не хватало денег, производство товаров и продуктов резко упало — работать стало уже некому. А Герц придумал целую серию экономических мероприятий, с помощью которых из разоренной страны выжимались последние соки. Голод, нищета, запустение, эпидемии, всеобщее обнищание — вот к чему привели прославленные «победы» нового Александра Македонского. Герц на Аландском конгрессе сам признавался в беседах с Остерманом, что в Швеции, кроме короля, его никто не поддерживает, что поэтому нужна дипломатическая победа, которая чудесным образом воскресила бы великодержавное величие Швеции и славу Карла XII.
Но пока дипломаты двух стран топтались на месте на неуютном балтийском островке, Остерман изо всех сил обхаживал представителей Швеции. Освободили находившегося в плену в России брата Гилленборга, затем согласились обменять фельдмаршала Реншильда, взятого под Полтавой, на двух русских генералов, попавших в плен под Нарвой. Не скупились на подарки представителям шведского короля, особенно Герцу. «Я ему сказал, — доносил Остерман, — что он может надеяться на самую лучшую соболью шубу, какая только есть в России, и что до ста тысяч ефимков будут к его услугам, если наши дела счастливо окончатся». Таким образом, русская дипломатия на Аландах представала перед шведами в довольно странном виде. Дело в том, что в дипломатической деятельности Остерман руководствовался прежде всего соображениями личного успеха. Поэтому он совершенно отстранил от ведения дел Брюса, который не только по возрасту, но и по чину, не говоря уже о порядочности, был намного выше Остермана, этого, как писал В. О. Ключевский, «великого дипломата с лакейскими ухватками». Остерман, в молодости служивший камердинером у одного голландского адмирала, имел чин канцелярского советника, тогда как Брюс был генерал-фельдцейхмейстером. Вестфальский немец сумел ловко войти в доверие к вице-канцлеру Шафирову. Их дружба объяснялась тем, что Остерман нашел в нем родственную душу: Шафиров, человек очень способный, служил Петру не столько ради величия России, сколько с целью личного возвышения и обогащения.
Ну а об Остермане и говорить нечего; его ничто не занимало, кроме личной карьеры. В результате Брюс оказался не у дел. Официальные донесения посылались редко, и содержание их не давало представления о ходе конгресса. Реальная связь с Петербургом осуществлялась в форме частной переписки на немецком языке Остермана и Шафирова. Дело дошло до того, что Остерман переменил шифр, а ключа к нему Брюсу не дал, поэтому во время отъездов своего коллеги в Петербург или Ревель наш герой становился совершенно беспомощным. Остерману во что бы то ни стало требовался дипломатический успех, и притом одержанный обязательно им самим. Но беда в том, что и другому немцу, Герцу, представлявшему Швецию, гораздо более смелому проходимцу, тоже позарез нужна была дипломатическая победа. Что же получилось из этой коллизии?
Положение прояснилось, когда Герц представил Остерману и Брюсу проект дополнительных статей к мирному договору, который еще только предстояло окончательно согласовать. Именно в этих дополнениях раскрылась программа

действий, которую хотели навязать России. Прежде всего в Польше должно быть восстановлено положение, существовавшее до Полтавы. Россия признает королем Станислава Лещинского и заставит Августа II отказаться от короны. Для этого она введет в Польшу 80 тысяч войск, а Карл XII подойдет к ней с войсками со стороны Германии. Штеттин и померанские земли, отошедшие к Пруссии, будут возвращены Швеции, прусский король получит компенсацию за счет Польши, и его следует принять в союз России и Швеции. Россия обязуется за приобретенные ею земли помочь Карлу получить компенсацию в Норвегии, принадлежавшей Дании. Когда шведский король вступит в Германию, чтобы вернуть себе владения, полученные Данией, Россия направит ему на помощь 20-тысячную армию. Если какая-либо держава выступит против Швеции, то Россия будет действовать на шведской стороне всеми своими силами. Россия берет на себя обязательство содействовать возвращению Швеции Бремена и Вердена, переданных Георгу I, а также передаче ей в вознаграждение за ущерб Целльского герцогства. Если Англия или любая другая держава воспротивится этому, то Россия вместе со Швецией будет воевать против них до достижения победы. Кроме того, Россия должна склонить герцога Мекленбургского передать свою страну Швеции, а ему дать в компенсацию владение в другом месте.

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Брюс и Петр Великий (продолжение)

А боялся народ Брюса от своего недопонимания, от того, что не знал, какое это бывает испытание натуры. А это — наука такая, тут требуется хороший ум, чтобы уразуметь ее. И это самое испытание натуры вот что означает: положим, возьми человека. Вот он живет, делом каким занимается, а то просто ворует. Но только ему и в ум не приходит, какой в нем есть магнит. Ему какой магнит требуется? Нажрался, да спать, а нет — портманет из чужого кармана вытащить — вот какой его магнит. И выходит, что он, как свинья нечувствительная, не шевелит мозгами. Вот от этого самого он натуры не знает, да и где знать, ежели он как божий бык? А Брюс знал и умел отводить глаза. А этот отвод вот что значит: вот, примерно, сидит человек и пьет чай, а Брюс сделает такое, и человеку этому представится, будто полна комната медведей. Вот это и есть испытание натуры. Всем наукам наука. И по-настоящему за нее Брюсу должна быть похвала, а купцы ругают его:

— Он, говорят, окаянный дух, в Сухаревой башне сидит, испытание натуры производит, а мы пугайся, кричи? Нет, говорят, это не фасон. Потому что, говорят, ежели мы будем каждый день кричать, народ скажет: купцы с ума посходили, и покупать у нас ничего не станет.

И как они обсудили это дело, сговорились ехать жаловаться царю Петру Великому. Выбрали людей, которые поразумнее, и отправили с жалобой.

Итак, Россия в обмен за признание Карлом XII присоединения к ней прибалтийских земель, и без того прочно ею удерживаемых, должна выставить 150-тысячную армию и в союзе с разгромленной и истощенной вконец Швецией вступить в войну с Польшей, Данией, Англией, с ее союзниками Голландией, Германской империей, фактически со всей Европой! Задачей петровской дипломатии уже давно было достижение мира и прекращение Северной войны. Вместо этого ей предлагалось вступить в союз с потерпевшим полное поражение противником и начать ради его интересов несравненно более тяжелую, явно авантюристическую, безнадежную войну против целого континента, фактически против всего тогдашнего мира! План Герца находился в вопиющем противоречии с существом политики Петра в Европе, которая состояла в том, чтобы не противопоставлять себя Европе и тем более не воевать с ней,

не создавать пропасти между Россией и Европой, а напротив, сосуществовать, жить и действовать вместе на условиях конкурентного сотрудничества. Нетрудно заметить, что план Герца превратил бы Петра в агрессивного завоевателя, каким он не был и быть не хотел. Более того, гигантскую и явно безнадежную войну надо будет вести исключительно ради бредовых замыслов Карла XII, вовлекая Россию на путь, чреватый катастрофическими последствиями. Русская дипломатия прилагала поистине отчаянные усилия, чтобы избежать одновременной войны против Швеции и Турции, которая была очень опасной. Здесь же предстояла фантасмагорическая задача сокрушить противников, неизмеримо более сильных в случае их объединения, чем Россия, не говоря уже о жалкой самой по себе Швеции. Предложенный Герцем комплекс условий заключения мира нельзя было даже назвать ловушкой или западней: настолько предельно ясен был его самоубийственный для России характер в случае принятия этих предложений.
Это прекрасно понимал Я. В. Брюс и однозначно был против такого решения конгресса. Иную позицию занял Остерман. Прикрываясь данной Петром инструкцией, он всеми силами стремился войти с Герцем «в негоциацию» как можно глубже и ни в коем случае не разрывать конгресса. Он старался добиться успеха, это было для него важнейшим вопросом глубочайшей личной заинтересованности. Но при всех своих старательности, усердии, работоспособности Остерман не имел одного — глубокого, инстинктивного ощущения интересов России, то есть того, о чем в дипломатических инструкциях не писалось, ибо это подразумевалось само собой. Да, чем совершенно не обладал Генрих Иоганн Фридрих Остерман, так это естественным, органичным чувством русского патриотизма. Можно ли его винить за это?
Остерман пунктуально выполнял обязанности русского посла. Свои действия он весьма логично продумывал и обосновывал, что видно из исторических документов, писем и донесений полномочного представителя России на Аландском конгрессе. Прежде всего Остерман считал комплекс предложений Герца «делом, от которого зависит все благополучие Российского государства». Интересы России, как было четко сказано в инструкциях, требовали заключения мира со Швецией. И Остерман полагал, что «если не добиться сейчас мира, то война расширится и неизвестно, когда и как она окончится». Поэтому следует идти на уступки, поскольку Герц от имени Швеции уже принял основные территориальные требования России. «Не думаю, — писал Остерман, — чтоб какой другой министр без всякого почти торгу на такую знатную уступку согласился». Остерман признавал, что Россия возьмет на себя тяжелые обязательства участвовать в трудной войне. Однако если она этого не сделает, то европейские страны, враждебные ей, сами могут начать действовать, когда и где они это сочтут нужным. Принятие плана Герца позволит отдалить неизбежную войну от русских границ, перенести ее на территорию недоброжелательных к России стран. По мнению Остермана, было только две возможности: либо ждать, когда союзники, возбуждаемые Англией, выступят против нее, либо предупредить их действия и выступить против них. Последнему варианту он отдавал предпочтение. Здесь в рассуждения Остермана вкралась вопиющая нелепость: почему союзники должны обязательно воевать против России? Он считал это аксиомой, тогда как это было лишь вероятностью, которую следовало и можно было избежать, что, кстати, и будет сделано. Такого рода «пробелов» в логике Остермана было очень много. Он, например, предполагал, что Франция в большой континентальной войне, в которую Россия должна вступить по плану Герца, будет поддерживать Швецию и Россию. Между тем Франция в это время была союзником Англии.

Сознавая в глубине души, каким чудовищным риском является вся эта затея, он, наконец, надеялся на счастливый случай, благодаря которому вообще удастся уклониться от выполнения столь опасных обязательств. «Надобно и то принять в соображение, — писал Остерман, — что король шведский по его отважным поступкам когда-нибудь или убит будет, или, скача верхом, шею сломит. Если это случится по заключении с нами мира, то смерть королевская освободит нас от дальнейшего исполнения обязательств, в которые входим».
Словом, Остерман советовал идти на уступки Герцу. Правда, логика Остермана практически была не столь простой и ясной, ибо он умел всегда запутывать свои мысли в сложную паутину многословия или, как писал Ключевский, «начинал говорить так загадочно, что переставал понимать сам себя». Вот так эта, по выражению того же Ключевского, «робкая и каверзная душа» влекла Россию к опаснейшей дипломатической авантюре.
Впрочем, у самого Остермана, кажется, начал заходить ум за разум. От неоправданного оптимизма он бросался к самой черной меланхолии. Заканчивая письмо Головкину и Шафирову, в котором он считал план Герца приемлемым, Остерман признавался: «Богу известно, как я утомлен, я не могу собрать мысли». Каким образом ему удавалось влиять на Шафирова, вопроса не составляет: их связывала тесная дружба и духовное родство. Понятно также, что Головкин не всегда мог разобраться в туманных рассуждениях хитроумного немца. Но Петра, который, как говорят, умел поймать пулю на лету и понимал всё с полуслова, ему все же опутать до конца не удалось. Правда, до поры до времени царь как-то не вникал в аландские переговоры. Не зная, какие хитросплетения делает Остерман за спиной у руководителя делегации, царь был уверен, что Брюс сможет соблюсти интересы России. К тому же в Европе разворачивались такие дела, что голова могла пойти кругом. Да и в самой России Петру приходилось несладко — это был трагичный для него год дела царевича Алексея…
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюс и Петр Великий (продолжение)
Вот приезжают эти разумники к царю и свою жалобу рассказали. А Петр Великий такой был: не любил бумаги писать, а сам до всего докапывался.
— Надо, говорит, посмотреть, что за испытание натуры такое.
И как приехал в Москву, взобрался на Сухареву башню. А Брюс только что собрался обедать идти. И как он отворил дверь, Петр ухватил его за волосья и давай таскать. А Брюс и понять не может, за что ему такое наказание от царской руки.
— Петр Великий! — кричит. — Да ты что это? Ведь за мной никакой вины нет!
— Врешь! — говорит Петр. — Есть: ты московскую торговлю портишь!
Трепанул еще Брюса раза два, а может, и три, и после того рассказал про купцову жалобу.
Тут-то Брюс и уразумел, каким ветром нагнало на него черную тучу, тут-то и понял, через что, собственно, воспоследовало ему наказание от царской руки. И тут он принялся разъяснять Петру свою практику насчет испытания натуры. А Петр еще не знал эту инструкцию насчет отвода глаз и не дает веры словам Брюса.
— И как это, говорит, возможно, чтобы отводом глаз сделать каркадила? Тут, говорит, может, какая другая наука?
А Брюс на своем стоит:
— Раз я, говорит, сказал «отвод», значит, и есть отвод. А так как, говорит, тебя берет сумнение, то идем сейчас на площадь, и там увидишь этот отвод.

— Ну, идем, — говорит Петр, — только смотри, Брюс, ежели ты подведешь пантомиму насчет брехни, я тебе по зубам двину.
А Брюс только посмеивается.
Петр получал информацию о ходе Аландского конгресса только из весьма скупых официальных донесений Остермана. О содержании его подробных секретных писем Шафирову он не знал. Вообще сам факт секретной переписки между Остерманом и Шафировым по вопросам не частного, а политического характера, которая велась тайно от царя, представлял собой действия, которые в дипломатической практике любой страны рассматривались как нечто совершенно недопустимое, граничащее с государственной изменой. Нетрудно представить, что произошло бы, если бы это стало известно Петру. Карьера обоих дипломатов наверняка сильно бы пострадала. Но, к счастью для Остермана и Шафирова, Петр об этом так ничего и не узнал. Нанести же какой-либо серьезный вред интересам России они просто не могли, даже если бы и хотели этого, из-за фактического провала конгресса. Вопреки всему основную политическую линию на Аландском конгрессе определял по велению Петра Брюс, и помешать ему не мог никто.
Аландская дипломатия Петра основывалась на последовательном проведении в жизнь сложного, но хорошо рассчитанного замысла. Здесь снова использовалась стратегия непрямых действий, представляющая собой сущность и душу дипломатического искусства, без чего, собственно, вообще нельзя говорить о существовании дипломатии в истинном смысле этого слова. Аландский конгресс должен был убедить западных участников Северного союза, что без помощи России они быстро потеряют всё приобретенное.
Поэтому Петр приказывал не отвергать даже совершенно неприемлемые предложения Герца, и Остерман в своей исходной позиции поступал строго по этой инструкции. Но для него эта позиция была окончательной, тогда как в действительности она была лишь предварительным этапом для дальнейших действий. Ведь Петр приказал Брюсу сообщить союзникам еще перед Аландским конгрессом, что «без их согласия ни в какие прямые трактаты не вступим». Предварительное согласие с идеей союза с Карлом XII для войны против Европы и согласованный проект мирного договора должны были явиться превосходным козырем для того, чтобы в определенный момент поставить союзников перед выбором: либо они восстанавливают действие Северного союза и помогают Петру принудить Карла к миру, либо им придется вступить в тяжелую войну за сохранение полученных ими шведских владений в Северной Германии. Чтобы побудить их сделать правильный с точки зрения интересов России выбор, не было ничего более убедительного, чем уже согласованный проект мирного договора с Карлом XII. Разумеется, они предпочли бы избежать войны ценой согласия признать за Россией шведские восточные прибалтийские провинции, уже завоеванные Петром. Ведь в конечном счете так и произойдет. Только из-за непредвиденных осложнений, вызванных внезапной смертью Карла XII, осуществление этого замысла надолго отодвинулось. Но именно он был единственной реальной программой аландской дипломатии Петра. Предварительное согласие с проектом мирного договора на основе плана Герца явилось, таким образом, переходным этапом, необходимым средством воздействия на Данию, Ганновер, Пруссию. Ошибка Остермана состояла в том, что эту дипломатическую операцию он принял за окончательную цель Петра. Чтобы избежать ее, требовалось лишь очень внимательно изучить инструкцию Петра: «Вы по инструкции исполняйте со всяким осмотрением, чтоб вам шведских уполномоченных глубже в негоциацию ввесть и ее вскорости не порвать, ибо интерес

наш ныне того требует, и весьма с ними ласково поступайте, и подавайте им надежду, что мы к миру с королем их истинное намерение имеем и рассуждаем, что со временем можем по заключению мира и в тесную дружбу и ближайшие обязательства с его величеством вступить».
Для Петра важно было не разрывать конгресс только в ближайшее время, «вскорости», чтобы подать шведам надежду. Он подчеркивает, что обязательства Россия может взять на себя «по заключению мира», то есть после подписания договора. Инструкция Петра не оставляет никаких сомнений, что Аландский конгресс — лишь средство, этап для более сложной, более серьезной дипломатической операции.
Думать иначе — значит считать Петра способным совершить невероятную дипломатическую ошибку. Ведь принятие плана Герца было бы нарушением аксиомы дипломатического искусства, состоящей в том, что дипломатия должна прежде всего не увеличивать, а уменьшать число внешних противников. Между тем, приняв на себя обязательства по плану Герца, Россия получила бы вместо одного врага — уже разгромленной Швеции, по меньшей мере десяток новых противников, среди которых оказались бы все великие державы тогдашней Европы — Англия, Франция, Германская империя, не говоря уже о многих менее крупных странах.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюс и Петр Великий (продолжение)
И спустились они с башни, приходят на Красную площадь, а народ прослышал, что царь приехал, собрался его смотреть. Ну, вот, хорошо... И как приехали на площадь, Брюс взял палочку и нарисовал на земле преогромного коня с двумя крыльями и говорит Петру:
— Смотри, сяду я на этого коня и вознесусь в поднебесье.
А Петр молчит, только смотрит, не станет ли Брюс посыпать этого коня каким-нибудь порошком. Только нет, не посыпал, а только махнул три раза рукой, и сделался этот конь живой и поднялся на небеса, а Брюс сидит на нем верхом, смотрит на Петра и смеется.
Задрал Петр голову кверху, смотрит на коня этого, и народ тоже смотрит и в удивление приходит.
Вот Петр смотрел, смотрел и говорит:
— Удивительное дело, до чего Брюс наукой дошел.
Только слышит, кто-то позади него говорит:
— Петр Великий, а ведь я — вот он!
Обернулся Петр, смотрит — стоит Брюс и смеется. Тут Петр в большое удивление пришел:
— Что же, говорит, это такое? Был один Брюс, а стало два? Только, говорит, не знаю, какой настоящий, какой поддельный?
А Брюс разъясняет ему:
— Я, говорит, есть настоящий, а который летает — одно лишь твое мечтание. И коня, говорит, нет никакого.
А Петр сердится:
— Как, говорит, нет? Не пьян же, говорит, я в самделе!
Ну, Брюс не стал с ним спорить, а только махнул рукой и не стало крылатого коня на небе. После этого Брюс и говорит:
— Вот это и есть отвод глаз. Что, говорит, я захочу, то и будет тебе представляться. Вот, говорит, я сделал купцам отвод глаз, только они не вразумились и нажаловались тебе на меня, а ты, не разобрамши дела, ухватил меня за волосья и давай трепать.

А Петр говорит:
— Купцово дело можно поправить.
И отдал он приказ собрать всех купцов.
Сам Остерман стал постепенно понимать, что со своим безоговорочно благожелательным отношением к плану Герца он оказался в одиночестве. Большинство русских дипломатов считали принятие его просто безумием. Особенно ясно это выразил посол в Гааге князь Б. И. Куракин в письме Петру 7 октября 1718 года. Он оценивал шведские замыслы как крайне опасные и порочные, ибо они ставили под вопрос всю внешнюю политику России. По мнению Куракина, следовало, несмотря на все трудности в отношении с Англией, Францией, Австрией и другими державами Европы, продолжать прежний курс постепенного и терпеливого проникновения России в европейскую систему международных отношений. Осуществление плана Герца в корне подорвало бы всё, что было достигнуто в укреплении международного положения России. Ей предлагали очертя голову броситься в опаснейшую войну, выгодную даже не Швеции, а только лишь ее сумасброднейшему королю. В отличие от Куракина, который в университетах не обучался, но зато обладал умом тонким и проницательным, Остерман слабо представлял себе, что происходит в Европе. Он считал, что русско-шведский союз поддержит Франция, а еще год назад русские в Париже убедились, что Версаль при регентстве намерен повиноваться во всем Георгу I. Расчет на якобитов был наивен, ибо без поддержки какой-либо сильной державы эта кочующая королевская семейка ничего собой не представляла. Надежды на Испанию и на кардинала Альберони, направлявшего ее внешнюю политику, потерпели крах в августе 1718 года, когда англичане пустили ко дну почти весь испанский флот. Словом, шведский план установления мира был неизмеримо опаснее продолжения войны против Швеции. Не зря Петр, познакомившись с ним и с оправдывающим его письмом Остермана, свое отношение к замыслу Герца выразил словами: «странно и удивительно». Петр дал своим представителям на Аландском конгрессе полномочия обещать только вспомогательные войска численностью до 20 тысяч. Но это было вовсе не то прямое и широкое участие в войне против десятка европейских держав более чем 100-тысячной русской армии под командованием Карла XII, о котором мечтал Герц. Поддержку флота можно было обещать только в восточной части Балтики и только для прикрытия, а само это обещание следовало сформулировать как можно более туманно. В ноябре Герц потребовал немедленного согласия на вступление России в войну против Дании. Царь повелел решительно отказать ему, хотя это поставило конгресс на грань срыва. Когда были получены тексты дополнительных, а по сути, самых важных статей договора, Петр созвал тайный совет для их обсуждения, в котором участвовали Г. И. Головкин, П. П. Шафиров, А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин, Я. Ф. Долгоруков и А. А. Вейде. После этого 16 ноября Петр направил указ Брюсу и Остерману, в котором предписывалось отказать в передаче Польши шведскому королю. Ведь восстановление ее королем Станислава Лещинского привело бы именно к такой передаче. Приказано было также отклонить требование об участии России в войне против Георга I и о вмешательстве в дела империи. Ясно, что объявление Герцу этих положений означало провал всего его плана и, следовательно, конец конгресса. Видимо, Петр, так искренне стремившийся к заключению мира, все же считал это предпочтительнее.
Однако он не хотел разрыва конгресса, ибо в своем указе 16 ноября соглашался принять на себя все обязательства, которые требовала шведская сторона, но в будущем, через три года, когда можно ожидать изменения внешней политики

Франции, ее отказа от безоговорочно проанглийской ориентации. Конечно, такое предложение вряд ли могло соблазнить Карла, который должен был бы признать окончательное присоединение к России потерянных им территорий уже сейчас, а плату за это, пресловутый «эквивалент», согласился бы ожидать в неопределенном будущем. Идея трехгодичной отсрочки была лишь попыткой не допустить срыва конгресса. Его продолжение имело только один смысл для России — воздействие на западных противников Швеции.

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Брюс и Петр Великий (продолжение)

И как их собрали, он и говорит:

— Вы вот нажаловались на Брюса, будто он вашу торговлю портит, а ведь зря: это не порча, а только отвод глаз. А так как, говорит, вы не вразумились, то у меня есть такой состав: как примете, сразу вразумитесь.

Купцы и думают, что он будет давать им Брюсовские порошки или капли. И очень боятся, думают: от Брюсовского состава добра не жди, примешь — и обернешься каркадилом или свиньей.

И говорят они Петру:

— Лучше штраф наложи, а лишь бы не этот состав.

— Нет, — говорит Петр, — что такое штраф? Заплатил и опять без умственного понятия остался, а от моего состава ясность ума будет. Ну-ка, говорит, снимай по очереди портки и ложись.

И делает он распоряжение дать каждому купцу двадцать пять горячих. Ну, их сейчас разложили и отпустили каждому. И как отполировали их, Петр говорит Брюсу:

— Пойдем-ка, Брюс, в трактир, чайку напьемся.

А он простецкий был, ему этого чох-мох не дал Бог, не разбирал, где пить чай: трактир — трактир, харчевня — харчевня, а не то чтобы беспримерно дворец.

Ну, а Брюс что? Чай пить — не дрова рубить, при том же приглашает не черт шелудивый, а сам Петр Великий. Вот Брюс и говорит:

— Что ж, пойдем.

Вот приходят. Заказывает Петр чаю две пары, графинчик водочки. Вот выпили, закусили, после за чай взялись. Только Брюс и думает: «Неспроста это Петрово угощение!» А не знает, к чему тот дело клонит.

Русские представители не успели объявить Герцу категорические условия царя: 12 ноября в штормовую ночь он отправился в Стокгольм, расстроенный отказом России воевать против Дании… Зато Остерман окончательно образумился, получив указ царя от 16 ноября. В тот же день он послал Головкину и Шафирову письмо, в котором уверял, что шведские условия таковы, что требуют зрелого размышления и «может быть, что продолжение войны против Швеции не так нам тягостно будет, как новая война, в которую входить имеем». Если бы Остерман проявлял искреннюю заботу об интересах России, то к этому заключению он обязан был бы прийти еще в июле, когда Герц впервые рассказал ему о своих замыслах. Но тогда они показались ему увлекательными. Петр, решительно отклоняя шведские идеи, в то же время предписывал конгресса не прерывать, а затягивать его всеми возможными способами. Брюсу и Остерману предстояла трудная задача. Но судьба освободила их от ее решения. Странным образом сбылось предсказание Остермана: 14 декабря на острове Сундшер стало известно, что король Карл XII убит в Норвегии при осаде крепости Фридрихсгаль шальной пулей. Обстоятельства смерти короля были загадочны и до сих пор не выяснены. Из Стокгольма пришли также известия, что Герц арестован и

предстанет перед судом. Вскоре топор палача положит предел его жизни и его фантастическим затеям.
Если верить Н. Н. Молчанову и согласиться с его мнением, то Брюс на Аландском конгрессе предстает в качестве «свадебного генерала», не способного ничего решать и предпринимать.
Хотелось бы возразить этому мнению, хотя исследования Н. Н. Молчанова действительно очень обоснованны и заслуживают огромного уважения. Однако в этом вопросе они не учитывали масштаб личности Я. В. Брюса, ее особенностей и личных связей. Начнем с факта назначения Брюса.
Действительно, Яков Вилимович не был таким опытным и, что важнее, хитрым дипломатом, какими были Куракин, Шафиров, Толстой, Матвеев, но он перед каждым из перечисленных лиц имел главное преимущество — он был одним из ближайших сподвижников Петра, и шведские дипломаты понимали, что Брюс мог иметь самые широкие полномочия, данные русским царем.
Кроме этого, прославившийся в сражениях Северной войны как командующий войсками артиллерии, имеющий опыт дипломатической работы по вопросу востребования контрибуции с Гданьска в 1710 году, Яков Брюс был очень авторитетным для всех государственных деятелей Западной Европы.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюс и Петр Великий (продолжение)
Вот Петр за чаем и давай Брюса расхваливать:
— Это, говорит, ты умной штуки добился — глаза отводить. Это, говорит, хорошо для войны будет.
И стал объяснять, как действовать этим отводом:
— Это, примерно, идет на нас неприятель, а тут такой отвод глаз надо сделать, будто бегут на него каркадилы, свиньи, медведи и всякое зверье, а по небу летают крылатые кони. И от этого неприятель в большой испуг придет, кинется бежать, а тут наша антиллерия и начнет угощать его из пушек. И выйдет так, что неприятелю конец придет, а у нас ни одного солдата не убьют.
Вот Брюс слушал, слушал и говорит:
— Тут мошенство, а честности нет.
А Петр спрашивает:
— Как так? Какое тут мошенство?
А Брюс разъясняет:
— А вот какое, говорит, на войне сила на силу идет, и ежели, говорит, у тебя войско хорошее и сам ты командир хороший, то и победишь, а так воевать, с отводом глаз — одна подлость. Я, говорит, мог бы невесть что напустить на купцов, а сам забрался бы в ящик и унес бы деньги. Так это, говорит, будет жульничество.
А Петра за сердце взяли Брюсовы слова:
— Ну, ежели тут жульничество, зачем же ты, так-растак, выдумал этот отвод глаз?
А Брюс говорит:
— Я не выдумал, а так наука доказывает. Я, говорит, на свой манер повернул науку, вот у меня и вышло, а другой, говорит, как не вертит ее, ничего у нее не выходит, потому что он скотина и поврежденного ума человек.
Только Петр не сдается:
— После таких твоих слов, говорит, ты есть самый последний человек. Ты, говорит, своему царю не хочешь уважить, и за это, говорит, надо надавать тебе оплеух.
Только Брюс нисколечко не боится:

— Эх, говорит, Петр Великий, Петр Великий, грозишь ты мне, а того не видишь, что у самого змея под ногами.

Глянул Петр — и взаправду у него змея под ногами. Как вскочит… Схватил стул, давай бить змею. А хозяин и половые смотрят, а подступиться боятся: знают, что он царь, и Брюса тоже знают.

И разломал Петр стул об пол. Смотрит — нет никакой змеи, и Брюса нет. Тут он и понял, что Брюс сделал ему отвод глаз. Отдал за чай и за водку — четвертной билет выкинул и сдачи не взял.

— Это, — говорит половому, — тебе на водку. — И поскорее вон из трактира.

Как в Англии в 1698-м, так и в Германии в 1714 году, на Аландском конгрессе Брюс имел «свободные полномочия», данные ему Петром, потому что прекрасно понимал потребности России, знал ее интересы, чего так не хватало Остерману. Поэтому именно его, а никого другого, Петр I посылает на этот конгресс.

Не забудем также и то, что одновременно с этим назначением Брюс становится президентом Берг- и Мануфактур-коллегии — нового учреждения, работу которого необходимо было организовать в этот период, — значит действительно на Аландских островах его присутствие было необходимо.

Как известно, переговоры продолжались и после смерти Карла XII и казни Герца. Брюс и Остерман, узнав о смерти шведского короля, высказались за немедленное возобновление военных действий значительными силами с целью заставить шведское правительство заключить мир. В этот период, замечает Н. Н. Молчанов, «Остерман постепенно для вида смягчает свою вражду с Брюсом, тем более что Аландский конгресс явно не сулил дипломатической победы. Неудачу же выгоднее было разделить со старшим коллегой, и теперь они действуют вдвоем».

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Брюс и Петр Великий (продолжение)

И сильно осерчал он тогда на Брюса. А тронуть его боится. И уехал ни с чем, а после жаловался:

— Он, говорит, из прохвостов. Правда, говорит, он самый ученый человек, а все же ехидна.

Ну, Брюсу передали царские слова:

— Ты, говорят, что же это наделал? Вон царь обижается на тебя.

А Брюс говорит:

— А что я наделал? Ничего, говорит, такого особенного от меня не было. Действительно, говорит, я по науке работаю. Только у меня этого нет, чтобы наукой на подлость идти. Вот, говорит, я умею фальшивые деньги делать, а не делаю, потому что это есть подлость. Чего добивался от меня? Он хотел, чтобы я помогал ему весь свет обманом завоевать, только я на это не пошел. Вот, говорит, через что его обида…

Ну, уж, разумеется, Брюсовы слова передали Петру. А тот ругается:

— Ничего, говорит, пусть храбрится, так-растак! Но только, говорит, придет время и его черти заберут, и никакая наука ему не поможет.

Ну, это что? Понятно, каждый умрет, как придет его время, тут чертей и науку нечего перемешивать… А только Брюсова смерть такая была: пропал он, можно сказать, дуром. Вот он и умный человек был, и ученый, а все же была в нем дуринка: своему лакею доверился, а тот и уложил его в гроб. И как это он не взял в свой ум, что прислуге нельзя вполне доверяться?.. Ведь это что за народец такой? Нынче ты для него хорош и он для тебя хорош. А назавтра погладь его против шерсти, он и ощетинится. Выберет время и тяпнет тебя исподтишка. А Брюс не взял этого в расчет.

Конечно, человек думал, как жил у него этот лакей много лет и ничего такого заметно за ним не было, — вот он и понадеялся на него, и доверил ему свой секрет.

Окончание войны

После гибели Карла XII Петр решил занять выжидательную позицию, что, возможно, было ошибкой, поскольку возведенная 23 января 1719 года на престол сестра Карла XII Ульрика Элеонора резко изменила требования шведов. Прибывший на Аланды в мае представитель королевы И. Лилиенштедт обнародовал требование присоединить к России только Ингрию с Петербургом. А Лифляндию, Эстляндию, Ригу, Ревель, Выборг и Финляндию вернуть Швеции. «Все это выглядело, — пишет Н. Н. Молчанов, — так, будто Швеция, потеряв своего воинственного короля, выиграла крупное сражение вроде Полтавы!»

Дело объяснялось тем, что быстро происходила переориентация шведской политики на основе английского плана так называемого «северного умиротворения». Швеция соглашалась уступить свои северогерманские владения, но хотела вернуть земли, завоеванные Петром в Восточной Прибалтике. Такое изменение позиции при поверхностном взгляде казалось оправданным, ибо Швеция рассчитывала на поддержку Англии, в руках которой находилось руководство Четверным союзом, а также новым союзом трех стран, созданным Венским договором. Объединение всех сил Европы должно было вынудить московского царя уступить и принять «разумные» условия мира.

Для чего же тогда требовалось продолжение, а тем более намеренное затягивание конгресса? Во-первых, пытались оказать давление на Россию, чтобы склонить ее к уступкам. Во-вторых, сговор Швеции с Англией и другими западными участниками Северного союза еще только проектировался и предстоял длительный и сложный дипломатический торг. В-третьих, с помощью конгресса надеялись удержать Петра от возобновления военных действий против Швеции, которые Россия фактически не вела больше двух лет.

Дипломатия Петра оказалась перед сложной, во многом неожиданной ситуацией. В сочетании с другими событиями международной жизни Европы обстановка на Аландском конгрессе отражала новое положение России. Действительно, это был период относительного, временного отступления русской дипломатии. Считается аксиомой, что отступление — самое сложное в военном искусстве действие. Для дипломатии это верно в еще большей степени. Поскольку Петр в это время пошел на уступку в мекленбургском вопросе, то не рассчитывали ли его соперники, что и на Аландах он уступит? Они ошибались, ибо он уступил в Германии по вопросу, не представлявшему особо важного значения для России. Более того, сама эта уступка должна была укрепить ее позиции в деле жизненно необходимом — в борьбе за мирное урегулирование, которое создавало бы географические, стратегические и экономические условия нормального развития русского национального государства. Но Петр совершенно не собирался уступать что-либо из завоеванного ценой столь тяжких жертв и усилий русского народа. В его новых инструкциях от 15 марта 1719 года Брюсу и Остерману содержались прежние территориальные требования. Но при этом проявляется определенная гибкость. Поскольку теперь уже речь не шла об «эквиваленте» такого рода, какой хотели получить Карл XII и Герц при помощи России, Петр считал возможным выплатить Швеции денежную компенсацию за Лифляндию в сумме одного миллиона рублей. Аландский конгресс, таким образом, должен был продолжаться, хотя Петр теперь уже не питал никаких иллюзий относительно возможности его использования для достижения прежних

дипломатических целей, то есть для оказания давления на Данию, Ганновер и Пруссию, чтобы побудить их к возобновлению сотрудничества с Россией в деле завершения Северной войны приемлемым для всех миром. Гибель Карла XII ослабила их страх за свои вновь обретенные владения, тем более что Англия уверенно обещала добиться от Швеции признания их законности в сепаратных мирных договорах. К тому же новая позиция Швеции была столь далека от русской программы мира, что теперь думать об успехе конгресса в смысле его прямой цели и назначения, о заключении мирного договора, совершенно не приходилось.
Окончательно созрела решимость подкрепить дипломатические действия силой оружия. Петр пришел к выводу, что Швецию нельзя склонить к миру дипломатической перепиской. Таким образом, для дипломатии вновь наступило время отойти на второй план, уступив главную роль пушкам. Но не было ли это авантюрой в условиях, когда против России выступила столь мощная группировка европейских держав, объединенных Четверным союзом и Венским договором?
Противники России как раз и рассчитывали на то, что Петр отступит перед коалицией небывалых в истории масштабов. Ему даже пытались внушить мысль о необходимости серьезных уступок в его программе мирного урегулирования. Кроме шведского представителя на Аландах Гилленборга этим занялся последний из «союзников» Петра король Пруссии Фридрих Вильгельм. В письме от 18 апреля 1719 года он советовал Петру идти на уступки и не рисковать всем. Король ссылался на опыт Испании, которая именно в этот момент вела неравную борьбу против Четверного союза, то есть одновременно с Англией, Австрией и Францией. Король считал, что затем эти державы объединятся со Швецией и набросятся на Россию, с тем чтобы лишить ее всех завоеваний и уничтожить молодой Балтийский флот.
В ответном письме Петра содержалась блестящая мотивировка смелого, но хорошо рассчитанного решения царя возобновить военные действия против Швеции. Эти действия совершенно необходимы, поскольку все способы дипломатического убеждения уже испробованы и теперь, писал Петр, «никакого другого пути, кроме твердости, не вижу, через который бы мы резонабельный мир с Швецией получить могли». Что касается возможного расширения войны и участия на стороне Швеции других стран, то такая вероятность не могла создать положения, аналогичного тогдашнему положению Испании, прежде всего потому, что Россия стала гораздо более могущественной и неуязвимой, чем Испания. Петр справедливо полагал, что Франция не будет воевать за Швецию, ибо никакие ее жизненные интересы русскими завоеваниями не затронуты. В таком же положении находилась и Австрия. Единственный потенциальный новый враг — Англия, вернее, Георг I, ибо английский парламент не поддержит войну за присоединение к Ганноверу Бремена и Вердена. К тому же Англии в тот момент надо было думать о собственной безопасности. Как раз в марте 1719 года в Шотландии вновь высадились войска якобитов во главе с герцогом Ормундским. Петр сравнивал далее боевые возможности английского и русского флотов и считал, что уже настало время, когда Россия может не опасаться британского морского могущества. Характерно, что сама мысль прусского короля о необходимости руководствоваться страхом перед угрозами вызывала категорическое возражение Петра: «Ежели б я инако поступал и при многих зело опасных случаях одними угрозами дал себя устрашить, то я б того не достиг, что ныне чрез божию помощь явно».
Письмо Петра написано с учетом того, что хищный, но трусливый прусский король уже вел тайный зондаж относительно заключения сепаратного мира со Швецией.

Поэтому соображения царя наверняка могли быть переданы его возможным противникам.

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Брюс и Петр Великий (продолжение)

А дело такое: мазь и настойку выдумал Брюс, чтобы из старого человека сделать молодого. И поступать надо было в таком порядке: взять старика, изрубить на куски, перемыть хорошенько и сложить эти куски как следует, потом смазать их мазью, и все они срастутся. После того надо побрызгать этим настоем, этим бальзаном. И как обрызгал, станет человек живой и молодой. Ну, не так, чтобы вполне молодой, а наполовину. Примерно, человеку было 70 лет, станет 30. Это так по науке полагается. С наукой шутить нельзя: требуй от нее столько, сколько она может дать, а лишку потребовал — попусту будет, прахом пойдут твои труды, потому что науке аккуратность нужна. А Брюс знал все это, умел, как обойтись с ней, вот от этого у него все выходило. А главное — голова, ум хороший был у него.

А было тогда Брюсу восемьдесят лет, и хотел он, чтобы стало сорок. И приказал он лакею, чтобы тот перерезал ему горло бритвой, изрубил на куски и чтобы эти куски перемыл и сложил по порядку, после того смазал бы мазью и уже после полил бы бальзаном. А лакей сделать-то сделал, да не все: бальзаном не полил, а взял, да разлил его по полу. И чего ради пошел на такое дело — и поднесь никто не знает. Зло ли какое было ему от Брюса или подкупил его кто — никому не сказал об этой причине. На что уж ученые профессора по книгам, по бумагам смотрели — ни до чего не докопались.

— Тут, говорят, лакеева тайна.

Разумеется, причина была, потому что как же так без причины убить человека? Что-то такое было…

Между тем русский флот усиленно готовился к летней кампании. Затем наступила первая проба сил. 24 мая произошел морской бой со шведской эскадрой, который кончился тем, что русские моряки привели в Ревель три шведских корабля с их экипажами, сдавшимися в плен. 24 мая Петр выезжает на остров Котлин. 9 июня оттуда вышла в море русская эскадра галер. А 22 июня из Ревеля отправились главные силы флота. 20 могучих линейных кораблей, сотни галер и мелких судов собрались у Аландских островов. На борту русских кораблей находилось 26 тысяч десантных войск.

Однако речь шла не о том, чтобы начать широкое завоевание шведской территории, хотя для этого Петр имел все возможности. Предпринималась своеобразная военно-дипломатическая кампания с исключительной целью принуждения Швеции к подписанию мирного договора. 10 июля Петр вызвал на флагманский корабль Остермана, которому вручили документы для передачи их лично королеве Швеции. Фактически это был ультиматум. Швеции следовало заявить, что в ходе почти двухлетних переговоров Россия сделала все возможное для заключения мира. Однако ход Аландского конгресса, особенно за последнее время, показал, что его работу используют только для прикрытия ведущихся одновременно реальных, а не фиктивных мирных переговоров с Англией и западными странами — участницами Северного союза. Царь принял решение действовать «по-неприятельски», чтобы показать, каковы будут последствия дальнейшей задержки переговоров с Россией. Остерман должен был вновь напомнить о прежних условиях мира и о готовности пойти на уступки: вернуть всю Финляндию, Лифляндию присоединить к России не навечно, а лишь временно, на 40 или даже 20 лет, выплатить Швеции денежную компенсацию. Инструкция предписывала заявить, что никаких новых уступок с

русской стороны сделано не будет. Ультиматум предъявлялся также и от имени Пруссии, хотя она уже вела сепаратные переговоры со Швецией, но продолжала формально оставаться союзником России.
В свою очередь, Петр I, стараясь отнять у английского правительства всякий предлог оказывать помощь Швеции, 17 апреля 1719 года опубликовал манифест, в котором разрешал торговлю со Швецией всеми товарами, за исключением контрабандных. Российское правительство делало все для успешного завершения мирных переговоров. Швеция не реагировала на предложения России. Более того, она разрешила торговое мореплавание в Балтийском море с существенным исключением — суда, шедшие в российские или союзные с Россией порты, подлежали аресту и конфискации груза, независимо от их принадлежности. В свою очередь, Петр I, зная о маневрах шведской и английской дипломатии, в конце февраля приказал к апрелю подготовить русский флот на Балтике к военной кампании 1719 года. В дальнейшем политика проволочек и оттяжек подписания договора со стороны шведского правительства показала, что приготовления русской армии и флота были нелишними.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюс и Петр Великий (продолжение)
Ну, хорошо… Вот он не полил бальзаном и не знает, куда спровадить мертвого Брюса. А тут как раз в эту пору приходят в башню Брюсовы знакомцы. Смотрят — лежит мертвый Брюс. Они и удивляются:
— Что же это такое? — говорят. — Ничего не слышно было, что Брюс болел, а уже лежит мертвецом.
И спрашивают они лакея:
— Когда же это Брюс помер?
А он говорит:
— Вчера поутру.
Они опять спрашивают:
— Почему же ты, подлая твоя харя, молчишь? Почему ты, анафемская сила, никому об этом не сказал?
А он и не знает, что на это сказать.
— Да я, говорит, маленько перепугался.
Ну, они были не дураки — сразу увидели, что тут дело не чисто. Кинулись к нему, давай его бить:
— Признавайся, говорят, как дело было?
А он говорит:
— У него разрыв сердца произошел.
Ну, только они не верят:
— Брешешь, чертов мазурик! — И давай его головой об стенку стукать.
Он было крепился, да видит — мочи нет, и сознался:
— Мой, говорит, грех. Вот так и так произошло, — все рассказал.
Они спрашивают:
— А за что ты руку на Брюса наложил?
А он говорит:
— Хоть убейте, не скажу.
Они давай ему под бока ширять кулаками, давай по затылку бить. Только он не сознается. Вот они видят — человек уперся на своем, заковали его в кандалы, повезли к царю. Привезли и рассказали об этом деле. А Петр так рассудил:

— Действительно, говорит, Брюс очень ученый был, это правда. Ну, говорит, и то правда, что ехидна из ехиден был. Он, говорит, очень зазнался и царской короны не признавал.

Затягивание переговоров привело к тому, что Петр I разрабатывает план военной кампании, который предусматривал перенесение военных действий на территорию Швеции. Парусный флот планировалось перебазировать на Аландские острова. Гребному флоту ставилась задача высадить десанты в районах городов Евле и Норчёпинга. Действия парусного и гребного флота должны были быть согласованными. Парусному флоту вменялось в обязанность производить разведку и прикрывать действия гребного флота. Русские десанты должны были двигаться к Стокгольму с юга и севера, разрушая военные и промышленные объекты, уничтожая запасы боеприпасов. Петр I не ограничился возможностью воздействовать на Швецию только военной силой. Планом предусматривалось и воздействие на общественное мнение страны. Петр приказал командующему русским флотом генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину распространить среди шведского населения манифест, напечатанный на шведском и немецком языках. В манифесте разъяснялись причины возобновления военных действий. Россия, сообщалось в нем, всегда изъявляла готовность к миру, но вынуждена снова начать войну против своего желания. Покойный король (Карл XII) был также согласен прекратить войну, но нынешнее правительство желает ее продолжить. Россия не ищет новых завоеваний и согласна даже уступить Швеции занятые русскими территории. Настоящее вторжение в Швецию делается «единственно для того, чтобы желаемого замирения достигнуть можно было». В случае несогласия на мир вина всех бедствий шведского народа возлагалась на шведское правительство с целью предотвращения «приближающегося нападения».

А. И. Остерман привез в Швецию несколько сотен экземпляров манифеста. О манифесте были извещены русские дипломаты, находившиеся в различных странах Западной Европы, чтобы они могли повлиять на общественное мнение этих стран. Однако шведское правительство продолжало затягивать переговоры.

С мая по июль русская армия и флот вели активные военные действия. Был нанесен значительный урон шведской военной промышленности посредством уничтожения большого количества металлургических заводов. Шведское население было потрясено беззащитностью своей территории.

В июле 1719 года А. И. Остерман был принят королевой Швеции, которая в резких тонах высказалась о действиях русского галерного флота против шведского побережья. В своем ответе Остерман указал, что эти действия пока носят разведывательный характер, поскольку шведские представители не спешат с заключением мира и практически страны находятся в состоянии войны. Остерман напомнил шведскому правительству о жестокостях шведской армии, проявленных ею в русских пределах, «о чем еще как в землях… так и инде жалостные памяти и ныне явны».

Аудиенция показала, что шведы намеренно обостряют переговоры. Королева вручила Остерману новые условия мира, составленные с помощью английских дипломатов. Они носили провокационный характер. А. И. Остерман, ознакомившись с предложениями шведской стороны, заметил, что «они (королева и канцлер) тужить будут о том, что нынешние добрые деспозиции… к миру пропустили…». Шведы требовали возвращения не только Финляндии, но и Эстляндии и Лифляндии.

Узнав о новых условиях шведской стороны 6 августа, Петр приказал прервать переговоры.

В Стокгольме ответили, что лучше им всем погибнуть, чем заключить такой невыгодный мир. С соблюдением всех протокольных церемоний Остерман без всякого успеха выполнил данное ему поручение. 6 августа он вернулся и доложил Петру о том, что ультиматум отвергнут. Вся эта процедура предпринималась исключительно для того, чтобы показать искреннее стремление России к миру. А в то самое время, когда Остерман объяснялся с королевой, отряды русских высадились с кораблей на шведский берег в двух местах, севернее и южнее Стокгольма. Шведские войска кое-где пытались оказать сопротивление, но были легко обращены в бегство. В результате рейда разрушению подверглись восемь шведских городов, в том числе самый крупный город после Стокгольма Норчёпинг. Русские войска уничтожили 21 завод, 1363 деревни, различные поместья, склады, много оружия, продовольствия и т. п. Петр приказал сохранять в неприкосновенности церкви и не трогать мирных жителей. Операция носила сугубо демонстративный характер и предназначалась для наглядного доказательства беззащитности Швеции, что и было достигнуто. Непосредственно руководивший десантом генерал-адмирал Апраксин считал, что русские могли вступить и в Стокгольм. В манифесте от имени царя объявлялось, что совершенное русскими нападение служит воздаянием за разорение русских земель войсками Карла XII. Русский посол сообщал из Копенгагена, что, по мнению шведов, они нанесенного ущерба «ни оплатить, ни оценить не могут и говорят, что и в пятьдесят лет поправить невозможно».
Как же действовал английский флот, на помощь которого уповали в Стокгольме? А он под командованием адмирала Норриса находился в Балтийском море и даже пришел к шведской столице, но только тогда, когда русские корабли уже вернулись на свои стоянки. Затем последовала характерная для методов английской дипломатии инсценировка. 9 сентября, через несколько дней после того, как Аландский конгресс по требованию шведской стороны официально прекратился, но русские представители еще не успели уехать к ним, явился курьер от английского посла в Стокгольме Картерета. Он вручил Брюсу два письма на имя царя: одно — от посла, другое — от адмирала Норриса. Брюс ознакомился с содержанием писем и вернул их, сочтя, что они написаны «в непристойных выражениях». Вообще посылка этих писем нарушала все существующие дипломатические нормы и правила. К царю мог непосредственно писать только король Англии или посол, аккредитованный при русском дворе. В письме английского посла в Стокгольме Картерета (в тех же выражениях и то же самое содержалось в письме адмирала) Петру заявляли: «Король великобританский, государь мой, повелел мне донести вашему царскому величеству, что королева шведская приняла его посредничество для заключения мира… Король, государь мой, повелел адмиралу Норрису прийти с флотом к здешним берегам, как для защиты его подданных, так и для поддержания его медиации и что его величество… принял меры, чтобы его медиация получила ожидаемый успех».
Но о каком же успехе могла идти речь, если медиация, или посредничество, поручалась английскому военному флоту? Естественно, что этот наглый ультиматум был с презрением отвергнут Брюсом и никаких реальных последствий не имел. Но эта затея и предназначалась лишь для того, чтобы служить демонстрацией мнимой защиты Англией интересов Швеции.
В 1719–1720 годах резко меняется ситуация в международных отношениях не в пользу России. Напуганные усилением новой державы, западные страны начинают сколачивать антирусскую коалицию. Не только Англия, но и Польша, Дания, Австрия высказываются за объединение вокруг Швеции. Больше того, бывший союзник

Петра, только усилиями царя оставленный и восстановленный на престоле Август II, намеревался даже двинуть войска против России в составе объединенной коалиции. Дипломатическая война могла закончиться для нашей страны плачевно, если бы на престоле не находился Петр I. По поводу союза Швеции с Англией он сразу выразился определенно, что англичане ничем реальным шведам не помогут. Эти слова были подтверждены не только приведенным случаем, в котором принял участие Брюс, но и «участием» английской эскадры в морском сражении у острова Гренгам в 1720 году. Это сражение ознаменовалось разгромом шведского флота русской эскадрой, которая взяла на абордаж четыре корабля. Английская эскадра так и не вступила в сражение, хотя наблюдала за ходом ведения боя.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюс и Петр Великий (окончание)
Это Петр за насмешку так говорил и за то, что Брюс не дал своего согласия на отвод глаз в военном деле. Не мог он забыть своей злобы.
— Правда, говорит, такая Брюсова судьба, чтобы от руки лакея смерть ему была, только все же, говорит, лакея прощать никак нельзя, а то, говорит, и другие лакеи станут убивать своих господ. И потому, говорит, надо сжечь лакея живьем, чтобы другим лакеям пример был.
И сейчас подхватили лакеюшку под мышки, поволокли на площадь. И как притащили, стали жечь: костер огромаднейший разложили и стали поджаривать. А тогда простота-матушка была: ни этой Сибири, ни каторжной работы не знали, а рубили головы да живьем жгли. Этой волокиты и в помине не было. Вот и с лакеем не стали долго хомутаться: сожгли, и дело с концом.
А Брюса Петр велел похоронить:
— Оттащите, говорит, этого пса на кладбище, закопайте!
Вот как он благословил Брюса! Видно, солоно пришлось ему от Брюсовой насмешки! Ну, похоронили Брюса, а Сухареву башню Петр приказал запечатать. После-то ее и распечатывали не раз, Брюсовы книги искали, да не нашли. И как найдешь, ежели они в стене замурованы? Станешь стену ломать — башня завалится, — вот и не трогают ее, пусть, мол, стоит.

Победа русской дипломатии
В конце 1720 года становится очевидным, что Северная война подходит к концу. В октябре Петр получает послание шведского короля, который просил начать мирные переговоры без посредников.
Но почти одновременно фактический французский министр иностранных дел аббат Дюбуа настойчиво добивался посредничества. Поскольку Франция в это время проявляла склонность к союзу с Россией, то в Петербурге хотя и скептически относились к этой склонности, сочли нецелесообразным отклонить просьбу Франции. Конечно, русские понимали, что французский посол в Швеции Кампредон своим посредничеством, несомненно, будет играть на руку не только Швеции, но и Англии. Но все же его согласились принять в Петербурге. В конце концов, пренебрегать Францией было неразумно, тем более что в Стамбуле французы помогали Дашкову с заключением вечного мира.
Кампредон с невероятным усердием взялся за выполнение своей миссии. Он так спешил в Петербург, что по пути утопил во время переправы своих лошадей вместе с каретой и багажом. Однако он сохранил главное свое орудие, на которое возлагал особые надежды: огромную сумму денег, выданных ему Дюбуа для подкупа русских министров. К великому огорчению Кампредона, прозрачные намеки, которые он

делал русским сановникам, не имели никакого успеха. В отличие от продажных европейских политиков (сам аббат, а скоро и кардинал Дюбуа получали постоянно жалованье от Георга I) дипломаты Петра оказались неподкупными. Дело объяснялось не их бескорыстием, а тем, что царь тщательно контролировал свою дипломатию. Так что даже если кое-кто и брал иногда деньги и подарки от иностранцев, то это никак не сказывалось на русской политике при Петре.
Сначала Кампредон в беседах с русскими дипломатами пообещал, что Россия, которой, конечно, придется вернуть Лифляндию, Эстляндию, Выборг и прочее, получит за это, благодаря помощи регента, Петербург, Ингрию и Нарву. Но в ответ, как обиженно доносил французский посол, русские начали «хохотать во все горло». Однако ему все-таки удалось добиться аудиенции у царя. Правда, прибыв в назначенное время, он ожидал больше часа. За это время Шафиров и Толстой объяснили, что если он не сможет сказать что-нибудь новое по сравнению с тем, что они уже слышали, то не стоит отнимать время у государя, ибо он очень занят. Француз и сам в этом убедился, когда явился царь, одетый в матросскую куртку, пропахшую смолой: он занимался на верфях Адмиралтейства подготовкой к спуску на воду очередного корабля. Кстати, он нередко прямо там (а он начинал в Адмиралтействе каждый свой рабочий день) принимал иностранных послов, которые пробирались к царю сквозь лес шпангоутов, рискуя не только порвать свои бархатные и кружевные одеяния, но сломать себе шею.
Кампредон пытался разъяснить царю, насколько возрастет его слава, если он проявит великодушие и вернет Швеции завоеванные провинции. На это Петр со смехом ответил, что ради славы он охотно поступил бы так, если бы не боялся Божьего гнева в случае, если он отдаст то, что стоило его народу огромных трудов, денег, пота и крови. Два месяца хлопотал Кампредон в Петербурге и ничего не добился. Однако его «посредничество» не пропало даром. Посол смог понять, насколько могущественна теперь Россия. Его потрясло увиденное им необычайное зрелище: новые линейные корабли один за другим спускались со стапелей на воду в разгар морозной зимы. Петр приказал вырубать огромные проруби, куда сходили корабли, чтобы освободить стапеля; здесь же немедленно закладывались новые.
Вернувшись в Стокгольм, Кампредон заявил шведам, а заодно и английскому послу Картерету, что нет никаких шансов добиться от русских уступок и надо заключать мир, пока не поздно. Он сообщал, что могущество России возрастает такими темпами и приобретает такие масштабы, что в будущем Петр сможет потребовать от Европы еще больше. Именно это внушали петровские дипломаты Кампредону, и тем самым его миссия оказалась полезной для России.
Нельзя не привести оценку, данную Кампредоном, сущности внешней политики и дипломатии Петра: «В войне ли или в мире, но если этот государь проживет еще лет десять, его могущество сделается опасным даже для самых отдаленных держав. Хотя я мало времени пробыл здесь, но достаточно могу судить, что он осторожно поступает с ними единственно ради своих интересов и чтоб добиться своей цели, и как бы он ни принимал иностранцев — в дружеских ли сношениях, по делам ли торговли, но они никогда не добьются от него никаких выгод иначе, как если царь убедится, что они нужны ему». Нетрудно заметить, что эта оценка не отличается дружественным тоном, и причина этого понятна. Любопытно другое: представитель самой изощренной в мире дипломатии с искренним огорчением и бесподобной наивностью констатирует, что, оказывается, другие тоже умеют защищать интересы своей родины, и притом с гораздо большим искусством и эффективностью, чем это удалось Кампредону, не получившему ровным счетом ничего от своей миссии в Петербурге.

Без всяких посредников 28 апреля 1721 года в финском городке Ништадт встретились, наконец, за круглым столом «в средней светелке конференц-хауза» дипломаты России и Швеции для заключения мирного договора. Россию представляли по-прежнему Брюс и Остерман.
К этому времени оба они были удостоены титулов: Я. В. Брюс — графа, А. И. Остерман — барона и тайного советника канцелярии.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Как Брюс с царем поссорился
Раньше Брюс жил в Петрограде, да царь Петр выслал его в Москву за одну его провинность: на царском балу, во дворце, он устроил насмешку. А эта насмешка такая. Приехал на этот бал Брюс, а уж был хватемши, да мало-мало до настоящей припорции недоставало. Вот он подошел к буфету, взял бутылку вишневки и давай прямо из горлышка сосать. Сейчас лакузы (лакеи), разная там шушера-мушера побежали к царю жаловаться.
— Брюс, говорят, пьяный напился и безобразничает: прямо изо всей бутылки наливку вишневую пьет, а тут женский пол, генералы...
Вот царь подходит к Брюсу и говорит:
— Ты что же хамничаешь? Нешто рюмок нет, что ты из бутылки прямо тянешь? Ты вот, говорит, вместо того, чтобы охальничать, устроил бы какую-нибудь потеху, а гости посмеялись бы...
— Ну, ладно, — говорит Брюс, — устрою тебе потеху.
И устроил. Понятно, с пьяных глаз...
Эта публика, разные там графы да князья, генералы, женский пол, эти барыни под музыку плясали-танцевали... Все одеты хорошо, все шелка да бархат, одним словом, шико... Вот Брюс махни рукой. И тут видят эти самые господа, которые по паркету кренделя выделывали, что на полу отчего-то стало мокро... По первому-то разу подумали, что беспримерно грех с кем-нибудь случился... И-и пошло у них тут «хи-хи» да «ха-ха»... Но только видят — идет вода из дверей, из окон, падает с потолка... И завизжали. Загорланили...
— Потоп! Потоп!
Они думали, что это петербургское наводнение. Нева из берегов вышла, весь город потопила. И началась тут потеха! Эти госпожи барыни платья задрали, а генералы да князья кто на стул забрался, кто на стол, кто на подоконник... И все вопят, орут — думают, что им конец подошел. Только царь знал, что это Брюс сделал отвод глаз, и кричит он ему:
— Брось, пьяная морда! Брось свои шутки!
Вот Брюс опять махнул рукой — и смотрят все: нет никакой воды, везде сухо. Но только господа эти стоят на столах, на стульях, а барыни задрали подол... Тут все поняли, что Брюс над ними шутку подшутил, и стали жаловаться царю, дескать, Брюс на нас такую срамоту нагнал — разговор на весь столичный город Петербург выйдет.

Возведение Я. В. Брюса в графское достоинство
По поводу Остермана знаменитый историк С. М. Соловьев писал, что по случаю начала переговоров тот «выпросил себе титул барона и тайного советника канцелярии».
Что же касается Брюса, в исторической литературе нередко встречались сведения о том, что он получил графский титул за подписание Ништадтского мирного договора. Однако российским графом Брюс стал 18 февраля 1721 года, за два месяца до выезда в Ништадт. Есть мнение, что графское достоинство было дано Брюсу, чтобы поднять

его авторитет при ведении переговоров, где, кстати, граф играл, в отличие от Аланда, ведущую роль.
Хотелось бы высказать иное суждение по данному вопросу. Дело в том, что среди множества реформ, проводимых Петром I в этот период в России, была одна реформа, сыгравшая, на наш взгляд, первостепенную роль для обоих дипломатов. 28 января 1721 года состоялось заседание Сената, на котором было решено учредить Герольдмейстерскую палату, главная задача которой сводилась к регламентации деятельности дворянства и соответственно дворянских титулов, с утверждением гербов. Председателем палаты стал Степан Андреевич Колычев. Именно на февраль — март приходятся первые указы, разработанные Герольдмейстерской палатой. Среди них и указы о титулах Брюса и Остермана.
Необходимо еще добавить и то, что Герольдмейстерская палата занималась разработкой и утверждением гербов. Как мы уже отмечали, геральдика была одной из тех дисциплин, которыми Брюс занимался как исследователь, в частности, при разработке знамени артиллерийского полка, дорабатывая герб Ф. М. Апраксина в 1707 году. Теперь возникает необходимость разработки личного герба графа Брюса, которому (гербу) суждено будет стать родовым гербом российских графов Брюсов. Для разработки герба Брюс еще в 1720 году делает запрос в Шотландию к своим родственникам, которые, в свою очередь, были обрадованы узнать, что представитель рода стал одним из видных государственных деятелей, приближенных русского царя. В Россию даже приезжают шотландские Брюсы с подтверждением высокородства Якова Вилимовича.
Разрабатывая герб, Брюс, естественно, берет за основу символику шотландских Брюсов.
Девиз Fuimus — по-латински «Мы были» — для шотландских Брюсов стал девизом, начертанным на ленте герба графа Брюса.
На гербе помешено изображение английской короны на одном из рыцарских шлемов, с правой стороны, с тремя нитками жемчуга, что соответствует титулу европейского барона или английского лайрда (в отличие от лорда, лайрд-землевладелец — менее весомый титул). Щит герба разделен на четыре поля, имеющих диагональную симметрию. По диагонали щит пересекает изображение крепостной стены с летящими через нее зажженными ядрами на голубом фоне. Здесь отражено и руководство артиллерией и всеми крепостями Российского государства в должности генерал-директора всех фортификаций России. На эту должность Брюс был назначен в 1720 году.
Кроме этого, на щите, на серебряном фоне, представлены две головы орла с коронами, показывающие принадлежность Якова Вилимовича к королевской фамилии Брюсов. Изображение третьей головы орла вынесено за пределы щита и возвышается на еще одном рыцарском шлеме, с левой стороны, имеющем корону с девятью жемчужинами — соответствие графскому титулу. На щите изображены также дуги зеленого цвета. Предполагается, что это отражение дипломатической деятельности Брюса, то есть непосредственное участие в переговорах со шведами, хотя это не отражено в описании герба, представленного в жалованной грамоте Брюса на графское достоинство. Может, именно по этой причине в зеленых дугах исследователи пытаются найти некие мистические изображения, как, например, Т. Буслова предположила, что это не что иное, как изображение знака Близнецов, введя таким образом в трактовку символики герба астрологическую ноту.
Щит поддерживают символ силы — Лев и символ чистоты и непобедимости — Белый Единорог. Вокруг щита располагается цепь кавалера ордена Святого Андрея

Первозванного со словами «За веру и верность». Над щитом — три рыцарских шлема, центральный украшен растительным орнаментом. Сверху герба, по центру, — рука с маршальским жезлом, изображение, отражающее военную деятельность Якова Вилимовича.
Такой оригинальный герб был разработан Брюсом. Этот герб — прекрасный образец искусства геральдики.
Жалованная грамота на графское достоинство подписана царем «в год от Рождества Христова 1721 февраля 18 дня, а царствования Нашего в 39 год».
Получив титул, Брюс в апреле выезжает в Финляндию в Ништадт для возобновления переговоров.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Как Брюс с царем поссорился (продолжение)
А Петр им говорит:
— Вы как веселились, так и веселитесь, а я с Брюсом расправлюсь.
Подозвал Брюса и принялся ему выговаривать:
— Нешто, говорит, я такую потеху приказывал делать? Ты, говорит, моих гостей осрамил.
А Брюс в ответ говорит царю:
— Не велика, говорит, штука русский квас: копейка стакан! А что касается твоих гостей, то, по мне, они есть собрание сволочей.
Тут Петр осердился:
— Не смей, говорит, выражаться! Я, говорит, с улицы не собираю всякую сволочь. Ты, говорит, напился, ты пьян!
А Брюс смеется:
— Немножко, говорит, заложил за галстук. Но только, говорит, скажу, что пьяница проспится, а дурак никогда!
Тут Петр и спрашивает:
— Так это, по-твоему выходит, что я дурак?
А Брюс отвечает:
— Я тебя не ставлю в дураки, а только меня досада берет, что ты взял под свою защиту этих оглоедов.
Ну, слово за слово. В голове-то Брюса зашумело, он и наговорил много лишнего. Тут еще больше рассердился царь:
— Я, говорит, вижу, ты чересчур много о себе понимаешь: все у тебя дураки, одного себя ты умным выставляешь. Ну, ежели, говорит, все дураки, а ты один умный, то нечего тебе про между дураков жить. Завтра поутру пришлю тебе подводу и отправляйся в Москву, живи в Сухаревой башне.
Вот после такого приказа Брюс и отправился домой.
— В Москву, так в Москву! — говорит Брюс.

Ништадтский мир
Исследователь XIX века А. С. Чистяков сообщает о переговорах в Ништадте следующее:
«Русские уполномоченные приехали в Ништадт 28 апреля 1721 года и нашли там уже шведских. Первый вопрос шведов был, на каких условиях царь намерен мириться?
Им отвечали:
— На Аландских.
— Об Аландских теперь не может быть и речи, — отвечали шведы, — тогда у Швеции было четыре врага, а теперь остался один.

Русские уполномоченные отвечали, что во все время войны России союзники мало помогали; да и Швеции на них нечего рассчитывать; явный пример — англичане, они в прошлом году не могли защитить Швецию от набега русских.
— Царское величество думает удержать за собою Лифляндию и Выборг; если их оставить за Россией, то нам придется погибнуть от голода; мы скорее обрубим себе руки по локоть, чем подпишем такой мирный договор! — воскликнули шведы.
— Напрасно вы так думаете, — без Лифляндии и Выборга царь мира не заключит, с Швеции и того довольно, что ей возвращается Финляндия».
Новое появление английского флота, ушедшего было из Швеции, было сигналом, и генерал Ласси со своим гребным, галерным флотом опять напал на беззащитные берега Швеции и опять опустошал их.
Такой новый урок сделал ништадтских уполномоченных сговорчивее. Они уступали один пункт за другим, но, согласившись на уступку Лифляндии, шведы долго отстаивали Выборг, называя его ключом Финляндии. Наконец уступили и Выборг. Русским уполномоченным пришлось со своей стороны сделать тоже некоторые уступки. Несмотря на то, что царь сблизился с молодым герцогом Голштинским, согласился отдать ему руку своей старшей дочери Анны Петровны и обещался позаботиться об утверждении его прав на наследство шведского престола, шведы по этому поводу показали невероятное упрямство; несмотря на все убеждения и дипломатические тонкости русских представителей, шведы не поддавались; чтобы не упустить время и заключить мир, во всех отношениях выгодный, надобно было пожертвовать интересами принца и отказаться от этого требования.
Война уже надоела Петру; он столько же желал и даже нуждался в мире, сколько и Швеция; хотя материальные средства России еще далеко не были истощены, но у великого преобразователя в уме родились уже другие планы и взор его уже обращен был в другую сторону. Чтобы поскорее закончить переговоры, он решился даже не стоять за Выборг, или за округ его, и отправил в Ништадт третьего уполномоченного — Ягужинского, с новыми инструкциями, по которым должен был уступить Выборг. Но выборгский комендант Шувалов проведал об этом намерении и известил о нем Остермана. Чтобы удержать за Россией округ, такой важный для безопасности Петербурга, и чтобы окончить самому мирные переговоры со шведами без вмешательства третьего лица, Остерман решился употребить отчаянную хитрость. Ему известно было, что шведы не будут стоять за Выборг, если их хорошенько притеснить; он объявил им, что получил от царя указ, или окончить мирные переговоры в 24 часа, или окончательно прервать их, и тогда военные действия начнутся вновь. Хитрость вполне удалась: шведские представители, испугавшись того, что все труды для достижения мира пропадут даром, отступились от выборгского округа и от многих других требований, на которые русские уже готовы были согласиться, подписали прелиминарный мирный договор 30 августа 1721 года и разменялись грамотами с русскими.
Отправив Ягужинского, Петр уже освоился с мыслью об уступке Выборга и 3 сентября отправился туда, чтобы лично осмотреть новые границы, которые намеревался назначить. Он находился на Лисьем Носу в своем загородном доме в Дубках, так прозванном по дубовой рощице, посаженной самим Петром. Здесь он встретил капрала гвардии Обрезкова, скакавшего к нему из Ништадта с радостной вестью о заключении мира. Царь, не подозревая содержание пакета, распечатывает и читает письмо Остермана, который извещает о заключении мира и извиняется, что посылает подлинный трактат, только что подписанный, перевесть который не успел и спешит уведомить царя, чтобы кто-нибудь другой не проведал о мире раньше. Так как мир

состоялся не на тех условиях, на каких царь намеревался заключить его, то для яснейшего уразумения дела прилагалось краткое извлечение из статей мирного договора. В конце письма Брюс и Остерман поздравляли царя со счастливым окончанием долгой и изнурительной войны, в которой он высказал столько твердости, храбрости и понес столько трудов. Подписались «Вашего царского величества всенижайшие рабы — Яков Брюс, Андрей Остерман. Августа 30 дня в четвертом часу пополудни».

Подписание Ништадтского договора широко отмечалось Петром I, который веселился со своей всегдашней изобретательностью; пиры следовали за пирами. 5 сентября праздновали именины царевны Елизаветы Петровны большим катанием по Неве, роскошным обедом и балом, данным в почтовом доме. 10 сентября начался большой уличный маскарад на тысячу человек, продолжавшийся целую неделю. Самый замечательный по своему богатству костюм был во время этого карнавала на князе-кесаре Ромодановском. Он ехал на древней колеснице, в одежде древних царей. Длинная и широкая мантия его была подбита горностаем, на голове — богатая корона, усыпанная драгоценными камнями, в руках он держал скипетр, тоже украшенный бриллиантами. Князь Меншиков был в простом и скромном костюме гамбургского бургомистра. На герцоге Голштинском был розовый атласный кафтан, обложенный золотыми галунами, за ним была свита, щегольски и роскошно одетая. Первое же место в этом маскараде занимала фигура бога Вакха. У него на плечи была наброшена тигровая шкура, а в руках он держал виноградную лозу со зрелыми кистями. Многие были наряжены страусами, петухами и журавлями. Два крошечных карлика с подвязанными по колена бородами на веревке вели двух великанов, одетых, как одевают маленьких детей, когда они начинают ходить. Несколько человек с длинными пушистыми бородами в парчовых костюмах древних русских бояр, в высоких собольих шапках, ехали верхом на живых медведях. Царский шут был зашит в медвежью шкуру; и он подражал движениям настоящего медведя. Его везли в большой клетке. Он был так естествен, что все думали, что это настоящий медведь, но он неожиданно выскочил из клетки, подбежал к настоящему медведю, вскочил к нему на спину и поехал дальше очень торжественно; только после этого все убедились, что один из медведей поддельный, а другой настоящий.

За маскарадом шли другие увеселения: звериная травля, прогулка маскированных по городу, балы и вечеринки у знатнейших лиц Петербурга. Петр веселился, как юноша, он пел и плясал не только на полу, но на столах и скамьях.

21 октября, перед днем вторичного церковного торжества, Петр приехал в Сенат и объявил, что в знак благодарности за милосердие Божие, выразившееся счастливым миром, он прощает всех преступников, осужденных на смертную казнь или к ссылке, кроме отъявленных разбойников, уже попадавшихся в нескольких убийствах. Царь простил всех государственных должников, освободив их от долга и из-под стражи, сложил все недоимки, накопившиеся с начала войны до 1718 года.

В этот день Сенат принял решение объявить Петра I Императором, Отцом Отечества и Великим. Россия с этого дня провозглашалась империей.

На следующий день, во время торжественной благодарственной церковной службы Феофан Прокопович читал большую проповедь, в которой называл Петра Отцом Отечества, Великим и Императором. Затем канцлер граф Г. И. Головкин произнес речь, в которой показал заслуги Петра, от имени всего русского народа, Синода и Сената просил его принять титул Отца Отечества, Петра Великого и Императора Всероссийского. Сначала Петр не соглашался принять этот титул, но сенаторы и все

присутствующие громко три раза прокричали: виват! В церкви и вне ее народ повторил троекратно виват!
Трубы, литавры и барабаны загремели, и беглый огонь стоявших на площади войск поддержал общее восторженное настроение; с крепости, кораблей и галер, пришедших из Финляндии, раздавался гром пушечных выстрелов.
После молебна Петр отправился в Сенат. Здесь герцог Голштинский и все иностранные министры поздравили его; император объявил щедрые награды всем отличившимся в войне. После этого сели за стол, накрытый на тысячу человек. Для народа был приготовлен жареный бык целиком, начиненный дичью и домашней птицей, и были поставлены чаны с белым и красным вином. Вечером были бал и фейерверк. Балы и фейерверки продолжались и в следующие дни.
Подобные же мероприятия проводились и в Москве. Из Петербурга туда была отправлена гвардия для проведения торжеств. 10 декабря и Петр отправился туда со своим двором и приближенными. Московские торжества нисколько не уступали петербургским ни своим разнообразием, ни пышностью, ни изобретательной игривостью.
Через десять дней после праздника в честь Ништадтского мира внимание царя к Брюсу выразилось особенно ярко на свадьбе князя Репнина, в описании которой от 1 ноября очевидец, голштинский камер-юнкер Берхгольц, писал:
«Император сидел недалеко от входных дверей, но так, что мог видеть танцевавших; около него сидели все вельможи, но его величество большею частию разговаривал с генерал-фельдцейхмейстером Брюсом, сидевшим подле него с левой стороны». Это показатель возросшего авторитета и влияния Брюса, которое особенно ярко проявилось, по мнению М. Д. Хмырова, в процессе вице-канцлера Шафирова с обер-прокурором Скорняковым-Писаревым, дело которых рассматривалось на заседании Сената 31 октября 1722 года. Брюс вместе с Меншиковым и Головкиным ушел из зала заседания, сказав, по словам донесения Меншикова царю, что «когда в сенате обер-прокурор вор (так обозвал Скорнякова Шафиров), то как нам дела при том отправлять?», а 8 января 1723 года он же граф Брюс, как сенатор, «обеим сторонам не подозрительный», был назначен первым членом комиссии Верховного генерального суда и в этом качестве вместе с Матвеевым и Мусиным-Пушкиным задавал вопросы Меншикову, явившемуся ответчиком по делу Шафирова.
В результате следствия Шафиров был осужден на смертную казнь.
Во время исполнения приговора ему была объявлена замена смертной казни вечной ссылкой с лишением чинов и имущества.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Как Брюс с царем поссорился (продолжение)
А царь все-таки думал, что Брюс проснется и придет прощения у него просить. Вот он сам к нему направляется. А Брюс забрал с собой свои книги, бумаги, подзорные трубы и все свои причиндалы, которые нужны по его науке, и сел в свой воздушный корабль. А у него такой корабль был, вроде как теперь аэропланы… Ну, сел в этот корабль. А Петр бежит и кричит:
— Стой, Брюс!
Только Брюс не послушал, надавил кнопку, корабль и поднялся. Взяло тут Петра большое зло, выхватил он пистолет — бабах! В Брюса… Но только пуля отскочила от Брюса и чуть самого царя не убила. А Брюс кричит с корабля:
— Ваши пули для нас ничего, а вот от наших, говорит, мыслей вы покоробитесь!
И взвился корабль его птицей. А народ собрался, смотрит и крестится:
— Слава тебе, Господи, — говорит. — Унесли черти Брюса от нас.

Невежество, понятно. Ведь у этого народа какое понятие про Брюса было? За колдуна его почитали и думали, что он все болезни на людей насылает. Теперь дури в России много, а раньше еще больше было. Ну, только какое дело до этого Брюсу? Колдун? Ну, и пусть. А он свой путь исправно на Москву направляет. И вот полетел, закружился, как коршун, высматривает, где Сухарева башня стоит… Высмотрел и опустился. Тут полны улицы, полны площади народа… Кто радуется, а больше все ругают:
— Не было, говорят, печали, черти накачали: нелегкая Брюса принесла.

Яков Брюс — президент Берг- и Мануфактур-коллегии
Среди всех поручений, исполняемых Брюсом, особое место занимает его деятельность на посту президента учрежденной 15 декабря 1717 года Берг- и Мануфактур-коллегии. Выбор, сделанный Петром при назначении Брюса на эту должность, был не случайным. Будучи губернатором Новгорода в 1701–1704 годах, Яков Брюс активно занимался развитием мануфактур, делал перепись всех находившихся в городе и его окрестностях мельниц, работавших в качестве источника двигательной силы на предприятиях. Интересы промышленности, особенно металлоплавильной, кожевенной, пороховой, текстильной, были близки генерал-фельдцейхмейстеру Брюсу, заботившемуся не только об артиллерийских и пушкарских школах, но и об организации мощной артиллерии как самостоятельного рода войск, хорошо одетого, обутого, накормленного и достойно вооруженного.
Кроме того, Я. В. Брюс живо интересовался разработками полезных ископаемых, в частности, серы и селитры для составления рецепта пороха. Интересовался он и состоянием мануфактур в России.
Замкнутость, натуральный характер самого хозяйства России не способствовали частному предпринимательству и формированию промышленности. Поэтому только государство могло выступать инициатором создания промышленности. Катализатором этого процесса стала Северная война, стремление Петра добиться выхода в Балтийское море, «прорубив окно в Европу».
Первые мануфактуры в России появились еще в XVII веке. Одним из известнейших создателей первых металлоплавильных заводов был А. Виниус — голландец, построивший железоделательный завод близ Тулы в 1632 году. Виниус поставлял оружие и пушки в действующую армию. Тогда же стали возникать заводы на Волге, в Костроме, Смоленске, Владимире. Правительства Михаила Федоровича, а затем Алексея Михайловича старались поощрять отечественную промышленность государственными заказами, создавать льготные условия для предпринимателей России в торговле. Скажем, Новоторговый устав 1667 года, появившийся после неоднократных жалоб в русское правительство купцов, запрещал иностранным купцам на территории страны торговлю в розницу. Так, постепенно складывалась политика «меркантелизма» — поддержки отечественного производителя, которая фактически была приведена в систему, упорядочилась и наиболее ярко себя проявила в период деятельности петровских коллегий.
Сама идея формирования коллегиальной системы управления государством была подсказана Петру в период его пребывания за границей, и он, где только возможно, искал подтверждения и обоснования своим мыслям о перестройке работы приказов, а возможно и их ликвидации. Я. В. Брюс в этом вопросе становится для Петра первым помощником. Как отмечает историк XIX века С. Князьков, предварительно по указанию Петра были собраны максимальные сведения о работе органов управления в европейских странах и «весь этот материал поступил сначала к Брюсу». Прекрасно зная интересы России, Брюс переводит на русский язык регламенты центральных

учреждений Дании, Швеции и других государств, знакомит Петра с учеными, занимавшимися теоретической основой системы государственного управления. Одним из таких ученых был Готвальд Лейбниц, который состоял в переписке со многими монархами Европы. Брюс, познакомившийся с Лейбницем в 1711 году, становится посредником между русским царем и великим ученым. Так возникает переписка не только Лейбница с Брюсом, но и Лейбница с Петром.

В одном из своих писем Петру Алексеевичу Лейбниц писал:

«Опыт достаточно показал, что государство можно привести в цветущее состояние только посредством учреждения хороших коллегий, ибо, как в часах одно колесо приводится в движение другим, так и в великой государственной машине одна коллегия должна приводить в движение другую, и если все устроено с точной соразмерностью и гармонией, то стрелка жизни непременно будет показывать стране счастливые часы».

Петр знал, что ради «счастливых часов» стоило потрудиться, не жалея сил, и, уверовав в эту идею, убеждал всех, что коллегии вводятся «ради порядочного управления» государственными делами, «поправления полезной юстиции и полиции», содержания «в добром состоянии» сухопутных и военно-морских сил, умножения и превращения коммерции, рудокопных заводов и мануфактур. Царские указы разъясняли преимущества, которыми обладали коллегии по сравнению с приказами. Во-первых, у президента коллегии было меньше условий и возможностей для произвола, чем у руководителя приказа. В коллегиях «президент не может без соизволения товарищев своих ничего учинить», в то время «как старые судьи делали, что хотели».

Во-вторых, «истину легче установить при обсуждении какого-либо вопроса многими лицами». В этом случае «что один не постигнет, то постигнет другой». Коллегиально принятые решения, кроме того, будут иметь больший авторитет, чем решения единоличные.

В-третьих, преимущество коллегиальной системы управления состояло в том, что «единоличный правитель гнева сильных боится», в то время как при коллегиальном решении подобные опасения исчезают.

Надо признать, что в эти идиллические представления Петра о коллегиях жизнь внесла свои коррективы. Какой бы совершенной ни была коллегиальная система управления, она не могла устранить ни произвола, ни волокиты, ни страха президента перед вышестоящими чиновниками. Однако, по утверждению Н. И. Павленко, два важных преимущества эта система над приказами все же имела. Первое — в основе коллегиальной системы лежало четкое разграничение сфер управления, что практически отсутствовало в приказном строе. Второе — власть коллегий в той области управления, которой каждая из них руководила, распространялась на всю территорию страны; коллегии положили конец такому порядку, когда одним и тем же делом занималось несколько учреждений; исчезли также учреждения, чьи права ограничивались определенной территорией. В итоге достигалась высокая степень централизации государственного аппарата.

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Как Брюс с царем поссорился (продолжение)

А Брюс принялся в башне работать. Тут один генерал приходит и стал выпытывать, что тот приготавливает. А Брюс говорит:

— Да тебе-то что? Ну, приготавливаю. Можешь ли это понять? Я, говорит, в твои дела не вмешиваюсь, ничего от тебя не выпытываю.

А генерал говорит:

— Мое дело иное — я генерал.
— Ну, и я генерал, — говорит Брюс.
А генерал смеется:
— Какой, говорит, ты генерал? Ты кудесник.
Тут Брюс и разъяснил ему:
— Ты, говорит, по атлетам генерал, а я по уму генерал. Сорви, говорит, с тебя аполеты, кто скажет, что ты генерал? Дворник скажут.
Тут генерал рассердился и давай его ругать:
— Ежели, говорит, на то пошло, я твою башку к чертям разнесу! Наставлю, говорит, орудии, да как тресну, так от тебя, стервы, только клочья полетят.
Брюс на это отвечает:
— Ежели я стерва, так зачем же ты пришел ко мне? Пошел, говорит, прочь! — И в шею выгнал генерала.
Вот этот господин генерал, его превосходительство, и распалился, помчался в казарму и отдал приказ, чтобы немедля разбить из орудий Сухареву башню. И сейчас привезли пять орудий, наставили на башню… Вот скомандовали: «пли!» И ни одна пушка не выстрелила. Принялись солдаты мудрить и так, и этак — ничего не помогает, словно это не пушки, а бревна. А Брюс стоит на башне, смеется и кричит:
— Вы — дураки! Зарядили песком орудия и хотите, чтобы они дали огонь.
Генерал приказал разрядить одно орудие. Разрядили. Смотрят — вместо пороха песок и в других то же самое. А народ, который тут собрался, говорит генералу:
— Вы, ваше превосходительство, лучше увозите свое орудие, не то, говорят, Брюс того вам наделает, что век не человеком будете.
Тут генерал и того… испугался и скомандовал, чтобы орудия увозили в казарму. А как привезли, смотрят солдаты — порох настоящий в орудиях. Доложили генералу. А он и руками машет:
— Ну, его к черту, этого Брюса, говорит, с ним только грех один. — И отступил от Брюса.
Яков Вилимович Брюс в процессе формирования коллегий играл ведущую роль.
С. Князьков отмечает, что в начале 1718 года, «учинив начало коллегиям, Петр уехал в Москву, оставив новым президентам распоряжение, чтобы они „сочиняли“ свои коллегии и все сведения для этого брали у Брюса».
Из учрежденных в 1717 году коллегий Берг- и Мануфактур-коллегия была особенной. И не только потому, что ее президентом стал русский с иностранной фамилией (Петр установил правило при учреждении коллегий: президент — русский, вице-президент — иностранец). Особенной эта коллегия была уже потому, что она ведала вопросами, которые до этого не решал ни один приказ. Тогда как все остальные коллегии аккумулировали накопленный приказами опыт и фактически продолжали деятельность этих приказов на другом уровне. Объясняется это очень просто: из всех 55 приказов, существовавших в петровское время в России, ни один не ведал промышленным развитием страны, поскольку в масштабах всего государства говорить о промышленности до начала XVIII века не приходилось. Таким образом уникальность Берг- и Мануфактур-коллегии заключалась в совершенно новом круге вопросов, которые должен был решать ее президент со своими подчиненными. Видимо, Петр Алексеевич был уверен, что Брюс способен это успешно сделать. Наверняка именно по этой причине на Брюса и возлагается столь ответственная и сложная задача по руководству вновь формирующимся ведомством. Осложнялась эта задача еще и тем, что фактически Брюс возглавил две коллегии, каждая из которых имела свой круг полномочий. Берг-коллегия — развитием металлургии, ей

предоставлялось право «единым судией быти над всеми к тому принадлежащими делами и особами, чтоб никаким образом губернаторы, воеводы, ниже прочие поставленные начальники в рудокопные дела вступали и мешалися». Мануфактур-коллегия ведала предприятиями легкой промышленности: полотняными, суконными и шелковыми мануфактурами, а также заведениями, изготовлявшими краски, курительные трубки, шпалеры и т. д. «Коллегиум мануфактур имеет верхнюю дирекцию над всеми мануфактурами и фабриками и прочими делами, которые касаются к оному правлению, какого б звания ни были, во всей Российской империи».
Следует отметить, что ведущая роль при организации работы промышленности, как тяжелой, так и легкой, принадлежала, конечно, Петру. Ограничимся только несколькими примерами, показывающими его личное участие в этой сфере как до, так и после создания коллегии.
В 1692 году Петр, в целях стимулирования производства железа в России, издает указ, по которому покупка железа для казенных надобностей разрешается только с железоделательных заводов боярина Нарышкина «по торговой цене». В 1697 году было предписано окольничему князю Львову, определенному воеводой в Казань, заводить селитренные заводы на счет казенных ассигнований. В 1714 году сенатским указом приказывалось размножать селитренные заводы в Киевской губернии, в великорусских и украинских городах.
Во время пребывания в Англии в 1698 году Петр заключает договор с шестьюдесятью мастерами золотого дела и ста мастерами-металлургами из Голландии. С 1699 года многие из них прибывают в Россию и занимаются изучением состояния руд на Урале. В 1700 году Виниус сообщил Петру, что «мастера считают (это сибирское железо) лучше шведского», славившегося тогда во всей Европе. В 1699 году началось строительство самого старого из уральских заводов — Невьянского, переданного в 1702 году Демидову. В 1701 году был построен Каменский завод, в 1702-м — Уктусский.
В 1709 году англичанину Лейде было дано поручение расширить существовавшие в Москве стекольные заводы.
В 1712 году Вильгельм де Геннин построил в Петербурге литейный двор. В 1710 и 1712 годах создается ряд бумажных фабрик, а в 1714-м и 1718-м — ряд шелковых.
28 февраля 1711 года был издан именной указ Петра, по которому полотняные заводы, которыми ведал Посольский приказ, следовало передавать купеческим людям, торгующим в Москве, а именно: Андрею Турке, Степану Цимбальщикову и др.
Указы Петра регламентировали даже труд людей. Здесь сказалась безграничная вера Петра в силу указов. Он считал, что если государство имеет разумные законы и подданные их будут беспрекословно выполнять, то такому государству предначертано процветание. Во многом здесь сказывается влияние Лейбница и других западноевропейских ученых.
Петр рассуждал следующим образом: «Наш народ, яко дети, неучения ради которые за азбуку не примутся, когда от мастера не приволены бывают».
Подданных «яко детей» надлежало наставлять во всем от рождения до смерти. Поэтому указы регламентировали жизнь людей от их упражнений в хозяйстве до удовлетворения духовных запросов, от наблюдения за их внешним видом до семейной жизни.
Отсюда — непрерывный поток указов, среди которых и указы, связанные с кустарным и мануфактурным производством. Многие из этих указов стремятся внушить, разъяснить, убедить подданных в целесообразности и даже крайней необходимости выполнения норм и порядков, предусмотренных указом.

К примеру, население страны жало хлеб серпами. Указ царя потребовал, чтобы серпы были заменены косами. Это сулило большие выгоды: при работе косой, читаем в указе, «средний работник за десять человек сработает». Указ по кожевенному производству запрещал обработку юфти дегтем на том основании, что обувь, изготовленная из такой юфти, пропускала воду и расползалась в дождливую погоду. Юфть надлежало обрабатывать ворваным салом. Указ для предпринимателей устанавливал двухгодичный срок для овладения новой технологией.
После создания коллегий Петр заботится об устройстве компаний и всяческом содействии их деятельности. В указе 1724 года Петр прямо указывает и образец, которому должны следовать в своем устройстве компании, предписывая «учинить определенные доли пайщиков с примеру ост-индской компании».
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Как Брюс с царем поссорился (продолжение)
Да мало ли еще проделывал Брюс… Вон Лев Толстой говорил: «Брюс на всю Россию был самый чудесный человек». И верно. Ведь иной-то и не поверит, какой он был искусник.
У него служанка была, сделанная из цветов: подавала, комнату убирала. Теперь вот доискиваются до этого секрета и дойти никак не могут: локомотив плохо действует. А Брюс-то вон как шагал: на тысячу лет вперед погоду предсказывал. А теперь эти самые барометры. Посмотришь — одно только смехотворство. Указывает стрелка: «ясная погода». А на дворе-то жарит дождище как из ведра. По мостовой реки бегут. Что же это, мол, ваш инструмент врет? Говорит: «ясная погода», а вон какой хлещет дождь! Или, по-вашему, это называется прекрасная погода?
— Да тут, говорит, что-то винтик в каприз ударился.
И примется крутить этот винтик.
— Теперь, говорит, в полной исправности.
— А что, спрашиваю, показывает?
— Да теперь, говорит, на завтрашний день предрекает: «пасмурно, а к вечеру дождь». Ну, утром встаешь… Солнце — и не единой тучки!.. Ну, думаешь, к вечеру дождь соберется… И вечером хорошая погода, и заря ясная… — Что же это, мол, наше здоровье, механизм-то ваш подгулял? Вы бы салом его смазали, что ли…
— А черт его знает, что он врет! Только, говорит, зря деньги загубил на такую дрянь! — да об земь его… И вылетели винты, стрелки, пружинки дурацкие, крючки — этот поганый механизм…
А почему он действует с обманом? А все по единственной причине: слаба гайка — дойти не могут и только пыль в глаза пускают. На словах — мастера: все теория-матушка отдувается, а как практики коснется, то и примутся выдумывать эти стрелки, стержни. Понятно, без теории практики не бывает, но практика теорию побивает. А у Брюса всегда теория с практикой сходилась. Вот от этого самого и ошибки не выходило… Ну, и голова на плечах была, а не тыква!
Однако именно деятельность Берг- и Мануфактур-коллегии упорядочила руководство промышленностью, материализовало устремления Петра по организации деятельности государственных структур и частных предприятий.
Так, по предложению Петра, коллегия разрабатывает каноны при формировании компаний, ссужая компанейцев деньгами, часто передавая в их пользование готовое фабричное обзаведение. Казна, таким образом, становилась в положение банкира крупной промышленности и тем приобретала право строго следить за деятельностью компаний. Это вмешательство в частное предпринимательство коллегия считала не только своим правом, но и обязанностью, и не только «принуждала» подданных

строить компании, но и строго наблюдала за «порядочным содержанием» их. Ни одно переустройство, даже самое мелочное, в хозяйстве компании не могло быть сделано «без доношения в коллегию». От фабрикантов требовалось ежегодно доставлять в коллегию образцы своих изделий; коллегия устанавливала вид, форму, цены на те товары, которые поставлялись в казну, и запрещала продавать их в розницу. Коллегия удостаивала наградами исправных фабрикантов и подвергала строгим наказаниям нерадивых.
В указах так и писалось при передаче какого-либо завода в частные руки: «...буде они (компанейщики) оный завод радением своим умножат и учинят в нем прибыль, и за то они от него, великого государя, получат милость, а буде не умножат и нерадением умалят и за то на них взято будет штрафу по 1000 рублей на человека». Неудачливых фабрикантов просто «отрешали» от фабрик.
Сам президент Берг- и Мануфактур-коллегии в 1719 году, вернувшись в Петербург после Аландского конгресса, апробировал изделия кожевенных мастеров и 10 октября выдал им свидетельства на звание мастера. А за год до этого, во время работы конгресса, Герц вручил Брюсу отпечатанную на шведском языке «Инструкцию Ланде Гевдингом», «...которая, — доносил Брюс Петру 15 ноября 1718 года, — не токмо им (Ланде Гевдингом), но и губернатором служит; и понеже оная до всех коллегиев касается, и того для зело к оным надобна. Чего ради я всякими мерами уже давно домогался оную здесь промыслить, и ныне от друга своего... получил, токмо за таким каролом (словом), чтоб никто, как из их, так из нашей свиты о том не ведал... Я надеюсь, что сие известие зело хколлегиям надобно... Я бы надеялся по времени, токмож невдруг многие известия, хколлегиям принадлежащие, чрез оного человека получить, ежели бы Ваше Величество соизволили милостиво приказать прислать не дорогой мех соболей или хорошей лисей, чем бы его мог почтити. А я, колико мог, ево ради поманки своим дарил и обнадеживал, что впредь лучшим чем служить буду». Так, работая на дипломатическом конгрессе, Брюс заботился о деятельности коллегий.
Естественно, в ведении брюсовской коллегии были металлоплавильные заводы, особенно на Урале. Этот ответственный участок работы коллегии поручается В. Н. Татищеву, бывшему на Аландском конгрессе при Брюсе офицером связи. Затем, ввиду острого конфликта Татищева с Демидовым, на Урал был отправлен Вильгельм де Геннин, которому поручается не только руководить устройством уральских заводов и надзревать за ними, но и также сделать описание всех уральских и сибирских заводов. Это описание было составлено за период управления заводами с 1722 по 1734 год. Оно очень полно отражает масштаб развития промышленности на Урале и в Сибири в Петровскую эпоху, а главное — разнообразие этой промышленности. В описании присутствуют предприятия от крупных железоделательных, медных, серебряных до мелких по производству кирпича, хлеба, мехов и т. п. Составление такого описания — безусловно, крупное достижение деятельности сотрудников Берг-коллегии.
В феврале 1724 года Геннин пишет: «Екатеринбургские заводы и все фабрики в действии... выплавлено уже 1500 пудов чистой меди и отправлено к пристани для отсылки к Москве; и медной руды уже на целый год добыто в короткое время и с малым убытком; и должен я Бога благодарить о моем счастии, что я такое богатое рудное место обложил... и надеюсь, что в малых летах тот убыток, во что заводы Екатеринбургские стали, все защитится, и потом великая прибыль пойдет... всюду на заводах руды и угля на год вперед заготовлено. И где такая богатая железная руда есть, что на Алапаевских заводах! Половина железа из нее выходит, а на Олонче пятая

доля выходит: то великая разность. Ныне на каменских заводах льют пушки на артиллерию… Строгановы видят ныне, что Бог открыл много руды, а прежде сего жили они как Танталу, весь в золоте и огороженный золотом, а не могли достать: жили они в меди, а голодны. И ныне просили меня, чтобы я с ними товарищ был и указал им, как плавить и строить, так же на их камне завод отмежевать и при Яйве три места рудных, то я с радостью рад и сделаю, а ваши места не отдам, понеже надобно прежде свой убыток, во что заводы стали, возвратить… И они могут, ежели охотники, так же довольно руды добывать: кроме твоего богатого места, других там мест довольно. И покамест не приведу в действо нынешний завод при Пыскаре, не пойду без твоего указа; покамест сила моя есть я рад трудиться… Пожалуй, послушай меня и не реши горных здешних дел и положи на меня, как я прикажу. Я желаю тебе добра, а не себе, и хочу прежде все убытки тебе возвратить, что в 25 лет издержано на горное дело. И то ныне не отдавай тех шахт, где я на тебя добываю руду, для того, что очень богато и без труда добываем, а возле тех мест есть довольно и других таких рудных мест… я бы сам себе худа не желал и те места на себя бы взял, только не хочу, а тебе желаю добра».

Это письмо было адресовано Петру I, с которым Вильгельм де Геннин состоял в личной переписке. Надо признать, что не всегда эта переписка была «в пользу» Брюсу, хотя право непосредственной переписки с царем Геннин приобрел благодаря личным поручениям Брюса. Преданность нашего героя делу и пользе России была такова, что нередко вызывала неприятие не только у посторонних, но и среди подчиненных самого Брюса. Впрочем, и друзья и недруги отдавали должное его энергии, уму и таланту, независимо от личных отношений, понимали, что участие Брюса обеспечивает успех дела. Известный нам Вильгельм де Геннин, руководивший до этого Олонецким заводом, а в 1720 году командированный за границу для найма мастеровых, писал Петру 13 февраля 1720 года из Берлина: «Пожалуйста, Государь, не отдавайте ружейного мастера и штального мастера в артиллерию; пожалуй пошли их на Олонец; а с другим как ваше величество изволите». И еще, жалуясь царю: «…не вели меня Берг-коллегии трогать; а как все сделаю, в ту пору — как они хотят. А коли им рапорты о приходе и расходе надобны, то пускай пришлют из Коллегии кого из приказной ябеды; а мне и подчиненным моим рапортовать за многим строением недосуг. Ежели б Якову Вилимовичу досуг было, то любо-бы переписываться с ним, который, зная горные дела, принял бы мои письма за благо. А я из Берг-коллегии еще благодарного письма не видал, токмо грубые указы, без приписания руки Якова Вилимовича». В то же время де Геннин в одном из писем царю сообщает 4 апреля 1724 года, что «ныне на каменских заводах льют пушки на артиллерию по присланным чертежам от Якова Вилимовича, токмо они не корабельные».

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Как Брюс с царем поссорился (продолжение)

А вот насчет смерти его не знаю, как и сказать: тут надвое рассказывают. Одни говорят, что лакей не полил его живой водой. Это будто он выдумал живую и мертвую воду, чтобы стариков превращать в молодых. Вот взял, изрубил в куски своего лакея. А тот лакей был старый… Ну, изрубил, перемыл мясо, полил мертвой водой, все тело срослось, полил живой водой — лакей стал молодым. Потом сам Брюс хотел помолодеть. Научил лакея. Вот изрубил его лакей, полил мертвой водой — тело срослось. А живой водой не полил. Ну, видит — умер, похоронили…

А вернее всего он улетел, потому что ежели бы он умер, то остался бы воздушный корабль, а то его нигде не могли найти. Это так и было: сел на корабль и полетел, а куда — неизвестно. И трубы забрал с собой. Вот начальство видит — нет Брюса, и

написало царю: «Брюс неизвестно куда девался, какое распоряжение будет насчет его книг, порошков?» А Петр написал: «Не трогать до моего приезда». Через сколько-то времени приезжает. Заперся в башне и трое суток рассматривая книги, порошки. Туда ему обед и ужин подавали. А народ собрался, ждет, что будет. Вот на четвертые сутки приказывает царь вылить в яму все эти Брюсовы жидкости, а порошки сжечь на костре, книги и бумаги замуровать в стену этой самой башни.
— Но, — говорит Петр, — главных-то книг нет. Должно быть, спрятал в потаенном месте.
Ну, замуровали. И приказал царь запереть башню на замок и сам печати к двери приложил сургучные. И приказал поставить часового с ружьем. И уехал царь, и тут вскорости помер.
После него другие царствовали. А только у Сухаревой башни все ставят часового. Вот стала царствовать Екатерина Великая. Докладывают ей насчет Сухаревой башни. Она говорит:
— Не я ее запечатывала, и не мне ее распечатывать. А часовой, говорит, пусть стоит. Как, говорит, заведено, так пусть и будет.
Ну, и другие цари такой же ответ давали.
Из писем того же Вильгельма де Геннина мы узнаем и том, что зимой 1724 года Брюс, не то заболевший, не то чем-то расстроенный, заперся в четырех стенах и не занимался даже службой. В письме от 26 декабря 1724 года де Геннин, сообщая Брюсу о старых рудных копях и медной руде, найденных за Барабою, в Сибири, не преминул приписать: «...о прочем, что я по моей должности партикулярно ваше сиятельство долгое время не рапортовал, то тот резон, понеже слышно мне и сожалительно, что вы не изволите никого к себе пускать и никакого дела не принимать, того ради я не хотел вас, моего государя утрудить; однако в чем изволите иметь о здешнихъ всех делах известие, то может донести вам член из Берг-коллегии из моих рапортов, которые сколько я мог и как поспел за умалением приказных людей посылать».
Были трения у Брюса и с другими подчиненными по Берг-коллегии. Так, 25 февраля 1720 года он сделался непосредственным начальником первого порохового мастера, суперинтенданта Шмидта, в именном указе которому говорилось: «...сим подтверждаем, чтобы ты все ко исполнению должности своей требовал письменно от генерал-фельдцейхмейстера, и стать бы под его ордерами, а в небытность его здесь (в Петербурге) кому правление артиллерийское вручено будет, и того по указам исполнять». Это непосредственное начальствование над Шмидтом, объявлявшим, что без соблюдения определенных условий он порох делать не хочет, вовлекало Брюса в разные затруднения, из которых об одном Брюс 6 апреля писал царскому кабинет-секретарю Макарову следующее: «Государь мой Алексей Васильевич. Изволил его царское величество приказывать мне, чтоб вновь заведеный пороховой завод по манире сур-интенданта (Шмидта) конечно достраивать. И я доносил, что в артиллерии зело великое оскудение в деньгах и что на такие дела денег нам не определяется. И его величество изволил обещать на оное строение приказать из кабинета отпустить деньги. И колико на половину оного строения потребно было, о том посылал я к вашему благородию наперед сего доклад. А именно требовано 8907 рубл. И понеже по се время еще никакой резолюции не имею, а то строение к остановке ближится, того ради вашего благородия услужно прошу, дабы пожаловали уведомили меня: нет ли какова его величества указа о том. Я зело опасен, чтоб гнева на себя ненавесть; а строить из артиллерии конечно нечим. И хотя б не вдруг вышеписанное число было выдано, токмо б до остановки не допустить, понеже сие

дело зело надобно. Впрочем пребываю навсегда вашего благородия (собственноручно): должным слугою Яков Брюс».
А вот служивший на заводах подполковник артиллерии Матвей Виттвер 15 августа 1720 года доносил царю: «Пушку скорострельную 24-фунтовую, которая ныне делается, оную я пробовал и выстрелил восемь зарядов с ядрами безо всякой запности. И начаю, что Божиею помощию можно выстрелить вдвое больше оною безо всякого мешкания. И ежели бы в нашей воле было — и оная бы давно в готовности была, также и прочие дела». Тот же Виттвер 18 ноября 1720 года письменно объяснил кабинет-секретарю Макарову, что не может прислать ему 3-фунтовые мортиры, потому что новоопределенный цейхвартер Кошелев, без позволения господина генерал-фельдцейхмейстера, этой мортиры из цейхгауза не выдает, а мортир в 1 фунт, в 1 ½ фунта и в 2 фунта, просимых Макаровым «в дом его царского величества», — в наличии нет.
Несмотря на все эти досадные помехи, деятельность Брюса по руководству Берг- и Мануфактур-коллегией была довольно плодотворной.
В 1719 году он разрабатывает Берг-привилегию, утвержденную Петром 10 декабря 1719 года. Этот документ имеет огромное значение для развития горного дела, металлоплавильного производства и разработки полезных ископаемых. Фактически принятие этого документа стало основой для деятельности Берг-коллегии. Кстати, благодаря ему датой образования Берг-коллегии принято считать 1719 год.
Берг-привилегия провозглашала, что «всем и каждому дается воля, какого бы чина и достоинства ни был: во всех местах, как на собственных, так и на чужих землях искать, копать, плавить, варить и чистить всякие металлы; сиречь злато, серебро, медь, олово, свинец, железо; так же и минералов, яко селитра, сера, купорос, квасцы и всяких красок потребные земли и каменья, к чему каждой толико промышленников принять может, колико тот завод и к тому подобное иждивение востребует».
В следующих пунктах предлагалось с заявлениями о найденных металлах и минералах являться за помощью в Берг-коллегию, которая выдает жалованные грамоты для отвода участков, субсидирует деньги на стройку и производство работ по выработке металла и добыче полезных ископаемых.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Как Брюс с царем поссорился (продолжение)
Вот взошел на престол Александр Третий. Был он на коронацию в Москве. Едет осматривать город и проезжает мимо Сухаревой башни. Часовой встал на караул — честь отдает. Вот царь спрашивает генерала:
— А что хранится в этой башне?
А генерал отвечает:
— Не могу знать.
Царь приказал кучеру остановиться, выходит из коляски, спрашивает часового:
— Что ты, братец, караулишь?
— Не могу знать, ваше императорское величество, — говорит часовой.
Смотрит царь — висит замчище, может, фунтов в пятнадцать, и семь печатей сургучных со шнурами привешены. Стал спрашивать генералов — ни один не знает, что в этой башне хранится. Время-то прошло много, как она запечатана была. Которые знали, те давно поумирали, а новым эта башня без надобности. Вот царь требует ключ. Кинулись искать. А где его в чертях найдешь, когда его и в глаза никто не видел, какой он есть! Тут генерал объяснил:
— Это, говорит, по неизвестному случаю башня запечатана, а где находится ключ, тоже никому не известно.

Рассердился царь:
— Что за порядки, говорит, такие дурацкие: не знают, что в башне хранится! Тащи лом, командует, тащи молот!
Живо притащили. Засунули лом… Только не поддается замок.
— Бей молотом! — командует царь. И принялись наяривать молотом по замку. Насилу сбили двери. Ну, вот, отворили дверь, входит царь, смотрит — все пусто кругом, стоят голые стены и больше ничего. Тут царь опять рассердился:
— Какого же, говорит, черта здесь караулили? Пауков, что ли. Только, говорит, это не такая драгоценность, чтобы из-за такой сволочи ставить караул!
Принятие Берг-привилегии дало невероятно мощный толчок в деле поиска и разработки новых рудников, новых регионов, в будущем известных не только по России. Так, в 1720–1722 годах были найдены полезные ископаемые на Урале, в Сибири, на севере европейской части России, в Донбассе, были открыты залежи каменного угля на Северном Донце, в Подмосковье и близ Кузнецка в Сибири. Благодаря этим открытиям в России стала зарождаться тяжелая промышленность на собственной основе (напомним, что в конце XVII — начале XVIII века как руда, так и металл ввозились в страну из Англии и Швеции), в стране появляется своя топливно-энергетическая база, обеспечивавшая потребности страны до середины XX века. Даже в годы первых советских пятилеток мощная экономика огромной державы базировалась на месторождениях, открытых в эти годы Берг-коллегией под руководством Брюса.
При этом президент Берг- и Мануфактур-коллегии не только ратовал за открытие новых месторождений и строительство заводов, но и настаивал на закрытии разработок в бесперспективных районах.
Так, обнаруженные в начале XVIII века в Московском, Клинском, Боровском, Серпуховском и Каширском уездах железные руды были признаны после проведения опытных плавок «негодными в дело», видимо по их бедности: «железо из них становилось дорогою ценою» и потому решением Берг-коллегии, утвержденным Сенатом, разработка здесь налажена не была. Прекратил в начале XVIII века работу и подмосковный Павловский (Сорокинский) завод, по причине «оскудения дров» и, возможно, плохого качества руды, которое не позволяло еще в XVII веке конкурировать Подмосковью с Тулой. Замирает обработка железа в Серпухове, возможно, ввиду конкуренции соседних, расположенных за Окой Скнижского и Вепрейского вододействуемых заводов. Закрылась появившаяся в 1698 году ружейная фабрика Елизара Избранта на реке Воре в Глинках.
Зато в Москве сохраняется пушечный двор, переименованный в Арсенал и снабжавший армию Петра оружием в годы Северной войны. Подобный же «пушечный двор» в Санкт-Петербурге, по указанию Петра, строит Брюс в 1714 году. Причем новый Арсенал петербургский был больше московского, поскольку согласно сведениям Кириллова, изложенным в его докладе Сенату, в середине 1720-х годов на петербургском Арсенале работало 218 человек с мастеровыми, а на московском — 131 человек. Интересно отметить и то, что Кириллов в составе мастеровых указывает двух колокольных мастеров и пять человек паникадильных мастеров, подмастерьев и учеников — даже в разгар Северной войны московский Арсенал лил колокола на продажу и делал церковную утварь.
16 февраля 1720 года в ведение президента Берг- и Мануфактур-коллегии поручается Петербургский монетный двор. Этот шаг был вынужденным, и сам Брюс стал его инициатором, обратившись с докладом к Сенату. Дело в том, что в России в 1718 году была введена медная монета для размена денег. Планировалось вывести из

обращения серебряные монеты. Однако это породило не только повышение цен, но и увеличение числа фальшивомонетчиков. Поэтому Яков Брюс и обращается с докладом о необходимости проведения денежной реформы, способной преодолеть проблему фальшивых денег. Как уже отмечалось выше, такую реформу в 1698 году проводил в Англии И. Ньютон, в период пребывания там Якова Вилимовича Брюса, который во время Великого посольства по поручению Петра I несколько месяцев работал в лаборатории и на монетном дворе Ньютона и досконально изучил механизм проведения подобной реформы.
С другой стороны, введение медных денег потребовало внести изменения в стратегию производства металлов. Если в начале XVIII века особенно остро стоял вопрос о чугуне, железе, стали для покрытия спроса войны, теперь эти потребности военных ведомств, видимо, достаточно удовлетворялись существующей уже сетью чугуноплавильных и железоделательных предприятий, о чем свидетельствует указ Берг-коллегии 1721 года, сдерживавший рост подобных заводов и даже приводивший к их сокращению. Наоборот, потребность в меди продолжала оставаться острой и даже чувствовалась более напряженно. О том, как обстояло дело с медью, пожалуй, лучше всего может сказать заметка Петра I от 14 февраля 1724 года. Он предполагал предоставить возможность частным лицам, «медь у ково есть в домах», переделывать за плату на монетном дворе в «деньги» и даже вновь возвращался к мысли об использовании колоколов, только теперь не для переливки в пушки, как после нарвской катастрофы, а для перечеканки в монету, чтобы окончательно вывести из употребления серебряные копейки. Разрабатывавшиеся у Онежского озера медные рудники были и небогаты и неудобны для выемки породы, опыты в других местах вовсе оказались неудачными. Поэтому богатые руды Урала, естественно, становились основой медной промышленности.
Кушурские медные заводы, описанные Геннином, были созданы в 1710–1718 годах известным заводчиком Федором Молодым и не удовлетворяли полный спрос на медь. Поэтому Берг-коллегия в 1723–1725 годах очень быстро, подчас одновременно строит на казенные средства пять медных заводов: Екатеринбургский (в верховьях Исети); Лявинский (за Уральским хребтом, в верхнем течении реки Ляли — притока Сосвы); Егошихинский (Ягошихинский) у впадения в Каму речки Егошихи на месте современной Перми; севернее его Пыскорский, получивший имя от монастыря, на земле которого у впадения речки Камгорки в Каму он был расположен, и Полевский — на юге (на речке Полевой, притоке Чусовой в ее верховьях — по эту сторону Урала). Кроме того, медеплавильная печь была поставлена на Уктусском доменном заводе. Всего уже к 1724 году, не считая Полевского завода, который только еще строился, казна располагала одиннадцатью плавильными и четырьмя переплавильными (очистительными) печами. По расчетам де Геннина, в этих печах можно было переплавить около 450 тысяч пудов песчаных и шиферных руд, получая свыше семи тысяч пудов чистой меди.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Как Брюс с царем поссорился (окончание)
Да тут пришло ему в голову постучать в стену. Постучал — слышит, будто отдает пустое место. Приказал позвать каменщика. Притащили их целый десяток.
— Выламывай стену! — приказывает царь.
Ну, выломали. Смотрят — лежат книги, бумаги. Царь удивился.
— Что же это за архив такой секретный? — спрашивает.
Генералы в один голос отвечают:
— Не можем знать!

Посмотрел царь, что напечатано, — ничего понять не может. Смотрели и генералы — тоже не в зуб толкнуть. Посылает царь за профессорами. Набралось их много. Принялись разбирать. Уж как они ни старались, чтобы перед царем отличиться, — ничего не выходит, не действует механизм!
— Это, говорят, какие-то неизвестные книги.
А царь сердится.
— Неужели, говорит, ни одного не найдется, который бы разобрал?
Тут говорят ему:
— Есть еще один старичок-профессор: если он не разберет, так никто не разберет.
Послал царь за этим старичком. Привозят его. Как глянул, так сразу и сказал:
— Это, говорит, книги Брюсовы, и бумаги тоже его.
А царь и не знал, какой-такой Брюс был, и спрашивает старичка:
— А что за человек был Брюс, что его книги и бумаги беспременно нужно было замуровать в башню?
Старичок и говорит:
— А это, говорит, вот какой был человек: такого, говорит, больше не рождалось, да и не родится. — И стал рассказывать про Брюса.
А царь слушает и удивляется.
— А ну-ка, говорит, почитай хоть одну книгу.
Вот старичок начал читать. Все слушают, а понять ничего не могут, потому что на каком-то неизвестном языке написано. Черт знает, что за язык! Царь говорит:
— Хоть ты и читал, а понять ничего невозможно.
Тут старичок и стал объяснять эти слова. И все насчет волшебства. Вот царь и говорит:
— Ладно, теперь я понял, в чем тут дело, — это тайные науки. Только ты не читай их здесь, а поедем со мной — там мне одному прочитаешь.
— Это все, говорит, волшебство тут описано. Это Брюс разные волшебные составы делал.
Царь (Николай 1-й) спрашивает:
— Откуда ты научился книги такие читать? Сколько, говорит, профессоров, ни один не знает, а вот ты выискался, что и про волшебство знаешь.
А старик говорит:
— Я до всего доходил.
— Значит, говорит царь, ты много знаешь? Ну так, говорит, поезжай со мной — послушаю я твою премудрость. — И забрал все книги Брюсовы, бумаги и того старика...
Уехал, и ничего не известно, где теперь эти книги, бумаги, где старичок — никто не знает, нет ни духу, ни слуху.
Записано в Москве 8 сентября 1924 г. Рассказывал старик-печник Егор Алексеевич, фамилию не знаю.
Для производства и обработки железа был выстроен большой Екатеринбургский завод с двумя домнами, шестью молотами и большим числом разных цехов по выработке сортового железа, уклада и пр. и чугунолитейный и железоделательный Полевский завод (в одном месте с медеплавильным).
Особенно крупных размеров достигает в этой сфере производственная база Демидовых, которые осваивают не только Урал, но и Тагил, а позже Алтай. Кроме Демидовых, пользуясь Берг-привилегией, рудным делом стали заниматься компании в Верхотурском уезде, на реках Логве и Ляле.
В связи с этим Урал становится в 1720-е годы самым мощным районом по производству чугуна, стали и железа. Что же касается меди, то в этом отношении его

роль была исключительной: кроме небольшого количества металла с Кончезерского завода, всю остальную медь тогдашняя Россия получала с Урала.
Но быстрый рост заводов в этот период выдвигал для Берг-коллегии два существенных вопроса.
Во-первых, широкие потребности «рудного дела» в рабочей силе удовлетворялись в Уральском крае все с большими затруднениями, которые уже чувствовались с начала работы Берг-коллегии. В связи с этим приходилось увеличивать территории вокруг заводов. Эти приписки осуществляются, согласно царскому указу 1721 года, по требованиям Вильгельма де Геннина и В. Н. Татищева.
Во-вторых, при создании металлоплавильных заводов возникает опасность недостатка леса в ближайших к заводам местах. Забота об обеспечении выплавки меди, которой в 1720-х годах, как уже отмечалось, так много уделяли внимания и средств, с особой силой сказалась в указе 1720 года. Давая разрешение Демидову строить медный завод в Вые и рубить лес для плавки меди, указ прямо запрещал в этом районе заготовлять дрова для железного завода, «чтоб в том лесу к тем медным заводам оскудения не было», и даже «близ тех его Демидовых медных заводов для оскудения лесов иным никому заводов заводить не дается». А далее уже в обшей форме указ оповещает руководителей горного дела на Урале: «...в Сибирской губернии (где как раз сосредоточены железные заводы) железных заводов вновь для медных руд, чтоб в дровах оскудения не было, до указу строить не велено...»
Подобные же указы и предписания в 1721 году Берг-коллегия адресует В. Н. Татищеву в отношении казенных заводов. Добавим, что данный категорический запрет был все же ослаблен на основании доводов того же Татищева при строительстве нового железного завода на Исети. В дальнейшем это запрещение было, очевидно, отменено и железные заводы продолжали строиться. Но громадное потребление топлива металлургическими заводами даже на лесистом Урале ставило вопрос о более рациональном использовании лесов. И именно Татищевым, стоявшим тогда во главе казенных заводов на Урале, предложен проект правил о «бережении лесов». Эти правила, утвержденные Берг-коллегией 20 июня 1721 года, получили силу общеобязательных предписаний с установлением в «лесных дачах» пятнадцати лесосек.
Говоря о деятельности президента Берг- и Мануфактур-коллегии, нельзя обойти вниманием школы при горных заводах, к которым Брюс имел непосредственное отношение. В 1716 году была организована первая в России горная школа при Канцелярии олонецких заводов. В школу набрано было 20 детей бедных дворян, которых учили арифметике, геометрии, рисованию, артиллерии, инженерному делу. Именно эту школу имела в виду Канцелярия олонецких петровских заводов, когда она в 1724 году на запрос Сената об имеющихся школах отвечала: «Никаких школ, кроме железных заводов и горных дел, не имеется».
В 1721 году по инициативе В. Н. Татищева на уральских казенных заводах были учреждены две школы (Уктусская и Кунгурская), в которые брали учиться лишь грамотных детей. В школах проходили арифметику, геометрию, основы горного дела. В дальнейшем Татищев на Уктусском и Алапаевском заводах учредил также «словесные школы» для обучения грамоте. В декабре 1721 года Татищев доносил Берг-коллегии, что всего у него обучается 50 человек.
Вильгельм де Геннин учредил в 1724 году школу в новом городе Екатеринбурге, ставшем центром уральской промышленности. Было решено в Екатеринбургской школе обучать арифметике, черчению, геометрии, а в прочих местах учредить лишь

словесные школы. В связи с этим в Екатеринбургскую школу влились Уктусская и Кунгурская, а Алапаевская школа прекратила свое существование.
Создание школ давало повод говорить о перспективах развития ведомства и дальновидности его президента.
Мануфактур-коллегию Яков Вилимович возглавлял до января 1722 года, пока его не сменил Василий Новосильцев. Берг-коллегию Я. В. Брюс возглавлял до момента своей отставки 6 июля 1726 года.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюс и волшебная наука
Был этот Брюс умнейший человек, ученый: волшебную науку постиг лучше некуда. Ну, и прочее. Какая видимость на земле, какая на небе — это мог определить, что к чему принадлежит. Ну, тут и так, и этак толковать можно, у каждого свой ум. А вот как он свою волшебную науку показал, так это на удивление: живую женщину сделал из цветов: ходила, работала, прислугой у него была, только говорить не могла. А Брюсова жена приревновала к нему эту прислугу.
— Ты, говорит, с нею живешь.
А Брюс смеется:
— Эх, говорит, Дурында Ивановна, ничего не понимаешь.
Ну, та все свое, давай его грызть, давай пилить каждый день:
— Не без того, говорит, ты с ней живешь.
Вот раз при гостях и начни она его срамить.
— Бестыжие, говорит, глаза: от законной жены откачнулся, с прислугой связался.
Взяла тут досада Брюса.
— Эх, говорит, дуреха, да и мозги твои дурацкие. Посмотри-ка, какая это прислуга!
Взял, да и вынул железный стержень у прислуги из головы. Она тут вся цветами и рассыпалась. Жена, гости: ах-ах! А жена говорит:
— А я думала, она из тела сделана.
Ну — баба, какое у нее понятие о такой науке?
А только нашлись такие шпионы поганые, — может, из гостей и были, — донесли царю про это Брюсово ремесло, про цветочную женщину. А царь не любил Брюса и не любил вот за что: Брюс сделал над ним волшебную насмешку. Он хотел шутку подшутить, а вышла насмешка. А какая это была насмешка — точно рассказать не смогу. То ли он царя в дураках оставил, или еще что… не знаю… А какой был царь — тоже сказать не сумею, только не Петр Великий.
Ну, значит, эти мазурики-шпионы донесли царю. А царь говорит:
— Этот проклятый Брюс — бельмо у меня на глазу. Пойдите, говорит, хоть обманом поймайте его и приведите под конвоем.
Хм… «поймайте»… Не таковский Брюс был, чтобы попасть в клетку: царь только сказал, а он уже знал, что ловить его собрались. Царь думал обманом взять его, а Брюс сам всех обманул.

Последние годы службы
Безусловно, горное дело, металлургия были близки Якову Вилимовичу, поскольку они связаны с артиллерией, а генерал-фельдцейхмейстер в конце Северной войны, да и после нее продолжал совершенствовать артиллерию и укреплять этот род войск. Иоганн Готтгильф Фоккеродт, рассказывая о петровских нововведениях, писал: «Устройство артиллерии Петр I предоставил генерал-фельдцейхмейстеру Брюсу, шотландцу по происхождению, который в несколько лет привел ее в превосходное положение, несмотря на понесенную ею великую потерю при Нарве».

В 1720 году он получает новый состав пороха, который превосходит по качествам все известные в то время пороха по точности и дальности стрельбы. Об этом упоминается в «Записке на память, о чем доложить его царскому величеству».
В то же время Брюс, всегда заботясь о пользе и выгоде своих подчиненных, вставал горой за специалистов артиллерийского ведомства, стесняемых требованиями полиции, или требовал немедленной уплаты артиллерийским рабочим за материал и труд, потраченные ими на поделки для других, казенных же, ведомств. Так, в сентябре 1720 года Брюс, особой запиской в Кабинет, ходатайствовал об увольнении артиллерийских инструментных мастеров Ив. Калмыка и Дм. Турченинова, живущих в выстроенном им из кабинетских сумм доме, от обязанности мостить свой двор, возлагаемой на них полициею.
В том же 1720 году в подчинение Брюсу передаются все крепости, то есть фортеции регулярные готовые — Петербург, Кексгольм, Нарва и Ивангород, Рига, Динамент, Пернoф, Святого Креста, Киев на Печерах, Архангельск; фортеции и цитадели, строящиеся и планируемые для строительства, — Шлиссельбург, Смоленск, Выборг, Кронштадт; малые цитадели — Пероволочна, Переяславль, Брянск, Павловский, Царицын, Луки, Чернигов, Новый Транжамент; города с башнями нерегулярные — Тобольск, Казань, Уфа, Астрахань, Псков, Новгород. Царский указ от 23 мая 1720 года гласит: «Великий Государь указал: все крепости и в них обретающихся артиллерийских служителей и артиллерию, амуницию, цейхгаузы и прочее, что к артиллерии принадлежит с сего числа впредь ведать в Главной Артиллерии Генерал-Фельдцейхмейстеру и Кавалеру Господину Брюсу, так как и Санктпетербургския крепости у него ведомы суть. И о том обо всем изо всех мест репортовать его, и всякаго о том решения требовать от него, а ему о состоянии тех крепостей репортовать в Военную Коллегию, так как и о полевой артиллерии, по Воинскому уставу. А в каком состоянии те крепости и обретающиеся в них артиллерийские служители, артиллерия и прочее, что к оной принадлежит, о том всякаго надлежащаго подлиннаго ведения требовать из тех губерний в артиллерию указами немедленно, дабы заблаговременно все крепости, который надлежит содержать, во всем, в чем пристойно, исправить и в порядок привести, о чем должен старание иметь Генерал-Фельдцейхмейстер, как о том Воинский Устав повелевает».
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюс и волшебная наука (продолжение)
Ну, полиция и направилась прямо к Брюсу в дом. А жил Брюс на Басманной — дом и теперь цел. И в доме этом в стену вделана гробовая доска — крышка от гроба, и на ней крест, а повыше доски надпись сделана, только не нашими буквами, а какие это буквы — никто не знает, и прочитать никто не может. Собрались профессора, посмотрели и отвернули нос: не вкусна говядина, не по зубам. Ну, прочесть не сумели, давай Брюса ругать: накрутил, нацарапал, сам черт не поймет! И немцы, и англичане приезжали разбирать надпись, и французы… Ничего у них не выходит.
— Нет, говорят, не нам читать это надписание.
Ну, и приказание было закрасить эту надпись и гробовую доску. И сколько раз закрашивали, а никак закрасить не могут: нынче закрасят, а назавтра доска и надпись опять выступают. Вот она какая тут волшебная наука!
Ну, хорошо… Вот, значит, полиция пришла в Брюсов дом. Пристав и спрашивает жену:
— Где Брюс?
Она говорит:
— Из Москвы уехавши. К вечеру вернется.

А это Брюс научил ее так говорить. Вот пристав и пошел ловить Брюса по заставам. Ну, разослал на пять застав. Смотрит — сам Брюс едет. Тут пристав подкрался, ухватил Брюса.
— А-а, говорит, попался, милачок!
А Брюс ничего: попался и попался, и не вырывается, стоит смирно. Только смотрит пристав — волокут еще одного Брюса. Он и рот разинул.
— Что же это такое? — говорит. — Откуда взялось два Брюса?
А тут и третьего притащили. Да так на пяти заставах пяти Брюсов и наловили. И все как один, тонка в точку, и обличьем, и одеждой, и голосом. Пристав и глаза вылупил, и понять ничего не может — как ошалелый стоит.
— Кто же, спрашивает, из вас настоящий Брюс?
А Брюсы смеются:
— Да мы, говорят, все настоящие, все сами по себе.
Вот тут и разгадывай — где настоящий. Ну, что тут делать приставу? И ничего подумать не может. Ведет к царю всех Брюсов: пусть, мол, сам ищет настоящего. Вот приводит:
— Так и так, ваше эмператорское величество, говорит, наловил я, говорит, на заставах пять Брюсов, а какой из них настоящий Брюс — не мог дознаться.
Продолжает Яков Вилимович руководить монетным двором, проводя денежную реформу, направленную на борьбу с фальшивомонетчиками. Эта борьба была довольно жесткой. Так, 5 февраля 1723 года Брюс лично объявил в Берг-коллегии указ об отсечении головы фальшивомонетчикам, которые, с «влитым в горло расплавленным металлом, не скоро умирают».
После отставки Брюса монетный двор будет выведен из состава Берг-коллегии.
7 мая 1724 года, при короновании Петром Великим Екатерины на престол императрицы, генерал-фельдцейхмейстер Брюс в свите царских регалий нес перед государем императорскую корону. Его жена, Марфа Андреевна, вместе с княгиней Меншиковой, графиней Головкиной и княжной Трубецкой поддерживала шлейф императрицы.
В последние дни января 1725 года тяжело заболел царь. Брюс не только присутствовал во дворце со всею знатью, но и принимал участие в «конгрессе» первейших чинов империи, провозгласившем на рассвете 28 января императрицу Екатерину преемницей умершего императора, причем «в том же преждереченном конгрессе (повествует самовидец) от всех прошен Генерал-Фельдцейхмейстер Сенатор и Кавалер граф Яков Брюс, дабы принял на себя труд о обустроении погребения императорского, и принадлежащего к тому, по обычаю прочих в Европе государств. И его превосходительство, получив себе в помощь господина генерала Бона, и выбрав угодных к тому делу управителей и прочих помощников, також и вся к тому нужная изготовив и мастеров разных художеств созвав, со всяким тщанием ему врученное дело производил и исполнил». Так Брюс в звании верховного обер-маршала печальной комиссии отслужил свою последнюю службу Петру.
В память императора Яков Брюс разрабатывает рисунок к 1160 золотым (от 4 до 50 червонцев) и 10 900 серебряным медалям. Этот рисунок был представлен в Сенате 24 февраля 1725 года. В ходе обсуждения Сенатом он был принят за основу с некоторыми изменениями обратной стороны медали — вместо «лежащих на земле корон и прочего» решено «быть столику и на нем скипетр и держава».
Кроме медалей Я. В. Брюс разрабатывает церемониальные планы погребения Петра. Эти планы включали:
реестр певчих при гробе;

изложение указа императрицы Екатерины I о погребении Петра I и Натальи Петровны (дочь Петра Алексеевича умерла 2 марта и была похоронена вместе с отцом);
порядок, как поступать при погребении (инструкция на восьми листах);
план погребальной церемонии (на 13 листах, в виде раскладушки);
донесения об участниках погребения; опись участников погребения;
опись подданных, шедших в церемонии (всего 69 человек); церемония шествия в рисунках.
В этом огромном труде (на 66 листах) Брюс расписал до мельчайших деталей все нюансы погребения императора.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюс и волшебная наука (продолжение)
Посмотрел царь на этих Брюсов, и зло его взяло большое:
— Ну, и стерва же, говорит, этот Брюс, ишь, на какие штуки ударился! Ну, как, говорит, отыщешь тут настоящего Брюса, ежели все они один в один? Только, говорит, одно и остается: взять, да и перестрелять всех из поганого ружья. Да и то вряд ли настоящего убьешь: уйдет, говорит, проклятый, козявкой обернется и уйдет, а безвинные люди смерть примут… А я, говорит, не хочу грех на душу брать.
Думал, думал:
— Гоните, говорит, всех вон — добра нечего ждать от них!
Ну, кинулись к Брюсам — кого в шею, кого по затылку.
Побежали пятеро, а стало четверо, и ведь совсем они не Брюсы, а царские генералы. А этот Брюс нарочито обернул их Брюсами, чтобы царю досадить. Ну, стало четверо генералов, а настоящий-то Брюс пропал.
Еще больше взяло зло царя.
— Я, говорит, так и знал, что тут подлость. Ишь, говорит, что выкинул!
А генералы вернулись и жалуются:
— Когда же, говорят, эмператорское величество, посадишь проклятого Брюса на цепь?
А царю и без них тошно. Как закричит:
— Вон из моего дворца!
Генералы и помчались.
А Брюса пристав все же накрыл: сидит в пивной и пивцо попивает.
— А-а, говорит, пристав, — вот где настоящий Брюс!
А Брюс ему говорит:
— Ты вот что: отстань, а не то оберну тебя петухом — будешь на улице лошадиный навоз разгребать.
Пристав как дунет от него — испугался: свяжись, мол, с чертом и кукарекай целый век!
Петр I был похоронен 10 марта. Работами по бальзамированию тела императора также руководил Яков Вилимович Брюс.
Вот как описывает похороны А. С. Чистяков: «На крепости вывешены были черные флаги, по Неве, вдоль мостков, стояло войско с белыми восковыми факелами в руках; народу было видимо-невидимо; Нева, набережная, окна и крыши домов были унизаны зрителями и у всех в руках были восковые свечи. После третьего сигнального выстрела гроб вынесли с церемонией и поставили под балдахином на великолепные сани, обтянутые черным бархатом с золотыми галунами и запряженные восемью лошадьми в черных бархатных попонах, вышитых золотыми государственными гербами.

Шествие открывали унтер-офицеры гвардии с алебардами. За маршалом шли литаврщики, трубачи, пажи и придворные кавалеры. За ними в епанчах с длинным крепом — иностранные купцы и депутаты завоеванных областей, каждое отделение отделялось гоффурьером верхом; за красным военным знаменем вели любимую лошадь государя, на которой он бывал в сражениях; на ней была богатая сбруя, а на голове белые и красные перья. Несли областные знамена, и за каждым лошадь в попоне, также желтый адмиральский штандарт, который император распускал на ботике, во время торжественного плавания. За белым знаменем с изображением ваятеля, отделывающего статую России, — вели лошадь под зеленой попоной с разноцветными перьями на голове; далее следовали латник в золотых латах на коне, а затем пеший траурный латник, с опущенным мечом, и знамя печали — черное. Несли герб государственный и гербы областей, шло духовенство с крестами, при печальном пении певчих, за духовенством несли гроб Натальи Петровны, под балдахином. Герольдмейстеры несли государственные мечи, опущенные вниз, ордена, короны царств, скипетр, державу и императорскую корону. Затем сани с гробом императора. Полковые знамена преклонялись к земле, по мере приближения к ним гроба, и замолкавшая похоронная музыка опять раздавалась. За гробом шла императрица с лицом, закрытым черною мантией, ее под руки вели Меншиков и Апраксин, шлейф несли камергеры, по сторонам шли драбанты, в свите ее — придворные. Таким же порядком, но с постепенно уменьшающейся свитой шли все остальные члены царской фамилии; последним шел великий князь Петр Алексеевич со свитой. За ним придворные, знатные дамы и девицы, чиновники, дворяне и купцы. Шествие замыкали унтер-офицеры гвардии; у всех в руках были зажженные свечи, исключая тех, которым надобно было нести что-нибудь, кого-нибудь поддерживать или держаться за шнуры и кисти катафалка; народ тоже шел с зажженными свечами. Через каждую минуту раздавался пушечный выстрел; похоронное пение, погребальная музыка, плач и рыдание нескольких тысяч человек производили потрясающее действие на присутствующих.

Гроб поставили на приготовленное место; по окончании службы раздались три оглушительных залпа из орудий и ружей всего войска. Феофан Прокопович сказал надгробное слово; оно было не длинно, но говорил он его долго, потому что его поминутно прерывали отчаянные крики, плач и стоны присутствующих.

Гроб Петра только через шесть лет опустили в каменный склеп, а до тех пор он стоял на виду, покрытый порфирой, и при нем постоянно находилась почетная стража».

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Брюс и волшебная наука (окончание)

Вот он какой мастер был по волшебству! И всё ведь наукой постигал. Ну, это что хитро, то хитро, а все же не настоящее. А настоящее вот какое у него было дело: из старых людей молодых делал. И никаким отваром не поил, а поступал деликатно: увидит старика, сейчас перережет уму горло и давай его кромсать — всего на куски изрежет. После того польет одним составом — тело срастется, польет другим — и станет из старика молодой. Вот это наука, всем наукам наука!

Ну, только же она и погубила Брюса. Правду сказать, тут наука не виновата, а лакей Брюсов виноват — такая гадина был человек. Вот кому бы пулю из поганого ружья в затылок закатить — в самый бы раз!

Тоже и Брюса оправдать нельзя. Нашел, кому довериться в таком важном деле — лакею! А может, тут такая судьба Брюса была — пропасть ему от лакейской руки. Это, пожалуй, вернее будет...

А уж стар был Брюс — восемьдесят годов было. И говорит лакею:

— Изруби меня на куски. Сперва, говорит, вот из этого пузырька полей, потом вот из этого, и стану, говорит, я юноша прекрасный.
Вот лакей изрубил его на куски. Из одного пузырька полил — срослось тело, а из другого не стал поливать. Побежал к царю… ну, может, не к самому царю, а к генералу, который при царе находился.
— Вот каким, мол, средствием я сделал конец Брюсу.
Ну, отпустили ему сколько-то денег. А Брюса поскорее тайком похоронили — боялись, чтобы не ожил.
А книги Брюсовы приказал царь разыскивать и жечь. И которые нашли — сожгли… Только еще штук с десяток утаили… ну те, которые разыскивали: пристава, полиция. А самые главные книги под Сухаревой башней в сундуке железном спрятаны. В башне этой у него мастерская была. А из башни ход был проделан в подземелье. Тут вот, в этом подземелье у него главная мастерская была, там он и делал разные секретные составы. Да нешто в одном месте у него такое подземелье было? Он всю Москву избуровил, ходы проделал, как крот. А книги те и посейчас лежат там.
Записано мною в Москве 15 ноября 1925 г.
От крестьянина, ломового извозчика Ивана Антоновича Калины из Волоколамского уезда.
В начале царствования Екатерины I Брюс, как генерал-фельдцейхмейстер, продолжает руководить артиллерийским ведомством, которое не просто управляло мощной артиллерией, главное, был заложен механизм ее дальнейшего развития.
К личному составу этого ведомства, по табелям 1725 года, принадлежали 5579 артиллерийских чинов: в полевой артиллерии пять генерал-майоров, 77 штаб и обер-офицеров, 1435 унтер-офицеров и рядовых, 1010 неслужащих, 270 инженерных нижних чинов, 194 мастеровых артиллеристов и инженеров; при гарнизонной артиллерии, кроме Сибири, 40 штаб- и обер-офицеров, 1995 унтер-офицеров и рядовых, 58 неслужащих, 202 мастеровых; при гарнизонной артиллерии в Сибири 20 штаб- и обер-офицеров, 185 унтер-офицеров и рядовых, 87 неслужащих и мастеровых. Ядром полевой артиллерии был созданный Брюсом Артиллерийский полк. Он состоял из одной бомбардирской, шести канонирских и одной минерной рот. В гарнизонной артиллерии насчитывалось до тридцати команд, рассеянных по крепостям. Количество орудий полевой и гарнизонной артиллерии, не считая с ними полковых и корабельных, доходило до пяти тысяч единиц. Орудия эти были медные и чугунные, от 6-фунтового до 9-пудового калибра. Медные орудия отливались в Москве и Петербурге, чугунные — в Воронеже, Олонце, Сестербеке и Екатеринбурге. Тяжелая артиллерия хранилась на складах в Москве, по крепостям и особым запасным дворам — в Петербурге, Брянске (на польской границе) и Ново-Павловске (у турецкой границы) — на каждом по 240 пушек и 72 гаубицы и мортиры. Порох изготовлялся на заводах московском, петербургском, охтинском и сестрорецком. Оружие делалось на заводах в Туле и Сестербеке. Специальное артиллерийское образование давала школа при Петербургском лабораторном доме. На содержание всего артиллерийского ведомства 21 мая 1724 года положено отпускать ежегодно по 300 тысяч рублей — из подушного 12-гривенного сбора с купцов и из остатков от 4-гривенного сбора с государственных крестьян.
Брюсу, располагавшему теперь, в 1725 году, не теми артиллерийскими средствами, которые были у него в 1704 году, оставалось только работать в пользу дальнейшего развития русского артиллерийского дела.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюс, Сухарев и Пушкин

Их было трое: Брюс, Сухарев и Пушкин.
Брюс на небо летал смотреть, есть ли Бог. Ну, вернулся.
— Есть, — говорит, а сам поскорее к батюшке побежал… — На, говорит, тебе рупь, отслужи молебен.
Ну, а батюшка что ж?.. Рупь — деньги, на тротуаре не подымешь; взял да и отслужил…
И был этот Брюс самый умный: весь свет исходи — умней не найдешь. И знал он волшебство, и дошел до всяких наук. Календари делал… и порошки у него там, составы разные… И мог он обернуться птицей. А жил в Сухаревой башне. Там у него и книги, бумаги, пузырьков наставлено было тьма-тьмущая… и чего-чего только там не было. Понятно, не зря, а все для науки.
А башню эту Сухарев построил… Вот по этому самому и называется она «Сухарева башня».
А Сухарев этот был купец богатый, мукой торговал. Ну, еще и другие лавки-магазины были… бакалея там, да мало ли каких не было. Одно слово — богач… и тоже парень неглупый был, тоже по науке проходил. Ну, до Брюса-то ему далеко было, и десятой части брюсовской науки не знал. Он, может, и узнал бы, да торговля мешала.
— Ну, хорошо, говорит, положим, ударюсь я в науку, а кто же, говорит, за делом смотреть станет? А на приказчиков, говорит, положиться нельзя: всё растащут, разворуют.
Да и правда. Ведь что у нас за народ, я тебе скажу, — анафема, а не народ! Поверь ему — он живо выставит тебя за дверь да еще тебя же и виноватым сделает… Нет, доверяться нашему народу никак нельзя: обманет, а то, еще того хуже, в одной рубашке оставит…
Ну, это одно, а тут еще баба-жена да ребятишки. А при бабе какая наука может быть? Ты, примерно, книгу раскрыл и хочешь узнать чего-либо по науке, а тут жена и застрекочет сорокой: то-се, пятое-десятое… Уж она завсегда найдет, что сказать. Ты нарочито думай — не придумаешь, а она, и не думавши, как примется стрекотать… Уж она трещит-трещит… А ведь все зря, все попусту, лишь бы языку дать работу.
Конечно, есть и понимающая, разумная женщина, завсегда уважит мужа. Но ведь мало таких, всего больше — как раскудахчутся, так и жизни не рад станешь…
Ну, тоже и нашего брата похвалить не за что: есть такие соловьи залетные, он тебе напоет такое, что ты уши развесишь, и облупит он тебя, как яичко печеное. Есть такие ловкачи…
Ну, вот и Сухарева такое дело: думал, думал, как быть? И по науке человеку лестно пойти, да и нищим не хочется остаться… Видит — не с руки ему наука, взял, да и построил башню.
— Ты, говорит, Брюс, живи в этой башне, доходи до всего… А чего, говорит, понадобится, скажи, дам.
А чего Брюсу понадобится? Чего нет — сам сделает. Я тебе говорю: на все руки мастер был. Он и золото, и серебро делал. Ну, конечно, не зря, а по малости. А то, пожалуй, наделай много — тут такая бы пошла поножовщина, такое смертоубийство… Смотри, и башню давно бы спалили. Вот он и остерегался. А больше всего испытания делал, над составами работал.
А царь сердится:
— И чего ты, говорит, все мудришь? Что выдумываешь? Забился, говорит, в свою башню и сидит, как филин. Вот, говорит, прикажу подложить под башню двадцать бочонков пороху и взорву тебя. И полетишь, говорит, ты к чертям.
А Брюс говорит:
— Если, говорит, я филин, то пусть буду взаправдашний филин.

И тут обернулся филином. Обернулся, да как закричит: «Лугу-у!» Царь испугался и — бежать…
— Тут, говорит, и до греха недалеко.
И не любил царь Брюса.
— И когда, говорит, черти заберут его от меня?
А тронуть Брюса боялся. А не любил вот почему: он хоть и царь был, а по науке ничего не знал. Ну, а народ все больше Брюса одобрял за его волшебство. Ну, царя и брала зависть.
Однако с воцарением Екатерины I артиллерийская деятельность его почти прекратилась.
За 1725 год Брюс, «доношениями Артиллерийской Канцелярии», подготовил только два указа по артиллерийской части. Первый от 29 апреля 1725 года, о том, что «при артиллерии к покупке и к свидетельству материалов против проб, определить из артиллерийских служителей, кого та Канцелярия за благо рассудит, и быть им при том деле за присягою и свидетельство чинить, как о том в регламенте Адмиралтейском напечатано; а из купецких людей к тому свидетельству не определять». Второй от 7 декабря 1725 года, о прибавке «московским пороховым уговорщикам, за порох, который по указу 17 Января 1724 г., определено делать новым маниром», к прежним 2 рублям 90 копейкам, еще по 34 копейки на пуд казенной цены.
Нельзя сказать, чтобы Брюс, со времени воцарения Екатерины I, предпочел артиллерии Берг-коллегию, «по доношению и мнению», в качестве президента которой издал всего один указ, 27 октября 1725 года, «О определении на Монетные дворы для караулов урядников и солдат из гарнизонных регулярных, с обыкновенною переменою по недельно, а именно: в Москве, на три двора, урядника, капрала, ефретура, да солдат 24 человека, в Санкт-Петербурге, на два двора, капралов 2, ефретуров 2, солдат 16 человек, понеже как в Санкт-Петербурге, так и в Москве, на Монетных дворах без твердого караулу пробыть ни которыми меры невозможно».
Вместе с тем Брюс, в качестве одного из старейших «птенцов Петровых» и полезнейших сподвижников «первого Императора», был весьма уважаем императрицей Екатериной I. 21 мая 1725 года, в день брака цесаревны Анны Петровны с герцогом Голштинским Карлом Фридрихом, ему была поручена весьма почетная свадебная должность брата августейшей невесты. 30 августа того же года в годовщину подписания Ништадтского договора императрица возложила на Брюса, как кавалера Андреевского ордена, орден Святого благоверного князя Александра Невского, учрежденный ею 21 мая.
Сам же Брюс особым рвением в эти годы не отличался, более того, проявлял пассивность к государственной службе, о чем и говорит справка, данная императрице от генерал-прокурора в том, что за последний год как президент Берг-коллегии издал всего один указ. Можно было бы предположить, что Брюс устал и от этого мало занимался государственной деятельностью. Однако думается, что подлинные причины пассивности Брюса кроются в обстановке, сложившейся при дворе императрицы Екатерины I. Да, она почитала Брюса, но это почитание вызывало раздражение и ревность со стороны высокопоставленных вельмож при дворе. Именно в этот период выдвигается А. И. Остерман, с которым у Брюса не было особой дружбы. Но наиболее влиятельной фигурой при дворе оставался А. Д. Меншиков, умело влиявший на императрицу. Для него высокое положение Брюса было не совсем выгодно, и дружба, которая сложилась между ними при Петре, ушла на второй план.
Как отмечал В. Н. Татищев, после смерти Петра 1 в сложных условиях обострившейся

борьбы за власть Брюс сумел сохранить независимое положение и не примкнул ни к одной из враждовавших группировок «и от обоих в любви и поверенности пребывал». Так, человек, проводивший активную деятельность при царе-преобразователе, постепенно теряет былую предприимчивость, не видя должного понимания среди власть предержащих. Умный чиновник, порядочный и честный военный, Брюс ощущал и некоторое пренебрежение к себе. В полной мере это новое положение генерал-фельдцейхмейстера проявилось при формировании 8 февраля 1726 года Екатериной I Верховного тайного совета, в который вошли князь А. Д. Меншиков, граф Ф. М. Апраксин, граф Г. И. Головкин, граф П. А. Толстой, князь Д. М. Голицын, барон А. И. Остерман и герцог Голштинский. Последний введен в состав совета через неделю 15 февраля.

Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым

Брюс, Сухарев и Пушкин (продолжение)

А тут Брюс такой состав сделал: старого человека на молодого переделывать. Вот и говорит слуге своему:

— Брат, изруби ты меня топором на мелкие кусочки. Полей, говорит, сперва из этого пузырька, а потом вот из этого. Хочу, говорит, снова молодым стать, а то мне, говорит, уже девяносто лет…

Ну, слуга изрубил его топором. Полил из одного пузырька — тело срослось. А из другого не стал поливать, взял да и разбил об пол. А сам побежал к царю.

— Брюс, говорит, помер.

А царь говорит:

— Помер, и черт с ним — собаке собачья честь.

А нешто он собака был? Самый ученый человек был, самый умный. Тут царская злоба, зависть… Живому ничего не мог сделать, боялся, так вот дай хоть мертвого облаю… Злоба, конечно.

Ну вот… Ну, похоронили Брюса… И очень народ жалел его. Да что поделаешь? Умер, значит, конец.

А этот подлец, слуга Брюсов, как ни таился, а все же люди узнали про то, как он Брюса погубил. Ну, понятно, не поблагодарили за такое дело: ругали всячески и ребра пересчитали. Да толку-то от этого чуть. А его бы из поганого ружья пристрелить, вот это в самый раз было бы: чего заслужил, того и получай.

Ну, а Пушкин… Пушкин в Москве жил и планы разводил: ведь это он застроил Москву, ведь это он завел порядок.

А ежели бы не Пушкин, была бы не Москва, а черт знает что… Ведь у нас как? Ты дом построил, ты сад развел. И я дом построил, только у меня он неказист, да и сад не тово, подгулял. Вот меня бес и начинает мутить, зависть разбирает… Вот я возьму, ночью перелезу через забор и спилю твои деревья в саду. И после того пойдет промежду нас грызня: я тебя «подлецом», ты меня — матерными словами… И дойдет дело до драки: один другому рожи исковыряем. А Пушкин это воспрещал… Вот и завел порядок.

Умнейший был господин. И книги тоже писал, все описывал. И чтоб люди жили без свары, без обмана, по-хорошему…

— Вы, говорит, живите для радости.

Да ведь наш народ какой? Окаянный народ. Я мостовую мету, своим делом занимаюсь, а он, шут его знает, кто такой, по тротуару идет, и ровно бы ветром его качает… самогону через край хватил. Ну, качался, качался, остановился и давай меня ругать.

Уж он конопатил, конопатил... А за что? Я ему не должен, ничего не украл у него, да и вижу-то его впервые...
Ну что ты поделаешь с ним? Драться с дураком не приходится — сам дурак станешь, да и не одолеешь, ведь он какой оглоед — быка за хвост удержит... Поругал-поругал, пошел, закачался... Пьяный, конечно... ну, пьян-пьян, а башкой об стену не стал колотиться. Хам.
Вот Пушкин и правду написал: «На подлеца хоть аполеты надень, а он как был свинья, так и останется свиньей». Что ж, и верно: ты его как ни полируй, а он все такой же хамло будет... Вот Пушкин и хотел, чтобы у нас дружелюбие было, чтобы мы не хватали один другого за горло, чтобы свиной жизни не было. Только у нас дело на свой лад идет, не на пушкинский. Нам бы вот сивухи-матушки через край хлебнуть, да человека матом разутюжить — это так... вот это и есть радость наша. А дружелюбие это... Обманул человека, обработал как нельзя лучше, в одной рубахе оставил — вот и дружелюбие твое.
Пушкин-то хорошо знал обхожденьице наше — какой мы народ... Человек умнейший был, а иначе нешто поставили бы ему памятник?
Оказавшись вне членов Верховного тайного совета, которые были такими же, как Брюс «птенцами гнезда Петрова», Яков Вилимович обратился к Екатерине I с просьбой о выдаче ему жалованной грамоты с подтверждением его заслуг. Видимо, Яков Брюс не мог рассчитывать на дальнейшее расположение к нему членов Верховного тайного совета и поэтому решил заручиться документом — поддержкой самой императрицы. Вообще необходимо отметить, что в истории России это был первый случай, когда выдавалась жалованная грамота по просьбе ее получателя. Брюс и в этом создает прецедент.
Для Екатерины I, видимо, было понятно уже тогда, что Яков Брюс собирается уходить в отставку, благо ей не нужно было делать это самой. Тем более что генерал-прокурор П. И. Ягужинский, подавая императрице сочиненную им «Записку о состоянии России», отмечал: «Не малый апартамент в государстве артиллерия, а генерал-фельдцейхмейстер уже весьма ослабел, а на его место не токмо кто видится быть достоин, но ниже и в помышление приходит кому, чтоб на его место человека заранее усматривать».
31 марта 1726 года Брюсу была выдана жалованная грамота императрицы. По всей видимости, оценив масштабность всего, что было сделано Брюсом в петровское время, императрица жалует ему чин генерал-фельдмаршала. После этого Яков Вилимович подает прошение об отставке и получает ее со всех военных и государственных постов 6 июля 1726 года в возрасте 57 лет.
Брюс вместе с женой выезжает из Санкт-Петербурга в Москву, где он владел одним домом, тем самым, подаренным в 1706 году светлейшим князем А. Д. Меншиковым в Мясницкой части. Он подыскивает место под Москвой, где можно было бы найти уединение. Таковым оказалось Глинково (Глинки).
27 апреля 1727 года Я. В. Брюс приобретает за 4500 рублей серебром у князя А. Г. Долгорукова усадьбу в 42 верстах к востоку от Москвы у впадения реки Вори в Клязьму. Здесь он отстраивает новый усадебный комплекс. С этой усадьбой, старейшей из сохранившихся в Подмосковье, связаны последние восемь лет его жизни.
Народные легенды о Брюсе, собранные Е. З. Барановым
Брюс, Сухарев и Пушкин (окончание)

Им, видишь, всем троим хотели поставить памятники: Брюсу, Сухареву и Пушкину… Это уж после было, при другом царе… Три памятника хотели поставить, да царь воспротивился:
— Брюсу, говорит, не за что: он волшебством занимался и черту душу продал.
Вот, видишь, как человека опорочили. А ведь напрасно, совсем зря. Чего ему было душу продавать черту, ежели он наукой дошел? Умный человек и без нечистой силы дойдет. И волшебство он наукой взял.
Да ведь у нас как? Озлился на человека и давай его чернить. Вот и тут так: один царь невзлюбил Брюса, ну, и другие цари той же дорожкой пошли. От дедов-прадедов пошла эта царская злоба… Вот от этого и не приказано было ставить Брюсу памятник.
И Сухареву тоже не приказал царь.
— Какой, говорит, ему памятник надо? Есть Сухарева башня, и довольно с него. Да и не за что, говорит, ставить ему: он, говорит, мукой торговал, барыши в карман клал.
Ну и клал… А как же иначе? На то ведь и торговля, чтобы барыш был. А станешь торговать без барыша — проторгуешься, в трубу вылетишь. Без барыша нельзя.
Ну, а Пушкина все же одобрил.
— Он, говорит, умнейший человек был.
Вот и поставили памятник Пушкину, и стоит… Да ведь наш народ какой? Проклятый народ, с ним не сговоришь. Иной-то тысячу раз прошел мимо памятника, а спроси его: какой был человек Пушкин?
— Не знаю, — говорит.
«Не знаю». Да ведь и я тоже не знал, а как расспросил знающих, и узнал… И вот ты расспроси, послухай, что скажут. И никто тебя за это не оштрафует, и никто не заругает…
— Нам, говорит, это не требуется.
А вам что же требуется? Чужие карманы обчищать да замки сворачивать, а?
Поверишь ли? Четырнадцати вершков голенища — сапоги были… елецкие вытяжки, к Пасхе справил… И что ты скажешь? Пришли, свернули замок, все забрали, все унесли. Бекеша на вате была… я бы за нее и пяти червонцев не взял бы… уперли и бекешу. Да мало ли чего не взяли… Валенки старые — и с ними не расстались! Ну, что за народ такой? Им вот про Пушкина знать не требуется, а воровать по квартирам да в карман залезать — это самое любезное дело… Эх, народец!..
Легенду рассказал дворник с Арбата Филипп Яковлевич Болякин.

Глава 5
БРЮС В ГЛИНКАХ

Добрюсова история Глинок

Глинково (Глинки), позже Глинковская мыза, — это территория, расположенная при слиянии двух рек Вори и Клязьмы. До сих пор нет единого мнения о происхождении названия этого поселения. Самая вероятная версия увязывает название деревни с породами глины, которые могли быть в этих местах и могли использоваться для изготовления гончарных изделий. Однако в настоящее время глин в окрестностях нет. Почва в этих местах суглинистая и большей частью супесчаная. Другая версия происхождения названия указывает на представителей известного боярского рода Глинских, которые могли быть владельцами поселений в этих местах. В ходе исследований краеведам удалось зафиксировать факт владения Глинскими одним из поселений, находящимся в 15 километрах от Глинок. Это село Жегалово, которым

владел Иван Михайлович Глинский (умер в 1602 году), двоюродный брат царя Ивана Грозного. Других свидетельств присутствия Глинских в этих местах не обнаружено. Видимо, места вдоль берегов Вори и Клязьмы были хорошо знакомы бывшему генерал-фельдцейхмейстеру и президенту Берг- и Мануфактур-коллегии Якову Брюсу, ибо здесь в начале XVIII века возник один из центров порохового и кожевенного производства России.

Заводы Е. Избранта

Первые предприятия, пороховой и оружейный заводы, у Глинкова были созданы в 1695–1698 годах датским предпринимателем Елизаром Избрантом.

Елизарий (Эбергард, Эдвард) Елизарьевич Избрант Идес (1657–1708) был уроженцем города Глюкштадта в Шлезвиг-Голштинии. В России начал торговую деятельность с 1677 года, приезжая сюда через Архангельск, занимался торговлей в Гамбурге. В 1687 году переселился в Москву и стал одним из активных иноземных купцов, тесно связанных с государственными поставками.

В 1688 году им были сделаны большие закупки на основе представленного перечня товаров для дворца.

Видимо, во время конфликта Петра и Софьи в августе 1689 года Избрант поддержал молодого царя. Не случайно исследователь М. М. Богословский отмечает, что 6 марта 1691 года царь обедает у Избранта. В. А. Ковригина также отмечает Е. Избранта и А. Стельса среди тех, с кем молодой царь в Немецкой слободе поддерживал дружеские отношения. Этому немало способствовало то, что Избрант был родственником Ф. Лефорта. Возможно, по этой причине в 1692 году Избрант был поставлен во главе русского посольства в Китае (14 марта 1692 года — 1 февраля 1695 года). Впечатления о пребывании в Китае были записаны Избрантом в соавторстве с Адамом Брандом и с разрешения Петра изданы в качестве краткого описания путешествия на немецком языке в Гамбурге в 1697 году, на английском — в Лондоне в 1698-м, на французском и голландском — в Амстердаме в 1699-м, а в 1704 году уже как полное описание — в Голландии, на голландском языке. Издателем был Н. Витзен. В русском переводе эта книга с названием «Записки о русском посольстве в Китай: 1692–1695» была выпущена издательством «Наука» в 1967 году. В библиотеке Я. В. Брюса в Глинках есть эта книга 1707 года издания под названием «Описание путешествия в Китай».

В 1696 году после взятия Азова среди рассылавшихся известий о столь славной победе фигурирует и сообщение некоего министра, прозванием Избрант, от июля 31 дня: «<…> город Азов поддался, да и другой де некакой турской же городок сдался ж».

Именно Избранту 9 июня 1698 года была выдана привилегия печатать в Голландии и продавать в России книги. При этом в исследованиях опять же подчеркивается, что он не случайно такую привилегию получил, так как был свояком Лефорта, поскольку его сестра Елизавета вышла замуж за племянника Лефорта капитана русской службы швейцарца Ф. Ф. Сенебье. На этой свадьбе в 1692 году присутствовал Петр Алексеевич.

В письме Франца Лефорта брату Исааку в Женеву, датированном 12 мая 1693 года, когда Е. Избрант находился в Китае, сообщается:

«Я заверяю Вас в том, что г-н Избрант сможет вернуться из Китая с пятнадцатью тысячами экю, если он осмотрительно ведет дела».

16 февраля 1695 года после возвращения Избранта из Китая Лефорт сообщает в письме брату Ами: «У меня изобилие рабов и рабынь; я послал бы вам нескольких, но расходы большие, и в других странах они очень легко могут заболеть. Г-н Избрант, который уже вернулся, привез с собой человек пятнадцать, также, как и многие из его свиты. Его путешествие было удачным. <…> У него есть очень красивые камни, а

среди них — сапфир стоимостью, как говорят, в двенадцать тысяч экю. Он очень красивого цвета и весит двадцать золотников».
Позже Елизар Избрант вместе с Францем Тиммерманом руководил казенными верфями в Переяславле, Воронеже и Архангельске. Избрант был комиссаром от Адмиралтейства на верфях Архангельска, выступал при строительстве кораблей в Воронеже в качестве подрядчика для русских купеческих и дворянских «кумпанств».
В. А. Ковригина уточняет обстоятельства смерти Избранта в 1708 году: «<…> умер в Вологде на полпути между Москвой и Архангельском. Его заводы были конфискованы, как и дворы в Архангельске и Москве, причем двор на Чистых прудах стоимостью 800 руб. в 1713 году был отдан безденежно любимцу Петра I кухмистру Яну Фельтену».
Создание Избрантом предприятий в Глинках положило начало промышленному освоению реки Воря, на которой впоследствии строились плотины, устанавливались мельницы, обслуживавшие предприятия. Елизар Избрант выстроил у Глинок две плотины, а чтобы предприятия обезопасить в случае разлива реки во время весеннего паводка, он создал водоотводной канал на реке Воре таким образом, что образовался остров, где и располагались предприятия. Еще один водоотводной канал прокопали ниже по течению Вори, чтобы не допускать затопления поймы Вори и Клязьмы при соединении этих рек. Каналы сохранились до настоящего времени и сейчас выполняют функции водоотвода.
Пороховой завод Избранта в Глинках ежегодно поставлял в русскую армию до десяти тысяч пудов пороха, оружейный — восемь тысяч ружей.
В окрестностях Глинок в это время появляются и другие предприятия.
В 1704 году на реке Воре в районе деревни Савинки (Саввинское) был создан пороховой завод купца Пороховщикова. Он поставлял в артиллерию по контракту четыре тысячи пудов пороха. Пороховщиков арендовал земли у Лопухиных, имевших рядом с деревней усадьбу на правом берегу реки. Завод Пороховщикова располагался в полверсте от усадьбы вверх по течению реки.
В 1708 году на берег реки Клязьмы в версте от Глинок был переведен Московский кожевенный двор и создана Казенная лосиная фабрика, занимавшаяся изготовлением обмундирования и амуниции для русской армии.
В начале XVIII века в селе Успенском, входящем ныне в черту города Ногинска (Богородска), на реке Клязьме был основан еще один пороховой завод Ф. Аникеевым. Его мощность определялась в четыре — шесть тысяч пудов пороха в год.
Вслед за ним на реке Клязьме появляется Обуховский пороховой завод английского купца и коммерсанта Андрея Стельса, пользовавшегося особым расположением Петра.

Первые хозяева Глинок А. Стельс и князь А. Г. Долгоруков

Знакомство Петра со Стельсом отмечено в «Юрнале» — путевом журнале Великого посольства. Оно состоялось 31 января 1698 года. Запись гласит: «В 31 день были у Андрея Стелса и у него кушали и приехали домой веселы», затем в феврале «в 23 день были у Стелса, и у Кармартена ночевали».
М. М. Богословский отмечает, что уже тогда Стельс вел торговые дела с Россией, и приводит выдержку из «Юрнала» в редакции Гюйссена: «У сего Стельса есть в Москве сродники домовитые и богатые».
В дальнейшем в ходе Великого посольства Андрей Стельс делал закупки «лекарских инструментов» и участвовал в найме специалистов на русскую службу и даже занимался их приездом из Англии. По этому поводу Яков Брюс в письме Петру пишет

о математике Фарварсоне, перед отъездом из Англии самого Петра принятом на русскую службу. Дело в том, что Фарварсон обратился к Брюсу с жалобой на Стельса, который отказался сделать запись в договоре о возмещении ущерба от несчастного случая в ходе поездки в Россию. В этом письме Яков Вилимович писал царю: «Прошу, государь <…> пожалуй, изволь отписать, как быть с математиком, которого изволил перед поездом принять, для того, что приходил он ко мне и жаловался на Стейлся, что прошает у нево такое письмо, что когда грехом корабль разобьет или потонет, или какое бесщастие случится, чтоб ему те деньги после на ево поручтиках взять мошно, и он сказывает, что ему такое письмо дать невозможно, для того, что никто не хочет быть в таком случае порукою по нем».

Андрей Стельс ведает поставками различных товаров через Архангельск, поэтому часто Петр дает ему поручения о доставке того или иного инструмента, книг и других товаров. С 1690-х годов он находился в дружеских отношениях с Петром. По словам бывшего спальника, а затем известного дипломата Б. И. Куракина, Андрей Стельс в числе первых иноземных купцов «принимал его величества крайнюю милость и конфиденцию, и начал иметь свой свободный вход» к царю. По мнению же его соотечественника английского посланника Ч. Уитворта, А. Стельс «вообще был в милости у царя, так как снабжал его величество нужными людьми и вещами из Великобритании».

В окрестностях Глинок Андрей Стельс владел пороховым заводом в Обухове. Краевед А. Смирнов утверждал, что до порохового завода у Андрея Стельса здесь был полотняный завод, построенный им в первые годы XVIII века. По утверждению исследователя, завод вырабатывал для нужд военного и торгового ведомств простое и парусное полотно и именно работниками этого завода были выстроены первые дома подгородной слободы. А пороховой основан на месте его же полотняного завода.

Не случайно исследователями отмечается, что из всех иностранных торговцев в то время особенно выделялись активностью на внешнем рынке России англичанин А. Стельс, голландец Ф. Тиммерман, датчанин Е. Избрант, у которых вывоз русских товаров преобладал над ввозом импортных. Это позволяло им налаживать внешнеторговые связи и выполнять самые разнообразные поручения Петра I как государственного, так и частного характера: приглашать мастеров, закупать инструменты, материалы и пр. А. Стельс через своего брата Томаса — члена совета директоров Английской торговой компании в Лондоне — строил и покупал для России за границей корабли, закупал оружие и лекарства, оплачивал векселя.

В 1708 году Обуховский пороховой завод опережает всех конкурентов не только по количеству поставок (16 тысяч пудов), но и по качеству. Порох Стельса был высшей кондиции. Кроме того, он был еще и на 18 процентов дешевле пороха других производителей.

Судьба этих предприятий непосредственно связана с Глинками, которые в 1710 году были пожалованы Андрею Стельсу вместе с деревнями Вачутино (современное Марьино), Мишуково, Громликово (современное Громково) и Кабаново «в вечное пользование… за ево к нам Великому Государю верную услугу». К тому времени английский коммерсант, объявивший о возможности увеличения производства, получает монопольное право на производство пороха по указу Петра I. Прочим царь «делать порох не велит».

Артиллерийское ведомство Брюса заключает с ним контракт на ежегодную поставку 20 тысяч пудов пороха.

Такое положение дел не устраивало владельцев других пороховых предприятий. Тем более что Е. Избрант одним из первых затоварил Глинковский пороховой завод, на

котором скопилось вместе с незавершенным производством 10 тысяч пудов пороха, не находящего спроса. Подобная ситуация возникла у Пороховщикова и Аникеева. А Обуховский завод продолжал увеличивать производство, доведя его в 1710 году до 34 тысяч 814 пудов .
Единственным средством борьбы для конкурентов была экономическая блокада Стельса. В обход артиллерийского ведомства владельцы пороховых заводов скупают сырье (серу и селитру), взвинтив при этом на него цену. В итоге Обуховский завод в 1711 году остается без сырья и останавливается. В 1711 году монополия Стельса разрушается, а в январе 1712 года он умирает. Его жена Варвара (урожденная Марли) пыталась восстановить производство, но после неудачи она продает завод и возвращается в Англию. В 1717 году через поверенного, брата Варвары Ф. И. Марли, к которому перешли все дела А. Стельса, Глинково было продано с деревнями князю А. Г. Долгорукову.
Глинковские заводы Е. Избранта, отошедшие после его смерти в казну, прекратили свое существование после 1725 года. Савинский Пороховщикова действовал до 1767 года, пока не был уничтожен взрывом, и более не восстанавливался. Успенский завод, поменяв нескольких владельцев (Клюевых, Рахманиных, Панфиловых и др.), прекратил производство пороха в середине XIX века. Обуховский завод после Стельса принадлежал Фухтеру, Беркузину, Раушеру, Беренсу и действовал до 1819 года.
После приобретения Глинкова князем Долгоруковым выяснилось, что сделка купли-продажи оказалась незаконной.
Дело в том, что, согласно жалованной грамоте 1710 года, Андрей Стельс получал Глинки в «вечное пользование». Значит, права владения этой территорией у него не было. Поэтому продажа вдовой А. Стельса Глинок в 1717 году оказалась незаконной без «купчей крепости». Купивший имение князь А. Г. Долгоруков, десять лет владея усадьбой, вынужден был вести постоянную судебную тяжбу с экономическим ведомством, стремившимся отторгнуть у Долгорукова эти земли. Продажа им усадьбы Я. В. Брюсу, видимо, оказалась единственно приемлемым выходом из создавшегося щекотливого положения. Тем более к 1727 году положение Долгорукова при дворе резко изменилось.
Это было связано со смертью Екатерины I в мае 1727 года и воцарением на престол одиннадцатилетнего внука Петра Великого, сына Алексея — Петра II. Среди друзей малолетнего императора оказался сын князя Иван Алексеевич. Он фактически становится не просто ближайшим другом, а и направляет дальнейшие действия Петра II. Этим умело пользуется опытный царедворец. Вполне возможно, предвидя такую ситуацию, Алексей Григорьевич с радостью избавляется в апреле 1727 года от судебной тяжбы по поводу Глинок, продав Брюсу сельцо Глинково с деревнями и усадебным комплексом. Главный усадебный дом Долгорукова находился на территории современного парка, был деревянным на каменном фундаменте.

Создатель русского фарфора Афанасий Гребенщиков
Прежде чем рассказать о строительстве усадьбы Глинки Я. В. Брюсом, обратим внимание читателя на очень интересного человека, владевшего глинковским предприятием и ставшего основателем российского фарфора. Хотя, надо признать, к производству фарфоровых изделий предприятие в Глинках никакого отношения не имело. По всей видимости, место, где владел усадьбой Я. В. Брюс, притягивало таких талантливых и предприимчивых людей, какими были А. Стельс и Е. Избрант. Им в этом нисколько не уступал А. В. Гребенщиков, который, по словам издателя «Русского

биографического календаря» А. А. Половцова, будучи президентом московского магистрата, высоко поднял выделку лосиных кож для армии.
Афанасий Гребенщиков (умер в 1757 году) был богатым купцом — «гостиной сотни торговым человеком», как тогда говорили. Он, так же как Избрант и Стельс, занимался военными поставками. Построив в Москве шорно-седельную фабрику, Гребенщиков изготавливал для петровской армии хомуты, седла, сбрую и другой шорный товар. Скопив на этом деле небольшой капитал, он решил вложить его в новое производство, сулившее более высокие прибыли.
В 1724 году Петр I издал указ о производстве посуды из белой глины. В указе отмечалось, что те, кто будет делать из белой глины «ценинную всякую посуду и табашные трубки», получат привилегии. Гребенщиков до этого много лет изучал месторождение, свойства и возможность добычи белой глины в Гжели для организации производства изделий и создания русского фарфора. После выхода указа в том же 1724 году он строит на Яузе, в Басманной части, ценинную фабрику по изготовлению изделий из глины, нанимает на фабрику гжельских мастеров и начинает производство русского фарфора. Именно на фабрике Гребенщикова появились первые российские керамические изделия в широком ассортименте. Наиболее известны сервизы из 126 предметов. В конце 1740-х годов началось создание императорского фарфорового завода под руководством Виноградова. Афанасий Гребенщиков активно способствовал передаче технологий производства изделий из глины в Гжели императорскому фарфоровому заводу. В 1748 году завод Виноградова начал выпуск российского фарфора, а фабрика Гребенщикова в этот же год сгорела. Больше он к изготовлению фарфоровых изделий не возвращался, но остался в российской истории как основатель российского фарфора.
В 1729 году Афанасий Гребенщиков стал арендатором Казенной Лосиной фабрики, располагавшейся на реке Клязьме в версте от Глинок. В 1734 году он заключил арендный договор с Я. В. Брюсом на участок земли с плотинами и строениями сроком на десять лет, продленный затем до 1754 года, и создал здесь собственную кожевенную фабрику. На этой фабрике обрабатывали такие же кожи и изготовляли такую же продукцию, что и на Казенной. Изделия частной фабрики сдавались в военное ведомство вместе с продукцией Казенной фабрики. По сведениям за 1741 год, в Глинковскую фабрику было вложено 20 тысяч рублей. Она производила товара на 43 тысячи 900 рублей в год. На ней было занято вместе с надомниками более трехсот рабочих. По всей вероятности, трудились на этой фабрике крепостные Я. В. Брюса, проживавшие в соседних деревнях Вачутино, Кабаново и Мишуково. Видимо, для использования на производстве Брюс перевез из своих калужских владений 250 крепостных.
Глинковская кожевенная фабрика после истечения срока аренды в 1754 году перестала существовать.

Строительство усадьбы Брюсом
Место, где располагалась усадьба, было удобным для проживания и уединения. Она размещалась на кромке леса, находящегося на северо-востоке. С юга границей усадьбы была река Воря, с построенными на ней производственными помещениями предприятий Избранта. С запада за Старицей открывалась пойма Клязьмы при впадении в нее Вори, с видом на Казенную Лосиную фабрику, расположенную на другом берегу Клязьмы.
При обустройстве усадьбы Я. В. Брюс проявил свойственные ему энергию и изобретательность. Старица была превращена в два пруда, на берегах которых

разместился усадебный комплекс. Место для строительства зданий и разбивки парка площадью в 20 гектаров было тщательно выровнено. Оно имело прямоугольную форму, вытянутую с юга на север. Усадьба отстраивалась по западноевропейскому образцу в стиле дворцово-парковой архитектуры. Подобные усадьбы уже строились в окрестностях Санкт-Петербурга.

Об одной из таких усадеб, принадлежавшей Я. В. Брюсу на берегу Финского залива, сообщает исследователь В. А. Коренцвит в статье «Последний дворец А. Д. Меншикова „Монкураж“», опубликованной в ежегоднике «Памятники архитектуры. Новые открытия» за 1988 год. Автор сообщает, что «в рукописном наследии первого историка Петербурга А. И. Богданова сохранился замечательный документ — опись участков, „которые по указу с первых лет Петром Великим пожалованы были“ по Петергофской дороге, начиная от Петербурга, от Автова, до деревни Красная горка. Из этой описи узнаем, что на территории нынешней Александрии располагались участки четырех владельцев, а именно (в направлении от Петергофа к Петербургу): подьячего Александра Яковлева, от гвардии поручика Данилы Чевкина, генерала-фельдцейхмейстера Брюса и Петра Мошкова. К моменту составления описи застроились лишь двое: Д. Чевкин и Я. Брюс. В описи указано, что „у господина Брюса дом 1, покоев 3, изб 2, баня 1, амбар 1, пруд 7“.

А. И. Богданов признается, что ему неизвестно, когда была сделана опись...»

Автор на основании фактических данных определяет дату составления описи — 1718 год. Затем он сравнивает эту опись с генеральным планом Петергофа Н. Микетти 1722 года и заключает, что «владения Я. Брюса остались за ним, а соседний участок гоф-интенданта П. Мошкова перешел к барону П. Шафирову. Шафиров... продал свой участок, „расположенный близ Петергофа рядом с местом графа Брюса, архиатеру Блюментросту“». Итак, делает вывод В. А. Коренцвит, вопреки распространенному мнению, территория современной Александрии не принадлежала А. Д. Меншикову в петровское время. Участки переходили от одних владельцев к другим, и лишь имение генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса оставалось за ним, по крайней мере до 1725 года. Этот видный деятель Петровской эпохи, полководец, дипломат и ученый, не желая терпеть над собой временщика А. Д. Меншикова, отдалился от двора и в 1726 году навсегда покинул Петербург, поселившись в своем имении Глинки под Москвой. По-видимому, в том же году Меншиков приобрел петергофский участок Брюса, а заодно и ряд соседних участков на территории не только современной Александрии, но и почти столько же в смежной Знаменке. На этот факт до сих пор исследователи не обращали внимания, а между тем и в документах, связанных с конфискацией имений А. Д. Меншикова, в длинном перечне владений, наряду с Ораниенбаумом, «Фаворитом», «Монкуражем» и другими, упоминаются также приморские места: «Чернышевское, Ржевское, Дохтурское, Брюсовское. О последних двух мы уже знаем — это бывшие дачи Брюса и доктора Блюментроста».

Автор отмечает, что названия дач Чернышевской, Ржевской, Брюсовской и других оставались за этими участками и после конфискации имений Меншикова. При этом обращается внимание, что они «перечислены в том порядке, в каком... следуют по направлению от Петергофа к Петербургу. Упомянутый в этом перечне „Монкураж“ находится перед дачей Брюса, т. е. на бывших участках Д. Чевкина и А. Яковлева. На самом деле, — утверждает автор, — это не совсем точно. Усадьба Брюса не только вошла в состав „Монкуража“, но и составила его основное ядро, так как именно взамен усадебного дома Брюса А. Д. Меншиков поставил свой дворец». В этом убеждает находящийся в ЦГА ВМФ уникальный чертеж — план местности с

обозначением участков Чевкина, Брюса, Блюментроста, Ржевского и «г-на генерала-майора Синявина».

Далее, опираясь на план местности, исследователь отмечает: «…на… участке Брюса возвышается двухэтажное каменное здание в девять осей с центральной увенчанной куполом башней — ротондой. По сторонам стоят одноэтажные в три окна флигельки, связанные с главным зданием оградой с арочными проездами. Трехчастная композиция напоминает „Монкураж“, но у А. Д. Меншикова взамен ограды появились галереи, в которых, однако, также имелись центральные проезды во двор. Совпадают и размеры Брюсовской усадьбы и Монкуражского дворца — 45 саж. в длину, причем центральный корпус в обоих случаях одинаков по длине — 16 саж. Нельзя не отметить, что в решении башни-фонарика заметна перекличка с аналогичной башней в доме Брюса. Но на этом сходство между двумя постройками кончается. В архитектурном значении усадьба Брюса не идет в сравнение с великолепным княжеским дворцом. Любопытно, что на участке Брюса по другую сторону оврага показано еще одно довольно большое одноэтажное здание со службами и перед ним — Нижний сад. <…> Наличие сада с центральной аллеей, ведущей к дому, говорит о том, что перед нами, скорее всего, не служебная постройка, а старый господский дом, рядом с которым Я. В. Брюс построил новый, более красивый и вместительный».

Такой усадьбой Брюс владел в окрестностях Санкт-Петербурга до выхода в отставку. Подобную же усадьбу он создает и в Глинках.

Планировка усадебного комплекса имела в основе перспективы с юга на север и с запада на восток. Последняя начиналась у Лосиной фабрики, проходила через Клязьму, через пруды по специально сделанной насыпи, попадала на парадный двор. Перпендикулярная ей вторая перспектива проходила через парадный двор от южного флигеля к обсерватории, далее следовала через парк и уходила в лес. Заканчивалась она в Савинском. Сохранились рассказы о том, что Брюс часто бывал у Лопухиных в Савинском. Эта усадьба располагалась на живописном берегу реки Вори. Местность была сильно заболоченной. В 1730-е годы владельцем Савинского был сенатор В. И. Лопухин (1703–1797), которому Брюс якобы посоветовал облагородить это место искусственными прудами, создав пейзажный парк английского типа. Эта идея осуществилась через 50 лет после смерти Брюса сыном сенатора Иваном Владимировичем Лопухиным (1756–1816) — известным государственным деятелем времен правления Екатерины Великой.

По поводу авторства архитектурного проекта обсерватории Брюса существуют разные точки зрения. Приписывают его известному архитектору П. М. Еропкину, вернувшемуся в 1724 году из Италии, где он обучался архитектуре во Флорентийской академии наук, называют имя итальянского зодчего Н. Микетти. Однако более вероятным автором проекта этого здания, видимо, следует считать самого Я. В. Брюса. И. Э. Грабарь в журнале «Старые годы» писал, что Яков Вилимович «…был очень сведущ в делах архитектуры. В его библиотеке много разных архитектурных увражей и очень возможно, что тот прелестный дом, который он выстроил себе в деревне, сочинен им самим».

Напомним, что до 1728 года действовал указ Петра I о запрете каменного строительства, в связи с застройкой новой столицы. Поэтому на территории усадьбы Долгорукова каменных построек не было. Однако был главный усадебный дом, который оказался на перспективе север — юг в парке Брюсовой усадьбы. Брюс селится в этом доме, строит на берегу Вори собственный кирпичный завод и создает усадебный комплекс. Были выстроены обсерватория и химическая лаборатория,

кордегардии, служебные и хозяйственные постройки. На плане усадьбы 1767 года, обнаруженном в архивах исследователем Г. В. Ровенским, можно увидеть десять зданий, среди которых были конные дворы и кладовые.

Так уж получилось, что Яков Вилимович после покупки усадьбы овдовел в 1728 году, поэтому никакого грандиозного строительства в усадьбе он не делал.

По описи 1825 года здесь было 21 каменное и 12 деревянных зданий. Это означает, что основное строительство комплекса происходило на территории усадьбы при внучатом племяннике Якове Александровиче Брюсе (1729–1791), вступившем во владение после смерти отца в 1760 году.

В настоящее время уцелело восемь каменных построек XVIII века. Среди них — легендарная обсерватория. Это здание действительно совершенно необычно. Оно строилось с использованием различных архитектурных стилей, среди которых голландский рустованный стиль, итальянское барокко и ранний классицизм (Палладио). Брюс, видимо, сам проектировал это здание, подчиняя строительство нуждам наблюдательной астрономии и нарушая привычные каноны архитектуры. Отсюда лоджии — открытые площадки, размещенные на перекрытиях первого этажа. Обсерватория имеет, по мнению архитекторов М. Г. Карповой и В. И. Якубени, два периода застройки. Первоначально — первый этаж с мезонином, возвышающимся на уровне второго этажа. Из мезонина был выход на лоджии. Затем боковые помещения на втором этаже, на месте двух из трех открытых площадок. Лоджия на северном парковом фасаде оставалась незастроенной до 1934 года, пока при создании на территории усадьбы дома отдыха этот фасад не был перестроен. Уникальность этому зданию придают маски, сделанные техникой резьбы по камню. Они украшают наличники окон. На первом этаже по периметру здания этих масок 57, при этом двух одинаковых найти невозможно. Каждая является индивидуальной работой мастера. Маски эти всегда вызывали суеверный страх у местных жителей, считавших их колдовскими. Мнения об этих изображениях различны. Их называли карикатурами на вельмож того времени, масками скоморохов. Среди масок есть поющие, смеющиеся, показывающие языки. Есть даже маска, меняющая выражение лица. Словом, это совершенно уникальные изображения, тайна которых не разгадана по сей день.

Обсерватория при въезде фланкировалась двумя флигелями, один из которых, западный флигель парадного двора, использовался под кладовую. Во втором, расположенном в парке, размещалась химическая лаборатория Брюса. Симметричное расположение флигелей читается и сейчас, несмотря на то, что подъездной дороги через пруд уже больше нет, а берег пруда, где проходила подъездная аллея, застроен современными постройками и сильно зарос деревьями и кустарником. На парадном дворе также сохранились южный и восточный флигели. Каждый из них выполнял функции кордегардий, в южном размещался также взвод охраны.

Сохранились в усадьбе и постройки на хозяйственном дворе. Бывшая конюшня, каменная оранжерея, складские помещения и мастерские в XIX веке были соединены в одно здание, составляющее в настоящее время основу хозяйственного двора усадьбы. На хозяйственном дворе также присутствуют бывшая конюшня и двусветлая каменная оранжерея, надстроенная позже третьим этажом.

Усадьба Глинки совершенно не обследована искусствоведами, специалистами садово-паркового искусства, поэтому можно только предполагать, что на месте современного основательно запущенного парка был когда-то регулярный парк французского типа. Об этом парке писал побывавший здесь в 1920-е годы искусствовед А. Н. Греч: «Схематическая планировка этого небольшого французского сада сводится к четырем

квадратам в ширину главного дома (обсерватории. — А. Ф.), разделенным тремя широкими аллеями. <…> В четырехугольник перед домом вписан многоугольник, состоящий из вековых лип. Дальний четырехугольник занят квадратным водоемом, по оси которого дальше, уже за парком, стоит церковь. Два других прямоугольника справа от средней аллеи заняты: один звездообразным пересечением аллей, а другой — лужайкой, где, согласно народному поверью, была беседка с самопроизвольно играющей музыкой». Трудно определить, что в этом рассказе осталось от Брюсова парка, но несомненно одно: парк в усадьбе был одним из самых интересных в России. К сожалению, в настоящее время парк потерял прежнюю красоту.

В архиве профессора В. В. Чердынцева, ученика В. И. Вернадского, сохранился интересный рисунок усадьбы, на котором написано: «Глинки по специальному плану 1855 г.».

Рисунок довольно условный, однако на нем четко обозначена аллея, проходящая на восток от усадебного комплекса. Аллея тупиковая и заканчивается площадкой округлой формы, похожей на «кабинет», характерный для парков французского типа. Пруд на рисунке, так же как и на плане 1767 года, разделен на две части. Раздел между прудами находится на месте предполагаемого моста и является частью центральной оси — перспективы с запада на восток. Южная часть пруда имеет форму квадрата и значительно меньше северной. Этот квадратный пруд занимает промежуточное положение «среднего» по отношению к северной части и реке Воре, что вызывает вопрос о возможном применении этого пруда при проведении опыта по «замораживанию» пруда летом, как это предполагает доктор технических наук, профессор кафедры гидротехнических сооружений МГСУ В. В. Малаханов.

Усадьба, созданная Брюсом, хранит еще много тайн, которые во многом и рождали легенды. Одна из этих тайн — система подземных ходов, якобы находящаяся в усадьбе. Согласно исследованиям группы лозоискателей под руководством кандидата технических наук И. Е. Кольцова, проведенным в 1988–1989 годах, подземные ходы соединяют все здания усадьбы и выходят далеко за ее пределы.

Научно-просветительская деятельность Брюса

Именно в Глинках Яков Вилимович наконец-то смог активно заняться научной деятельностью. Здесь у Брюса располагалась огромная библиотека (вывезенная из усадьбы после его смерти, согласно далеко не полной описи, она насчитывала 1579 томов): книги по двадцати научным дисциплинам на четырнадцати языках. Поистине он был ученый-энциклопедист, занимавшийся не только переводами и научными исследованиями в различных дисциплинах, но и активно пропагандирующий знания, настоящий просветитель и организатор науки в России, всю свою жизнь занимавшийся научно-исследовательской деятельностью.

Безусловно, ведущую роль в формировании Брюса-ученого сыграла поездка в Англию в составе Великого посольства в 1698 году. Об этой поездке и занятиях Брюса в Англии уже было рассказано, однако добавим, что к моменту его приезда в Англию Лондонское королевское общество представляло собой не просто группу ученых. Оно имело сложившиеся традиции развития экспериментальных знаний, достигших своего высшего подъема на уровне теоретического анализа. Кроме этого, возникает своего рода синтез бэконовского эмпирически-индуктивного и декартовского математически-дедуктивного метода (хотя номинально представители этих направлений научного исследования противостояли друг другу). И Брюс, оказавшийся по воле царя в Англии в 1698 году, аккумулировал знания, накопленные учеными за предыдущие десятилетия. Поэтому он и получает комплексное

универсальное образование энциклопедиста. Тем более получаемые Брюсом знания попадают на подготовленную почву, что было обусловлено его несомненными талантами. Так что выбор Петра был не случаен.

И все же, говоря об энциклопедичности ученого Брюса, необходимо обратить внимание на некоторые отрасли знания, которым Брюс отводил особую роль. Безусловно, для совершенствования в науках в целом требовалось поднять свой уровень знаний в математике. Этим и занимался Яков Вилимович, обучаясь у Джона Колсона.

В библиотеке Брюса имелись рукописные книги и тетради с пометкой Bruciana, написанные во время пребывания в Англии в 1698 году. К сожалению, этих книг сохранилось немного. Среди них наиболее интересны как раз математические. Прежде всего это «Сводная рукопись по математике и фортификации» на шведском языке. Рукопись включает такие разделы, как «Арифметика», «Геометрия», «Практическая геодезия и геометрия», «Осада крепости», «Инструкции по фортификации» и многое другое. На 286 страницах здесь подробно изложен теоретический и практический материал с упражнениями и схемами по использованию математических знаний для всяких целей. Более того, книга имеет добавления, которые Брюс вносил в апреле 1699 года, а также во время военных походов 16 ноября 1702-го и 18 января 1704 года.

Несмотря на то что отсутствуют имена авторов книги, мы склонны предполагать, что данная «Сводная рукопись...» является своего рода конспектом, который составил Брюс при изучении различных трудов по математике, геодезии, фортификации. Подобным же конспектом, составленным в 1698 году, безусловно, является и рукописный текст «Заметки по математике» на немецком языке. Я. В. Брюс обозначен в качестве автора этого труда. Однако эта книга не что иное, как конспекты, составленные Яковом Вадимовичем при его обучении у Джона Колсона. Конспект включает практически все разделы математики. Здесь «Правила треугольника», «Правила двойных углов», «Арифметические прогрессии», «Геометрические прогрессии», «Извлечение квадратного корня», «Дефиниции», «Теоремы», «Проблемы геометрии», «Тригонометрия». Все это показывает, что Якова Вилимовича очень серьезно интересовала математика. И связано это не только со строительством кораблей, военной и артиллерийской деятельностью, а еще и с занятиями астрономией.

Брюс занимался математикой не только как ученый-теоретик. Ему необходимы были знания для дальнейшей практической деятельности. И, как мы уже видели, он эффективно их использовал.

Вообще занятия математикой были одним из важнейших разделов научной работы Брюса. Он стал одним из первых составителей и издателей таблиц логарифмов в России. Это произошло не случайно, поскольку основателем таблиц логарифмов был шотландский математик Джон Непер, опубликовавший первые таблицы логарифмов в 1614 году.

Что же касается рукописей Я. В. Брюса, то из 53 рукописей исследователям удалось обнаружить в фондах Библиотеки Российской академии наук всего 24, из которых четыре — русскоязычные, являющиеся по содержанию историко-лингвистическими. Самая ранняя из них — «Степенная книга с добавлениями выписок из хронографов (от царствования Федора Иоанновича до царствования Василия Шуйского)». По всей вероятности, именно она была использована М. В. Ломоносовым при составлении «Краткого российского летописца» для изложения событий времен Ивана Калиты. Книга имеет на полях карандашные пометы, сделанные М. В. Ломоносовым.

«Степенная книга...» была написана в 1671 году, о чем говорит экслибрис XVII века, помещенный на листе седьмом (об.) в разноцветной рамке. Этот рукописный экслибрис гласит: «Сия книга, глаголемая Степенная, Степана Герасимовича Дохтурова. Лета 7180 (1671) году, месяца сентебря в первый день». Кроме этого, на листе 754-м следующая запись: «Лета 7114 (1606) июня в 3 день на память великомученика Лукьяна», а на обороте этого листа: «Сия книга, глаголемая Летописец Сильвестр Артемьевич Огибанов; Книга господня, глаголемая Летописец государя Ивана Федорова сына Михаила».
Заслуживает также внимания вторая рукопись — сочинение Федора Поликарпова «История о владении российских великих князей в кратце. О царствовании десяти российских царей, а наипаче всероссийского монарха Петра Алексеевича (тем именем) Первого и его войне против свейского короля Карола Второго на Десят пространнее описуюшая». В этой книге, написанной в 1715 году, автор подробно излагает историю России, начиная с древних славян, описанных еще при Александре Македонском. Третья книга — «Лексикон латинский с русским толкованием речей» (№ 3 в каталоге). Четвертая — «Латинско-русский словарь».
Живя в Лондоне в 1698 году, Яков Брюс общался с крупнейшими учеными Королевского общества, впитывая все то новое, что было достигнуто научными исследованиями.
Ньютон, тогда уже признанный авторитет в научном мире, именно в 1680-е годы акцентировал свое внимание на астрономии и оптике. В 1671 году им был представлен в Лондонское общество зеркальный телескоп. В 1687 году появляется эпохальный труд Ньютона «Математические начала натуральной философии». И это определяет круг интересов Брюса в 1698 году: математика, механика, астрономия, оптика. Как уже отмечалось, во время пребывания в Англии он близко общался с директором Гринвичской обсерватории Джоном Флэмстидом. Этот ученый был принят в число членов Лондонского королевского общества в 1676 году и вскоре стал королевским астрономом, работавшим в недавно построенной обсерватории в Гринвиче. Но она не была подчинена обществу, будучи сугубо частным королевским учреждением. К постройке обсерватории короля побудила надежда, что с ее помощью будет быстро найден способ определения долготы мест, столь необходимый для нужд мореплавания. Но хотя здание в Гринвиче было построено очень быстро, король относился к своей обсерватории с тем же пренебрежением, какое он проявлял и к научному обществу. За 15 лет не было куплено ни одного инструмента, и Флэмстид располагал лишь тем, что получал в дар от частных лиц. Лишь благодаря исключительной энергии и самоотверженному труду Флэмстида обсерватория в Гринвиче, которую он возглавлял до 1719 года, смогла начать серию замечательных по своей точности наблюдений. Через 150 лет первый директор Пулковской обсерватории, астроном В. Я. Струве назвал их «основой наших астрономических знаний». Пик расцвета деятельности обсерватории Флэмстида пришелся именно на конец 1690-х годов. При этом посчастливилось присутствовать Брюсу.
Не случайно, вернувшись из Англии, Яков Вилимович направляет научные устремления Петра, и не только в области астрономии. Брюс по праву становится консультантом царя в разных отраслях.
С. П. Луппов писал: «...Брюсу поручались должности, требовавшие инженерного образования и хорошего знания иностранных языков. <...> Высокообразованных людей при дворе Петра было немного, и поэтому он стремился как можно лучше использовать знания каждого из них. Помимо исполнения высших государственных должностей, Брюс всегда имел от Петра много других поручений, главным образом

связанных с распространением просвещения в России. Он учреждал школы с инженерным уклоном, принимал непосредственное участие в развитии книгопечатания в России, вербовал иностранных специалистов на русскую службу, вел переписку с иностранными учеными».

Переводческая деятельность Брюса

Еще одной из сторон обширной деятельности Я. В. Брюса были переводы. С 1706 года Брюс «надзревает» за Первой гражданской типографией, созданной в Москве, и издательская деятельность становится частью его обязанностей. В ноябре 1707 года Брюс пишет Петру: «Всемилостивейший Царь Государь. От величества вашего присланную ко мне книгу, об употреблении циркуля и линейки, получил я сего месяца (ноября) 7 числа; и уж начел оную переводить, которою незамешкав переведу. Також и книгу Бухнерову, по переводе вышеписанной, исправляти буду. А математическую книгу, которую изволил мне прислать, и та изрядная, толко отчасти узловата есть. А писано во оной об оптике, или зрителном художестве, от части о астрономие, також о хранологие, си есть время ведание и пространно о Гномонике, или делании солнечных часов, за которую вашему величеству всеуниженно благодарствую и остаюсь вашего величества, моего всемилостивейшаго государя, нижайший раб Яков Брюс».

12 мая 1708 года Брюс просит у князя Репнина книгу «Часовник» «хотя на один день», а 31 мая, из Дубровны, сообщает царю: «Всемилостивейший царь государь. Вашего величества тчанием внов напечатаную ко мне посланную книжицу о комплементах получил я сне малою радостию не токмо ради того, что оная так преизрядно напечатана, что едваль возможно латынскими литерами оныя путчей напечатать, но и ради оныя надобности, понеже будет многим вползу, за которую всеуниженно благодарствую. Что принадлежит первыя части Брауновой артиллерии, я оную еще всю немог выправить за проклятою подагрою, которою одержым был болшии четырех недель, а потом припала было горячка, от которой у меня так было повредились глаза, что долгое время немог оных кмногому читанию и писанию употребить. Ктому оная такова неисправна, что принужден чуть не каждою строку переписывать не толико переводчика, которой таковым делом был незаобычен, но сам творец тоё книги такой стилус в оной употреблял, что зело трудно ево мнение разуметь и тому, кто оному делу и сам искусен, а наипаче в Геометрическом вымерении и вычитание. И мню я, что еще небудет оное дело доволно внятно тем, который таким вычитам незаобычайны. Теперь у оной осталось до совершеннаго выправления дней на пять дела, и по окончанию тое части, начну другую, от вашего величества вновь присланную, исправляти».

Вместе с этим письмом переводчик И. Ф. Копиевич, состоявший тогда при Брюсе, послал Петру книгу Э. Брауна «Новейшее основание и практика артиллерии». Параллельно Брюс работал над переводами книг А. Кугорна «Новое крепостное строение» и «Геометрия, словенски землемерие» Буркхарда фон Пуффендорфа. О последней старший научный сотрудник Библиотеки Российской академии наук Е. А. Савельева сообщает, что это была первая книга, напечатанная гражданским шрифтом в типографии Киприанова в 1708 году. «Некоторые исследователи даже считали Я. В. Брюса ее автором».

7 марта 1709 года он пишет Петру I из Богодухова: «По приказу вашего величества, послал я при сем письме половину книги Брауновой, выправленную и, дабы Кугорнову не остановить в выправке, того ради оная токмо тем подьячим, которым ее переписывал, поверивана. Токмо прошу не прогневаться, что оную не в переплете

посылаю, для того, что здесь переплетчиков не обретается. Так же послано тут две книги, именуемые Зерцало Комендантов. Что же принадлежит политической книжицы, о которой ваше величество изволили писать, и оная ныне у г. Шафирова, у котораго я ее наперед сего займывал». Мало того, 22 июня, то есть за пять дней до Полтавского сражения, Брюс опять писал Петру: «Кугорнову книгу еще я на страстной недели довершил, и прочтена оная от того подъячаго, который ее писал. Токмо за походом, который нам случился в первый день праздника, и до сего числа, я не мог оною сам прочесть. И ежели получу час свободный, то немедленно оную, выправя, пришлю вашему величеству».
5 сентября 1709 года, следуя к Прибалтике для осады Риги, Брюс писал из Слуцка Петру: «К Вашему Величеству послал я при сем письме книгу Кугорновой фортификации, которую вновь прочел и выправил где какие описи были. И мню, что внятна будет разве не во многих местах не гораздо изъяснено; и то может выразумитесь, ежели если двою или трою раза с прилежанием причтется. Ради Бухнеровой артиллерийской книги послал я нарочно к Москве, а как привезут оную, и будет где стоянка, то начну и ее выправливать». 11 октября 1709 года из деревни Саботиной, близ курляндской границы, Брюс вновь сообщает Петру: «Вашего Величества из Пустой Сольцы письмо, 16 сентября, получил я сего месяца 4 дня, в котором изволите приказывать, дабы наперед исправлять трактатец о механике. И я Вашему Величеству доношу униженно, что намерен я оный трактатец вновь переводить (понеже он гораздо плохо переведен), кой час на место придем; и деже стоянка будет. А в пути, за непрестанным маршем, зачинать было невозможно. А хотя в третий день и стоянка (дневка) бывает, то от непрестанных жалоб и докук здешних поляков не можно за нее принятись».
Так во время военных походов, руководя артиллерийскими частями, Яков Вилимович занимался переводами необходимых для распространения в России книг.
С. П. Луппов отмечает, что для Брюса, как для переводчика, характерно чрезвычайно ответственное отношение к своей работе, желание сделать переводы как можно более понятными будущим читателям. Выступая по поручению Петра в качестве редактора переводов, сделанных другими людьми, он не просто правил текст, но, сличая его с оригиналом, исправлял как погрешности переводчика, так и стиль самого автора, становясь, таким образом, и редактором оригинала. Перевод книги Севела «Искусство нидерландского языка» натолкнул Брюса на мысль составить русско-голландский и голландско-русский лексиконы (словари), которые могли, по его мнению, пригодиться Петру I во время его поездки за границу.
С лета 1716-го до лета 1717 года этот перевод становится главнейшим ученым занятием Брюса, о котором он 18 июля 1716 года писал Петру: «...опасаюсь, что за недовольством сего языка (якоже вашему величеству известно), по желанию своему исправно и вразумительно написати не возмогу, понеже грамматика, пред иными книги, особливо достаточно искуснаго обоих языков переводчика требует, котораго здесь не изобретается».
2 ноября 1716 года Яков Вилимович сообщает о ходе своей работы, затрудняемой различными препятствиями: «При сем доношу вашему величеству, что ныне две книги переведены, а именно география, ея же автор Гибнер называется, и како обносится, будто оная, удобства ради, уже и на английский и французский язык переведена, которая зело потребна будет всякому человеку ко знанию всех государств, также законов, обычаев и соседов, при том и фамилии владетелей их объявлены <...> и аще ваше величество соизволите их приказать печатать, чтоб о том его светлости кн. Меншикову приказать изволили, понеже от меня посланные фигуры,

принадлежащие ко артиллерии французской, по се время еще не вырезаны». И Петр, сочувствовавший ученой деятельности Брюса, то предписывал из-за границы князю Меншикову, «когда генерал-фельдцейхмейстер Брюс заготовит к печатанию своего перевода книги и в них разные фигуры, то б велел он все то от него принимать и печатать», то сам, в ответ на последующие донесения Брюса, писал генерал-фельдцейхмейстеру: «Письма твои октября от 2-го и декабря от 2-го же чисел, до нас дошли, из которых мы уведомились о трудах ваших в переводе книг, за что вам благодарствуем; что же упоминаете, для прибытия нашего в Голландию, потребны нам будут именования русских слов с голландскими по алфавиту из грамматики, и для того, оставя прочее в грамматике голландской, начали поспешать оными именованиями, и за сие паки вам благодарствую, и когда будет готово, то вели напечатать маленькую книжку (такую, чтоб можно носить в кармане), и пришли к нам сюда немедленно».
Петр, как следует из его переписки, проявлял необыкновенный интерес к переводу иностранных трудов на русский язык. Именно поэтому он и писал Брюсу по поводу Голландской грамматики, а также насчет Азбуки для детей.
Относительно книги для детей Брюс писал в ответ, что он нашел две «подходящие» книжечки, и когда переведет одну из них, то пошлет Петру гранки и, если его величеству что-либо не понравится, «пожалуйста соизвольте пометить это и можно будет это место выправить». Так же и с Голландской грамматикой, когда Петр получил часть перевода на просмотр, он отвечал Брюсу через своего камер-секретаря Макарова: «перевод хороший и (его величество) просит ваше превосходительство продолжать с тем, чтобы вашими трудами перевод был полностью выполнен вами лично».
Обремененный многими другими обязанностями, Брюс искал возможности справиться с переводом своевременно. Однако в переписке встречаются различные оправдания задержки. Петр предложил Брюсу некоего Ларионова в помощь, «а если он очень занят... возьми другого русского, кто преподает русскую грамматику». Огорченный Брюс в ответ писал, что у него и самого русский язык хороший, но дело не в этом, так как русскую часть можно выправить при чтении гранок в типографии. Ему нужен был человек, знающий не столько русский язык, сколько голландский. Меншиков предложил ему услуги переводчика из Адмиралтейства по фамилии Гамильтон, который знал латинский и немного голландский, но «по причине каких-то интриг» Гамильтона умыкнули. И вот теперь, когда он дошел до главы деклинаций (склонений), он не знал, как продолжать.
Брюс написал письмо в Амстердам автору Голландской грамматики с просьбой прислать ему словарь, с помощью которого можно было бы «расшифровать» оставшиеся 300 слов. Лексиконы (грамматика) русско-голландский и голландско-русский были не только переведены, но и изданы в 1717 году. В том же 1717 году появилось первое издание наставления для детей, о котором упоминал в письме Петру Брюс, оно называлось «Юности честное зерцало...».
Среди переводов Брюса были также книги З. Бухнера «Учение и практика артиллерии...», А. Влакка «Таблицы синусов, тангенсов и секансов...», И. Гюбнера «Земноводного круга краткое описание...».
Тот же Луппов, ссылаясь на авторов описания изданий гражданской печати, называет Брюса переводчиком «Книги мирозрения, или Мнение о небесноземных глобусах или их украшениях» Христиана Гюйгенса, чаще называемой «Космотеорос». С изданием этой книги произошла настоящая детективная история, о которой нельзя не

рассказать. Воспользуемся уже приводимым переводом В. И. Зотова работы канадского ученого В. Босса «Ньютон и Россия».

«Вскоре после выхода в свет второго издания „Начал“ Ньютона, Петр Великий приказал перевести на русский язык книгу Христиана Гюйгенса „Космотеорос...“, которая была первой книгой на русском языке, интерпретирующей космологию Ньютона. Она стала также первой научной книгой, переведенной на русский язык. Автор труда, один из величайших ученых-математиков того времени, был другом Ньютона. Они оба восхищались работами друг друга. Действительно, за несколько лет до Ньютона Гюйгенс разработал математические данные для центробежного действия.

Однако их взгляды по поводу сохранения энергии, а также по вопросам пространства и времени сильно отличались друг от друга. Прочитав научный труд „Математические начала натуральной философии“, голландский ученый критически отнесся как к постулату Ньютона о всемирном тяготении, так и к его вере в существование абсолютного космоса и движения. Будучи интеллектуальным последователем Декарта, он оставил основные очертания его философии. Даже его обращение к изучению центростремительной силы и закона динамического воздействия было скорее подсказано ему Декартом, чем Ньютоном. Гюйгенс не мог сопоставить свои механистические теории с законом обратных квадратов гравитационной силы, которая, по его мнению, была „новым и важным качеством гравитации, причину которой крайне необходимо было найти“.

Но „Космотеорос“ был написан Гюйгенсом в самом конце его жизни, когда, по его собственному признанию, он находился под очень сильным влиянием фантазии картезианства. Поэтому оригинальное издание на латинском языке, увидевшее свет через год после его смерти, в 1695-м, отражает окончательную точку зрения Гюйгенса. Эта точка зрения представляет огромный интерес не только потому, что она занимает среднее положение между взглядами Декарта и Ньютона, но и тем, что она является „profession de foi“ великого ученого XVII века. Спрос на книгу был необыкновенно высок, и вскоре она была переведена на английский, французский, русский и немецкий языки. Брюс заверял читателей, что он старался „полнее передать мысль ученого и, по возможности, сохранить манеру автора“. То, что изданию этой книги придавалось особое значение, подтверждается тем, что Петр Великий прочел рукопись нового предисловия, а, возможно, даже и сам участвовал в написании предисловия.

В России книга Гюйгенса явилась совершенно новым жанром научной литературы. Переводчик безусловно стремился разъяснить открытия, достижения науки Запада и сделать их понятными „читающей по буквам публике“.

Вступление к русскому изданию открывается несколькими цитатами из Библии, которых нет в оригинале. Таким образом, читателю незаметно и мягко вселяют веру в то, что „таинство достойно удивления“. А именно, наш мир не является центром Вселенной — „как кажется нам живущим на этой земле“. В действительности, наша Земля такая же, как и другие планеты, и вращается вокруг Солнца. Русский перевод начинается благословением, а заканчивается выражением „Соли Део Глория“. Должно быть, так Брюс пытался придать этому смелому открытию ауру духовного одобрения.

Действительно, основной целью предисловия было сгладить для маловерных читателей жесткую прямоту текста книги. Староверы буквально набросились на этот труд, а несчастный издатель говорил об этой книге, как о промысле дьявола.

Причина этого страха ясна, так как революционная идея всей книги высказывается на самой первой странице: „Любой человек, который разделяет мнение Коперника о том, что наша Земля является Планетой и, как другие Планеты, вращается вокруг Солнца и освещается им, не может, хоть иногда, не предположить, что другие планеты имеют свою одежду и мебель и своих жителей так же, как и эта наша Земля, особенно, если он (человек) принимает во внимание последнее, сделанное после Коперника, открытие спутников Юпитера и Сатурна, а также обнаружение равнин и возвышенностей на Луне, что явилось доказательством родственной связи между ними и нашей Землей, а также доказательством этой системы...“

Ранние писатели, такие как Николай Кузанский, Кеплер, Джордано Бруно, „и, если можно верить, то и Тихо Браге были того же мнения“, они также „населяли“ планеты жителями, но их ошибка состояла в том, что они сочиняли сказки о людях на Луне. Гюйгенс, с другой стороны, „придавал этому вопросу серьезное значение“ и пришел к выводу, что „исследование этой проблемы имеет практическое значение, и нельзя останавливаться перед трудностями, а также имеется огромное поле для предположений...“

От некоторых, „чье невежество или рвение не знало границ“, можно было ожидать „ужасного приговора“:

„Люди, не имевшие представления о геометрии или математике, будут смеяться и сочтут это чудачеством и смехотворным предприятием. Для них разговор об измерении расстояния до звезд, а также разговор об измерении размера звезд — является самым настоящим колдовством: а что касается движения Земли, сделали замеры, точно ли, по крайней мере случайное мнение; и не удивительно поэтому, если они примут то, что основано на такой шаткой почве для мечты фантастической головы и для расстроенного сознания“.

Все это касается любителей, дилетантов и невоспитанной публики. Вторая группа, которую он имеет в виду, — духовенство. Против них, впрочем как и в других подобных случаях, он прибегает к тем же самым аргументам, что и Галилей. Гюйгенс здесь более искренен и стремится к „ясности выражений“, то есть к тому стилю, который так высоко ценил Ньютон.

Когда они слышат, что мы говорим о Новых Землях и Животных, наделенных таким же разумом, как и они, эти люди немедленно проявляют готовность к религиозным восклицаниям, что мы выдвигаем свои гипотезы против мира Бога и что наше сверлящее мнение прямо противоположно Священному Писанию...

Но что касается миров на Небе, „они хранят полное молчание. Либо эти люди приняли решение их не понимать, или они абсолютно невежественны: так им так часто отвечали, что мне даже стыдно повторять это: совершенно очевидно, что Бог не имел намерения делать такого подробного Перечисления в Священном Писании всех деяний его Мироздания“.

„Но может быть, — иронически замечает Гюйгенс, — они скажут, что нам не пристало быть настолько пытливыми и так назойливо любопытными в этих вещах, которые Всевышний Создатель кажется сохранил в тайне...“ И он отвечает им более резкими словами.

Далее Гюйгенс пишет, что если бы человек прекратил научные исследования, то так бы ничего и не узнали о размерах и форме Земли, не ведали бы, что такое Америка и где она есть. Все люди считали бы, что Луна светит своим светом и, может быть, все мы стояли по уши в воде при каждом затмении, как до сих пор это делают индейцы. Не стали бы известны нам и многие другие открытия в астрономии.

Затем следует интересная защита права натурального философа „вести исследование в природе вещей“. Предположение — это перевод латинского слова „гипотеза“ — оно не бесспорно, так как еще не доказано. Если же предположение доказано наблюдениями, оно становится „значительной помощью прогрессу, разуму и морали“. Один из биографов Ньютона, Л. Т. Мор, считает, что такие люди, как Роберт Гук и Христиан Гюйгенс, полагались на внутреннее чувство и, возражая Ньютону, „просто противопоставляли теорию гипотезе“. Вне зависимости от значения этого определения. По „Космотеоросу“, становилось ясно, что Гюйгенс все еще колебался между картезианством, по которому объекты научного исследования являются продуктом мысли, и между феноменолизмом Ньютона, который рассматривал их как внешние реалии. Таким образом, если русский читатель впервые знакомился с современным научным методом по книге Гюйгенса, то ему становилось очевидным, что для доказательства любого утверждения следует шире практиковать „наблюдения“, как явно недоказанная эмпирически двойственность „миров“. Несмотря на такую явную демонстрацию своей беспристрастности, справедливость Гюйгенса определяется характером „предположения“, которое он пытался доказать. Христианство существует уже много веков на предположении, что человек является вершиной творения Бога. Если расширяющаяся Вселенная и возможность существования разумных существ в других мирах не разрушают уникальность, единственность Христа, то это, безусловно, подвергает огромной опасности христианскую теологию. Гюйгенс предпринимает попытки устранить возможность такого опасного вывода, обходя стороной религиозные выводы. Он оперирует в основном такими светскими концепциями, „идеями“, как смысл, справедливость, мораль и т. д. Парадоксальность его положения заключается в том, что для доказательства абсурдности чего-либо по первому впечатлению он должен подчеркивать абсолютную разумность нашей собственной Солнечной системы. Система Коперника, эллиптический курс, открытый Кеплером, а также и представление о гравитации, „которую И. Ньютон объяснил так подробно, с необыкновенной простотой“, и послужили неопровержимым доказательством того, что природа имеет понятную структуру. Из этого можно сделать логический вывод, что по картезианской теории природа является шифром или тайнописью, зафиксированной и решенной. По крайней мере в общих чертах в математике, в этом памятнике человеческому разуму, ключом от которого мы владеем.

Это является основной темой всей работы Гюйгенса, что же касается его категоричных выводов, то они ясно выражены в его нападках на А. Кирхнера. Иезуит, автор книги „Итер Экстатикус“, Кирхнер, как и Гюйгенс, верил во множество миров. Эта вера являлась основной нитью его книги, в которой он посещает различные планеты в своих сновидениях. Однако, вместо того чтобы найти в нем ценного союзника, Гюйгенс отрицает эту книгу за ее легковесность и ненаучность. Выводы Кирхнера могли бы быть идентичными, если бы он не совершил грубую и непростительную ошибку своей привязанностью к взглядам Тихо Браге, Аристотеля и других докторов в то время, когда было совершенно ясно, что „Коперник их всех освободил… тем, что доказал движение Земли“.

Из этого следует, что книга Кирхнера является „пустой и бессмысленной чепухой“ — не потому, что выводы неправильны, а потому, что они основаны на ложных логических предпосылках. Главной целью Гюйгенса было не столько доказать состоятельность теории Коперника, сколько показать в „Космотеоросе“, что та же неотъемлемая логика, с помощью которой была определена роль природы по

отношению к Земле, эта же логика может быть в равной степени применима и к другим планетам. <...>
О глубине потрясения, которое вызвала книга Гюйгенса, можно судить по жалобам ее издателя Михаила Петровича Аврамова, называвшего эту книгу сатанинской. По мнению издателя, „атеистические и богохульные“ книги таких авторов, как Фонтенель и Гюйгенс, приводят к разложению общества. Однако Аврамов не делает никаких теоретических выводов, не сообщает критических замечаний по поводу идей книги, вызвавших его возражения. Он просто неоднократно повторяет обвинение „атеисты“, считая, что этого вполне достаточно, чтобы осудить их. Аврамов предлагает таким авторам „запечатать рот“.
Гравитация Ньютона, а также физические аспекты картезианской космологии, как они были описаны Гюйгенсом, выглядели для Аврамова бессмысленными и незначительными наряду с транспланетарной жизнью.
Аврамов был старовер, хотя вначале он приветствовал светские нововведения Петра. Затем он изменил свое отношение, углубился в религию еще больше и направил свою энергию на различные законодательные проекты по восстановлению патриархата и ослабевающей власти духовенства. Он заводил интриги против Феофана Прокоповича, которого считал виновником того, что Петр начал секуляризацию. Аврамова неоднократно арестовывали и сажали в тюрьму. С невероятным упрямством он использовал любую возможность, чтобы поддержать противодействие духовенства. При Петре II, при Анне и Бироне его преследовали и отвергали. Когда пришла к власти набожная Елизавета и влияние духовенства опять усилилось, его голос, наконец, услышали и Аврамов направил императрице петицию, в которой сообщал, что еретические идеи „Космотеороса“ были частью той зловещей иностранной программы, предназначенной для разложения его сограждан.
И хотя петиция Аврамова была написана через 20 лет после публикации „Космотеороса“ в России, все же это письменное свидетельство представляет исключительную ценность, так как проливает свет на авторство перевода книги. Работа Гюйгенса была известна ученым, а оба издания перевода этой книги являются редкостью и еще недостаточно изучены. Все же одни ученые приписывают этот перевод барону Гюйссену, а в библиографии Сопикова его относят к Джону Вернеру Паусу. Однако ни Паус, ни Гюйссен не были переводчиками „Космотеороса“; этот перевод принадлежит перу Якова Вилимовича Брюса. Что и доказывает петиция Аврамова.
„В 1716 году, — писал Аврамов, — генерал Яков Брюс подарил его величеству императору <...> только что переведенную книгу. Воздействуя на царя, как обычно, своими скрытыми и хитрыми похвалами, скрывая таким образом безбожные и вероломные намерения, Брюс расхваливал книгу этого безумного автора Кристофора Гюйгенса, утверждая, что она очень умная и полезная для образования нашего народа, а особенно она необходима для навигации. Вот такой обычной и безбожной лестью обманул его величество“.
По Аврамову, царь принял перевод Брюса, даже не прочитав его. Обращаясь к Аврамову, царь Петр строго приказал ему напечатать максимальное количество экземпляров — 1200 штук. Но, как оказалось впоследствии, в судьбе „Космотеороса“ отрицательное мнение Аврамова оказалось более важным, чем мнение самого Петра Великого. Хотя Аврамов не имел влияния при дворе, но от него многое зависело, так как он был директором Санкт-Петербургской типографии, которой было поручено печатание этой книги. Царь в это время был в Европе, вначале в Голландии, а затем во Франции, где из рук Фонтенеля получил награду Парижской академии за заслуги в

развитии науки. Аврамов считал, что нельзя упустить такую благоприятную возможность — отсутствие Петра. „Царь в отъезде. Я еще раз прочел эту книгу и убедился, что она во всех отношениях противна Богу. Я пал на колени перед Богоматерью со слезами на глазах (с трепещущим сердцем и благоговейной душой) и молился, не зная, что делать, — боялся печатать и боялся не печатать“. Эта нерешительность вскоре была преодолена с „помощью Иисуса Христа“. Его посетила мысль „просветить этих сумасбродных безбожников, этих безбородых богоборцев“, сократив тираж. Он напечатал всего лишь 30 экземпляров. И даже эти тридцать он надежно спрятал.
Брюс не знал об этой нечестной игре Аврамова и писал Петру, который находился все еще во Франции, жалуясь на непонятную задержку в печатании. Кроме того, летом 1717 года Брюс был занят переводом не только „Космотеороса“. Одновременно по заказу царя он переводит Голландскую грамматику и Азбуку для детей.
Аврамов рассказывал, как по приезде царя из Европы он „взял эту сумасбродную книгу и дрожащими руками положил ее перед его высочеством и рассказал ему, что книжища эта самая противная Богу, самая отвратительная. Она заслуживает только одного — быть сожженной вместе с ее взбешенным, лживым переводчиком Брюсом“. Как пишет далее Аврамов, „царь выслушал его и, забрав книгу, долго обдумывал этот вопрос... Прошло две недели никакого приказа распространять ее в народе не последовало“. Конечно, „не последовало“, так как Петр прибыл из-за границы с уверенностью, что перевод напечатан, как было условлено, и вторично давать указание о „распространении ее в народе“ не имело смысла. Но Аврамов не мог лишить себя удовольствия сказать: „...царь указал вернуть ‘Космотеорос’ бешеному переводчику Брюсу, чтобы он отослал все экземпляры в Голландию, а также и все тридцать напечатанных книг“.
Написанная много лет спустя петиция Аврамова выглядит скорее как оправдание, нежели как попытка описать действительные события. Но описание разговора с Петром вряд ли было преувеличением со стороны Аврамова. Оно было включено умышленно с вполне определенной целью: показать важность своей роли общественного цензора.
По всей вероятности, Петр не распознал настоящие цели Аврамова.
Совершенно очевидно, что Аврамов и сам не всегда ясно себе их представлял. По характеру он был человеком страстным и неустойчивым, и его „решимость“ во время печатания „Космотеороса“ вряд ли могла быть такой неожиданной, окончательной или до такой степени непоколебимой, как он утверждает. Это доказывается тем фактом, что его компиляция по Овидию вышла в свет не до книги Гюйгенса, а четырьмя годами позже, то есть в 1721 году.
И еще из письма Брюса Петру от 2 ноября 1716 года явствует, что „философо-математическая в готовности, о которой ваше величество, отъезжая отсюда письмецо ко мне изволили прислать, чтоб ее мне самому перевесть и преж сего предисловие от оной у меня в доме изволили читать. И понеже во оной из субтильнейших частей ума человеческаго представляется, того ради, наипаче ж от зело спутаннаго немецкаго штиля, которым языком оная писана, невозможно было переводом оныя поспешить, понеже случалось иногда, что десять строк в день не мог внятно перевесть, чтоб авторово мнение довольно изъяснити мог“.
Письмецо, на которое ссылается Брюс, не было опубликовано, но если Петр читал предисловие, то естественно нет никаких оснований верить утверждению Аврамова, что царя обманным путем уговорили напечатать эту книгу, а также сомнительно, что Брюс использовал только навигацию как аргумент в пользу издания книги, так как в

работе Гюйгенса нет ничего, даже отдаленно связанного с навигацией. Однако все это доказывает то, что идея сделать перевод Гюйгенса исходила именно от Я. В. Брюса. Кроме всего этого, разносторонний Брюс тогда уже занимается естественными науками и начинает собирать в своем доме кабинет редкостей, впоследствии известный по всему миру. 23 марта 1716 года он пишет в Казань, к состоявшему в артиллерийском ведомстве майору Молоствову: „Благородный господин майор. Посланной от вас камень я получил, за которой благодарствую. А оной камень подлинно мармор. И вы пожалуйте отпишите ко мне, ежели можете наведатца, и с которых мест оные туда приваживаны. Да сказывал мне брат ваш, что он видел многие камни у Карованных гор. И я прошу вас тамо между оными поискать таково ж родства, и ежели сыщете, то хотя небольшой пришлите ко мне. А паче прошу, о чем и наперед сего просит вас, о присылке каменя алебастра, под которым сера самородная водитца, чтоб онаго, выломя, прислали ко мне, а именно чтоб алебастр вместе с серою срозсаб“.
Брюс, как видно из письма его Петру от 16 марта 1716 года, имел корреспонденцию с нюрнбергскими географами по вопросу о создании среднего атласа из 24 карт, и „во что оныя станут и сколь скоро сделаются“.
Кроме того, Брюс был автором книги „О превращении фигур плоских во иные такого же содержания“ (1708).
М. Д. Хмыров писал о Брюсе: „…астроном и математик, артиллерист и инженер, ботаник и минералог, сфрагист и географ, автор нескольких и переводчик многих ученых сочинений, — граф Брюс, бесспорно, был просвещеннейшим из всех сподвижников Петра и чуть ли не первым деятелем на поприще тогдашней русской педагогики“.
Уникальна не столько энциклопедичность знаний и устремлений петровского сподвижника, но еще и глубина осознания необходимости популяризации новых знаний в России. Чего, например, стоят коллекция китайских редкостей из собрания Брюса и изучение им восточных языков. В одном из писем Якова Вилимовича, адресованном, видимо, профессору Байеру, излагаются результаты исследований мунгальского (монгольского) и китайского языков.
В 1731 году Брюс сообщает в письме профессору механики и оптики Петербургской академии наук Георгу Лейтману об исследованиях по определению удельных весов металлов. Им была составлена методика, на основе которой определены удельные веса меди, золота и серебра. Удельный вес меди совпадает с современными показателями.
При активном участии Брюса составляются первые для России таблицы логарифмов. Совершенно уникальна находка, сделанная Брюсом в Кенигсберге в 1711 году, список „Повести временных лет“ Нестора (Радзивилловская летопись). Летопись была переписана одним из служителей Брюса и передана им В. Н. Татищеву в 1719 году с пожеланием заняться историей России. Поэтому в своей книге „История Российская“ Василий Никитич писал о Брюсе как о своем наставнике и учителе, как о человеке, давшем ему путевку в жизнь. При этом автор свидетельствует, что граф Брюс был „высокаго ума, остраго разсуждения и твердой памяти; будучи из младых лет при Петре Великом многие к знанию нужныя и пользе государя и государства с английскаго и немецкаго на российский язык книги перевел и собственно для употребления его величества геометрию со изрядными украшениями сочинил“».

Я. В. Брюс — организатор российской науки

И все же Брюс как ученый сделал еще более значительные успехи в организации российской науки, определении направления ее развития. Наиболее наглядно это проявилось при создании Петербургской академии наук.
Создание школ и профессиональных училищ, издание учебной и переводной технической литературы дали первые сотни отечественных специалистов для армии и флота, промышленности и строительства. Появление обученных геодезистов и навигаторов позволило составить научно обоснованные карты Сибири и Камчатки, начать гидрографические работы на Балтике, впервые установить правильные очертания Каспийского моря. Последними крупными предприятиями Петра были посылка в 1725 году первой камчатской экспедиции под командованием Витуса Беринга и начатая в 1720-е годы съемка для составления Генеральной карты России. Этим работам, однако, недоставало точности из-за отсутствия обсерваторий и должной астрономической подготовки геодезистов.
Были посланы первые экспедиции врачей и ботаников для изучения природных богатств страны: Д. Г. Мессершмидта — в Сибирь, Г. Шобера — на Кавказ, И. Х. Буксбаума — в окрестности Петербурга и в южные районы. Однако и для развития экспедиционного дела не хватало специалистов. Страна испытывала острую нужду в образованных людях. Эту задачу мог бы частично выполнить университет. Но университеты, это Петр знал из личного опыта, не могли создать научную основу для развития производства.
Поэтому, еще не решив, какого типа научное или учебное учреждение необходимо России, Петр создавал различные училища, а также научную библиотеку, музей, кабинет машин и инструментов. После Полтавской победы и укрепления Петербурга как столицы государства книги, коллекции и инструменты перевозятся из Москвы в Петербург. Вопрос об организации российской науки становится предметом обсуждения с учеными и прежде всего — с великим Лейбницем, который, разочаровавшись в возможностях научного общества в Берлине, все чаще обращается к ученым России, с которой поддерживает связь через Брюса и русских дипломатов. По мысли Лейбница, в качестве одной из коллегий должна выступать академия, которая будет заботиться «о введении, приращении и процветании всех добрых наук в империи». Россия представлялась Лейбницу «непочатым полем», где можно избежать заблуждений и ошибок, допущенных на Западе. Он успешно рекомендует практические приложения наук — в медицине, в горном и монетном деле, пишет об астрономических наблюдениях, которые могут пролить новый свет на мореплавание и географию. Примечательно, что Лейбниц говорил о задачах, которые настоятельно выдвигались русской действительностью и уже успешно решались, в том числе и Я. В. Брюсом.
Сам Петр стремился узнать как можно больше о различных типах высших научных и учебных учреждений, бывая за границей. Так, во Франции летом 1717 года он интересовался постановкой преподавания в Коллеже четырех наций. В беседах с президентом Парижской академии наук Кассини, учеными Вариньоном, Гильомом Делилем Петр выяснял пути использования астрономии, математики и географии для нужд изучения страны.
В научном мире Европы в то время существовали две точки зрения на методы исследовательской работы. Они касались различных сфер деятельности и познания. В частности, решался вопрос об определении формы Земли.
И. Ньютон на основе теоретических представлений о тяготении пришел к заключению о том, что Земля должна иметь форму сплюснутого у полюсов сфероида. Результаты его исследований были опубликованы в 1687 году в «Математических

началах натуральной философии». В 1690 году, также на основе теоретических соображений, к аналогичному заключению пришел и Христиан Гюйгенс.
Однако этому выводу противоречили градусные измерения, выполненные в XVII веке. Согласно этим измерениям получалось, что Земля должна иметь форму вытянутого у полюсов сфероида. Наиболее полно разработал эту гипотезу Ж. Кассини, опиравшийся не только на измерения парижского меридиана, но и на сформулированную Р. Декартом вихревую систему мира. В то время эта теория пользовалась всеобщим признанием. Неудивительно, что гипотеза Кассини получила широкое распространение во Франции, где в науке господствовало картезианство. Это мнение разделяло и подавляющее большинство ученых Европы. Лишь на Британских островах, где учение Ньютона уже завоевало признание, преобладало представление о сплюснутой у полюсов фигуре Земли.
Возможно, всех этих противостоящих друг другу точек зрения не знал прибывший в 1717 году в Париж Петр, однако под влиянием научного консультанта Брюса он стал убежденным сторонником ньютонианства и по достоинству оценил деятельность Ж. Н. Делиля. Свои исследования Ж. Н. Делиль продолжил в России, нанятый русским царем для работы в Петербургской академии наук. Он стал основателем Астрономической школы, в которой исследованиями занимались Л. Эйлер, А. Кантемир, А. Д. Красильников, Н. Г. Курганов, М. В. Ломоносов и многие другие ученые, приобщившиеся к работе астрономической обсерватории в Санкт-Петербурге.
Подобно Делилю, в Санкт-Петербурге в 1725–1727 годах оказались в основном приверженцы ньютонианства, среди которых были братья Никола и Даниэль Бернулли, друг Делили хирург и анатом И. Г. Дювернуа, математик Х. Гольдбах, ученые Ф. Х. Майер, Г. В. Крафт, Г. В. Миллер, Т. З. Байер и др. В Петербурге была возможность изучать научное наследие Ньютона и творчески его осваивать, выявляя и устраняя все вкравшиеся в него ошибки.
Формируя штат академии, Петр посылал своих представителей в европейские страны с целью найма ученых. Одним из таких представителей был В. Н. Татищев, который в своем «Разговоре о пользе наук и училищ» вспоминает, как в 1724 году, когда он отправлялся в Швецию, ему поручили среди других дел искать профессоров в учреждавшуюся академию. Когда он высказал сомнение, что профессорам учить-то некого, Петр сказал: «Я имею жать скирды великие, токмо мельницы нет, да поставить водяную и воды довольно вблизости нет, а есть воды довольно в отдалении, токмо канал делать мне уже не успеть, для того, что долгота жизни нашея ненадежна». Следовательно, Петр сознавал, что не все еще предпосылки созрели для успешного выполнения его замыслов. Но он торопился. Спешил «построить мельницу», чтобы, как он сказал Татищеву, наследников своих «лучше понудить к построенной мельнице воду привести».
Зная новаторский характер многих предприятий Петра, можно с полным основанием предположить, что идея соединения в одном учреждении академии или университета принадлежит самому Петру, и он сам наметил основные положения проекта об Академии наук, который был написан Блюментростом и с поправками Петра 22 января 1724 года обсуждался на заседании Сената.
На первый взгляд может показаться, что найм ученых носил спонтанный характер, ведь для работы в Санкт-Петербурге приглашали иностранных ученых русские дипломаты Б. И. Куракин (Париж), А. Г. Головкин (Берлин), выезжали за границу Нартов, Шумахер, сам Петр и Я. В. Брюс. Однако каждая кандидатура не просто заранее обговаривалась, велись долгие переговоры, учитывались специальные

рекомендации. Не случайно процесс формирования коллектива ученых академии продолжался с 1718 по 1727 год. Одна из ведущих ролей в этом принадлежала Брюсу. Недаром исследователь жизни Брюса М. Д. Хмыров еще в XIX веке отметил, «что Брюс, как ученый, некоторым образом влиял на Петра, это, несомненно, доказывается многими распоряжениями последнего, объявленными в доме Брюса, тут же, конечно, внушавшего их царю, который, как известно, не любил ничего „отлагать в даль“».

Кроме того, академия пользовалась особой благосклонностью русского двора и особенно императрицы Екатерины I. 15 августа 1725 года она дала торжественную аудиенцию первым приехавшим в Россию профессорам, на которой присутствовали обе ее дочери — Анна Петровна и Елизавета Петровна, а также внук Петра — будущий император Петр II. Были здесь А. Д. Меншиков и Я. В. Брюс.

Весьма пышно проводились и первые публичные собрания академии, на которые, как отмечали современники, съезжались весь Сенат, Синод, генералитет, министры, посланники и множество придворных, а порой и сама императрица. В числе гостей бывали Феофан Прокопович, а также юные Петр Апостол и Антиох Кантемир.

Выделив необходимые средства на содержание академии, передав ей библиотеку Петра I и купленные по его приказу книги, инструменты и коллекции Кунсткамеры, Екатерина больше не вмешивалась в дела этого учреждения, предоставив ему полную свободу научных исследований.

В Петербурге первой половины XVIII века сложилась весьма благоприятная для научной работы обстановка. Петербургские ученые имели вполне достаточно средств для проведения своих исследований. Даже малейшие бытовые нужды академиков, по желанию Петра, поначалу обеспечивались за счет государства, дабы ученые не отвлекались от научных занятий и «времени не теряли бездельно».

Такая работа дала и соответствующие результаты. Академия подготовила десятки русских ученых, стала основой для развития научных исследований в России, к 1745 году был составлен «Атлас Российский», обоснованы и экспериментально доказаны идеи И. Ньютона о фигуре Земли, доказано отсутствие на Луне плотной атмосферы и подготовлено знаменитое открытие Ломоносовым атмосферы Венеры в 1761 году. Это блестящее астрофизическое открытие XVIII века стало крупнейшим завершением исследований, начатых в Петербургской академии в 1726 году. В области небесной механики работы петербургских астрономов оказали значительное влияние на развитие отечественной и мировой науки. Они заложили основы отечественной небесной механики и во многом способствовали становлению и развитию этой науки в мировом масштабе. Петербургская академия стала оплотом нового естествознания. Она объединила единомышленников — одиночек, работавших в других странах, оказывала им моральную и материальную поддержку. Не случайно лучшие работы по небесной механике, основанной на учении Ньютона, были премированы Петербургской академией наук. В середине XVIII века к Петербургской академии присоединилась и Берлинская академия, где работали в те годы Эйлер и Мопертюи. После смерти Галлея в 1742 году именно Петербург стал мировым центром исследований в области небесной механики. Он оставался им вплоть до возникновения знаменитой Французской школы небесной механики.

Работы астрономов Петербургской академии подготовили ряд крупнейших научных открытий. Они заложили основы кинетической теории газов, теории ахроматов, детально изучили свойства дифракции и рефракции света, подготовив тем самым создание теории этих явлений, а также доказали существование атмосферы на Венере и отсутствие ее на Луне. Петербургские ученые принимали самое активное участие в

первых международных научных предприятиях XVIII века — астрономических наблюдениях для определения параллаксов небесных тел (Солнца, Луны, Марса, Меркурия и других планет), в результате которых были получены первые научные данные о размерах Солнечной системы.
В Петербургской академии наук XVIII века была найдена даже весьма удачная форма организации для руководства всеми астрономо-геодезическими работами страны — так называемый Географический департамент, по образцу которого впоследствии создавались Парижское бюро долгот и аналогичные организации в других странах.
Петербургские ученые-метеорологи XVIII века, разработав инструменты собственной конструкции и детальную программу исследований, первыми в нашей стране начали многолетние систематические наблюдения, заложив тем самым основу отечественной метеослужбы.
Деятельность академии способствовала развитию исторической науки в России. Исследования Шлецера, Миллера, Байера в этой области до сих пор являются предметом оживленной дискуссии сторонников и противников норманнской теории образования Российского государства.
Важным результатом деятельности академии явилась деятельность М. В. Ломоносова, основателя первого Российского университета в Москве, ученого, преуспевшего во многих отраслях научных знаний.
Таков был триумфальный итог деятельности Петра и Брюса по созданию Академии наук. При этом необходимо учитывать, что Яков Вилимович при создании академии и в ходе ее работы выступил не только как организатор важнейшего в России учреждения. В своей переписке с учеными Академии наук он проявил себя и как ученый-энциклопедист.
В 1727 году двадцатилетним молодым человеком в Петербургскую академию наук приехал работать Леонард Эйлер. Он получил профессуру в академии и в 1732 году вступил в переписку с Брюсом, к тому времени уже жившим в Глинках. Переписка Брюса с Эйлером рисует Якова Вилимовича как ученого, сохранившего на всю жизнь интерес к чистой математике и, как отмечает автор публикации переписки Ю. Х. Копелевич, уже в старости, вдали от государственных дел внимательно следившего за состоянием математических наук в молодой академии, сумевшего оценить замечательное дарование молодого Эйлера. Брюс обсуждал выдвигаемые Эйлером математические проблемы, завязав с ним научную переписку, которая, однако, очень скоро прервалась из-за болезни и смерти Брюса.
В этой переписке Брюс выступает как математик-теоретик, с которым консультируется профессор Л. Эйлер. Такие взаимоотношения объяснимы ввиду огромной разницы в возрасте — 38 лет. Естественно, для Эйлера Брюс был более опытным, а следовательно, знающим ученым. Эйлер по достоинству оценил достижения Брюса в области математики, в свою очередь, наш герой охотно делится с молодым исследователем своими познаниями и достижениями в области построения кривых линий. Вероятно, это и высокая оценка Брюсом таланта Эйлера способствовали стимулированию исследовательской работы будущего великого математика.
Переписка показывает и необычные отношения Брюса с учеными, работавшими в Академии наук. Они стремились поделиться своими знаниями с Брюсом, рассчитывая на помощь и поддержку, а главное, понимание научных проблем в качестве специалиста-исследователя.
К сожалению, болезнь не позволила Брюсу продолжить его любимое дело и участвовать в исследовательской работе петербургских ученых. Несмотря на это, в

последние годы жизни, проведенные в Глинках, Брюс занимался активной научной деятельностью. Особенно это относится к его занятиям наблюдательной астрономией.

Первый российский астроном

Астрономическими наблюдениями Я. В. Брюс, получивший прекрасное по тому времени образование в одной из школ Немецкой слободы, начал заниматься еще в 1680-е годы.

Однако серьезные шаги в изучении и практическом применении астрономических знаний им были сделаны в 1698 году во время Великого посольства.

В ходе пребывания в Голландии Петр I решает поехать в Англию для приобретения навыков строительства кораблей с использованием чертежей и технической документации. С этой целью он вызывает Брюса из Москвы. 6 января 1698 года группа из шестнадцати человек во главе с Петром выехала в Англию. Брюс в составе этой группы имел особый план работы, согласованный с царем. Помимо всего, запланированного Петром, он и Брюс посещают монетный двор в Тауэре, которым руководил в те годы И. Ньютон, проводя денежную реформу в Англии.

В этот период И. Ньютон и Э. Галлей активно занимаются совершенствованием рефлекторных телескопов, работавших на системе отражательных зеркал. Создатель Пулковской обсерватории В. Я. Струве (1793–1864) назвал деятельность английских ученых «основой наших астрономических знаний». Пик расцвета этой деятельности пришелся именно на конец 1690-х годов. «При этом посчастливилось присутствовать Брюсу», — сообщает исследователь В. Л. Ченакал.

После отбытия Петра на континент в апреле 1698 года Я. В. Брюс «с особыми полномочиями» был оставлен в Англии до конца года. Он работает несколько месяцев в лаборатории Ньютона, выступает с докладами на заседаниях научного Королевского общества Англии от имени коллектива ученых. Сотрудничает с руководителем Гринвичской обсерватории Дж. Флэмстидом. Фактически в конце 1698 года Брюс возвращается в Россию в качестве первого российского ученого-энциклопедиста, проводника идей И. Ньютона.

Канадский ученый В. Босс в книге «Ньютон и Россия» (Кембридж, 1972 год) на огромном фактическом материале показал, что развитие научных знаний в нашей стране, формирование штата Санкт-Петербургской академии наук, открытой в 1725 году, происходили благодаря Я. В. Брюсу под влиянием ньютонианства, что сразу вывело Россию на передовые позиции в развитии научных знаний.

Во время пребывания в Англии Брюс начал создание рукописной книги «Статьи по математике и астрономии». Книга имела разделы: «Угловой сектор», «Построение синусов, тангенсов и секансов», «Основы пропорции диаметра окружности к ее длине», «Техника логарифмов или действия с логарифмами», «Основные логарифмы заданных чисел», «Проблемы астрономии», «Теория движения планет», «Орбита Луны», «Орбита Солнца», «Проекция орбиты Солнца», «Три известных долготы Солнца, находящихся в его апогее и перигее».

Статья из этой книги «Теория движения планет» в качестве научного трактата хранится в библиотеке Кембриджского университета и библиотеке Российской академии наук в Санкт-Петербурге.

Вернувшись из Англии, Брюс консультирует Петра I при проведении астрономических наблюдений. Известны опыты наблюдений за затмением Солнца в 1699 году, полетами болидов (звездных тел) в 1704 и 1716 годах. Консультации Брюса касались определения местоположения и подбора приборов и инструментов для проведения таких наблюдений. В 1706 году Брюс по просьбе Петра высылает ему

чертеж инструмента для определения высоты склонения Полярной звезды и подробное описание применения инструментов для успешного проведения такого опыта.
В 1699 году Петр поручил Брюсу организовать в Москве «навигацкую школу». Наиболее удобным помещением для размещения этой школы была признана построенная в 1692–1695 годах в Москве на Земляном Валу Сухарева башня. Так как эта башня возвышалась над землей на 64 метра и к тому же находилась на одном из наиболее высоких мест Москвы, то Брюс нашел, что одновременно с размещением в ней «навигацкой школы» она может быть весьма выгодно использована и для устройства в ней обсерватории.
С января по июнь 1700 года в этой башне Брюс оборудовал первую государственную астрономическую обсерваторию. Имеются сведения, что в этой обсерватории, кроме астрономических зрительных труб, Брюсом были размещены измерительные инструменты — секторы и квадранты — для определения времени по звездам Большой и Малой Медведицы. Здесь же был помещен привезенный в Москву из Голландии еще при жизни Алексея Михайловича большой звездный глобус диаметром 2 метра 13 сантиметров работы наследников известного голландского географа Жуильяма Блеу.
В 1716 году Брюс сообщил Петру о том, что им на Солнце «усмотрены» пятна, и тут же добавил, что, насколько ему известно, их «уже с 30 лет не видно было» и он «от роду своего впервые увидел». Это его заявление дает, таким образом, основание считать, что солнечные пятна, обнаруженные Галилеем, первым в России исследовал Я. В. Брюс.
Все эти отрывочные данные полного представления о характере и объеме выполненных Брюсом астрономических наблюдений, конечно, не дают. Однако по ним уже можно предполагать, что объем его работ был достаточно обширен.
На то, что выполнявшиеся Брюсом уже в первые годы его занятий астрономией наблюдения были серьезны и заслуживали большого внимания, показывает такой факт.
В 1803 году французский астроном Жозеф Жером Лаланд опубликовал ставшую известной в свое время «Историю астрономии». Излагая хронику событий в наблюдательной астрономии с древнейших времен до конца XVIII века, он в записи, стоящей под 1700 годом, указал, что в этом году «некоторые наблюдения» проводил Брюс. Какие именно наблюдения Брюса имелись при этом в виду, неизвестно. Однако если бы они не имели научного значения, то вряд ли он стал бы включать их в свою летопись, где им отмечалось лишь то, что действительно представляло интерес для истории астрономии.
Публикации Лаланда являются пока едва ли не единственным источником, проливающим свет на проведение астрономических наблюдений Я. В. Брюсом в Глинках. В перечне астрономических событий 1728 года он вторично упомянул имя ученого, говоря, что в этом году «Брюс произвел астрономические наблюдения...». Никаких документов, которые рассказали бы нам, какие именно астрономические наблюдения вел тот в Глинках, пока не найдено.
Здание обсерватории, построенное, как считают исследователи, по собственному проекту Брюса, имело открытые лоджии и было очень удобно для проведения наблюдений.
В описи, составленной сразу после смерти Я. В. Брюса в 1735 году, значились ящики со 140 стеклами «от зрительных разных труб», самых различных размеров объективы и всевозможные, «в оправах и без оправ» окуляры, и призмы, и зеркала, и прочие

оптические детали астрономических инструментов. Приводимые в описи размеры почти для всех стекол показывают, что здесь были линзы от 6 до 200 миллиметров в диаметре и от 27 метров до нескольких миллиметров фокусом. В описи значатся различные глобусы, солнечные часы разных конструкций, астролябии, квандранты, перископы, секстанты, дальномеры, вогнутые зеркала, зрительные трубы, штативы и многое другое.

Как писал исследователь В. Л. Ченакал: «Трудно себе даже представить астрономическую обсерваторию начала XVIII века, которая могла бы вместить в себя все это оборудование».

Насколько хороши были астрономические инструменты Брюса, показывает такой факт. В октябре 1737 года В. Н. Татищев в одном из своих писем в Академию наук писал, что у него имеется «квадрант не очень малой с перспективой (со зрительной трубой)», у которого «все обороты и все движения на бесконечных шурупах», то есть с червячными винтами, и что этот квадрант был сделан ему «с обрасца графа Брюса».

Санкт-Петербургская академия наук, получив в 1735 году оборудование глинковской обсерватории Брюса, в течение долгого времени пользовалась им для укомплектования инструментария своей астрономической обсерватории.

Сохранился, например, «репорт» руководившего с 1726 по 1747 год обсерваторией Академии наук астронома Жозефа Никола Делиля, датированный апрелем 1746 года, в котором он, касаясь обеспеченности вверенной ему обсерватории нужными инструментами, писал: «…Что ж касается до прочих маленьких инструментов, которых еще на обсерватории недостает, то понеже Академия Наук получила… многие инструменты из пожитков покойного фельдмаршала Брюса, для того не потребно будет из других земель более выписывать».

Уже один этот документ наглядно показывает, какую ценность для академии составило собрание астрономических инструментов Брюса.

Многие приборы и инструменты Брюс изготавливал сам. Так, например, в Эрмитаже и сейчас хранится металлическое зеркало для отражательного телескопа, на обороте которого имеется гравированная надпись: «Сделано собственным тщанием графа Якова Вилемовича Брюса в августе 1733 года».

Если к этому добавить, что часть этого оборудования поступила в физический кабинет Академии наук и в течение длительного времени служила там хорошим пособием для обучения академических студентов практической оптике, то значение указанных обсерваторий Брюса для дальнейшего развития русской науки станет еще более очевидным.

Нельзя не отметить переводческой и просветительской деятельности Брюса в области астрономии.

Помимо рукописной книги по математике и астрономии, написанной в 1698 году, Я. В. Брюс составил и опубликовал в 1707 году карту звездного неба — «Глобус небесный иже о сфере небесной…».

Огромное значение для России имело издание в 1717 году книги Христана Гюйгенса «Космотеорос» в переводе Я. В. Брюса. В этой книге излагались идеи Николая Коперника и Исаака Ньютона на строение Вселенной. Высказывались выводы ученого о множественности миров с критикой учения Р. Декарта. Книга Гюйгенса в популярной форме объясняла новейшие достижения, сделанные в области астрономических открытий к концу XVII века.

Библиотека Я. В. Брюса имела около ста книг, специально посвященных вопросам астрономии. Имелись среди них труды всех видных астрономов XVI, XVII и начала XVIII века (И. Гевелий, Х. Гюйгенс, И. Ньютон, Д. Грегори, Дж. Флэмстид, Э. Галлей и

др.), разные учебные руководства по теоретической и практической астрономии, а также литература по гномонике, различные календари и таблицы и множество книг по мореходной астрономии. Были в их числе и русские, и немецкие, и английские, и голландские, и шведские, и итальянские, и французские издания. «Одним словом, — отметил исследователь В. Л. Ченакал, — здесь было почти все, чем располагала астрономическая литература того времени».
Подводя итоги сказанному об астрономических занятиях Брюса, его переводческой и просветительской деятельности в области астрономии, следует отметить, что эта деятельность Я. В. Брюса не только открыла новые горизонты в развитии теоретических знаний в России, но и подготовила дальнейшую исследовательскую деятельность в нашей стране известных ученых, среди которых был основатель первого российского университета М. В. Ломоносов.

Научный кабинет и библиотека Я. В. Брюса
Яков Брюс скончался в Глинках 19 (30) апреля 1735 года. В надгробной проповеди, прочитанной при его погребении 14 мая пастором Фрейнгольдом, указывалось, что прожил он 65 лет 11 месяцев и 18 дней, то есть не дожил до шестидесяти шести лет всего 12 дней. В то время возраст достаточно солидный. А учитывая то обстоятельство, что Брюс довольно сильно болел — практически всю жизнь его мучили приступы подагры, — можно сказать, что смерть его не была чем-то неординарным. Тем более в 1728 году скончалась его жена Маргарита (Марфа Андреевна) Мантейфель и он был в последние годы одинок. И все же можно с уверенностью говорить о неожиданности смерти Брюса. Поскольку есть эпизоды, показывающие, что у Брюса были планы, которым не суждено было сбыться.
Первое: находясь в начале февраля в Москве, он покупает дом в Мясницкой части (современный адрес — Мясницкая, 15) в дополнение к тому, что был подарен Брюсу в 1706 году. Видимо, он рассчитывал использовать это здание в своей дальнейшей деятельности. Второе: Брюс заключает договор с вдовой подьячего Стефанидой Васильевой о том, что возьмет в обучение на пять лет ее девятилетнего сына Диму и подготовит его к поступлению в учебное заведение. Договор подписан 4 февраля, то есть за 72 дня до смерти.
И, наконец, третье и, наверное, самое главное обстоятельство, показывающее, что смерть была неожиданной. Находясь в эти дни в Москве, Брюс отправляет в Санкт-Петербургскую академию наук два ящика с приборами и инструментами из своей личной коллекции. При этом предполагается, что им будет написано завещание о судьбе всего научного кабинета и библиотеки и это будет дар Академии наук. Однако след отосланных ящиков затерялся, их судьба до сих пор неизвестна и завещание так и не было написано. Хотя на протяжении многих десятилетий после смерти Брюса ошибочно утверждалось, что якобы Брюс завещал все свое научное наследие академии.
Эту коллекцию и библиотеку Брюс собирал всю свою жизнь. В отличие от многих коллекционеров Брюс, по мнению исследователя С. П. Луппова, выступает перед нами не как простой собиратель, а как ученый, который приобретает то, что ему надо для занятий. И коллекция, и библиотека отражают широту его интересов.
Валентин Босс подчеркивал, что библиотека Брюса составлялась с определенной целью. Прежде всего она отражает интересы физика, естествоиспытателя, астронома, математика и инженера, который по возвращении из Лондона встал во главе сложного движения интеллектуального и социального преобразования России, во время которого русская наука и русский язык начали приобретать свой современный

характер. Брюс заложил основы для нового математического научного образования, чем, в свою очередь, была подготовлена почва для основания Петербургской академии наук (в которой он также должен был играть соответствующую роль). Вот почему коллекция книг, инструментов и редких вещей, которые он собирал долгие годы, является уникальной для Петровской эпохи.

Каталог библиотеки Брюса печатался в двух вариантах. Первый, неполный, в 1859 году с коротким и неточным вступлением И. Е. Забелина, где говорилось, что «Тайдеману дана была инструкция, согласно которой он должен был принять вещи и бережно доставить их в Петербург». Принимать и считать вещи академия назначала по «росписи, которая от профессора и секретаря посольства господина Гроса учинена была», вероятно, еще при жизни и по поручению самого графа Брюса, и в инструкции, между прочим, в третьем параграфе говорилось: «Если он (Тайдеман) между оставшимися имениями еще разные печатные книги, и как до истории, так и до прочих наук и знаний принадлежащие рукописные тетради, картины, рисунки, гравюры, инструменты, машины, сосуды старинной или нынешней работы, из какой бы оныя материи не были, также и возвышенной и резной работы, камней, старинные и новые резные монеты и медали, звери, инсекты, коренья и всякие руды найдет, которые в показанной росписи не объявлены, то и имеет он особливую роспись о том учинить и оные вещи к прочим приложить». В конце августа вещи были приняты, уложены и до отправки в Петербург перевезены из дома Брюса в пустой дом князя Юрия Долгорукова, что близ Мясницких Ворот. Здесь они оставались до зимнего пути, потому что осенью Тайдеман везти побоялся, чтобы не учинилось вреда и траты некоторым ломким вещам, каковы были инструменты и посуда. В ноябре их отправили на тридцати подводах и с конвоем для береженья. Второй вариант был напечатан в 1889 году в пятом томе «Материалов Императорской Академии Наук».

После смерти Брюса в мае 1735 года временно ответственным за библиотеку стал граф Салтыков. 6 июня того же года он получил письменное указание от Кабинета министров «назначить исключительно квалифицированного человека» составить список книг библиотеки Брюса. В этом же письме сообщалось, что академия высылает «специального курьера», чтобы помочь классифицировать «все курьезные вещи» для Кунсткамеры. Но этот специальный курьер так и не прибыл. Салтыков поручил это задание своим знакомым Богдану Аладину и капитан-лейтенанту Гурьеву, которые совершенно не понимали всей сложности возложенной на них задачи.

Поэтому первоначальная опись проводилась не квалифицированно, по-дилетантски, лишь грамотная помощь нотариуса Христофора Тайдемана дала возможность судить о подлинном богатстве библиотеки. Вот как об этом пишет канадский ученый Валентин Босс: «Трудности возникали и по той причине, что книги были на многих иностранных языках — на 12 языках (если не считать и одну неопознанную книгу). Транскрибировались названия книг кириллицей, хотя русских книг было всего 34. Иногда транскрипция названий давалась фонетическая, а иногда делалась попытка перевести название книги. Каждый из четырех составителей каталога вносил свою долю профанации при работе над ним. Неспециалисты Богдан Аладин и капитан-лейтенант Гурьев начали работу первыми, и поэтому в списке шестисот томов библиотеки отсутствуют даты изданий. Христофор Тайдеман подошел к делу более добросовестно, и поэтому немецкие книги во второй половине описи обработаны наиболее полно». Можно добавить, что Академия наук получила не только книги из библиотеки Брюса, но и коллекцию редкостей и ценных вещей, которые Брюс

собирал всю жизнь (картины, монеты, приборы, атрибуты восточных культов и многое другое).
Нотариус Христофор Тайдеман и писарь Иван Пухорт прибыли для составления каталога 31 июля. Окончательный вариант каталога насчитывал 98 листов машинописного текста, включал 1579 наименований книг и редких рукописей, географические курьезности, карты, образцы минералов и ботаники, а также астрономические и математические приборы. Этот каталог был действительно единственным документом такого рода в первой половине XVIII века. Каталог наглядно показывает не только широкий диапазон интересов Брюса во всей его полноте, но и пути, по которым учение Ньютона проникало в Россию и становилось научным достоянием.
Этот каталог оставался долгое время нерасшифрованным, частично по вине И. Е. Забелина, который описал только часть книжного собрания, а также по причине языковых несообразностей каталога. Но если бы такие ученые, как С. Е. Фель, Ю. Х. Копелевич, В. Л. Ченакал, С. Л. Соболь, В. А. Воронцов-Вельяминов и другие, писавшие о Брюсе, даже знали, что каталог Забелина в 789 наименований является лишь частью значительно большего списка, то все равно они не смогли бы понять этот каталог, так как (отмечает С. Е. Фель) «названия книг не даются как текст, а в сильно сокращенном виде, дата издания не указывается, фамилия автора сообщается редко». Например, труды Ньютона, имевшиеся в собрании Брюса, упоминаются без имени автора и без года издания. Более бережно отнеслось академическое начальство к книгам на английском языке. Научные связи с Англией и в 1730-е годы были редки, да и английским языком в то время владело ограниченное число ученых Петербургской академии наук, поэтому английские книги были большой редкостью и сразу же попали в иностранный фонд библиотеки, где и находились в течение двух столетий. Собрание Якова Вилимовича хронологически охватывает конец XVII — первую четверть XVIII века. Сохраняя связи с Англией и после отставки, Брюс получал литературу до последних дней жизни. Он был единственным в России обладателем полного комплекта научного журнала «Философские труды», печатавшегося в Лондоне с 1666 года. Последний том этого журнала, имеющийся в собрании Брюса, датируется 1730 годом. Из книг, опубликованных в Англии в конце 20-х — начале 30-х годов XVIII века, в библиотеке были переводная книга Г. Бургаве «Элементы химии», «Искусство миниатюры» и «Школа рисунка», издания 1732–1733 годов, и многие другие. Даже художественную литературу Я. В. Брюс, по мнению Е. А. Савельевой, предпочитал иметь в своей библиотеке на английском языке. Примером служат «Басни» Эзопа и «Дон Кихот» Сервантеса.
Многие книги, независимо от языка, на котором они написаны, носят на себе следы работы над ними Я. В. Брюса. На изданиях по математике, физике, астрономии, точным наукам — это алгебраические выкладки, решения задач, расчеты, сделанные им для работы над инструментом, вроде подзорной трубы или оптических стекол, зеркал. На рецептурных справочниках он часто выписывал на форзац рецепты, которыми, по-видимому, пользовался сам. В ряде случаев попадается просто редакторская правка.
Если с книгами на иностранных языках в сохранившейся части библиотеки дело обстоит более или менее благополучно, то судьба книг на русском языке оказалась просто печальной. По описям в составе библиотеки числилось 38 единиц русских изданий. В настоящее время удалось обнаружить лишь пять, которые с уверенностью можно отнести к этому собранию. Три из них — «Земноводного круга краткое описание» И. Гюбнера, «Новейшее основание и практика артиллерии» Э. Брауна (М.,

1709) и «Сокращение математическое» Я. Германа и Ж. Н. Делиля (СПб., 1728) — напечатаны гражданским шрифтом. Три издания напечатаны кириллицей: «Таблицы логарифмов» (М., 1703), «Торжественные врата» (М., 1703) и Новый Завет на голландском и русском языках. Голландский текст был напечатан в Гааге, русский в Санкт-Петербурге в 1717 году. Интересно, что и в последней книге, в русской части текста, имеется правка Брюса.

Анализ библиотеки основан на двух самых авторитетных исследованиях — С. П. Луппова и Е. А. Савельевой. Именно их трудами установлено, что книги в собрании изданы на четырнадцати языках.

Библиотека Брюса носит универсальный характер. Пожалуй, нет ни одной научной дисциплины, по которой у Брюса не было бы книг. Явно преобладает научная литература. Обращает внимание большое количество книг по физико-математическим наукам (233), медицине (116), геологии и географии (71). Несомненный интерес Брюс проявлял и к военным наукам (91), особенно к артиллерии и фортификации.

Но Брюс был не только естествоиспытателем и военным. Гуманитарные науки, особенно история, философия, занимают немалое место в его библиотеке. В этой области Брюс, очевидно, был силен. Немало книг имелось у него по архитектуре, искусству и филологии (включая лексиконы).

Подавляющее большинство книг в библиотеке Брюса было на немецком, английском, голландском и латинском языках. На французском языке всего 25 книг. Брюс приобретал для себя книги, как правило, лишь на тех языках, которые были ему хорошо известны.

Какие же именно книги находились в библиотеке Брюса? Прежде всего книги по всем разделам математики: арифметике, алгебре, геометрии (в том числе и стереометрии), тригонометрии. Среди них есть учебные курсы (например, «Математика для отроков» Штурма на латыни) и литература о практическом применении математики, тригонометрические таблицы (например, Хр. Вольфа, издания 1711 года), переводы самого Брюса.

Довольно разнообразна и астрономическая литература. Здесь и «Космография» С. Мюнстера (Базель, 1550), «Каталог звездам восточным» Эдмунда Галлея и его же «Описание прохождения лунной тени через Англию во время солнечных затмений 1724 и 1725 годов», «Известия о кометах» К. Нотингеля (1665), целый ряд изданных в Гданьске на латинском языке произведений польского астронома XVII века Яна Гевелия (например, «Космогеография», 1668), «Защищенный Коперник» Иоганна Вилкина (Лейпциг, 1703).

В числе книг по физике, наряду с работами Ньютона, в собрании Брюса привлекают внимание «Книга о магнитной теории» Эбергарда, издания 1720 года, сочинения Архимеда в изложении Барова на английском языке.

Интересовала Брюса и литература по химии — науке, находившейся в этот период еще в младенческом состоянии (до открытий Ломоносова и Лавуазье). В числе книг по химии в библиотеке Брюса мы находим: Луммер «Курс химии» (1698), Г. Штал «Химия рациональная и экспериментальная» (1720), «Химические примечания» (1718), Кункел «Химия» (1686), Келнер «Химия» (1693), Реленер «Химия» (1715).

В собрании — немало книг по технике: по горному делу, металлургии, монетному делу: Штал «Металлургия» (1720), Г. Агригула «Горное дело» (1580), Хр. Гертвиг «Книга рудокопная» (1710), Крутерман «Книга о пробовании руд» (1717). Интересен конволют, по описи № 872, являющийся тематической подборкой литературы, очевидно, сброшюрованной в один том по указанию Брюса: Модестин «Книга о

пробовании металлов» (1669), Барба «Рудокопная книга» (1676), Шиндлер «Монетная книга» (1705), Венгер «Книга о пробовании руд» (1704). Из других книг по технике упомянем: «Книгу о мыловарении» (1712), «Книгу о варении селитры и как фейерверки делать» (1710), «Описание соляных заводов в Галле» Гофмана (1708) и ряд руководств по шлифовке стекол.

Выше уже отмечалось, что в собрании Брюса было сравнительно мало книг по морскому делу и навигации. Очевидно, что эта область интересовала Брюса лишь постольку, поскольку всем сподвижникам Петра приходилось заниматься вопросами навигации. Любопытно отсутствие книг по кораблестроению — области, которой особенно увлекался Петр и которая, видимо, совсем не интересовала Брюса. Зато очень хорошо представлена в библиотеке литература по архитектуре, в том числе сочинения классиков (Палладио, Бароцци де Виньола, Витрувий) на основных европейских языках, включая итальянский и в переводах на русский. Архитектура и строительство интересовали Брюса не менее, чем Петра.

Среди довольно немногочисленной в собрании Брюса биологической литературы преобладали труды по ботанике. Например, «Книга о травах» Авр. Мутинга (1696), «Английская флора» (1660). Из книг по анатомии — «Состояние анатомии в Великобритании».

Что касается медицинской литературы, то она была представлена в библиотеке Брюса по тому времени полно (116 книг, включая и книгу по ветеринарии). Основную массу составляли всякого рода лечебники и книги о предохранении здоровья от заболеваний, например, «Лечение всех болезней» Вейсбаха (1712), «Книга, как самого себя лечить» Мейнигема (1728), «Практическая медицина» Гельвиха (1710), «Тридцать афоризмов, или Правила о содержании здравия» Гехма (1696), «Способ, как лихорадку лечить» (1724). Медицина интересовала Брюса во всех аспектах, и в его библиотеке мы встречаем литературу по терапии, хирургии, урологии, гинекологии, окулистике, венерическим болезням и т. д. Встречаются и такие книги, как «Способ, как пользоваться чаем вместо лекарства» Когаузена (1728), «Основательный способ, как кровь пускать» Штала (1725).

Брюс, по-видимому, лечил себя сам. Известно, что он страдал подагрой, и среди его книг была литература и о борьбе с этой болезнью. Большое число книг было посвящено фармакологии, аптечному делу. Упомянем такие книги, как «Домовая и походная аптека» Л. Блюментроста (1716), «Аптекарская наука» Туллера (1709), «Основательное известие о лекарствах» Гофмана (1722).

Среди книг по геологии и географии явно преобладала последняя. Здесь были общие работы по географии, например: «География» Гюбнера, изданная в 1711 году, «География генеральная…» (русский перевод известной книги Бернарда Варения, изданный в Москве в 1718 году), «Краткое описание всего света» на латыни (1687), «География» Вейзена на немецком языке (1694), описания отдельных стран (Англии, Франции, Швеции, Польши, Неаполитанского королевства, Гренландии и др.), островов Самоса, Патмоса, городов Иерусалима, Гданьска, Бендер. Интересно «Описание Российского государства», изданное в 1706 году в Стокгольме в разгар Северной войны.

Целый ряд книг был посвящен описанию путешествий. Этот жанр литературы пользовался популярностью в XVIII веке. В библиотеке Брюса находились широко известные книги Адама Олеария и Корнелия де Бруина (обе изданы в Амстердаме: первая — в 1711 году, вторая — в 1751 году). Из других книг назовем «Описание путешествия в Китай» Усбранта (Избранта. — А. Ф.) (1707). Имелись отдельные издания по минералогии, геодезии, определению широты и долготы.

Брюс был одним из крупнейших специалистов по военным (особенно военно-инженерным) наукам. Неудивительно поэтому, что военная литература была широко представлена в его библиотеке. Здесь были военные уставы разных государств, книги по военной истории, ружейному делу и т. д. Наиболее хорошо подобрана литература по фортификации и артиллерии. В числе книг по фортификации мы встречаем произведения крупнейших специалистов того времени, в том числе подлинники переводов, изданных при Петре I. Вот лишь некоторые из них: «Вобанова манера укрепления городов», труды по фортификации Франциска де Кремы, Адама Фрейтага, Ф. Блонделя, М. Дегенса, Отто Смоли, Хр. Нейбаруна. Штурма, ван Брюже, Якова Вертмиллера, С. Грубера, Фридриха Г. Рузена, Боргдорфа, Беклера, Тревена. Интересны два конволюта, числящихся в описи под № 1092 и 1138. В первом помещены следующие произведения: Паган «Крепостное строение» (1677); Римплер «Основание фортификации» (1674); Шейхцер «Жестокий штурм на укрепленные места» (1678). Во втором: Боргсдорф «Непобедимая крепость» (1682); «Новый способ к крепостному строению» (1682). Среди книг по фортификации находились и русские переводы, например, «Римплерова манера о строении крепостей». Из литературы по артиллерии назовем сочинения Кр. Геслера, М. Мигера, З. Бухнера, Козимера, Кугорна, Пирофила, Рихтера, Блонделя и др. Здесь были и книги, являющиеся оригиналами переводов, опубликованных при Петре, например, книга З. Бухнера «Учение и практика артиллерии».

Разнообразно представлена в библиотеке Брюса историческая литература. Имелись классики древности: Плутарх, Тит Ливий, Корнелий, Тацит, Иосиф Флавий (в основном в переводах на немецкий и английский языки), а также крупнейшие историки XVII века, например Самуэль Пуффендорф. Среди исторических книг Брюса мы встречаем «Курсы всеобщей истории», «Всеобщая история» Вильгельма на латинском языке, изданная в Берлине в 1682 году, «Полная история европейская», изданная в Лондоне в 1711 году, истории отдельных стран, монографии, посвященные различным историческим событиям: «Описание войны в Италии» (1702), «Историческое известие о смятениях в Польше» (1710), исторические лексиконы.

В библиотеке Брюса имелось много всевозможных хроник и летописцев: «Турецкая хроника» (1640), «Польская хроника» (1701), «Английская хронология» (1665), «Краткий китайский летописец» (1696), а также биографической литературы: жития (описания жизни) Карла XII (1702), Карла Густава (1697), Тамерлана (1723), Сципиона Африканского (1690), Марка Брута (1700), Александра Македонского (сочинение Квинта Курция), Петра Великого (Лейпциг, 1725). Две исторические книги были на русском языке: «Степенная книга» (рукопись) и «Синопсис…» (не указано, печатная книга или рукопись).

Среди книг по истории имелись и многотомные издания, например упомянутое «Житие шведского короля Карла XII» в девяти томах. Характер интересов Брюса отражает литература по нумизматике: «Книга о монетах» Патина (1675), «Руководство к познанию монет» (1718), «Известия о польских и прусских монетах» (1722).

Политическая литература в библиотеке Брюса была немногочисленной, однако среди этих книг имеется знаменитое сочинение Н. Макиавелли «Князь» (1699), а также «Правда воли монаршей…» Ф. Прокоповича (М., 1722). Другие книги были связаны с практической русской дипломатией: известное «Рассуждение…» П. Шафирова о причинах шведской войны на русском языке (не ясно, какое издание), «Трактат между Российскою империею и султаном Эшрефом» (СПб., 1729), «Ключ к Ништадтскому миру» (1722).

Несомненно, обширнее была литература по философии. Здесь встречаются труды и древних философов (Гераклита, Демокрита, Лукреция Кара), и крупнейших философов XVI–XVIII веков: Рене Декарта (в четырех томах), Фрэнсиса Бэкона (в трех томах), Джона Локка («Опыт о человеческом разуме», изданный в Лондоне в 1700 году), Роберта Бойля (в трех томах), Хр. Вольфа. Таким образом, Брюс был знаком с важнейшими философскими направлениями своего времени. В библиотеке его имелся ряд книг также по логике и психологии.
По филологии имелось в библиотеке два вида изданий: многочисленные словари на всех языках и грамматики (латинская, немецкая, голландская, французская, английская, русская). Таким образом, по филологии Брюса интересовала литература, необходимая для переводов и изучения языков.
В небольшом количестве были книги по искусству и художественным ремеслам. Например: трактат Леонардо да Винчи «О художественном письме», две монографии «О знатнейших живописцах» (1710 и 1718 годов), «Книга об искусном золотарном и серебряном художестве» (1708) и «Книга о лаковом и олифовом художестве» (1707).
Интересовала Брюса литература по генеалогии и геральдике. Перечислим некоторые из этих книг: «Сокращенный каталог о дворянах и лордах в Англии» (1697), «Краткие вопросы из генеалогии» И. Гюбнера (1719), «Руководство о геральдике» В. Триера (Лейпциг, 1714), «Духовные и светские королевские ордена» Х. Грифия (Берлин и Лейпциг, 1709), пять томов «Новоисправленной книги немецких гербов» (Нюрнберг, 1657), «Куриозная геральдика» Рудольфа (Франкфурт и Лейпциг, 1718).
Художественная литература в библиотеке Брюса была немногочисленна, однако состав ее не лишен интереса: произведения древних классиков (Овидия, Теренция, Эзопа, Гомера, Горация) чередовались с литературой XVI–XVII веков. Известное произведение Овидия «Метаморфозы», популярное в России в первой половине XVII века, имелось в библиотеке Брюса на голландском языке. Очень интересно наличие в библиотеке комедий Мольера на французском и немецком языках. Из других художественных произведений имелись вирши на различных языках (включая и финский: № 1217 — «Финская стиховая книга»).
Представляет несомненный интерес и литература под условной рубрикой «Прочие книги»: сюда вошли книги по садоводству, пиротехнике и фейерверкам, описания различных церемоний, литература о музыке и танцах, верховой езде. Наиболее многочисленны книги по садоводству, к которому Брюс, подобно Петру, проявлял большой интерес. Немало было работ и по домоводству: поваренные книги, «Разумная хозяйка» Миллингсдорфа (Нюрнберг, 1712), об устройстве погребов.
Закономерен интерес Брюса к литературе о музеях. В его библиотеке имелись, например, «Описание саксонской Кунсткамеры» Г. Бетеля, «Описание натуральных вещей Иоганна Шейхцера».
По музыке, танцам, педагогике, сельскому хозяйству, верховой езде, охоте у Брюса имелись лишь единичные книги.
Подбор книг в целом очень хорош. По физико-математическим наукам, архитектуре, медицине, военным наукам литература была подобрана с большим знанием дела, причем Брюс был хорошо знаком с новейшей научной литературой.
Гуманитарные науки не были областью особого внимания Брюса. По числу исторических и философских книг библиотека Брюса была значительно беднее библиотеки его современника Д. М. Голицына, который специально подбирал книги по этим областям знания. Но и тут Брюс обнаруживает и знание предмета, и хороший вкус: в его библиотеке имелись классические исторические и философские

произведения. Что же касается политической литературы, то кроме «Князя» Макиавелли мы не находим у него других известных политических трактатов.
Особое внимание в библиотеке Брюса следует обратить на книги, связанные с оккультными и герметическими знаниями. Эта часть библиотеки Я. В. Брюса практически не освещена ни российскими, ни советскими исследователями, писавшими об истории науки и просвещения в России. Обычно исследователи ограничивались краткими упоминаниями о наличии таких книг в библиотеке Брюса либо вообще умалчивали о них. Остановиться на этой теме необходимо, поскольку одной из основных легенд о Якове Брюсе является легенда о Черной книге, которой якобы он владел. Это порождало суеверный страх при одном только упоминании его имени. Черную книгу, которая на самом деле не что иное, как очередная выдумка обывателей, искали в усадьбе, где Брюс жил последние восемь лет жизни, на Сухаревой башне, в доме на Разгуляе и в других местах. А в одной из легенд «Проклятый дом» повествуется о том, как князь Хилков овладел такой книгой Брюса и пытался раскрыть ее секрет. Естественно, подобные издания искали в библиотеке Я. В. Брюса. Так, побывавшая в 1992 году во время съемок телепередачи в музее Я. В. Брюса президент Лиги независимых астрологов К. А. Дилонян, познакомившись с частью списка, что называется, навскидку, заявила, что в нем около ста книг мистического характера или по герметическим и оккультным наукам.
В 2003 году, при подготовке первой книги о Брюсе, автор этих строк познакомился с молодым исследователем А. Свионовым, решившим провести разбор теперь уже полного списка, составлявшего 1579 томов на предмет выявления оккультно-мистической части библиотеки. Его исследование было опубликовано с указанием семидесяти трех книг, имеющих то или иное отношение к герметическим знаниям. На поверку оказалось, что молодой автор выдавал желаемое за действительное, принимая лечебные и религиозные книги за герметическую литературу. Чего стоит, скажем, перевод названия книги Якобо де Ворагине Legenda aurea, как «Извлечение золота», что сразу дало повод разъяснить суть данного произведения как книги о философском камне и алхимическим опытам. На самом же деле, Legenda aurea — это широко известное произведение религиозного содержания, и буквальный перевод названия данной книги означает «Золотая легенда», то есть собрание жития святых. Также, к примеру, удивительно выглядит причисление к герметическим знаниям книги Эдисона Ланселота The Present State of the Jews… — «Нынешнее положение евреев». Возможно только потому, что в подробном обзоре географическом, этнографическом, социальном представлены и верования еврейского населения. Только к оккультизму ни содержание данной книги, ни ее автор, отец Джозефа Ланселота (1672–1719), одного из первых журналистов Европы, возможно встречавшегося с Брюсом, конечно, не имеет.
Молодой исследователь так желал увеличить число мистических книг в библиотеке Брюса, что даже книгу по женской гинекологии Альберта Магнуса причислил к ним. В общем, очередной миф, готовый появиться уже в наше время, о десятках книг по герметическим знаниям, которыми мог пользоваться Я. В. Брюс, рассыпался. Хотя, как правильно отметил один из исследователей, литература на эти темы издавалась в то время в огромном количестве. Однако Брюс ее игнорировал и имел всего несколько книг по данной тематике только для общего ознакомления, а не для глубокого изучения или использования.
Для подтверждения этого приведу наименования тех книг из библиотеки Брюса, которые имели отношение к разного рода «ненаучным» дисциплинам.

Хиромантия. По этой дициплине в библиотеке представлена только одна книга. В списке из Материалов Академии наук она представлена за номером 261 как «Финозомия и хирономии, на аглинском языке».
Геомантия. Эта дициплина в каталоге представлена тремя книгами:
№ 777. Геомантические таблицы, на латинскомъ языке.
№ 1112. Совершенная геомантия или такъ называемая пунктирная наука, на немецкомъ языке, въ Фрейштаде. 1702, въ 12-ю долю листа.
№ 1326. Совершенная геомантия, на немецкомъ языке, въ Фрейштаде. 1704, въ 12-ю долю листа.
Астрология. К астрологии в списке, составленном в 1735 году, можно отнести следующие книги:
№ 458. Скрыпура Папернизона, Астрология, на немецкомъ языке.
№ 615. Филиамъ де Рамсъ, Острология, на немецкомъ языке.
№ 614. Филиамъ де Рамсъ, Физико-теология, на немецкомъ языке.
№ 811. Ключъ к астрологии, на латинскомъ языке, въ Лондоне. 1676.
№ 974. Астрологический календарь, на немецкомъ языке.
№ 1319. Фейнда, Козмография, на немецкомъ языке, въ Гамбурге. 1694, въ 12-ю долю листа.
№ 1320. Введение въ астрологию, на аглинскомъ языке, въ Лондоне. 1694, въ 12-ю долю листа.
В общей сложности 11 книг из 1579. Согласитесь, мизерный процент, который никак не претендует на то, чтобы эту библиотеку называть какой-то таинственной.
В заключение этого краткого обзора обратим внимание (в связи с тем, что в библиотеке Я. В. Брюса были представлены действительно очень интересные средневековые ученые) на схожесть легенды, которую рассказывали об одном из них — Альберте Магнусе Великом (1193–1280), канонизированном католической церковью в 1931 году, с одной из легенд о Брюсе:
Однажды в тайной мастерской Альберта Магнуса была создана удивительно красивая женщина, приветствовавшая Фому Аквинского (Аквитанского) — известного ученика Альберта Великого — человеческим голосом. Чтобы избавиться от этого дьявольского наваждения, Фома начал бить ее палкой, отчего необычное создание рухнуло с гулом и какими-то странными звуками. В этот момент в мастерскую вошел Альберт и с гневом закричал: «Фома, Фома, что ты наделал?! Ведь ты уничтожил мою работу за 30 лет». В другом сказании сообщается, что Альберт 6 января 1249 года принимал голландского короля Вильгельма в саду доминиканского монастыря. Несмотря на сильный холод, весь сад цвел, как весной, но едва была произнесена послеобеденная молитва, как все цветы и листья исчезли.
Завершая рассказ о библиотеке Брюса, следует отметить, что это не коллекция, а рабочее собрание книг, необходимое его владельцу, которое полностью отражает области его научных интересов. Здесь почти нет случайных книг. Это библиотека научной литературы, библиотека ученого, а таких еще не было ранее на Руси. Начиная именно с Брюса, этот тип библиотек будет встречаться все чаще и чаще, отражая быстрые успехи развития науки в России.
Исследователь С. П. Луппов, автор монографии «Книга в России в первой четверти XVIII века», приводит сравнительные статистические данные по количеству книг, тематике и языковому разнообразию в различных частных коллекциях, включая и коллекцию Петра I.
В этом перечне по количеству экземпляров библиотека Я. В. Брюса (1579 томов) занимает четвертое место после библиотек Д. М. Голицына (2765), Р. К. Арескина

(2527) и Петра I (1621). При этом сам исследователь отмечает, что количество книг библиотеки Брюса указано без учета рукописей и атласов. А зная, что при составлении описи часть книг не была атрибутирована, можно предполагать, что общее количество книг Брюсовой коллекции было около двух тысяч томов.
По тематике Брюсова библиотека выгодно выделяется из общего перечня.
В библиотеке Д. М. Голицына (1665–1737), сенатора, члена Верховного тайного совета, президента Камер-коллегии, ведавшей финансами, в основном представлена гуманитарная литература с уклоном в сторону юридических наук и политики.
У Р. К. Арескина (ум. 1718), личного лечащего врача царя Петра, заведовавшего Кунсткамерой, в основном была литература медицинская и биологическая при наличии значительного количества книг по истории и географии.
В личной библиотеке императора Петра Алексеевича книги в основном были по кораблестроению, морскому и военному делу, географии, истории, архитектуре, садово-парковому делу. Одним словом, всё, чем Петр активно занимался самостоятельно. При этом в его библиотеке, в отличие от коллекций Голицына, Арескина и Брюса, было представлено довольно много — 457 названий религиозного содержания.
Это в какой-то степени противоречит сложившейся точке зрения, которая в последние годы поддерживается даже представителями высших слоев нашего духовенства о негативном отношении Петра к православной церкви. Петр Великий был глубоко верующим человеком, знавшим наизусть Евангелие, изучавшим богослужебные и церковные книги, жития святых, апостолов и великомучеников. К сожалению, по отношению к Петру часто применяется термин «антихрист». Но, согласитесь, какой же антихрист будет строить православные каменные храмы, а в Москве в начале XVIII века их были возведены десятки, в том числе и спроектированные самим царем. Например, храм Святых апостолов Петра и Павла на Новой Басманной улице — в бывшей Капитанской слободе. Именно Петр первым из российских монархов ввел новую должность в армии — полкового священника и установил, что во время военного похода при разбивке лагеря первым делом должен был появиться храм в виде палатки, шалаша, чтобы солдаты и офицеры не остались без слова Божьего, без благословения и причастия вдали от родных мест и своих приходов. Никто из предшественников Петра даже и не думал об этом.
Еще одна особенность библиотеки Петра Великого: более половины — 858 книг — были книги на русском языке. Для сравнения: у Голицына большая часть книг были иностранные, у Арескина иностранных было 97 процентов, а у Брюса — 93,5 процента. Согласитесь, это выглядит несколько необычно после обвинений Петра в приверженности ко всему иностранному и неуважении российских традиций. На самом деле Петр Алексеевич, проводя реформирование всех сфер жизни российского общества, прекрасно знал и уважал традиции и историю российского народа, его верования и менталитет. Иначе бы никакие реформы в стране не были осуществлены, а главное, они не имели бы продолжения. Как правильно отметил в своих «Беседах с Петром» известный писатель Даниил Гранин: «После смерти Петра никто не сбросил с себя европейского покроя одежду, не стал отращивать бороду, не отказался от достижений европейской цивилизации», значит, то, что делал царь-реформатор, действительно пришлось ко двору.
Другое дело, что в борьбе за сохранение и отстаивание традиций часто используются внешние факторы, влияющие не на сознание, а на эмоции людей, способные манипулировать массовым сознанием, словом, то, что так часто применяется в политике. Такие методы борьбы имеют цель создания негативного образа любого

преобразователя или ученого. Так было с Николаем Коперником, Джордано Бруно, Галилео Галилеем… Так получилось с Петром I и, соответственно, с Яковом Брюсом, стоявшим у горнила преобразовательной деятельности царя-реформатора.
Практически Брюс был едва ли не единственным из окружения Петра человеком, представлявшим суть его преобразовательной деятельности, а главное, видевшим направленность и острую необходимость этих преобразований.
Это в полной мере отражает состав библиотеки Якова Вилимовича, в которой действительно были книги по всем научным дисциплинам, к тому времени известным человечеству, поскольку это была библиотека ученого.

Судьба Брюсова наследия

К сожалению, судьба библиотеки Брюса оказалась печальной.
Коллекция была перевезена в Санкт-Петербург. Причем у Тайдемана обнаруживалась недостача в вещах Брюса, в которой он не мог отчитаться, и, видимо, в таких размерах, что после смерти Тайдемана (8 июля 1742 года) Академия наук назначила запрет на продажу его вещей до тщательной проверки книг и ценностей особой комиссией. Таким образом, уже в самом начале был причинен значительный ущерб библиотеке, да и урон ее целостности. К сожалению, на этом злоключения культурного наследства Брюса не закончились.
Академия наук приняла решение по существующей традиции разделить прибывшие книги по отраслям знания, а обнаруженные дублеты передать в академическую книжную лавку для продажи. Так часть книг из собрания Брюса покинула стены Академической библиотеки. Это деление собрания Я. В. Брюса не было последним. В 1812 году, после пожара Москвы, часть дублетного фонда Академической библиотеки поступила в библиотеку Московского университета. До сих пор в ней хранится ряд книг с экслибрисом Я. В. Брюса из его библиотеки. Позже, в 1827 году, после пожара в Абосском университете и открытия нового университета в Хельсинки, два больших раздела по каталогу 1742 года (Камерному каталогу) — «Теология» и «Юриспруденция» — были подарены вновь открытому университету. Среди этих книг находились и издания, ранее принадлежавшие Я. В. Брюсу. В настоящее время они хранятся в библиотеке Хельсинкского университета. Там представлено около тридцати томов из библиотеки Брюса. Таким образом, книжные богатства, ранее принадлежавшие Я. В. Брюсу, оказались в нескольких местах.
В 1763 году императрица Екатерина II заинтересовалась коллекцией Брюса и заказала значившийся по описи «большой сверток российских книг, между которыми капитуляции и пункты взятых лифляндских городов, на немецком языке и разные письменные каталоги книг». Оказалось, однако, что они пропали вместе с двумя пачками книг и библиографическими записями Брюса, содержание которых не было раскрыто в описях. По этому поводу академический библиотекарь Тауберт ответил императрице, что свертка с книгами и бумагами он не нашел, «но как оный оценен только в 50 копеек, то кажется в нем куриозного не было». Что же касается библиографических записей Брюса, то они, оказывается, библиотекарями были оценены «только в 5 копеек» и, «яко негодные ни к какому употреблению, уничтожены». Екатерина не поверила Тауберту. На полях его объяснения она иронически написала: «Хто ж выкрал? У меня в конюшни отцепили и продали за тридцать Рублев английскую лошадь, которая стоит пятьсот Рублев, но учинено незнающими людьми». Позднее, на документе, посвященном проекту Петра I о прокладке канала между Петербургом и Москвой, она оставила характерную пометку:

«Если сии планы в Академии, то и спрашивать их не для чего, понеже верно украдены».
В настоящее время в библиотеке Российской академии наук проводится скрупулезная и очень сложная работа по выявлению книг, принадлежавших Я. В. Брюсу. Руководителем и главным вдохновителем этих поисков много лет выступает старший научный сотрудник библиотеки РАН Елена Алексеевна Савельева, автор каталога «Библиотека Я. В. Брюса», изданного в 1989 году. В этом каталоге отмечено более восьмисот печатных и рукописных книг Якова Вилимовича, сохранившихся до настоящего времени. Часть из этих книг не попала в опись 1735 года.
Во многом такая печальная судьба этого собрания стала основой того, что в легендах книги Брюса предстают как часть и источник магической силы знаменитого колдуна, исчезнувшие вместе с ним. В то же время мало освещенный в исторической литературе факт передачи библиотеки и научного кабинета Брюса в Российскую академию наук и в библиотеку РАН рождал всяческие истории не только о завещании, но и о сокровищах Брюса.
Однажды, в 1998 году, на научной конференции с докладом о Брюсе выступал исследователь его жизни и деятельности В. В. Синдеев. После выступления докладчику был задан вопрос: «А где же хранятся сокровища Брюса?» Автор этого вопроса, также историк, исследователь, немало сделавший в период поисковой архивной работы, спрашивал без юмора, совершенно серьезно. Ответ прозвучал из уст старшего научного сотрудника Государственного Эрмитажа О. Я. Неверова, который посоветовал приехать в Эрмитаж и убедиться в наличии этих сокровищ в виде научных приборов и инструментов Брюса и его книг, хранящихся в библиотеке Российской академии наук.

Усадьба Глинки после Брюса

После смерти Якова Вилимовича его наследником становится племянник Александр Романович, которому в 1740 году переходит и графский титул дяди. Александр Романович вышел в отставку в звании генерал-лейтенанта в 1751 году и только после этого фактически стал бывать в Глинках и заниматься усадьбой. Именно Александр Романович перестроил здание обсерватории в жилое помещение, пристроив в качестве ризолитов помещения на втором этаже, на месте открытых площадок, служивших Я. В. Брюсу в качестве обсерватории. Единственное, что было сохранено от обсерватории, — открытая площадка на северном парковом фасаде, которая выглядела как ниша до 1934 года. В советское время при перестройке здания под спальный корпус дома отдыха эта открытая площадка была заложена и там была сделана пристройка в виде террасы.
2 сентября 1753 года Александр Романович Брюс обратился с челобитной на высочайшее имя, а 22 сентября в Московскую духовную консисторию, где отмечается, что «в Московском уезде в Кошелевом стане в вотчине моей в селе Мизинове в Вохонской десятине имеется церковь во имя святого апостола Иоанна Богослова, которая стала быть ветха вся росселась кирпич валится и божественную службу отправлять опасно...».
Надо сказать что Мизиново было приобретено Я. В. Брюсом в 1733 году. По свидетельству известных исследователей В. и Г. Холмогоровых, в Мизинове «строился храм по челобитью дьяка Михаила Григорьевича Гуляева, купившего Мизиново в 1706–1708 годах». С 1710 года в храме, освященном во имя святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова с приделом благоверного князя Александра Невского начались богослужения.

В челобитных А. Р. Брюс отмечает, что стены храма стали подмывать подземные воды, от того стены стали сырыми, поэтому «божественную службу отправлять опасно», и просит, чтобы ему разрешили разобрать этот храм, кирпич перевезти в Глинки и выстроить эту же церковь на территории усадьбы. Мизиново находится от Глинок в 7,5 километра (в челобитных указано четыре версты) и перенос прихода на такое расстояние, тем более на центральную усадьбу, не был необычным. Поэтому в 1754 году А. Р. Брюс начал перенос храма из Мизинова в Глинки. Храм был освящен в 1756 году.

Церковь была небольшой. Алтарная часть представляла собой четверик площадью 100 квадратных метров (10×10) с алтарной апсидой, небольшую трапезную, имевшую два этажа с деревянным перекрытием. На втором этаже трапезной размещался теплый придел святого благоверного князя Александра Невского. Вход сюда был из-под колокольни, то есть под колокольней не было помещения. Это несколько оттеняло помещение в трапезной. Подниматься на второй этаж приходилось по лестнице, которая была здесь же, в трапезной. Фактически теплый придел использовался только в зимнее время. Трапезная по размерам была гораздо уже основного четверика. Она имела в длину 9, в ширину 7,5 метра.

В 1760 году храмостроитель скончался. Похоронили Александра Романовича недалеко от храма. Его вдова Наталья Федоровна Колычева построила здание усыпальницы, по всей вероятности, рассчитывая, что это будет фамильная усыпальница. Но кроме самой Натальи Федоровны, умершей в 1777 году, больше в усыпальнице никого не хоронили.

В том же 1777 году селится в Москве и часто бывает в Глинках жена Якова Александровича Брюса, известная статс-дама при дворе императрицы Екатерины Великой Прасковья Александровна Румянцева-Брюс (1729–1786). Неподалеку, на территории современного города Балашихи, было родовое имение Румянцевых Троицкое-Кайнарджи, в котором был похоронен ее старший брат П. А. Румянцев-Задунайский.

Возможно, как утверждают исследователи, статс-дама в Глинках вела отшельнический образ жизни. Однако большое количество построек, сделанных именно в эти годы, показывает, что до 1786 года здесь шла активная деятельность. По всей вероятности, это связано с назначением в 1784 году мужа Прасковьи Александровны Якова Александровича Брюса генерал-губернатором Москвы, который использовал усадьбу как загородную резиденцию. Не случайно именно в этот период число построек возросло от десяти в 1767 году до тридцати трех (21 каменная и 12 деревянных) к началу XIX века. Зная печальную судьбу наследницы, можно предположить, что постройки, попавшие в 1815 году И. Т. Усачеву, были построены именно при Я. А. Брюсе.

В 1786 году П. А. Брюс скончалась. Ее похоронили в Глинках в усадебной церкви. Муж заказал известному скульптору И. П. Мартосу памятник-надгробие, считающийся одним из лучших его произведений. Этот памятник представляет собой пятиметровую пирамиду из серого гранита, на которой находится тонко выполненный беломраморный барельеф графини. На переднем плане, на ступенчатом постаменте, стоит саркофаг, к которому в горестном порыве припал воин, символизирующий мужа усопшей, на саркофаге — щит и шлем. На стеле выгравированы стихи, авторство которых приписывается Я. А. Брюсу:

ЖЕНЕ И ДРУГУ

Растите завсегда на гробе сем цветы,В нем разум погребен, в нем скрылись красоты.На месте сем лежит остаток бренна тела,Но Брюсовой душа на небеса взлетела.

Об этом надгробии А. Н. Греч писал как о едва ли не самом лучшем и зрелом произведении Мартоса: «...внутренность храма как бы озарена лучами искусства от превосходного памятника графине Прасковье Александровне Брюс... Историко-художественное значение этого надгробья громадно. Оно лучшее выражение той схемы треугольной композиции, которая нашла свое осуществление в ряде работ русских и иностранных мастеров XVIII — начала XIX века.

Высокий плоский треугольник серого гранита служит фоном памятнику, возвышаясь на ступенчатом основании. Вверху помещен в обрамлении двух бронзовых лавровых ветвей портретный медальон — профиль графини П. А Брюс, четкий, как античная камея. Внизу на плите красноватого гранита возвышается саркофаг, облицованный лиловым мрамором с желтыми на нем шляпками скреплений. Слева к нему припадает в порывистом движении мужская фигура, олицетворяющая убитого горестью мужа, низко склонившего голову на заломленные руки. Лицо не видно — и тем не менее в спине, в порывистом движении, в жесте заломленных рук проявлен такой драматизм, которого не достигнуть никаким выражением страдания в лице. Четко рисуются среди цветных гранитов эта фигура паросского мрамора и шлем, поставленный на крышку саркофага. Судя по рисунку Андреева, по счастливой случайности оказавшемуся в нашем собрании, с другой стороны гроба находилась — или была лишь спроектирована — дымящаяся античная курильница. Бронзовые гербы, а также надписи украшали памятник...»

Здесь же А. Н. Греч приводит и легенду об этом надгробии, в которой, как и положено, главным фигурантом является наш герой:

«Трогательное предание сообщает, сливая воедино различные исторические лица, что граф Брюс, вернувшись из похода и узнав о недавней в его отсутствие смерти жены, поспешил в церковь, бросился ко гробу и так и закаменел около него, убитый горем. Фигура его оказалась спиной к алтарю. Три раза переставляли его, но он снова возвращался в первоначальное положение, пока епископ не благословил оставить его в прежней позе».

К сожалению, судьба захоронений и надгробных памятников в Глинках оказалась трагичной. При разорении храма в 1934 году, надгробие П. А. Брюс было вывезено в Донской монастырь. Там, в церкви Архангела Михаила, оно простояло до 2000 года. Затем было разобрано по частям, уложено в ящики и перевезено в здание Музея архитектуры им. А. В. Щусева на улице Воздвиженка, дом 5. Все эти годы ящики находятся в подвальном помещении музея. Само захоронение П. А. Брюс было уничтожено. Как, впрочем, разрушены были захоронения А. Р. Брюса, его жены Н. Ф. Колычевой, а здание усыпальницы было разобрано и даже срыт фундамент в 1934 году. Никаких перезахоронений в усадьбе не проводилось.

Именно в конце XVIII века активно использовался регулярный парк усадьбы, единственное описание которого дал Алексей Николаевич Греч, побывавший в усадьбе в 1920-е годы. Он обнаружил необычные увражи в парке «с его регулярными фигурными дорожками, в плане образующими интересные сложные фигуры, в которых можно усмотреть масонские знаки. Схематически планировка этого небольшого французского сада сводится к четырем квадратам в ширину главного дома, разделенным тремя широкими аллеями. Первая аллея лип идет по откосу, как бы продолжая линию кордегардии и павильона; вторая проходит мимо заднего уличного фасада дома, третья ограничивает парк с внутренней стороны. В

четырехугольник перед домом вписан многоугольник, состоящий из вековых лип; вместе с пересечением дорожки и основной аллеи он образует фигуру, близкую к планетному знаку Венеры. Дальний четырехугольник занят квадратным водоемом, по оси которого дальше, уже за парком стоит церковь. Два других прямоугольника справа от средней аллеи заняты один звездообразным пересечением аллей — другой лужайкой, где, согласно народному поверию, была беседка с самопроизвольно играющей музыкой. Может быть, здесь была поставлена владельцем усадьбы, как известно, видным ученым своего времени, эолова арфа. Надо думать, что некогда подстригались эти, теперь высоко выросшие двухсотлетние липы и в стенах зелени белели, как полагается, мраморные статуи».

В начале XIX века усадьба стала приходить в упадок, о чем свидетельствуют приводимые А. Н. Гречем неоднократные упоминания в «Московских ведомостях» этого времени объявления о продаже лошадей глинковской экономии.

В 1815 году хозяином Глинок стал калужский купец Иван Тихонович Усачев. В 1791 году его отец приобрел у Якова Александровича Брюса участок земли на реке Воре под селом Глинковом, там, где сохранялись две плотины, оставшиеся еще от Елизара Избранта, и часть построек от бывшей здесь кожевенной фабрики Афанасия Гребенщикова.

Отремонтировав производственные помещения, Усачев в 1796 году оборудовал в них писчебумажную фабрику, на которой вырабатывалась писчая, почтовая, типографская, обойная, оберточная, карточная и другие сорта бумаги. Эта фабрика считалась одной из лучших в Московской губернии. На первой Российской выставке мануфактурных изделий в 1829 году лучшим сортам ее бумаги присуждена большая серебряная медаль. На последующих выставках глинковская бумага отмечена золотой медалью.

С 1853 года владельцами фабрики становятся братья Алексеевы, а в 1854 году их сменили малолетние наследники, и фабрика практически переходит в ведение Богородской земской управы, хотя числится за Торговым домом Алексеевых.

В 1862 году фабрику вместе с усадьбой приобретает компания Колесовых. Начинается совсем другая история усадьбы.

Парк стал превращаться в дикорастущий лес. При развитии предприятия хозяйка построила новую плотину на реке Воре. При закладке плотины, ввиду того что не удавалось найти бутовый камень для ее основания, Колесова приказала снести с постаментов Брюсовы скульптуры, украшавшие парк усадьбы и здания, расколоть их и побросать на дно реки. Видимо, при ней начались уничтожение и перестройка усадебных зданий.

Возможно, это произошло из-за того, что в усадьбе и ее окрестностях много сочинялось самых разных легенд о Брюсе как колдуне и чернокнижнике, именно тогда стали говорить об усадьбе как о месте колдовском. Глубоко верующая хозяйка усадьбы принимала эти рассказы за чистую монету, она никогда не жила в усадебных помещениях.

При этом выросло число прихожан храма за счет развития промышленных предприятий и окрестных поселений. Так, в ведомости церкви за 1866 год указано, что в состав прихода входят 230 дворов деревень Савинское, Митянино, Корпуса, Митянино, Кабаново, а число прихожан составляет 943 мужского пола и 991 женского. Появилось и много жертвователей из числа предпринимателей, имевших свои фабрики в окрестностях Глинок. Достаточно сказать, что только на территории Лосиной слободы, находившейся в одной версте от усадьбы, за 50 лет — с 1851 по 1900

год — было создано 21 текстильное предприятие. Многие из предпринимателей имели родственников в деревнях прихода Иоанно-Богословской церкви.
Несколько десятилетий старостой храма Иоанна Богослова был владелец шелкоткацкой фабрики в деревне Корпуса Василий Аверьянов, который, по всей вероятности, и стал инициатором перестройки церкви в начале 1880-х годов.
В 1882 году община обратилась в строительное отделение при Московском губернском правлении Богородского уезда разрешить им сделать частичную перестройку, «не трогая настоящего Богословского храма», расширить трапезу «на 7 ½ аршин в правую и левую сторону с длиною той и другой стороны в 7 аршин; придел во имя Св. Александра Невского с настоящего места снести и поместить оный на левой стороне новой трапезы, на правой же вновь устроить придел во имя Боголюбския иконы Божией Матери, оставив как колокольню на прежнем месте, вдававшеюся в трапезу, так и ход в тот и другой храмы из-под нее, с западной стороны». В прошении также отмечалось, что суммы 17 тысяч рублей, собранной на эти работы, вполне достаточно.
Московская духовная консистория дает на этот запрос положительный ответ 16 сентября 1882 года.
Однако через год план перестройки был полностью изменен.
Увеличилось число желающих помочь храму, что и отразилось в прошении настоятеля храма и старосты, датированном 13 мая 1883 года. В нем просители отмечают, что «мы испрашивали подобное разрешение, имея в виду только те средства, которыми располагали или на которые могли верно рассчитывать, хотя и понимали, что просимое расширение храма все-таки будет не совсем достаточным для посещающих оный.
Теперь же, вследствие желания некоторых прихожан и заручившись их готовностью пожертвовать на сие довольно значительную сумму, мы осмеливаемся утруждать Ваше Преосвященство покорнейшею просьбою о дозволении нам еще следующего к прежде непрошенному:
1. Колокольню сломать и пристроить оную к храму, дабы предоставить более света молящимся;
2. в тех же видах увеличить новую трапезную церковь в ширину на один, а в длину на два аршина и
3. придел, первоначально предназначавшийся в честь Боголюбской иконы Богоматери, посвятить Преображению Господню».
Как видно из прошения, план перестройки не просто менялся кардинально, изменялось и наименование одного из приделов. Вместо предполагаемого придела в честь иконы Божией Матери «Боголюбская» теперь предполагается сделать придел Преображения Господня.
Храм, перестроенный в ампирном стиле, с основным престолом во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова и приделами Преображения Господня и Александра Невского, простоял до 1934 года, пока не был перестроен под спальный корпус созданного на территории усадьбы дома отдыха Наркомата пищевой промышленности.
Это здание, больше известное в настоящее время как корпус № 2, использовалось в качестве спального корпуса дома отдыха, госпиталя (1941–1945), санатория (1947–1986), теперь стоит в разваленном состоянии, поскольку начатая в 1991 году реконструкция здания была остановлена и началось разрушение здания местными жителями. Только в 2006 году в Глинках была образована община, в 2009 году

освящен деревянный храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы и началась новая история церковной жизни в усадьбе Брюса.

Глава 6
ЛЕГЕНДЫ О ГРАФЕ БРЮСЕ

Рождение легенды

Легенды о Брюсе стали рассказывать уже после его смерти. Хотя, впрочем, видимо, еще и при жизни говорили о Брюсе самое разное, могли сочинять и придумывать невероятные истории. Недаром многие исследователи писали о Брюсе как о человеке, ставшем при жизни героем многочисленных преданий и легенд.

На наш взгляд, причину возникновения историй о чернокнижнике и маге Брюсе надо искать, учитывая совокупность разных факторов:

во-первых, косность, отсталость мышления большинства неграмотных россиян;

во-вторых, противоречивость и неординарность самой эпохи, бурное развитие петровских преобразований, в центре которых оказался и Яков Вилимович;

в-третьих, неординарность самого героя — ученого, обладавшего уникальными способностями и талантами;

в-четвертых, недоверчивое отношение ко всему иностранному.

Приведем слова исследователя Петровской эпохи С. Князькова, характеризующие общество, в котором родился Я. В. Брюс.

Рассказывая о старообрядчестве в 1660-е годы, Князьков писал, что тогда в народе распространялся «целый трактат, так называемая „Книга о вере“, в которой предрекалось наступление в 1666 году великой грозы, появление антихриста. Припоминали пророчества апокалипсиса и рассчитывали, основываясь на этой книге, что если в 1666 году надо ждать антихриста, то раз в апокалипсисе стоит, что царство этого врага Божьего продлится два с половиной года, то конец миру наступит, значит, в 1669 году. Впечатление от этих выкладок было такое сильное, что во многих местностях тогдашней России с осени 1668 года люди перестали заниматься обыденными делами своими, забросили поля, не пахали, не сеяли; с 1669 года бросили и избы, собирались под открытым небом, молились, постились, каялись друг другу в грехах, приобщались святыми дарами, освященными еще до Никона, и ждали с замиранием сердечным каждой полуночи, так как в полночь, по преданию, раздастся страшный звук трубы архангельской, возвещающей пришествие Сына Божия, для последнего суда над миром. Но 1669 год прошел, не принеся никаких ужасов: все в мире стояло неколебимо и нерушимо».

В соответствии с этим все новые рационалистические знания, не основанные на безусловном почитании веры, объявлялись мракобесными, тем более что они, как правило, исходили от иностранцев.

Очень настороженно относились в России к научным знаниям. Особенно усердствовала церковь, стараясь сохранить патриархальность уклада жизни, а главное, пожалуй, самого мышления россиян.

В конце XVII — начале XVIII века в развитии традиционных научных знаний наступил своеобразный кризис, поскольку ученые выступали с различными гипотезами строения мира и Вселенной, все более и более уходя от древних представлений, основанных еще на птолемеевских изысканиях. Напомним, что в основе теории строения Вселенной Птолемея лежит постулат о том, что Земля находится в центре мироздания, а Солнце, Луна и другие планеты и звезды вращаются вокруг Земли, создавая таким образом замкнутое пространство —

небосвод, где располагаются такие созвездия, как Водолей, Рак, Дева, Скорпион и другие известные знаки зодиака. Проходя по небосводу вокруг Земли, Солнце, по мысли Птолемея, совершает годовой цикл. Такая система строения Вселенной получила название геоцентрической.

На основе этой ложной теории появилась астрология, которая выстроила систему знаний о том, что от расположения созвездий якобы зависит жизнь людей на Земле. Более того, определяются даже их характеры и судьбы. Так ложное знание породило ложную науку, которая в наше время в России переживает новое рождение. Но если 300 лет назад ученым приходилось ломать стереотип устаревших представлений и пытаться разъяснить людям при повальной безграмотности суть новых открытий, то сегодня при, казалось бы, сравнительно высоком уровне знаний происходит некое пресыщение научными взглядами, с одной стороны, и стойкого интереса человека ко всему загадочному и таинственному — с другой.

Именно на этом дешевом популизме «тайных» знаний всегда строили свои теории астрологи. Но Яков Брюс, как ученый, имел совершенно независимые от астрологических предрассудков представления о мире.

Историческая наука, опирающаяся на факты и документы, не знает ни одного свидетельства астрологической деятельности Брюса: ни гороскопов, ни «звездных» расчетов. А автор книги «Астрологическая карта Москвы» С. Безродов убеждает читателей, что карта, составленная Брюсом, хранится где-то в фондах Российской академии наук. При этом никто ее не видел.

На самом деле Брюс никогда не занимался астрологическими предсказаниями, потому что он был астрономом и находился в числе тех, кто новые знания, полученные в ходе исследований Н. Коперника, Д. Бруно, Г. Галилея и, наконец, И. Ньютона, развивал и активно пропагандировал через просветительскую, переводческую деятельность и опыты наблюдательной астрономии.

Суть этих знаний на первый взгляд проста. Коперник в XVI веке определил, что теория Птолемея совершенно не верна, поскольку Солнце не может вращаться вокруг Земли, а все происходит совсем наоборот: в центре Вселенной находится Солнце. Дальнейшие исследования показали, что и оно не является центром мироздания, что таких систем, подобно Солнечной, во Вселенной огромное количество и что Галактика может вообще не иметь границ.

Однако при всей простоте даже в наше время, когда существует невероятно совершенная техника и знания о строении Вселенной достигли небывалого уровня, а астрономам удается «добраться» с инфрокрасными и радиотелескопами до самых отдаленных уголков мироздания, все равно человек не может себя ощутить частью чего-то неизмеримо огромного, даже в сравнении с целой Солнечной системой. Человек, считая себя центром мироздания, цепляется за представления, основанные на геоцентрической системе, и верит астрологическим выкладкам. Потому что так проще, понятнее.

Попробуем разобраться почему, а главное, когда стали появляться самые разные небылицы — легенды о Брюсе.

В XVIII веке после смерти Петра историки, да и не только они стали собирать материалы для изданий о первом российском императоре. Яков Штелин, приехавший в Россию в 1735 году, был удивлен тому, что имя такого известного человека совершенно не отражено в мемуарной литературе. А ведь уходило поколение людей, лично знавших Петра, а значит, вместе с ними уходил целый пласт знаний о царе-реформаторе. Поэтому он решил заняться сбором информации о Петре, собирая всевозможные рассказы о нем. Эти рассказы вышли в четырех томах в 1780-е годы с

названием «Анекдоты о Петре Великом». Подобную же работу провел бывший плотник Петра Великого А. К. Нартов, издавший солидный труд о Петре Великом. Мы не случайно именно из этой работы привели в начале книги фрагмент из этой книги, в котором Брюс как ученый не верит в чудесные свойства нетленного праха. Кроме того, в XVIII веке вышла книга Гюйссена о Петре Великом, изданная М. М. Щербатовым. Но самый основательный труд, вышедший в конце XVIII — начале XIX века, безусловно, многотомник И. И. Голикова «Деяния Петра Великого», имевший 12 томов, а к ним еще и дополнительных 18 томов.

В книге Я. Штелина Брюс не упоминается совсем, хотя среди тех, кто рассказывал автору о Петре, были лично знавшие Брюса князь И. Ю. Трубецкой, барон А. И. Остерман, обер-прокурор П. И. Ягужинский. Думаю, читатель согласится, что при таком названии книги «Анекдоты о Петре Великом», где фигурируют сподвижники Петра: Меншиков, Апраксин, Головин, Шереметев, странно выглядит такой факт, что Брюс не упоминается совсем, если вспомнить уверения историков, что легенды (анекдоты) о нем существовали еще при жизни, ведь в большей части этих легенд задействован Петр I. Отсюда неоднозначный вывод: никаких легенд ни при жизни Брюса, ни после его смерти о нем никто не рассказывал.

А тот факт, что ни о каких легендах о Брюсе речь не идет в работах Щербатова и Голикова (последние тома «Деяний...» Голикова выходили уже в начале XIX века), убеждает, что даже в конце XVIII века никаких легенд о Брюсе не существовало. Появились они только в 1810–1820-е годы.

При этом как бы ни убеждали себя, что страна была безграмотной, суеверной, верила во всякие мракобесия, к ученым относилась как к чародеям и колдунам, однако никто, кроме Брюса, такой «дурной» славы не приобрел и ни с кем: ни с Ломоносовым, ни с Фарварсоном, ни с Магницким, ни с каким-то другим ученым — такого «прискорбного факта» появления разных небылиц не произошло.

Почему же это случилось именно с Брюсом?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо вспомнить одну из сфер деятельности, которой активно занимался Брюс, — просветительство, переводы и издательство. Развитие реформ требовало создания типографий, готовых выпускать самую различную литературу. Первой такой государственной типографией в 1706 году стала Московская гражданская типография, возглавлять которую был назначен Василий Онуфриевич Киприанов.

О нем в словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона сообщается следующее: «один из малоизвестных, но деятельных сподвижников Петра Великого, мещанин по происхождению; был взят Петром для определения к „навигацким“ делам. Скоро Киприанов является в роли начальника типографии гражданских книг, работает над введением гражданского шрифта, гравирует рисунки, пишет руководства, рисует карты и служит библиотекарем московской навигацкой школы. Киприанов — первый издатель математических и географических пособий для навигаторов петровского времени. Самому Киприанову принадлежат следующие труды: „Новый способ арифметики“ (М., 1703); „Таблицы синусов, тангенсов“ (М., 1703 и 1716); „Сотня астрономическая“ (1707; рукопись в Публичной библиотеке); „Изображение святые земли обетованные“ (1716); „Таблица разности ширины и отшествия от меридиана“ (около 1720 г.); „Таблицы горизонтальные и южные широты“ (М., 1722); „Таблицы склонения солнца“ (1723). Рисунки и чертежи снабжены, по обычаю того времени, силлабическими стихами».

Вот такой просвещенный руководитель возглавляет типографию, и возглавляет совершенно заслуженно.

Однако при организации нового учреждения требовалось решить вопрос, через какое ведомство будет осуществляться финансирование его деятельности и, соответственно, изданий, которые будет выпускать типография. А это связано было с их тиражами, определением необходимости и даже очередности выхода того или иного издания. Для чего нужен был подготовленный человек, который знаком не только с издательским делом, а и с последними наиболее важными для России переводами специальной и научной литературы. Таким человеком и оказался Я. В. Брюс.
Так по решению Петра I созданная в 1706 году Первая гражданская типография была введена в подчинение Артиллерийскому приказу, который возглавлял исполняющий обязанности генерал-фельдцейхмейстера Яков Вилимович Брюс. Отсюда и появляется «надзрение» за типографией и изданиями, которые в ней выходят. Оно предполагало самые широкие полномочия, которые легли на плечи Брюса: цензорная проверка (историки убеждены, что это была первая цензура в России), редактирование, определение тиража того или иного издания. Хотя необходимо отметить, что в конечном счете решение принимал сам царь, по наиболее сложным вопросам в большинстве своем именно Брюсом все решалось. Поэтому надпись о том, что то или иное издание выпущено «под надзрением Брюса», была обязательным атрибутом в издательских данных.
И вот среди всех изданий, появившихся в типографии Киприанова, с 1709 по 1715 год было выпущено одно, которому суждено было пережить века и стать «вечной» памятью о Брюсе.
Это были календари, которые позже были объединены в один. Они выходили гравированными на медных пластинах листами форматом 60×80 сантиметров. Напомним читателю, что гравюра на медной пластине, так называемая меццо-тинто, отличается от офорта, то есть гравюры, сделанной на стальной (более твердой) пластине, тем, что с нее можно отпечатать небольшое (максимум 30) количество качественных оттисков. Поэтому тираж этого издания был довольно ограниченным.
Первый календарь, изданный в мае 1709 года, назывался «Ново сия таблица издана». Он давал сведения о восходе и заходе Солнца на широте Москвы. В издательских данных указывалось, что составителем календаря был В. Киприанов, а издан он «под надзрением Я. В. Брюса». По всей вероятности, сведения для этого издания собирал А. Фарварсон, который, по утверждению П. Пекарского, должен был постоянно давать сведения царю об астрономических наблюдениях, солнечных и лунных затмениях и т. д.
Второй календарь — «Календарь повсемественный или месяцеслов на все лета Господни» — был традиционным православным календарем-ежегодником. Единственная особенность этого издания состояла в том, что в календаре были представлены таблицы и сведения, используя которые обладатель этого календаря мог сам составлять церковные календари на 76 лет вперед. Возможно, именно по этой причине П. Пекарский отмечал в обзоре календарей того времени, что именно он был удобен тем, что не надо было ежегодно покупать новые календари, этого хватало надолго. В этом календаре, так же как и в первом, указаны имена составителя В. Киприанова и Я. В. Брюса, «под надзрением» которого вышел календарь, как, впрочем, выходили все издания в этой типографии.
Третий и четвертый календари были астрологические.
Третий имел название «Предзнаменование времени на всякой год по планетам», то есть в календаре давались предсказания о том, какое влияние будут оказывать планеты (светила) на тот или иной год. Все предсказания носят природный характер: чин года общий, каковы будут зима, весна, лето и осень, урожай яровых и озимых

(«сев весенний, сев осенний»), состояние природы: овощ древесный (деревья), лозы и вино, ветры непогоды и наводнения, гады, рыбы, болезни и скорби насильствуемые (состояние людей). Под каждой планетой: Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венера, Меркурий, Луна — даны годы, подпадающие под ту или иную планету. Всего в календаре предсказания даны на 112 лет — с 1710 по 1821 год. В издательских данных сказано: «Переведена с латинского диалекта, из книги Иоанна Заган; чином же учреждена и тиснению предана, повелением его Царского Величества во гражданской Типографии, в Москве: 1710 г. Под надзрением его превосходительства господина генерал-лейтенанта и Кавалера Якова Вилимовича Брюса». Как видим, здесь указано имя автора Иоанна Загана, но не Брюса.

Четвертый календарь, изданный, видимо, в 1713 году, назывался «Предзнаменование действ на каждый день по течению Луны в зодии». Он показывал успешность действий человека в зависимости от того, в каком знаке зодиака будет находиться Луна. Это можно было определить, используя три таблицы, представленные в календаре. В издательских данных указано: «Таблица или правило сие изыскано чрез Мартына Альберта Феофрастического, медика, и рудоискателя от Хемниц, и переведена с цесарского диалекта из книги Астрологии, или планетная, Вольфганга Гильдебранда. Иным же чином преложенная со изображением действ, и со истечением Луны в зодиах зело кратким способом в таблице сей. Во гражданской типографии под надзрением его превосходительства Господина Генерал-фельдцейхмейстера и кавалера Якова Вилимовича Брюса. Тщанием библиотекаря Василия Киприанова».

Эти календари объединялись одной стилистикой издания, фамилией составителя и последними двумя календарями, которые объясняли, как пользоваться указанными четырьмя таблицами. 5-й и 6-й листы вышли в 1715 году с названиями: «Краткое предобъявление и толкование, предложенных четырех таблиц, и еще каждая что имеет содержание в себе, на которых таблицах обще нарещися может, как календарь неисходимый» и «Употребление предложенных четырех таблиц: на которых кратко собранный неисходимый календарь».

Позже, в XIX веке, это издание получит название «Большой шестилистовый Брюсов календарь», хотя ясно, что Брюс не имел никакого отношения ни к предсказаниям, ни к составлению этих шести листов. А самое главное — ни в одном из заголовков даже не упоминается имя Я. В. Брюса.

Каким же образом это издание могло стать «Брюсовым» календарем?

Все оказалось очень просто. Понимая, что тиража этого издания недостаточно и что оно может приносить хороший доход, издатель принимает решение о подготовке переиздания. Однако осуществить при жизни ему это не удалось.

После смерти Киприанова в 1723 году типографию возглавил его сын Василий Васильевич, который в 1726 году сделал оттиски 3-го и 4-го листов, тех самых, астрологических. Затем в 1735 году были отпечатаны все шесть листов, и наконец в 1747 году, через 12 лет после смерти Брюса, был подготовлен новый календарь на основе предыдущего, календарь с названием «Книга, именуемая Брюсовской календарь». Так имя Брюса впервые оказалось на обложке календаря.

Книга имела следующее содержание:

«1. Сотворение света. 2. Таблица исчисление лет праотцов. 3. Святцы 12 месяцев в лицах. 4. Обозначение планет на каждый месяц, под которыми младенцы родятся. 5. Семь соборов. 6. О праздниках, которые каждый год приходят. 7. Четыре мира. 8. Фигура о сиянии луны. 9. Новая таблица круга лунного. 10. Вычисление долготы и широты и названия звезд. 11. Действие особенное и общее. 12. Предзнаменование

действий на всякий день. 13. Предзнаменование времени на всякий год. 14. Таблица, показывающая расстояние (версты) к российским губерниям и городам. 15. Тракт к Санкт-Петербургу и до иностранных городов, до знатных монастырей и до императорских дворцов и какое число соборов и монастырей и церквей. 16. Долготы, широты в градусах знатных городов. 17. Ландкарта московская. 18. Ландкарта Петербургская. 19. Герб российской империи с прочими гербами».

Текст календаря в основном повторял то, что было издано в 1709–1715 годах, с добавлением новой полезной информации.

Изменился формат, которым удобно было пользоваться, то есть всё удовлетворяло предвзятого читателя. При этом его, этого читателя, убеждали, что вся информация в книге — это произведение самого Брюса. Это было необходимо, чтобы придать коммерческий успех изданию, ведь имя Якова Вилимовича Брюса в то время действительно было популярным.

Дальнейшие издания календарей под названием «Книга, именуемая Брюсовский календарь» фактически были переизданиями варианта 1747 года с некоторыми дополнениями. Позже 1780 года, при Екатерине Великой, полностью скопировано это издание с единственным отличием: на последнем 48-м листе, где представлены были герб Российской империи и гербы городов, меняется посвящение. Вместо Елизаветы Петровны оно адресовано Екатерине II.

Шесть переизданий пережили эти календари в 1740–1750-е годы, и также шесть переизданий было сделано в 1780-е годы.

Коренным образом изменилось отношение к личности Брюса после того, как в 1809 году вновь переиздается «Книга, именуемая Брюсовский календарь» с добавлением новой части: «Астрологический, экономический и политический Брюсов двухсотлетний календарь, сочиненный и расположенный с нынешнего столетия, начиная с 1800 года». Обратим внимание читателя, что 200 лет — это с 1800 по 2000 год, то есть фактически до наших дней. Отчего, собственно, календарь и называли вечным. На момент выхода календаря прошло 74 года после смерти Я. В. Брюса, и за него был придуман такой вот необыкновенный календарь. Хотя ничего необыкновенного в нем, как оказалось, не было. Обычные предсказания, аналогичные тем, что были помещены в третьем календаре, изданном в 1710 году. Только с добавлением конкретных предсказаний «для тех, кто родится под какой-либо планетой». К этому добавляется следующая информация: «Предсказания Брюса узнавать по погоде урожай и неурожай хлеба и растений, а также свойства человека, кто под которым из числа знаков родился». Далее следует часть: «Свойство 12 небесных знаков, и кто в каком роде жизни будет иметь счастье». И, пожалуй, самое привлекательное для читателя: «Каким образом Брюс мог предузнавать, когда будет ведро, или ненастье. По солнцу, луне и звездам, по небу, облакам и радуге и по некоторым из животных».

В 1875 году выходит самое известное издание — «Первобытный Брюсов календарь», которое ничем не отличается от «Книги, именуемой Брюсовский календарь» 1809 года издания. Этот календарь, как творение самого Якова Брюса, увидевший свет в Харькове под редакцией Т. Росинского, переиздавался в 1991 и 2008 годах. И всегда тиражи продавались, хотя стоимость последнего издания за экземпляр составляла 47 500 рублей.

Собственно говоря, то, чем в настоящее время располагают большинство исследователей — авторов статей о календаре, это и есть переиздание «Первобытного Брюсова календаря» 1875 года выпуска. К сожалению, многие исследователи идут на поводу у издателей, утверждая, что это и есть тот самый календарь, который делал

сам Я. В. Брюс. Отсюда и большое количество самых различных вариаций на тему календаря.

И все-таки настоящую легендарность календарь обрел позже, когда его начали использовать в календарях-ежегодниках такие издатели, как И. Д. Сытин (1851–1934), который включал в свой «Всеобщий календарь» «предсказания Брюса», а затем стал выпускать специальные календари для широкого круга людей, включая крестьянство. Это были домостроительный, сельскохозяйственный календари, которые использовались в повседневной жизни. Поэтому крестьяне по «Брюсам», так называли такие календари, практически сверяли свою жизнь. А если учитывать, что кроме предсказательной, гадательной информации в календарях начала XX века появляется раздел «О судьбе каждого человека», авторитет таких изданий в народе неизмеримо возрос.

Информация в этих календарях значительно расширилась. Здесь давались сведения светского и религиозного характера.

Примером такого календаря может послужить издание, отпечатанное в типографии И. Д. Сытина в 1896 году с названием: «БРЮС. Новый русский справочный календарь на 1896 год. Содержит полные и точные сведения церковные, исторические и справочные по всем отделам».

I. Церковный отдел: Святцы. — Заметки к церковному календарю. — Мощи русских святых. — Хронология замечательных событий. — Алфавитный перечень имен святых православной церкви. — Перечень чудотворных икон Божией Матери. — Месяцеслов южных славян. — Римско-католический календарь. — Протестантский календарь. — Армяно-григорианский календарь. — Магометанский календарь. — Еврейский календарь. — Католические храмы и их принадлежности. — Католическое богослужение. — Отличие католического богослужения от православного. — Дневные чтения из Евангелия и Апостола на литургии. — Перечень догматических и главных обрядовых разностей, отличающих западную церковь от восточной православной. — Некоторые особенности обрядового благочестия у латинян. — Таинства в церкви римско-католической и православной. — Индульгенция. — Суд православного христианина об унии. — Чистилище. — Особенные учреждения папства. <…>

II. Исторический отдел: Домницкая икона Божьей Матери. — Святой Стефан Пермский. — Император Александр III. — Царь Михаил Федорович. — Царь Иоанн Алексеевич. — Азовские походы. — Императрица Екатерина II. — Румянцев-Задунайский. — Император Николай I. — Крещение франков. — Первый крестовый поход. — Основание Германской империи. — Уния 1596 г.

III. Астрономический отдел: Граф Брюс. — История календарей. — Астрономические сведения. — Планеты. — Луна. — Затмения. — Разделение времени. — Знаки зодиака. — Звездное небо. — Кометы. — Падающие звезды. — Метеорологические сведения. — Учение о погоде.

IV. Финансовый отдел: Извлечения из всеподданнейшего доклада министра финансов о государственной росписи доходов и расходов на 1895 г. — Сравнительная таблица обыкновенных доходов и расходов за 1866–1893 гг. — Главнейшие обыкновенные доходы и % отношение их ко всему бюджету доходов за 1882–1893 гг. — Главнейшие обыкновенные расходы и % отношение их ко всему бюджету расходов за 1882–1893 гг. — Сельское хозяйство. — Внешняя и внутренняя торговля России. — Горнозаводская промышленность России. — Фабрично-заводская промышленность России. — Развитие фабрично-заводской промышленности в царствование императора Александра III. — Железные дороги. — Внутренние водные пути Европейской России. — Кредит. — Страховое дело в России. — Новейшее по

статистике. — Государственный банк. — Операции банка. — Сберегательные кассы. — Частные банки коммерческого кредита. — Государственный Дворянский земельный банк. — Крестьянский поземельный банк. — Акционерные земельные банки. — Полный список российских учреждений краткосрочного кредита. — Список городов, на которые Государственный банк выдает траты, переводы и кредитивы. — Страховые общества. — Железные дороги, на которых находятся зернохранилища и элеваторы. — Главные таможенные учреждения. — Календарь капиталистов. — Гербовый сбор. — Сбор с доходов от денежных капиталов. — Список % бумаг, не подлежащих обложению. — Налоги с торговли и промышленности. — Законоположения о векселях. — Формы разного рода векселей. — Курсы. — Таблица исчисления процентов <…> по сериям Государственного казначейства. — Таблица исчисления процентов по 5 % билетам Государственного банка, выкупным свидетельствам, облигациям СПб и московских кредитных обществ, билетам 1-го и 2-го внутреннего с выигрышами займа, по всем 5 % внешним займам и по 4 % металлическим билетам. — Таблица вышедших в тиражи погашения серий 1-го внутреннего 5 % с выигрышами займа 1864 г. <…>
V. Статистический отдел: Пространство, население и административное разделение России. — Список городов и других населенных пунктов России. — Церковь. — Войско. — Русский военный флот. — Русский торговый флот. — Военный флот иностранных государств. — Образование в России. — Грамотность в Европе. — Народное здравие. — Государства мира.
VI. Отдел путей сообщения: Извлечение из общего устава российских железных дорог, дополненного изданными в развитие оного постановлениями, вступившими в действие с 1 декабря 1894 г. Условия перевозки пассажиров, детей и багажа и правила применения общего пассажирского тарифа. — 1. Общие положения. — 2. Перевозка пассажиров. — 3. Перевозка багажа. — 4. Особые сборы. — Железные дороги. — Таблица кратчайших расстояний между главнейшими пунктами сети российских железных дорог. — Основания общего пассажирского тарифа, введенного в действие с 1 декабря 1894 г. — Расчетные таблицы плат за проезд пассажиров I, II и III классов, детей и за провоз багажа. — Пароходство. — Таблица, указывающая, который час в главных городах Европейской и Азиатской России и в некоторых городах других государств, когда в Санкт-Петербурге и Москве полдень.
VII. Почта и Телеграф: Почта. — Телеграф.
VIII. Российский императорский дом.
IX. Отдел законов: Свод законов Российской империи. — Содержание ныне действующего Свода законов. — Свод военных постановлений. — Брак. — Право распоряжения имуществом. — Наследство. — О пошлинах с имуществ, переходящих безмездными способами. — Указатель сроков по судебным уставам. — Судебные издержки. — Такса уплаты за копии с находящихся в межевых установлениях межевых планов, выдаваемая тяжущимся и их поверенным. — Такса вознаграждения нотариусов. — Порядок принятия и направления прошений и жалоб, на Высочайшее имя приносимых. — Положение о видах на жительство. — Положение о государственном квартирном налоге. — Оклады государственного квартирного налога. — Расписание городов и поселений по классам для взимания государственного квартирного налога. — Сведения о последних распоряжениях правительства. — Формы написания разного рода деловых бумаг.
X. Сельскохозяйственный отдел: Удобрение. — Время и густота посева. — Сельскохозяйственные растения. — Косьба хлеба. — Мероприятия правительства по развитию садоводства и огородничества. — Скотоводство. — Болезни лошади.

XI. Отдел общеполезных сведений: Медицинские сведения. — Хозяйственные заметки.
XII. Справочный отдел: Главное управление России. — Мужские учебные заведения. — Женские учебные заведения. — В Петербурге и в Москве: Ученые и музыкальные общества, музеи и библиотеки. — Благотворительные учреждения. — Богадельни. — Больницы, госпитали, лечебницы, родильные приюты и пр. — Театры в Москве и Петербурге.
XIII. Летопись: Внутреннее обозрение. — Иностранное обозрение.
XIV. Некрологи.
XV. Всероссийская промышленно-художественная выставка в Нижнем Новгороде 1896 года: Об участии церковно-приходских школ на Всероссийской выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г.
Общий объем этого календаря 504 страницы.
Книга содержит действительно очень полезные сведения, которые и в наше-то время найти сложно, особенно это касается 1-го отдела. Исторический отдел представляет юбилейные события. Поэтому отмечены Домницкая икона Божией Матери, явление которой было в 1696 г., святой Стефан Пермский, умерший в 1396-м, Иван Алексеевич (брат Петра I), умерший в 1696-м, и взятие Азова в 1696 г.
И снова обращаем внимание на название. Теперь это «Брюс…». Именно по этой причине в конце XIX — начале XX в. в народе Брюсовы календари так и называли «брюсами». Такие календари имели хождение в самых широких слоях населения, закрепляя за Я. В. Брюсом репутацию русского Фауста. По этим календарям проводили посевные и уборочные работы в сельском хозяйстве, брали кредиты и делали займы, ориентируясь на представленную здесь информацию, пользовались статистическими и справочными сведениями, узнавали о последних новостях и государственных законах.
Особенно популярным был отдел общеполезных сведений, где рассказывалось о том, как оказывать первую медицинскую помощь при разных несчастных случаях: отравлении минеральными кислотами, мышьяком, медью, нашатырным спиртом, ртутью, рыбой, керосином, фосфором. Что делать при укушении ядовитыми животными: змеей, скорпионом, тарантулом, сколопендрой; при ужалении насекомыми. Как действовать при угаре, кровавом поносе, кровотечениях, замерзании, ожоге, ударе. Даются советы, как приготовить в домашних условиях лекарства, «потому что обходится втрое дешевле, нежели в аптеке», что делать, если закладывает уши, как бороться с насморком, как утолить зубную боль и боли при ревматизме. Словом, книга действительно является полезной во всех отношениях.
Из народной легенды о Брюсе, записанной Е. З. Барановым
А про других хорошо узнавал. Вот и насчет погоды… Ведь это он календарь составил, всё распределил по дням, по месяцам, по годам… Вот потому-то и называется «Брюсов календарь». А в отношении погоды брал он от птиц, животных… и от природы брал — от зари, облаков. Взять хоть воробья. Ну, какая из него птица? Ни пения, ни красоты… щелкни его по башке, он и подохнет… А ведь как погоду предсказывает! Ежели назавтра вёдро, то он тут и давай прыгать «жив-жив» и весь такой пушистый станет. А ежели к дождю, то молчит, насупится. То же и ворона… Ну, эта как закаркала, то обязательно дождь или снег пойдет. От этого черта не жди ясного дня…
Вот Брюс и примечал всё. Да тут много из своей головы брал. Но только не в календаре дело, а тут все больше по волшебству он работал, так вот и машины выдумывал. И жил он при Петре Первом, Петре Великом. В Сухаревой башне ему

помещение было отведено, там и составлял разные порошки, составы. Книги у него редкостные были, вот из них-то он и брал. Конечно, без ума не возьмешь, а у него ум обширный был.

Легенды о Великом посольстве, или Кое-что о масонстве Брюса

Именно Великое посольство, по сути, определило ход преобразовательной деятельности Петра. До 1697 года он, занимаясь потешными боями на суше и на море, проводя Азовские походы, действовал интуитивно, в какой-то степени по инерции, продолжая политику своих предшественников — южные границы со времен славянских племенных союзов были самыми беспокойными. Во время пребывания в европейских странах — Польше, Голландии, Англии и Австрийской империи царь увидел реалии европейского мира, по тем временам более цивилизованного, чем Россия, с налаженной промышленностью, устойчивой политической системой, передовой наукой и возможностью реализации талантов людей. Можно понять искреннее желание Петра как можно быстрее сделать Россию такой же цивилизованной страной, убрать мешающие этому стереотипы в государственном устройстве, в экономических отношениях, в развитии культуры, образования, просвещения, в поведении русских людей в быту. Отсюда эта горячность и неординарные поступки: собственноручная стрижка бород и обрезание кафтанов как видов старой боярской Руси, проведение ассамблей. Торопясь осуществлять желаемое, Петр Алексеевич, естественно, не желал замечать негативную реакцию общества на эти нововведения.

Петр Алексеевич действительно представлял собой совершенно новый тип царя-самодержца в Российском государстве — царя-просветителя, считавшего, что если он издает правильные законы и эти законы будут исполняться его подданными, то в стране наступит полное благоденствие. Историки насчитали более двух тысяч указов, изданных после Великого посольства Петром. Указы издавались по самым различным поводам, включая и бытовую и трудовую деятельность от боярства до крестьян. В частности, он разъяснял в указах, как строить дома, косить сено (а не жать серпом) и многое-многое другое. Он изменял нравы, ломал устоявшиеся традиции. Как, например, русский человек мог воспринять то, что женщина, призванная неотлучно находиться дома и не появляться лишний раз в общественных местах, теперь должна была идти на ассамблею в европейском платье, принимать горячительные напитки. Для русского человека это было как гром среди ясного неба. И таких нововведений были сотни в самых различных сферах жизни людей.

В народе поползли слухи, что царя-де подменили, чем-то опоили иноземцы и в Англии даже посвятили в масонство. Причем инициаторами этого посвящения называли Ф. Лефорта и Я. В. Брюса.

На самом деле в поездке Петра I по Англии царя сопровождал только Я. В. Брюс. Лефорт остался в Голландии. Брюс нужен был Петру для того, чтобы помочь разобраться в чертежах и технической документации при строительстве кораблей, увидеть своими глазами и перенять новейшие в то время технологии создания огнестрельного оружия, изучить политическую систему в Англии, о чем подробно изложено во второй главе настоящей книги.

Однако для приверженцев оккультных и герметических знаний этого было мало, ведь «колдун и чернокнижник» не мог не заниматься этим же во время пребывания в Англии.

В статье «Сказка о найденном времени», опубликованной в периодическом издании «Электронный журнал Арт&Факт» (№ 1 (11) 2009), А. Синельников сообщает следующее:
«…советником двух королей Англии: Марии и Вильгельма был сам великий мастер Исаак Ньютон. Неужели председателю Нептунова общества (имеется в виду Ф. Лефорт. — А. Ф.) было не по рангу встречаться с ним. А может, Нептунов круг возглавлял другой? Был ли этим человеком Яков Брюс? Возможно. Ведь во времена царя Алексея Михайловича Великим мастером тамплиеров на Руси был его отец Вилим Брюс. Сам Ньютон выводил свою родословную из шотландской знати, поэтому нас не удивляет, что, судя по переписке, Яков Брюс был посвящен во многие его личные дела. Кому, как не ему было быть посредником при общении государей и Исаака Ньютона?»
Обратим внимание читателя на то, что Мария II Стюарт, жена Вильгельма III, умерла в 1695 году, на три года раньше, чем там были Петр и Брюс, и ждать встречи с Петром никак не могла. Упоминается здесь и Нептуново общество, которому придается огромное значение, хотя на самом деле не чем иным, как обычным собранием приближенных к царю людей для тесного общения и занятий разных развлечений, оно не было. В этой же публикации сам А. Синельников о Нептуновом обществе сообщает: «Общество это было известно в Немецкой слободе за двадцать лет до создания Великой масонской ложи Англии, и причислять его к масонским структурам, как любят у нас делать, то же самое, что причислять самого Петра к большевикам».
Автор публикации, похоже, довольно далек от знаний Петровской эпохи, поскольку пишет: «Наверное, и орден Андрея Первозванного, первыми кавалерами которого стали герои победы под Полтавой, связан не только с датой битвы и легендарным странствием апостола Андрея по Древней Руси, но и с шотландской традицией почитания святого Андрея. <…> Брюс стал одним из трех первых его кавалеров, сам Петр — седьмым». Как известно, Петр и Меншиков стали седьмым и восьмым кавалерами ордена Святого Андрея Первозванного в 1703 году после победы на Неве при Ниеншанце. Первым этот орден получил Ф. М. Головин, вторым — А. С. Мазепа. Брюс был награжден в 1709 году за Полтаву, когда эту награду получили несколько человек, в числе которых были Я. В. Брюс и Н. И. Репнин. Обидно, что такая нелепая информация не только публикуется в Интернете, но и попадает на телевидение.
И все же главное, на что хотелось бы обратить внимание читателя в данной публикации, — тамплиеры.
Эта тема в связи с Брюсом впервые прозвучала в 1997 году в статье президента Лиги независимых астрологов К. А. Диланян «Тайная миссия Якова Брюса», опубликованной в журнале «Наука и религия». Автор увязывает имя Я. В. Брюса с рыцарями храма — тамплиерами, доказывая, что после разгрома монахов Тампля и сожжения в 1314 году Великого магистра Жака де Моле королем Филиппом Красивым остатки ордена тамплиеров нашли прибежище в Шотландии, где их «приютил» Роберт I Брюс, основавший «орден Святого Андрея и Шотландского Чертополоха 24 июня 1314 года, в день победы при Баннокберне, когда шотландские тамплиеры помогли ему разгромить войско Эдуарда II Английского, зятя Филиппа Красивого». Автор статьи утверждает, что, поскольку Брюсы были носителями королевской крови, Ньютон, Великий магистр последователей ордена тамплиеров — Сионской общины в 1691–1727 годы, считал Брюса претендентом на пост Великого магистра. Однако «Брюс был подданным Российской короны и побратимом российского императора, а потому мог влиять на ход событий и политику той части Европы, которая давно

интересовала Орден Храма». Основываясь на логических построениях, президент Лиги независимых астрологов называет Брюса «своего рода агентом Ньютона» — Великого магистра Сионской общины. При этом никаких документальных подтверждений не имеется.
О Сионской общине или «Приорате Сиона» широкий круг читателей узнал недавно из книги Дэна Брауна «Код да Винчи». На самом деле это небольшая община, каких в Европе существует множество. По утверждению доктора истории Калифорнийского университета в Санта-Барбаре Шарана Ньюмана, изложенному в книге «Подлинная история „Кода да Винчи“», еще в XII веке община «Приорат Сиона» отделилась от ордена тамплиеров и никакого отношения к нему в XVII веке не имела.
Что же касается тамплиеров, вопрос о том, где могли поселиться уцелевшие представители этого ордена в XIV веке, до сих пор является дискуссионным. Называются Шотландия, Испания, Швейцария и другие страны. Доказательств пребывания в какой-либо из названных или неназванных стран нет.
Таинственность этого ордена рождает огромное количество разных предубеждений, которые, возможно, далеки от истины. Так, англиканский священник в XVIII веке писал, что «причиной истребления тамплиеров отчасти была присущая им порочность, а отчасти — накопленные ими богатства»; а Эдуард Гиббон в «Истории заката и падения Римской империи» отмечает присущие «бедным воинам Христа» высокомерие, стяжательство и дурной нрав. Именно такими изобразил храмовников и Вальтер Скотт.
Нельзя не отметить и отношение к тамплиерам, с одной стороны, как к ортодоксальным католикам; с другой — как к вероотступникам-еретикам; с третьей — как проповедникам древних оккультных религий, якобы предвосхитившим появление Христа.
Вот что значат отсутствие конкретных исторических исследований и бурная фантазия лжеученых, рождающая мифы и легенды. Как это похоже на то, что произошло с восприятием Якова Вилимовича Брюса.
Это очень похоже и на то, как в наше время воспринимается Мишель Нострадамус — врач и астролог, прославившийся своими катренами, четверостишиями, в которых он якобы предсказывал события далекого будущего. На самом деле все катрены содержат информацию, описывающую события, произошедшие в Римской империи и в истории Франции, и никакого отношения к предсказаниям не имеют. Более того, многие катрены связаны с событиями, современными Нострадамусу, и отражают его гражданскую позицию. Как пишет об этом исследователь А. Пензенский: «Мы считали его автором сборника невразумительных, туманных пророчеств, а он оказался гражданином, болезненно переживающим за авантюризм правителей своей страны. И сколько таких открытий, заставляющих пересмотреть образ загадочного мага и астролога, нас ожидает еще? А ведь эти открытия можно было сделать значительно раньше, если бы, не смущаясь одиозностью фигуры, биографией Нострадамуса и его пророчествами вплотную занялись историки. К сожалению, вышло иначе. Вольтер походя объявил Нострадамуса шарлатаном и чуть ли не сумасшедшим (хотя, если уж на то пошло, одно определение начисто отрицает другое) — и „серьезные“ люди стали считать подобные исследования чем-то зазорным и несолидным, настолько был высок авторитет высокого богоборца Вольтера...»
А сколько еще подобных заблуждений таит в себе история человечества. Главная причина появления таких заблуждений и взглядов — отсутствие знаний, отказ от проведения конкретных исследований историками и специалистами других отраслей знаний. Ярлык колдуна (как в случае с Брюсом), шарлатана (по отношению к

Нострадамусу), вероотступников-еретиков (по поводу тамплиеров), навешивание любого из ярлыков не дают возможность человечеству объективно воспринимать того или иного исторического персонажа, ученого, партию, движение, научное направление, а значит, не позволяют изучить суть того или иного явления, труды того или иного человека.
Поэтому, как бы мы ни относились к легендам о Брюсе, к публикации предсказаний Нострадамуса, к суждениям по поводу тамплиеров, пока не будут проведены фундаментальные исследования, основанные на исторических источниках, мы никогда не сможем объективно оценить эти явления в нашей жизни. И эта предвзятость, это специфическое отношение, основанное на идеологических, политических, духовных, мистических или каких-либо иных соображениях, никогда не позволят нам получить объективные знания.
Примером этому может служить оценка А. Н. Греча, профессионального ученого, который, находясь в плену ярлыков и стереотипов, рассуждает о принадлежности Брюса к масонству. Он описывает здание бывшей химической лаборатории в усадьбе Глинки как возможное помещение для собраний членов масонской ложи. В этом здании, разделенном на три помещения, по его предположению, были «центральное помещение <…> — залом заседаний, отделение слева — комнатой приуготовления, а справа — комнатой старших братьев». Более того, «доступ в комнату приуготовления был еще и через подземный ход, ответвлявшийся из гротового помещения на главной, перпендикулярно проведенной оси усадьбы…». Интересно отметить, что такое расположение комнат было и во флигелях парадного двора — западном и восточном. Почему же их Алексей Николаевич не посчитал масонскими? Причина: однажды приклеенный ярлык к Брюсу, как к масону.
Кроме этого, по мнению А. Н. Греча, масонскими являются и регулярные фигурные дорожки парка в Глинках, в плане образующие «интересные сложные фигуры, в которых можно усмотреть масонские знаки». Исследователь фактически сам отвечает на вопрос, кто мог все это создать в Глинках, называя гроссмейстером масонства Якова Александровича Брюса, главой масонского союза «Астреи» Василия Валентиновича Мусина-Пушкина-Брюса, бывавших в усадьбе в конце XVIII века при наивысшем подъеме масонского движения в России. Однако личность петровского сподвижника настолько оригинальна, а стереотип отношения к Якову Брюсу настолько устойчив, что только он, по мнению А. Н. Греча, мог сделать подобные символические устройства масонского характера.
А ведь при самом Брюсе в 1727–1735 годах, когда он владел Глинками, ни о каких масонских собраниях в России не могло быть и речи.
Возникшая в 1731 году в России первая масонская ложа, великим мастером которой был назначен капитан Дж. Филиппе, была не вполне русской, поскольку включала преимущественно иностранцев, живших в Петербурге. Главная функция, которую выполняла эта ложа, заключалась в налаживании связей между иностранными дипломатами и «негоциантами», поддержке приезжавших в Россию иностранцев. Для этих целей ложа должна была иметь большие связи с правительством, высшим светом и купечеством России, что сразу же и было осуществлено Дж. Филиппсом и сменившим его на этом посту в 1741 году Джеймсом Кейтом. И даже при наличии широких связей с высшими слоями российского общества организация масонов до Елизаветы Петровны (1740-е годы) оставалась закрытой для отечественных организаций. Конечно, возможны возражения по поводу того, что Брюс был не совсем русским, однако достаточно вспомнить последние годы службы петровского сподвижника, его выезд из Санкт-Петербурга, чтобы понять, что свою связь с высшим

светом России он утерял окончательно и большого интереса для русской ложи масонов — организации достаточно прагматической — не представлял.
Что же касается «символических устройств масонского характера», это явно более поздняя самодеятельность лидера «Астреи» В. В. Мусина-Пушкина-Брюса, который, пользуясь усадьбой в конце XVIII — начале XIX века, мог проводить там собрания братьев и обустраивать самые разные причуды в виде постриженных в форме масонских символов деревьев и кустарника и высаженной необычным образом растительности в парке в Глинках.
Через 100 лет, в начале 1920-х годов, когда в усадьбе побывал А. Н. Греч, эти «устройства» были хорошо читаемы, поэтому он, ни в чем не усомнившись, приписал их чернокнижнику Брюсу.

Сухарева башня и не только
Как мы уже писали, по возвращении из Англии, в начале 1699 года, Я. В. Брюс фактически становится научным консультантом Петра по строительству кораблей и проведению астрономических наблюдений. В Россию после Англии он приехал как первый российский ученый-ньютонианец, который начинает закладывать основы российской науки, создавая первые школы и занимаясь оборудованием первых в нашей стране государственных астрономических обсерваторий.
В июне 1700 года первая такая обсерватория была создана в здании Сухаревой башни. Рассказывали, что Брюс занимался там астрономией и астрологией, проводил гадания и делал самые различные предсказания, собирал черные отреченные книги, увлекался тайным знанием и даже руководил тайным «Нептуновым обществом», собиравшимся на Сухаревке.
Попробуем спокойно разобраться со всеми легендами, которые как флёр окружают и скрывают от трезвого взгляда московскую красавицу Сухареву башню.
Начнем с «Нептунова общества».
В 1680-е годы во время потешных боев формировалось объединение близких по духу людей, где статусное положение не играло роли, главным было деятельное участие и отказ от низкопоклонничества и чинопочитания.
В группу входили, помимо царя, конюхов, стряпчих, военные специалисты и инженеры.
После Стрелецкого бунта Петр начинает посещать Немецкую слободу, часто бывая у Ф. Лефорта и П. Гордона. Франц Лефорт, которого исследователи в наше время называют «человек-праздник», действительно славился своей гостеприимностью и умением организовать любое застолье. В общении с молодым монархом он увидел искренний интерес к повседневной жизни иностранцев, обитавших в Немецкой слободе, а главное, желание изменить быт русских людей, отличавшийся косностью и патриархальностью.
Нельзя сказать, что застольям отводилась второстепенная роль в налаживании близких контактов. А поскольку Петр Алексеевич старался все делать в форме игры, застольные встречи превращались в «Нептуновы потехи», в отличие от «Марсовых потех», как именовались военные походы. Существование «Нептуновых потех» и дало повод говорить о «Нептуновом обществе» — некоем тайном объединении, на котором якобы решались главные проблемы государства. На самом деле эти собрания были обыкновенными застольями, при этом довольно массовыми, по нашим теперешним представлениям. В своих письмах брату Ами Франц Яковлевич Лефорт сообщает, что он собирал порядка двухсот человек на такие праздники. Именно по этой причине он строит новый дом с огромным залом для торжеств в Немецкой слободе, а в 1697 году,

перед отправкой Великого посольства в Европу, Петр I распорядился выстроить на берегу Яузы дворец в подарок Лефорту. Убранство парадного зала этого дворца в изображении с гравюры А. Шхонебека дает представление о массовости проводимых там «мероприятий».
11 февраля 1699 года состоялось шутовское освящение дворца Лефорта. Вот как это действие описал И. Корб: «Мнимый патриарх со всей толпой своею веселого клира освятил с торжественным празднеством в честь Вакха дворец, выстроенный на царский счет, который покамест именуется Лефортовым; шествие в этот дворец направилось из дома полковника Лимы. Что патриарх присвоил себе именно этот почетный сан, свидетельствуют его одеяния, подобающие первосвященнику: на его митре красовался Вакх полной наготой, напоминающий глазам о распутстве; украшениями посоха служили Купидон и Венера, так что сразу было известно, какое стадо у этого пастыря. Одни несли большие чаши, наполненные вином, другие — мед, третьи — пиво и водку, верх славы пламенного Вакха. Так как в силу зимней стужи они не могли венчать чело свое лаврами, то несли чаши, наполненные высушенным в воздухе табаком. Зажегши его, они обошли все углы дворца, испуская из дымящихся уст весьма приятный запах и угодное Вакху курение. Положив поперек одну на другую две трубки, привычкой втягивать дым из которых тешится даже самое небогатое воображение, комедийный архиерей совершил торжество освящения. Кто поверит, что составленный таким образом крест, драгоценнейший символ нашего искупления, является предметом посмешища?»
Пиршество продолжалось долго, причем его участникам «не позволялось уходить спать в собственные жилища. Иностранным представителям отведены были особые покои и назначен определенный час для сна, после которого устраивалась смена, и отдохнувшим надо было в свою очередь идти „в хороводы и прочие танцы“».
Собрания происходили во дворце Лефорта 16, 19 и 22 февраля до начала его смертельной болезни. Больше того, Б. И. Куракин утверждает, что в доме генерала происходило «пьянство великое», а поскольку Лефорт держал открытый стол, постоянно встречая гостей, выпивки там происходили ежедневно. Очевидно, различные утверждения, что эти собрания носили тайный характер, не имеют под собой почвы.
Лефорт скончался 2 марта 1699 года, и его дворец был подарен А. Д. Меншикову, при котором продолжались увеселения. Естественно, этот дом никакого отношения к Брюсу не имел, однако в одной из передач цикла «Искатели», посвященной тайнам Лефортовского дворца, именно Брюс заменил Лефорта в качестве организатора собраний «Нептунова общества». Это доказательно опровергается фактами биографии, интересами и занятиями Якова Вилимовича.
В марте 1699 года Брюс разъясняет Петру способ наблюдения за солнечным затмением, советует, какую выбрать избу, как наладить зрительную трубу, «...чтоб можно трубку на все стороны поворотить...», а 29 июля того же года он посылает Петру письмо с описанием инструмента для определения высоты Полярной звезды. В том же июле 1699 года он вместе с Адамом Вейде работает над составлением воинских артикулов, а затем сообщает Петру о присылке ему краткого описания законов шотландских, английских и французских о наследовании, а также материалы, «которые были у агленскаго короля у артиллерии на войне и во всем миру, такожды о их жалованьи поденном в войне и о годовом во время мировое».
Фактически Я. В. Брюс привез из Англии для Петра документы, которые стали вскоре основой для будущих преобразований. Кроме того, занятия астрономией становятся одним из главных увлечений сподвижника Петра. Именно в 1699–1701 годах

происходит окончание строительства здания Сухаревой башни, которая приспосабливается под учебно-просветительское учреждение и обсерваторию. Поэтому работами по переоборудованию Сухаревой башни Брюс активно занимается именно в этот период. Ни о каких собраниях «Нептунова общества» в Сухаревой башне речи быть не могло. Мало того, работать в оборудованной им обсерватории Брюсу было просто некогда. Его деятельность была связана с военными походами и производствами, которые проводились далеко от Москвы, и к обсерватории на Сухаревой башне он, к сожалению, более не имел никакого отношения.
Кроме того, что Брюса в легендах ошибочно называют первым директором школы математических и навигацких наук, утверждается и то, что он работал в обсерватории, занимаясь астрономическими наблюдениями и астрологическими предсказаниями, хранил там «черные отреченные книги», колдовал и даже держал там железного дракона, однажды им прирученного. Уверен, нет смысла отвечать на эти нелепости, которые и появились только благодаря ограниченному сознанию русских обывателей, верящих во всякого рода чудеса и небылицы. Обидно, что по инерции, подчиняясь «общему мнению», эти нелепости в своих исследовательских работах высказывали самые разные ученые в XIX и XX веках. А уж в нашем, XXI веке эти нелепости достигли такого масштаба, что со страниц книг и с экрана телевизора звучит самая разнообразная информация о пребывании Брюса в Сухаревой башне, о занятиях его разными магическими действиями, предсказаниями. Договорились до того, что утверждают, будто место, где стояла Сухарева башня, обладает каким-то особенным силовым полем и является аномальной зоной. При этом элементарная неграмотность авторов этих измышлений, литературных и телевизионных редакторов, готовых дать любую сенсационную информацию, приводит к тому, что местом этим называется парк на Сухаревской площади, точнее, то место парка, где в 1996 году в ознаменование 300-летия Военно-морского флота России был установлен закладной камень, на котором написано, что здесь стояла Сухарева башня, в которой с 1701 по 1715 год размещалась школа математических и навигацких наук. Так вот авторы данных измышлений и иже с ними даже не подозревают, что здание стояло совсем не там, где был установлен камень, а метров на двести восточнее, на пересечении современного Садового кольца со Сретенкой и проспектом Мира (бывшая улица Мещанская), поэтому замерять энергетику и говорить об аномалиях нужно там, где сейчас существует подземный переход на Сухаревской площади.
Однако упорно распространялась информация о тайных книгах, хранящихся в Сухаревой башне, о подземных ходах, которые от этого здания идут к Брюсовым домам.
В частности, благодаря этим измышлениям дом на проспекте Мира, 14, построенный во второй половине XVIII века, упорно называли «Домом Брюса». Поводом для такого рода информации стала находка, сделанная в начале 1920-х годов исследователями, членами краеведческой комиссии «Старая Москва», которые при обследовании этого здания определили, что из подвального помещения дома идет подземный ход в сторону Сухаревской площади. И по аналогичной схеме связали этот дом с Брюсом, посчитав, что именно он такой ход сделал между Сухаревой башней и этим зданием. И снова причиной такого нелепого предположения стали легенды о Сухаревой башне и Брюсе.
Не могу не сообщить дорогим читателям, что в упомянутом доме на проспекте Мира в настоящее время работает удивительный музей, — государственное учреждение культуры Москвы «Садовое кольцо», — представляющий историю Мещанского района Москвы и выступающий организатором общественного фонда по

возрождению Сухаревой башни. В музее трудятся удивительные люди во главе с его руководителем Ольгой Эдуардовной Ивановой-Голицыной, человеком, болеющим за дело возрождения легендарной московской красавицы.
Еще одно место, согласно легендам связанное с Брюсом, находилось в Немецкой слободе на Вознесенской улице (современная улица Радио), близ Горохового поля. Это место «проживания» Брюса часто фигурирует в разных повествованиях о Якове Вилимовиче. Поскольку на Вознесенской улице в лютеранской кирхе Святого Михаила было его захоронение, считается, что его дом находился рядом с кирхой. И, несмотря на то что ни кирхи, ни дома, ни могилы не сохранилось, «дух Брюса продолжает незримо витать над этими местами, простирая свое влияние и на Басманную слободу, и на Красное село, и даже на Лефортово». Это цитата из вступительной статьи В. М. Боковой к книге «Московские легенды». Здесь же исследовательница сообщает: «Еще в эпоху романтизма русские литераторы учуяли явственный запах чертовщины, веявший в этих местах. Антоний Погорельский развернул здесь действие двух фантастических повестей — „Исидора и Анюты“ и „Лафертовской маковницы“. На Басманной, до переезда на Никитскую, жил пушкинский гробовщик.
Впоследствии традиция была продолжена и завершена блестящей фантасмагорией А. В. Чаянова „Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина, описанные по семейным преданиям московским ботаником Х. и иллюстрированные фитопатологом У.“.
Фантасмагория Чаянова была написана уже в 1920-е годы, когда появился новый всплеск интереса к Брюсу как колдуну и чернокнижнику.
Сюжет повести незамысловат. Речь идет о графе, светском льве, любителе карточной игры, ловеласе, жившем в конце XVIII века, когда „в кусковском театре блистала Прасковья Жемчугова“.
По сюжету главный герой однажды оказывается у дома на Разгуляе — современное здание на углу начала Доброслободской и Спартаковской улиц. Здесь у него происходит неожиданная встреча с графом Брюсом — дряхлым стариком „в мундире петровских времен, увешанном звездами и орденами и с зеленым зонтиком на глазах, защищающим старческое зрение от нестерпимо яркого мигания свеч“. Оказалось, „что он более пятидесяти лет не видал ни одного живого человека, и в то же время оказывалось, что он доподлинно знает всю подноготную о всех знакомых и друзьях Бутурлина лучше, чем сам Федор“.
Во время нескольких встреч с Брюсом происходят разные фантастические вещи, которые ошеломляют Бутурлина. А во время одной из встреч в неурочное время дряхлый старик произносит такую фразу: „Не осуди старика, голубчик Федор Михайлович, за плохой прием… отпустил я сегодня своих покойников на Ваганьково в могилках отдохнуть… Легко ли мертвому человеку здесь денно и нощно кости свои гнуть…“».

Реальная легенда: как летом замораживать пруды

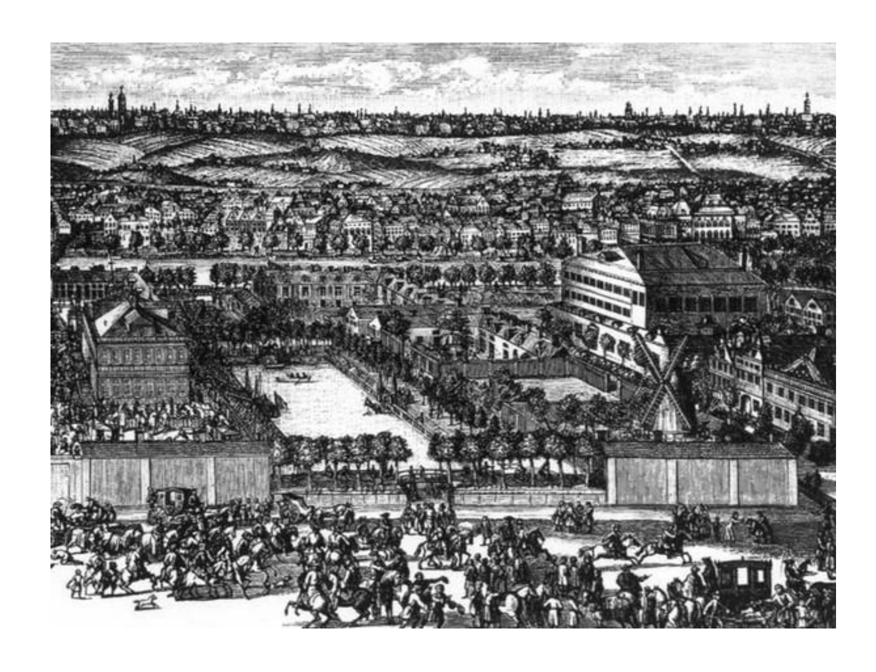
Это «незамысловатая» легенда о том, как «Брюс взмахнул волшебной палочкой» и на глазах изумленных гостей произошло чудо — пруд превратился в ледяной каток, а гостеприимный хозяин пригласил присутствующих кататься на коньках.
Человеком, который взялся за научное обоснование этой истории, является доктор технических наук, профессор кафедры гидротехнических сооружений МГСУ Вячеслав Васильевич Малаханов.

В 2006 году, выступая в Глинках на Брюсовских чтениях, В. В. Малаханов рассказывал: «В 1982 году мы вместе с моим шефом — выдающимся советским гидротехником профессором Слизским приехали в санаторий „Монино“, и прекрасный экскурсовод рассказала нам об этом сподвижнике Петра I.
Одна из легенд в изложении экскурсовода звучала таким образом: „Брюс летом пригласил гостей сюда, в усадьбу, и они перед обедом гуляли по красивому парку, и желающие могли покататься на лодках по прекрасному пруду. А после обеда, вечером, Брюс пригласил гостей снова выйти в парк. Брюс был выдающимся создателем фейерверков. И если даже Брюс попадал в опалу, Петр обязательно его возвращал к себе, потому что лучше фейерверк никто не мог придумать. И вот когда гости вышли, он взмахнул палочкой и засверкал фейерверк. Все ахнули, он взмахнул палочкой во второй раз, и все увидели, что пруд покрыт льдом. Брюс пригласил всех гостей покататься на коньках“.
Мы почесали затылки после этого рассказа и решили, что волшебная палочка тут ни при чем. Этот рассказ заинтересовал меня профессионально. Я задал себе такой вопрос: а вот если бы меня попросили сделать такой аттракцион, как бы я мог эту задачу решить?
Уверяю вас, для меня это была очень сложная задача, а сейчас ее решают студенты-первокурсники, которым я читаю введение в специальность. Если точно сформулировать задание, оно решается просто, детским образом.
Для того чтобы реально осуществить такой аттракцион, нужен пруд (а лучше два). Такой аттракцион нужно хорошо подготовить, как и любой фокус. Начинать надо зимой, примерно в это же время года, как и сейчас, в конце зимы. Пруд сейчас в усадьбе практически спущен, и под ним воды примерно 50–60 сантиметров. При суровой зиме такой лед может промерзать до дна. Если зима мягкая, то лед нужно наваривать, как наваривают катки, поливают водой, и нужную толщину можно гарантировать.
Весной лед нужно защищать с помощью теплоизоляции, покрыв его опилками, лапником, холстиной, можно торфом присыпать, то есть положить всё, что обладает теплоизолирующим свойством.
Это решение мне пришло, когда я повез на родину, в Забайкалье, сына. И вот когда мы прибыли на место, то я рассказал ему, что на этой станции раньше был ледопункт. Раньше ведь не было вагонов-рефрижераторов, а были вагоны-холодильники, которые имели двойные стенки, куда и забивали лед, и летом скоропортящиеся продукты возили в таких холодильниках. Поэтому через каждые 800–1000 километров этот лед таял, и на определенной станции заново загружали лед. К своему счастью, я родился как раз именно на такой станции. Конечно, когда ты идешь в июле, в жару 35 градусов, с Монголии дуют горячие ветры, то хочется вопреки запретам взрослых забраться в такой ледник, наколоть льда и подержать его во рту. Это было мороженое моего детства. Когда я сыну все это рассказал, стала понятна идея намораживания и сохранения льда. Она ведь так просто решается. Этот лед хранили в жару до сорока градусов в Забайкалье весь сезон.
Потом уже я узнал, что в Малороссии и в Украине специально наращивали такой лед и создавали своеобразные холодильники. Это было в XVI–XVII веках. Потом эта традиция была утеряна.
Итак, для того, чтобы осуществить этот аттракцион, нужно наморозить лед, сохранить его, покрыв его чем-то… И на день рождения Брюса (1 мая по старому стилю) это вполне реально осуществить. В день приезда нужно зачистить лед, хорошо его подготовить, а с утра нужно покрыть его водой. Это можно сделать либо из

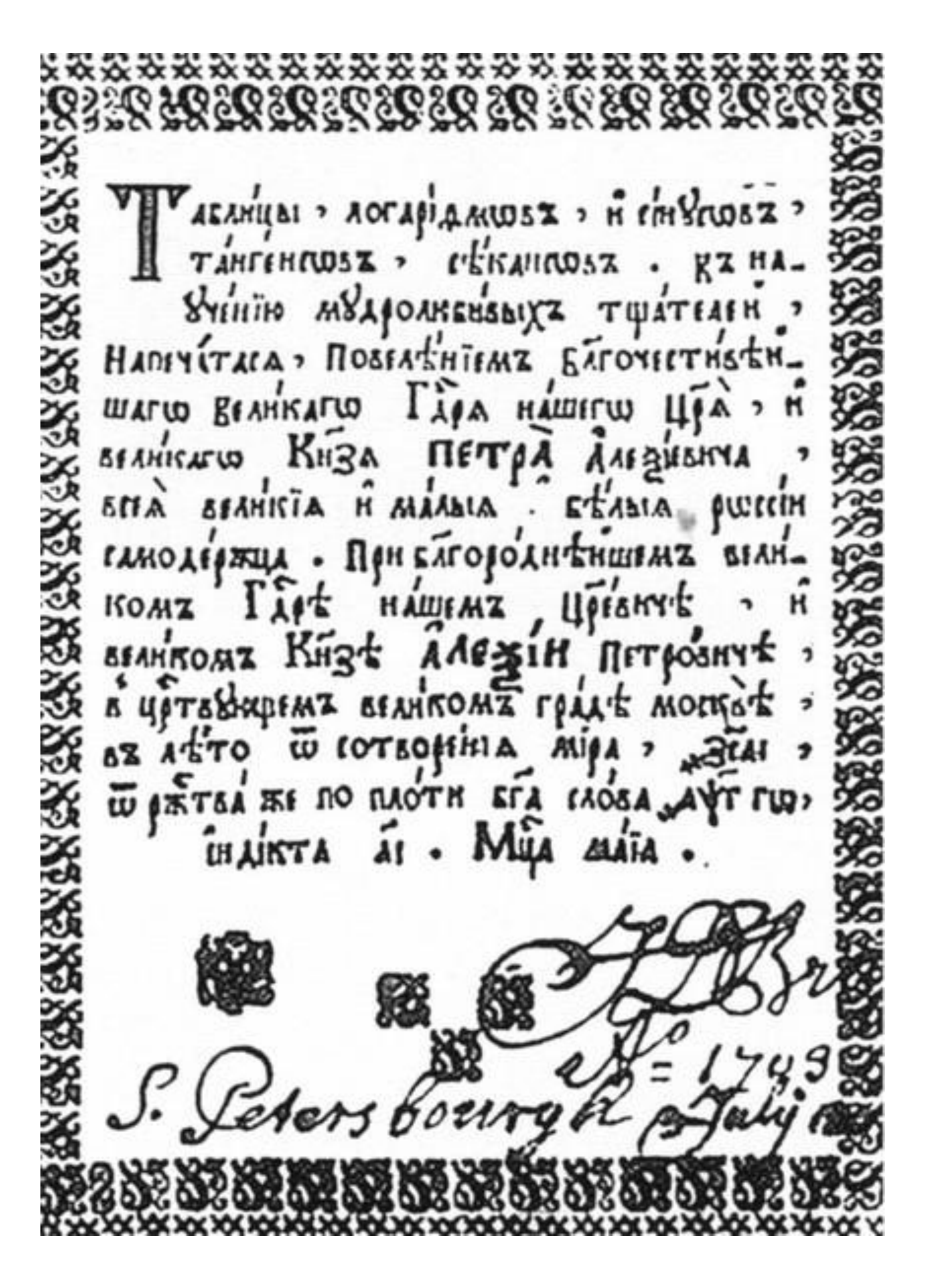
вышележащего пруда, либо с помощью ручья, подпитывающего пруд. Естественно, должна быть перегородочка, которая будет удерживать воду. И вот когда гостей надо удивить неожиданным фокусом, на глазах гостей Брюс взмахивает волшебной палочкой, перегородочка убирается и вода стекает, уходит с поверхности льда. То есть пруд на глазах у гостей становится ледяным.
Несколько таких вариантов можно привести, и все это вполне реально. Я, скажем, могу предложить три-четыре таких варианта, студенты предлагают еще больше. Так что вполне это может быть не легенда, а фокус, который Брюс продемонстрировал своим гостям. Тем более сегодня прозвучала информация о том, что в 1707 году Брюс переправлял через Вислу зимой артиллерию. При этом он обязательно создавал искусственные мосты, то есть тонкий лед наваривал, с тем чтобы тяжелые орудия можно было бы перевезти на другую сторону реки.
Так что легенда легендой, но ее вполне можно реализовать».
В качестве комментария отмечу, что легенда о замораживании прудов действительно выглядит довольно реальной и вполне исполнимой, зная возможности Брюса. Однако пока эта информация остается легендой, поскольку каких-либо реальных подтверждений в виде воспоминаний современников Брюса или даже легкого упоминания о таких «фокусах» Брюса нигде не приводится, а значит, подтвердить, что Брюс на самом деле проделывал такие опыты, нельзя.

В качестве комментария отмечу, что легенда о замораживании прудов действительно выглядит довольно реальной и вполне исполнимой, зная возможности Брюса. Однако пока эта информация остается легендой, поскольку каких-либо реальных подтверждений в виде воспоминаний современников Брюса или даже легкого упоминания о таких «фокусах» Брюса нигде не приводится, а значит, подтвердить, что Брюс на самом деле проделывал такие опыты, нельзя.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Немецкая слобода в Москве в начале XVIII века

Таблицы, логарїѳмωвъ, и синусωвъ,
тангенсωвъ, секансωвъ. къ на-
ученїю мудролюбивыхъ тщателей,
Напечаташася, повеленїемъ бл҃гочестивѣй-
шаго великагω гд҃ря нашегω цр҃я, и
великагω кн҃зя Петра Алеѯїевича,
всеа великїя и малыя. бѣлыя россїи
самодержца. При бл҃городнѣйшемъ вели-
комъ гдр҃ѣ нашемъ цр҃евичѣ, и
великомъ кн҃зѣ Алеѯїи Петровичѣ,
в црс҃твующемъ великомъ градѣ москвѣ,
въ лѣто ѿ сотворенїя мира, ҂зсаı,
ѿ р҃жтва же по плоти бг҃а слова ҂аѱг,
индикта аı. мц҃а маїа.

S. Petersbourg Julij

Первая страница Таблицы логарифмов с автографом Брюса

Металлическое зеркало для ньютоновского телескопа, изготовленное Я. Брюсом

Портрет Я. В. Брюса

Погребальное знамя Я. В. Брюса

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Я. В. БРЮСА

1669, 1 (11) мая — рождение.
1680 — кончина отца Я. В. Брюса — Вилима (William).
1686 — начало воинской службы вместе с братом. Я. В. Брюс — корнет (прапорщик) кавалерии.
1687 — участие вместе с братом в первом Крымском походе, пожалован поместьем в 120 четей земли и от 8 до 30 рублей деньгами.
1689 — второй Крымский поход князя. Я. В. Брюс в чине «поручика». Пожалован поместьем в 130 четей земли и 15 рублями.
5 сентября — прибыл в составе отряда иноземцев в Троице-Сергиев монастырь, поддержав Петра I в противостоянии с Софьей. Состоялось личное знакомство с молодым царем.
1692 — назначен в Белгородский полк под командой Б. П. Шереметева.

1693 — пожалован в ротмистры (капитан кавалерии).
Участие в поездке Петра I в Архангельск.
1693–1694 — участие в строительстве Новодвинской крепости, судоверфей для торгового флота и закладке первого российского корабля «Святой Павел».
1694 , сентябрь — возвращение в Москву вместе с делегацией Петра I.
1695 , январь — произведен в чин майора.
24 января — женитьба на Маргарите (Марфе Андреевне) фон Мантейфель. Петр I присутствует на свадьбе в качестве посаженого отца.
Участие в первом Азовском походе в качестве одного из четырех инженеров, руководивших осадой Азова.
1695–1696 — активное участие вместе с братом Романом в строительстве судоверфей и закладке военно-морского флота на реке Воронеж. 1696 — участие во втором Азовском походе в качестве командира 9-й корабельной роты, затем артиллерийской батареи. Произведен в чин полковника. Составил географическую карту Европейской России от Москвы до Черного моря.
1697 , март — выезд из Москвы Великого посольства в Голландию и Англию.
19 декабря — приезд Брюса в Амстердам по вызову Петра Алексеевича «для обучения в Англии математике».
1698 , январь — переезд в свите Петра I из Голландии в Англию.
Февраль — родилась дочь Маргарита.
Март — смерть дочери Маргариты.
Пребывание в Англии: встреча и знакомство с английскими учеными, закупка книг и приборов, найм специалистов и ученых для работы в России, знакомство с денежной реформой. Работа в лаборатории И. Ньютона. Написал научную работу «Теория движения планет».
1699 — участие в разработке Устава воинского. Проведение астрономических наблюдений. Оборудование первой государственной обсерватории в России.
1700 , июнь — при учреждении регулярной армии присвоено звание генерал-майора от артиллерии.
Открытие обсерватории в здании Сухаревой башни.
Август — «Ругодевский поход». Начало Северной войны.
Ноябрь — поражение русской армии под Нарвой.
1701 , май — открытие школы математических и навигацких наук в здании Сухаревой башни. Назначение начальником Новгородского приказа — губернатором Новгорода. Поручение командовать частью артиллерии. Декабрь — участие в качестве «подручного артиллерии» во взятии Эрестфера под командованием Б. П. Шереметева.
1702 , октябрь — участие во взятии крепости Нотебург (Орешек). Артиллерия под командованием Брюса выпустила по крепости более 600 ядер, 2500 бомб. «Зело жесток орех, но счастливо разгрызен», «Артиллерия наша зело чудесно дело свое исправила».
1703 , май — июнь — закладка Петропавловской крепости (16 (27) мая 1703 года). Участие во взятии Ниеншанца, Яма, Копорья.
Июль — август — участие во взятии Дерпта.
1704 , август — участие в осаде и взятии Нарвы, где Брюс командовал всей артиллерией. Пожалован земельными наделами в Новгородской губернии. Назначен исполнять обязанности начальника артиллерии — генерал-фельдцейхмейстера.
1705 , сентябрь — участие во взятии Митавы и Бауска.
1705–1706 — совершенствование артиллерии: материальной базы, строевого устава, Артиллерийской школы, унификация артиллерии, отливка пушек на заводах по единым

чертежам и технологии, клеймение орудий и ядер. Формирование Артиллерийского полка как самостоятельного рода войск.
1706 — поручение Петром осуществлять надзрение над Московской гражданской типографией В. О. Киприанова.
Март — выход в составе армии из окружения под Гродно.
Июль — присвоено звание генерал-лейтенанта.
18 октября — битва под Калишем. Победа над шведским генералом Мардефельдом. Брюс награжден именным портретом Петра I с алмазами.
1707 , июнь — взятие Быхова.
1708 , январь — родилась дочь Наталья. Начало похода шведской армии в Россию. Нанесение ударов по армии Карла XII у Головчина и местечка Доброе. Битва при Лесной. Разгром армии и обоза Левенгаупта. Брюсу пожалованы «брянских посопных слобод… 219 дворов». Перевод первого печатного учебника «Геометрия словенски землемерия». Перевод книги Кугорна «Архитектура крепостных строений».
1709 , 27 июня — Полтавская битва и награждение орденом Святого Андрея Первозванного. Издание в типографии Киприанова «под надзрением Брюса» 1-го и 2-го листов календаря, получившего в XIX веке название «Большой шестилистовый Брюсов календарь».
Октябрь — осада и взятие Риги, Ревеля, Перноу.
21 декабря — триумфальное вступление в Москву в составе русских войск в ознаменование победы под Полтавой.
1709–1710 — перевод книги Бухнера «Теория и практика артиллерии».
1710 , 4 июля — капитуляция Риги.
Проведение Брюсом переговоров в Гданьске по взысканию пошлины.
1711 — участие в Прутском походе. Огромное опустошение в скоплениях турок.
3 августа — утверждение Брюса в должности генерал-фельдцейхмейстера. Поездка с Петром в Европу.
Октябрь — присутствовал на свадьбе царевича Алексея с принцессой Шарлоттой Вольфенбюттельской в Торгау. Знакомство с Лейбницем.
1712–1713 — Померанский поход, командование русской, датской и саксонской объединенной артиллерией. Взятие Штеттина. Найм на русскую службу офицеров, архитекторов, живописцев, садовников, мастеровых. Связи с европейскими учеными. Приобретение книг, приборов, произведений искусства.
1713 — переезд семьи Брюса из Москвы в Санкт-Петербург.
1714 — обвинен в противозаконных подрядах под чужим именем. Освобожден Петром I вместе с А. Д. Меншиковым и Ф. М. Апраксиным без проведения следствия.
1715–1716 — подготовка к изданию Географического атласа. Редактирование и перевод книги И. Гюбнера «Земноводного круга краткое описание» (первого учебника географии). Перевод и издание Азбуки для детей, Голландско-русского и Русско-голландского лексиконов. Приобщение В. Н. Татищева к занятиям географией.
1716 , 30 марта — подписание Петром I Устава воинского, где Брюсом разработана глава 12-я о должности генерал-фельдцейхмейстера.
1717 — перевод и выход в свет в Петербургской типографии Аврамова книги Христиана Гюйгенса «Космотеорос».
15 декабря — назначен сенатором и президентом Берг- и Мануфактур-коллегии.
1718 , 20 марта — назначен первым полномочным министром на Аландский конгресс для переговоров о мире со Швецией.
Октябрь — смерть Карла XII. Вступление на престол Ульрики Элеоноры.
1719 — прерывание работы конгресса, возобновление военных действий.

1720 , 16 февраля — Брюс возглавляет монетный и денежный дворы, проводит денежную реформу, редактирует Табель о рангах.
23 мая — назначен генерал-директором над фортификациями.
1721 — снаряжение и отправка экспедиции по разведке недр.
18 февраля — указ Петра I о возведении Я. В. Брюса в графский титул.
Май — выехал в Ништадт для возобновления мирных переговоров со Швецией.
30 августа — подписание Ништадтского мира. Пожалованы 723 двора в Кексгольмском и Козельском уездах.
1723 — подчинение Брюсу горных заводов. Отправка экспедиций на Дон и Днепр.
8 января — назначен первым членом комиссии Верховного генерального суда для разборки дела вице-канцлера П. П. Шафирова и обер-прокурора Г. Г. Скорнякова-Писарева.
1724 , 7 мая — коронация Петром Екатерины I на престол императрицы. Я. В. Брюс несет корону в свите царских регалий, жена — шлейф императрицы.
1725 , 28 января — кончина Петра Великого, Я. В. Брюс — верховный обер-маршал печальной комиссии по организации похорон императора.
21 мая — исполнение роли свадебного брата на свадьбе дочери Петра цесаревны Анны и герцога Голштинского.
30 августа — награждение орденом Святого благоверного князя Александра Невского.
27 декабря — торжественное открытие Санкт-Петербургской академии наук. Брюс отсутствует «из-за недомогания».
1726 , 8 января — создание Верховного тайного совета, в который Брюс не был включен. Прошение о выдаче жалованной грамоты императрицей Екатериной I.
31 марта — Брюсу выдана жалованная грамота императрицы с подтверждением всех его заслуг, прав на графское достоинство и пожалованные ему поместья.
6 июля — отставка с чином генерал-фельдмаршала. Переезд в Москву.
1727 , 24 апреля — покупка имения Глинки у князя А. Г. Долгорукова.
1727–1735 — строительство каменного усадебного комплекса. Оборудование астрономической обсерватории. Занятия науками. Переписка с учеными.
1728 , 30 апреля — кончина жены Марфы Андреевны.
1735 , 6 февраля — покупка двора в Москве, в Мясницкой части.
7 февраля — взял на воспитание Дмитрия Васильева.
19 марта — посылка в Академию наук ящиков с «куриозными вещами».
19(30) апреля — кончина Я. В. Брюса.
14 (25) мая — погребение в Москве в Немецкой слободе в кирхе Святого Михаила.
Июнь — ноябрь — опись и изъятие научного наследия по указу Кабинета Анны Иоанновны.
Декабрь — перевоз коллекций и библиотеки Брюса в Санкт-Петербург на тридцати подводах.

БИБЛИОГРАФИЯ

Duncan A. Scotland: Making of the Kingdom, Edinburgh, 2000.
Freyhold, Eckhard Phillip. Zwey wichtige Dinge… Jakob Daniel von Bruce… St. Petersburg. 1735 // Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII в. Т. 1. № 1012. Л. 1884.
Boss V. Newton and Russia. The Early Influence (1698–1796). Cambridge, 1972. Перевод В. И. Зотова.
Алексеев В. Из истории русских календарей // Альманах библиофила. Вып. 16. М., 1984.
Алексеев В. Н., Миклашевская Е. П., Цепляева М. С. Немецкая слобода на Яузе: история в лицах. М.: Наука, 2004.
Алхимия в России // Полевой Н. Живописное обозрение из наук, искусств, художеств/ Сборник статей. Т. 1. М., 1835.

Анисимов Е. В. Петр Великий: личность и реформы. СПб.: Питер, 2009.
Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 1. Письма Я. В. Брюса (1704–1705 гг.) / Публикация подготовлена С. В. Ефимовым, Л. К. Маковской. СПб.; Щёлково: Редакция журнала «Щёлково», 2004.
Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 2. Письма Я. В. Брюса (1705–1706 гг.) / Публикация подготовлена С. В. Ефимовым, Л. К. Маковской. СПб.; Щёлково: Редакция журнала «Щёлково», 2005.
Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 3. Письма Я. В. Брюса (1707 г.) / Публикация подготовлена С. В. Ефимовым, Л. К. Маковской. СПб.; Щёлково: Редакция журнала «Щёлково», 2006.
Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 4. Письма Я. В. Брюса (1708 г.) / Публикация подготовлена С. В. Ефимовым, Л. К. Маковской. СПб.; Щёлково: Редакция журнала «Щёлково», 2008.
Бабурин Д. Очерки по истории Мануфактур-коллегии. М., 1939.
Бантыш-Каменский Д. Н. Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование Государя Императора Петра Великого. Т. I. М., 1821.
Бантыш-Каменский Д. Н. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Т. 1. М., 1840.
Белова Е. В. Прутский поход. Поражение на пути к победе? М.: Вече, 2011.
Безбородный С. Астрологическая карта Москвы. М., 2003.
Библиотека Я. В. Брюса. Каталог / Сост. Е. А. Савельева. Л., 1989.
Богословский М. М. Материалы для биографии. Т. 1–5. М.: Центрполиграф, 2007.
Богословский М. М. Российский XVIII век. Кн. 1 / Отв. ред. С. О. Шмидт, сост. А. В. Мельникова. М.: НПК «Интелвак», 2008.
Бондаренко Ю. Я. Астрология как социально-исторический феномен. М., 1990.
Бородин А. В. Московская гражданская типография и библиотекари Киприановы //Труды Института книги, документы, письма. Вып. 5. М.; Л., 1936.
Бородицкая С. Е. Иван Долгоруков: Две невесты Петра II. Исторический роман. М.: Астрель; АСТ; Транзиткнига, 2004.
Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого. М.: Эксмо, 2007.
Бугров А. В. Преображенское и окрестности: очерк истории. М.: Научно-технический центр «КВАН», 2004.
Бурачок О. М. Русская литература XVIII века: Петровская эпоха. Феофан Прокопович: Учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2003.
Буровский А. М. Петр Первый — проклятый император. М.: Яуза; Эксмо, 2008.
Вагеманс Эм. Петр Великий в Бельгии. СПб.: Гиперон, 2007.
Велувенкамп Я. В. Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550–1785. М.: Российская политическая энциклопедия, 2006.
Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 1993.
Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. СПб.: Изд-во Н. И. Новикова, 1999.
Виргинский В. С., Либерман М. Я. Михаил Иванович Сердюков. М.: Наука, 1979.
Воронин А. Порванные нити (Из истории усадеб Подмосковья) // Московский журнал. 1992. № 1,7.
Вяткин Л. Кукла Брюса // Тайны тысячелетий. Т. 5. М., 1996.
Гардиер Л. Чаша Грааля и потомки Иисуса Христа / Пер. В. В. Кузовкина. М.: Вече, 2000.
Герберштейн С. Московия / Пер. А. И. Малеина, А. В. Назаренко. М.: АСТ: Астрель; Владимир: В КТ, 2008.

Гистория Свейской войны (Поденная запись Петра Великого). Вып. 1, 2 / Сост. Т. С. Майкова. М.: Круг, 2004.
Говоров А. А. Книжники петровской поры. М., 1980.
Голиков И. И. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России. Т. 1–12. М., 1788–1789.
Гордон П. Дневник. 1635–1659 / Пер. Д. Г. Федосова. М.: Наука, 2000.
Гордон П. Дневник. 1659–1667 / Пер. Д. Г. Федосова. М.: Наука, 2002.
Гордон П. Дневник. 1677–1678 / Пер. Д. Г. Федосова. М.: Наука, 2005.
Гордон П. Дневник. 1684–1689 / Пер. Д. Г. Федосова. М.: Наука, 2009.
Гражуль В. С. Тайны галантного века (Шпионаж при Петре I и Екатерине II). М.: Гея, 1997.
Греч А. Н. Глинки // Венок усадьбам. М.: Памятники Отечества, 1994.
Григорьев Б. Н. Карл XII. М.: Молодая гвардия, 2006.
Григорьян А. Т. К проблеме распространения гелиоцентрических идей в России // Историко-астрономические исследования. Минувшее, современность, прогнозы. 1989. М.: Наука. Главная редакция физико-математической литературы, 1989.
Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008.
Гуськов А. Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М.: Издательский центр Института российской истории РАН, 2005.
Диланян К. Тайная миссия Якова Брюса // Наука и религия. 1997. № 1–2.
Домашнева Н. А. Немецкая слобода на Яузе (1652–2002). М.: Триада, Лтд., 2002.
Ефимов С. В. Автографы Петра Великого: Каталог. СПб.: Изд-во Русско-балтийский центр «БЛИЦ», 1995.
Ерофеева А. Ф. Город Лосино-Петровский и его окрестности. Щёлково: Редакция журнала «Щёлково», 2001.
Ерофеева А. Ф., Синдеев В. В. Усадьба Глинки и ее владелец // Памятники Отечества. 1989. № 2 (20).
Жеребцов А. Тайны алхимиков и секретных обществ. М.: Вече, 1999.
Жерневская И. Ответ на письмо читателя // Наука и религия. 1970 № 12.
Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М.: Наука, 1989.
Забелин И. Е. Черты русской жизни XVII в // Отечественные записки 1857. № 1.
Записки императрицы Екатерины Второй. Репринтное воспроизведение издания 1907 года. М.: Орбита, 1989.
Иванов В. Ф. Русская интеллигенция и масонство: от Петра I до наших дней. М.: Москва, 1998 (первое издание книги — Харбин, 1934).
История Северной войны 1700–1721 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1987.
Календарь повсеместный или месяцеслов христианский. М., 1709.
Каменский А. Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
Кафенгауз Б. Б. Северная война и Ништадтский мир. М.; Л.: Изд-во Академии наук, 1944.
Керенский Ф. П. Древнерусские отреченные верования и календарь Брюса // Журнал Министерства народного просвещения. 1874. № 3–5.
Клопиков С. А. Русские гравированные книги 17–18 вв // Книга. Исследования и материалы. Сборник 9. М., 1964.
Князева Т. К пользе российской трудолюбивый соискатель // Памятники Отечества. Мир русской усадьбы. М., 1992. № 25.
Князьков С. Из прошлого Русской земли. Время Петра Великого. Репринтное воспроизведение издания 1909 года. М., 1991.

Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М.: Археографический центр, 1998.
Копелевич Ю. Х. Переписка Л. Эйлера и Я. В. Брюса // Историко-математические исследования. М., 1957. Вып. 10.
Копелевич Ю. Х. Возникновение научных академий. Л., 1974.
Кондратьев И. К. Седая старина Москвы. Исторический образ и полный указатель ее достопамятностей. М.: ООО «Фирма СТД», 2008.
Коренцвит В. А. Последний дворец А. Д. Меншикова «Монкураж» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1988. М.: Наука, 1989.
Кротов П. А. Гангутская баталия 1714 года. СПб.: Лики России, 1996.
Куприянова Т. Планетник В. А. Киприанова — предшественник «Брюсова календаря» // Книга и культура. Шестая всесоюзная конференция по проблемам книговедения: тезисы докладов. М., 1988.
Кусов В. С. Земли современной Москвы при государях Иоанне и Петре. М., 1998.
Кто был Брюс // Крестный календарь на 1868 год.
Лавры Полтавы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2001.
Лажечников И. И. Басурман. Колдун на Сухаревой башне. Очерки-воспоминания. М.: Советская Россия, 1989.
Летописи русской литературы и древности. Т. 1 (Библиотека и кабинет графа Я. Брюса).
Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. М.: Древлехранилище, 2006.
Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1973.
Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности. М.: ОГИЗ. Госполитиздат, 1947.
Малаханов В. В. Ледовый сюрприз Якова Брюса // Наука и жизнь. 1992. № 5–6.
Мандрыка А. П. Книги из библиотеки Я. В. Брюса // Вопросы естествознания, науки и техники. Вып. 10. М., 1960.
Манн У. Ф. Меридианы тамплиеров. Тайные карты Нового Света / Пер. с англ. Ю. Свердловой. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
Массы Р. К. Петр Великий: Личность и эпоха. В 2 т. / Пер. с англ. В. Волоковского, Н. Лужецкой. СПб.: Вита Нова, 2003.
Масонство в его прошлом и настоящем / Под ред. С. П. Мельгунова, Н. П. Сидорова. М.: СП «ИКПА», 1991. Репринтное воспроизведение издания 1914 года.
Материалы для истории Императорской академии наук. Т. 5 (1742–1743). СПб.: Типография Императорской академии наук, 1889.
Молева Н. М. История новой Москвы, или Кому ставим памятник. М.: АСТ: Олимп, 2008.
Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М.: Международные отношения, 1991.
Молчанов Н. Н. Петр I. М.: Эксмо, 2003.
Мосияш С. П. Фельдмаршал Борис Шереметев: Исторический роман. М.: ООО Изд-во Астрель: ООО Изд-во АСТ, 2002.
Московские легенды, записанные Евгением Барановым. М.: Литература и политика, 1993.
Мезин С. А. Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2003.
Муравьев В. Б. Сухарева башня и Красные ворота // С любовью и тревогой. Статьи. Очерки. Рассказы. М.: Советский писатель, 1990.
Муравьев В. Б. Тайны и предания старой Москвы. М.: Алгоритм, 2007. Народное предание о Брюсе // Русская старина. 1871. № 8. Т. 4. Неистовый реформатор. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000.

Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир. М., 1959.
Олеарий А. Описание путешествия в Московию. Смоленск: Изд-во Русич, 2003.
Павленко Н. И. Екатерина I. М.: Молодая гвардия, 2004.
Павленко Н. И. Лефорт. М.: Молодая гвардия, 2009.
Павленко Н. И. Меншиков. М.: Молодая гвардия, 1999.
Павленко Н. И. Птенцы гнезда Петрова. М., 1984.
Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1998.
Павленко Н. И. Царевич Алексей. М.: Молодая гвардия, 2008.
Парнов Е. И. Трон Люцифера. Критические очерки магии и оккультизма. М.: Политиздат, 1991.
Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1–2. СПб., 1862.
Пензенский А. А. Мишель Нострадамус: Эпоха великого прорицателя. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010.
Первобытный Брюсов календарь с начала первого его выхода при жизни Брюса / Под ред. Т. Росинского. Харьков, 1875.
Первый комендант Санкт-Петербурга // Петербургские чтения-96. Материалы Энциклопедической библиотеки «Санкт-Петербург-2003». СПб.: Русско-балтийский информационный центр «БЛИЦ», 1996.
Петр I Великий. Честь, слава, империя. Труды, артикулы, переписка, мемуары. М.: Эксмо, 2012.
Петр Великий в русской литературе: Воспоминания. Оценки. Образ / Сост. И. Н. Сухих. СПб.: Геликон Плюс, 2009.
Петр Великий: pro et contra. Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 2003.
Петров М. Т. Румянцев-Задунайский: Роман. В 2 кн. М.: РИПОЛ, 1993.
Письма Я. В. Брюса к гр. Б. П. Шереметеву 1705–1710 гг. // Русское историческое общество. Сборник. Т. 25. СПб., 1878.
Письма Екатерины II к Н. И. Салтыкову / Подг. русского текста и коммент. С. А. Мезина, Я. Н. Рабиновича. Milano: Archivio di Stato, 2005.
Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1956. Т. 11. Вып. 1–2.
Полетаев А. И. Первая топографическая карта южной половины европейской части России 1696 г. (карта Я. В. Брюса) как источник информации о структуре ее земной коры // Актуальные проблемы региональной геологии и геодинамики. Десятые Горшковские чтения. Материалы конференции. М.: МГУ, 2008.
Полтава. К 300-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М.: Кучково поле, 2009.
Полтавская битва 27 июня 1709 года: Документы и материалы / Отв. ред. Е. Е. Рычаловский. М.: Российская политическая энциклопедия, 2011.
Пушкин А. С. Арап Петра Великого // Собрание сочинений. Т. 3. М.: Художественная литература, 1986. С. 3–32.
Пушкин А. С. История Петра. Подготовительные тексты. — http://pushkin.niv.ru/pushkin/lext/istorya-petra/pelr_2.htm
Пушкин А. С. Пир Петра Великого//Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1985. Т. 1. С. 576–577.
Пушкин А. С. Полтава //Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1985. Т. 2. С. 88–128.
Пушкинские чтения в Тарту 2. Тарту, 2000.
Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1947.

Рассказы Нартова о Петре Великом / Предисл. и коммент. Л. Н. Майкова // Записки Императорской академии наук. Т. 67. СПб., 1891.
Рид П. П. Тамплиеры / Пер. с англ. В. М. Абашкина. М.: АСТ; изд-во «Хранитель», 2007.
Ровинский Д. А. Русские народные картинки. СПб., 1881.
Рождение империи. М.: Фонд Сергея Дубова, 1997.
Рубан В. Г. Любопытной месяцеслов. СПб., 1775.
Русская военная мысль, XVIII век / Сост. В. Гончаров. М.: Изд-во АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003.
С любовью и тревогой. Статьи. Очерки. Рассказы. М.: Советский писатель, 1990.
Савельева Е. А. История в жизни и трудах Я. В. Брюса // Российская академия наук. Библиотека. СПб. Материалы и сообщения по фондам рукописной и редкой книги. 1990. СПб., 1994.
Савельева Е. А. Библиотека Я. В. Брюса в собрании БАН СССР // Русские библиотеки и их читатель. Л., 1983.
Саплин А. Ю. Астрологический энциклопедический словарь. М.: Внешсигма, 1994.
Сахаров И. П. Русское народное чернокнижие. М.: Эврика, 1991.
Святский Д. Отец русской астрономии. Памяти Я. В. Брюса // Природа и люди. 1915. № 27.
Семевский М. И. Царица Катерина Алексеевна, Анна и Виллем Монс, 1692–1724: Очерк из русской истории XVIII века. Л.: Художественная литература, 1990. Репринтное воспроизведение издания 1884 года.
Серба А. И. Полтавское сражение: И грянул бой. Исторический роман. М.: Изд-во «Астрель»; Изд-во АСТ, 2003.
Семенов Ю. С. Смерть Петра: исторические версии. М.: Молодая гвардия, 2007.
Серов Д. О. Строители империи: очерки государственной и криминальной деятельности. Новосибирск, 1999.
Симонов Р. А. Брюсов календарь сегодня // Ежегодник «Российский календарь знаменательных дат». 1991. № 8. Октябрь.
Симонов Р. А. Прав ли Брюсов календарь? // Наука и религия. 1993. № 10.
Синдеев В. В. Усадьба Глинки // Русская усадьба: Сборник Общества изучения русской усадьбы. Вып. 1 (17). М.; Рыбинск, 1994.
Синдеев В. В. Родословная Брюса // Исторический архив. 1996. № 5–6.
Синдеев В. В. Городская усадьба Брюсов // Русская усадьба: Сборник. Вып. 3 (19). М.; Рыбинск, 1997.
Синдеев В. В., Ерофеева А. Ф. Яков Вилимович Брюс (материалы к биографии) // Российская академия наук. Библиотека. СПб. Материалы и сообщения по фондам рукописной и редкой книги. 1990. Вып. 4. СПб., 1994.
Смирнов В. В. Восьмое таинство Христово. Воскресение тамплиеров. М.: Вече, 2007.
Снегирев И. М. Сухарева башня // Русские достопамятности. Вып. 1. М.: Типография Бахметева, 1862.
Соколовская Т. О., Лотарева Д. Д. Тайные архивы русских масонов. М.: Вече, 2007.
Соловьев Вс. С. Юный император. М.: Эврика, 1990.
Сытин П. В. Сухарева башня. М.: Отечество-Крайтур, 1993.
Тарле Е. В. Северная война. М.: АСТ; Астрель, 2011.
Толстой А. Н. Петр Первый: Роман. В 3 кн. М.: Московский рабочий, 1986.
Труайя А. Петр Первый. М.: Эксмо, 2007.
Федосов Д. Г. Рожденная в битвах: Шотландия до конца XIV века. М.: ИВИ РАН, 1996.
Феоктистова И. И. Книга, именуемая брюсовский календарь // Книги. Библиотеки. История. Вып. 2. Тверь, 1995.
Филимон А. Н. Яков Брюс. М.: Чистые Воды, 2003.

Филимон А. Н. Брюс. М.: Вече, 2010.
Филимон А. Н. Чародей Петра Великого. М., 2011.
Форш О. Д. Радищев: Роман. Л.: Художественная литература, 1986.
Хлебников Л. М. Русский Фауст // Вопросы истории. 1965. № 12.
Хмельницкий Н. И. Русский Фауст, или Брюсов кабинет: Пьеса-комедия // Сочинения. Т. 2. СПб.: Типография Карла Крайя, 1849.
Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 2–4.
Хромов О. Р. О бытовании Брюсова календаря в XVIII–XIX веках// Букинистическая торговля и история книги. Вып. 5. М., 1996.
Цветков С. Э. Карл XII. М.: Центрполиграф, 2000.
Чаянов А. В. Необычайные, но истинные приключения графа Федора Михайловича Бутурлина, описанные по семейным преданиям московским ботаником Х. и иллюстрированные фитопатологом У.
Ченакал В. Л. Письма Я. В. Брюса к Иоганну-Георгу Лейтману // Научное наследство. 1951. Т. 2.
Ченакал В. Л. Очерки по истории русской астрономии. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.
Широкорад А. Б. Швеция. Гроза с Балтики. М.: Вече, 2008.
Шакинко И. М. В. Н. Татищев. М.: Мысль, 1987.
Штелин Я. Подлинные анекдоты о Петре Великом. Ч. 1–4. 3-е изд. М.: Типография Решетникова, 1830.
Щербатов М. М. Журнал или поденная записка блаженныя и вечнодостойная памяти государя императора Петра Великаго с 1698 года даже до заключения Нейштатского мира. СПб.: Типография при Императорской академии наук, 1770.
Щербо Г. М. Сухарева башня. Исторический памятник и проблема его воссоздания. М.: Янус-К, 1997.
Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М.: Новое литературное обозрение, 1995.
Юность державы. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000.
Юхт А. И. Государственная деятельность В. Н. Татищева в 20-х — начале 30-х годов XVIII в. М.: Наука, 1985.

Ссылки

[1] Бруси — распространенное древнескандинавское имя, означавшее в переводе «горный козел».

[2] Bruce P. B. Memoirs of Peter Henry Bruce, esq., a military officer in the services of Prussia, Russia, and Great Britain: Containing an account of his travels in Germany, Russia, Tartary, Turkey, the West-Indies… London, 1782.

[3] РГАДА. Ф. 137. Оп… 1. Ед. хр. 5. Л. 2.

[4] Гордон П. Дневник. 1635–1659 / Пер. Д. Г Федосова. М.: Наука, 2000. С. 106.

[5] Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М.: Археографический центр, 1998.

[6] Наследники Ферморов, москвичи Либерманы и Тарасевичи, являются потомками этого рода в России. Братья Алексей и Михаил Яковлевичи Либерманы проделали огромную работу по восстановлению генеалогии рода Брюсов в России. Это был поистине колоссальный труд, ведь продолжение российской ветви Брюсов шло по женской линии, и среди потомков оказались Ферморы, Стейнбоки, Альбрехты, известный русский гидротехник М. И. Сердюков, создатель Вышневолоцкой гидротехнической системы, связывавшей Волгу с Балтийским морем.

[7] Подобный прием блокировки бухты был использован в 1854 году при обороне Севастополя от англо-французской эскадры. Но тогда был действительно затоплен при входе в бухту русский парусный флот.
[8] В 2009 году в этом здании, по адресу: ул. Большая Никитская, 14, после реставрации разместился Центр музыкальной культуры.
[9] Масона И. В. Лопухина, бывшего председателем Московской уголовной палаты, Я. В. Брюс принудил выйти в отставку, неоднократно жалуясь на него императрице. Равным образом, согласно указу императрицы от 23 декабря 1785 года о том, чтобы осмотреть и описать типографию Новикова, из которой «выходит много странных книг», а также испытать в Законе Божьем самого Новикова, — Брюс доставил к императрице роспись книг, бывших у Новикова и у него отобранных, замечая в своем письме Безбородко по этому поводу, что «величайшее число книг сенсировано (т. е. цензуровано) духовными, но видится мне, что наши духовные с вашими не единогласны, и что из них одни находят для просвещения, то другие — для развращения».
[10] Четь (четверть) — старинная мера площади размером 40 сажень в длину и 30 — в ширину.
[11] Толстой А. Н. Петр Первый: Роман: В 3 кн. М.: Московский рабочий, 1986. С. 198.
[12] Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого. М.: Эксмо, 2007. С. 121–122.
[13] Богословский М. М. Материалы для биографии. М.: Центрполиграф, 2007. Т. 1.С. 155.
[14] Там же. С. 202–203.
[15] Там же. С. 238.
[16] Брикнер А. Г. Иллюстрированная история Петра Великого. М.: Эксмо, 2007. С. 135.
[17] Там же. С. 137.
[18] Райна — рея, поперечное дерево на мачте, к которому привязан парус (прямой, косые без реев).
[19] Вернадский В. И. Труды по истории науки в России. М., 2007. С. 117–118.
[20] Полетаев А. И. Первая топографическая карта южной половины европейской части России 1696 г. (карта Я. В. Брюса) как источник информации о структуре ее земной коры // Актуальные проблемы региональной геологии и геодинамики. Десятые Горшковские чтения. Материалы конференции. М.: МГУ, 2008. С. 23.
[21] Линеаменты (от лат. lineamentum — линия — контур) — линейные и дугообразные элементы рельефа планетарного масштаба, связанные с глубинными разломами.
[22] Полетаев А. И. Первая топографическая карта южной половины европейской части России 1696 г. (карта Я. В. Брюса) как источник информации о структуре ее земной коры // Актуальные проблемы региональной геологии и геодинамики. Десятые Горшковские чтения. Материалы конференции. М.: МГУ, 2008. С. 24.
[23] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 2. С. 90.
[24] Там же. С. 91.
[25] Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 66.
[26] Там же. С. 76–77.
[27] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 2. С. 93.
[28] Гистория Свейской войны (Поденная запись Петра Великого) / Сост. Т. С. Майкова. М.: Круг, 2004. Вып. 1. С. 82.
[29] Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1.С. 77.
[30] Там же. С. 69.
[31] Акишин М. О. Пленные Северной войны: правовое положение // Полтава. К 300-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М.: Кучково поле, 2009. С. 166.

[32] Там же. С. 173–174.
[33] Там же. С. 179–180.
[34] Там же. С. 186.
[35] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 2. С. 94.
[36] Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1998. С. 199–200.
[37] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 2. С. 95.
[38] Заозерский А. И. Фельдмаршал Б. П. Шереметев. М.: Наука, 1989.
[39] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 2. С. 95.
[40] Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. I. Письма Я. В. Брюса (1704–1705 гг.) / Публикация подготовлена С. В. Ефимовым, Л. К. Маковской. СПб.; Щёлково: Редакция журнала «Щёлково», 2004. С. 10.
[41] Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 2. Письма Я. В. Брюса (1706 г.) / Публикация подготовлена С. В. Ефимовым, Л. К. Маковской. СПб.; Щёлково: Редакция журнала «Щёлково», 2005. С. 27.
[42] Там же. С. 28.
[43] Там же. С. 30–34.
[44] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 2. С. 111.
[45] Павленко Н. И. Меншиков. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 58–59.
[46] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 2. С. 113.
[47] Там же. С. 114.
[48] Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 2. Письма Я. В. Брюса (1706 г.) / Публикация подготовлена С. В. Ефимовым, Л. К. Маковской. СПб.; Щёлково: Редакция журнала «Щёлково» 2005. С. 34–36.
[49] Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 3. Письма Я. В. Брюса (1707 г.) / Публикация подготовлена С. В. Ефимовым, Л. К. Маковской. СПб.; Щёлково: Редакция журнала «Щёлково» 2006. С. 30–33.
[50] Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 2. Письма Я. В. Брюса (1706 г.) / Публикация подготовлена С. В. Ефимовым, Л. К. Маковской. СПб.; Щёлково: Редакция журнала «Щёлково», 2005. С. 38–41.
[51] Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 4. Письма Я. В. Брюса (1708 г.) / Публикация подготовлена С. В. Ефимовым, Л. К. Маковской. СПб.; Щёлково: Редакция журнала «Щёлково», 2008. С. 12–16.
[52] Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1998. С. 263.
[53] В настоящее время на этом месте находится дом по адресу: ул. Мясницкая, дом 13, корпус 4.
[54] Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 3. Письма Я. В. Брюса (1707 г.) / Публикация подготовлена С. В. Ефимовым, Л. К. Маковской. СПб.; Щёлково: Редакция журнала «Щёлково», 2006. С. 18–23.
[55] Там же. С. 29–30.
[56] Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 4. Письма Я. В. Брюса (1708 г.) / Публикация подготовлена С. В. Ефимовым, Л. К. Маковской. СПб.; Щёлково: Редакция журнала «Щёлково», 2008. С. 3–6.
[57] Павленко Н. И. Меншиков. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 78.

[58] Артамонов В. А. Отражение шведского нашествия в 1708–1709 гг. // Полтава. К 300-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М.: Кучково поле, 2009. С. 86.
[59] Там же. С. 78–79.
[60] Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса. Т. 4. Письма Я. В. Брюса (1708 г.) / Публикация подготовлена С. В. Ефимовым, Л. К. Маковской. СПб.; Щёлково: Редакция журнала «Щёлково», 2008. С. 18–20.
[61] Павленко Н. И. Петр Великий. М.: Мысль, 1998. С. 318.
[62] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 3. С. 160.
[63] Филимон А. Н. Яков Брюс. М.: Чистые Воды, 2003. С. 363–365.
[64] Молтусов В. А. Полевая фортификация русской армии в Полтавском сражении // Полтава. К 300-летию Полтавского сражения. Сборник статей. М.: Кучково поле, 2009. С. 129–130.
[65] Там же. С. 133.
[66] Энглунд П. Полтава. Рассказ о гибели одной армии. М.: Новое литературное обозрение, 1995. С. 113.
[67] Там же. С. 119.
[68] Там же. С. 165–167.
[69] Там же. С. 207.
[70] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 3. С. 168–169.
[71] Там же. С. 172–173.
[72] Белова Е. В. Прутский поход. Поражение на пути к победе? М.: Вече, 2011. С. 122.
[73] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 3. С. 173.
[74] Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1956. Т. 11. Вып. 1. С. 312.
[75] Там же. С. 569.
[76] Там же. Вып. 2. С. 12.
[77] Там же. Вып. 1. С. 571.
[78] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 3. С. 175.
[79] Там же. С. 176.
[80] Там же. С. 177.
[81] Там же. С. 179–180.
[82] Павленко Н. И. Меншиков. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 197.
[83] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 3. С. 180–181.
[84] Павленко Н. И. Меншиков. М.: Молодая гвардия, 1999. С. 170.
[85] Князьков С. Из прошлого Русской земли. Время Петра Великого. Репринтное воспроизведение издания 1909 года. М., 1991. С. 605.
[86] Там же. С. 611–613.
[87] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 3. С. 182.
[88] Там же. С. 188–191.
[89] Там же. С. 191–192.
[90] Там же. С. 192–193.
[91] Там же. С. 195.
[92] Гражуль В. С. Тайны галантного века (Шпионаж при Петре I и Екатерине II). М.: Гея, 1997. С. 88.

[93] Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. М.: Международные отношения, 1991. С. 380.
[94] Там же. С. 381.
[95] Там же. С. 383.
[96] История Северной войны 1700–1721 гг. / Под ред. И. И. Ростунова. М., 1987. С. 160.
[97] В геральдике принято рассматривать герб в зеркальном отражении.
[98] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 4. С. 267–268.
[99] Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 88.
[100] Хмыров М. Д. Главные начальники русской артиллерии // Артиллерийский журнал. 1866. № 4. С. 269.
[101] Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М.: Археографический центр, 1998. С. 48.
[102] Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство: Рубеж эпох, или Начало пути: 1697–1698. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. С. 11.
[103] Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. М.: Древлехранилище, 2006. С. 121.
[104] Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М.: Археографический центр, 1998. С. 188–189.
[105] Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. М.: Древлехранилище, 2006. С. 218.
[106] Ерофеева А. Ф. Город Лосино-Петровский и его окрестности. Щёлково: Редакция журнала «Щёлково», 2001. С. 7.
[107] Лефорт Ф. Сборник материалов и документов. М.: Древлехранилище, 2006. С. 359.
[108] Богословский М. М. Материалы для биографии. М.: Центрполиграф, 2007. Т. 2. С. 347.
[109] Там же. С. 443.
[110] Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII — первой четверти XVIII в. М.: Археографический центр, 1998. С. 226.
[111] Ерофеева А. Ф. Город Лосино-Петровский и его окрестности. Щёлково: Редакция журнала «Щёлково», 2001. С. 7–8.
[112] Теперь все эти постройки используются в качестве лечебного и спальных корпусов гастроэнтерологического санатория «Монино». В 1967 году на территории усадьбы была обнаружена минеральная вода, способствующая лечению желудочно-кишечного тракта.
[113] См.: Ледовый сюрприз Якова Брюса // Наука и жизнь. 1992. № 5–6.
[114] ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 753. Ед. хр. 726.
[115] Там же. Ф. 54. Оп. 140. Ед. хр. 2.
[116] С текстом календаря, изданного в 1709–1715 годах, можно познакомиться в книгах:
[116] Филимон А. Н. Яков Брюс. М.: Чистые Воды, 2003;
[116] Филимон А. Н. Чародей Петра Великого. М.: Вече, 2011.
[117] В романе А. С. Пушкина «Арап Петра Великого» Яков Брюс назван «русским Фаустом», по имени героя трагедии И. Ф. Гёте. Немецким поэтом он был позаимствован из народной книги «История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике». Во второй части «Истории», где рассказывается, что доктор Фауст уже не мог получать от духа ответы на вопросы о божественном, он принялся составлять календарь. — И небезуспешно. Его прогнозы относительно погоды и разных событий жизни сбывались. В своих предсказаниях он отмечал года, дни и часы, когда что-либо должно произойти. Особо он предупреждал правителей о грядущих бедах: море, голоде, недороде… Именно таким мистическим Фаустом и представал Брюс в романе А. С. Пушкина. Но к самому ученому этот образ никакого отношения не имел.
[118] С текстом календаря, изданного в 1809 году, можно познакомиться в книге:
Филимон А. Н. Чародей Петра Великого. М.: Вече, 2011.